

СЕРГЕЙ ШИШКОВ

**ЭХО
ЛЮБВИ**

роман

Издательство «Любавич»
Санкт-Петербург
2016

УДК 821.161.1-31Шишков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Шишков С.И.

Ш65 Эхо любви : роман / Сергей Шишков. – СПб. : Любавич, 2016. – 320 с.
ISBN 978-5-86983-723-3

«Книга Сергея Шишкова «Эхо любви» повествует о большой любви главного героя романа к девушке, ставшей ему женой, однако, погибшей совсем молодой, находясь в партизанском отряде.

В романе автор размышляет о сущности любви к женщине, к родине, малой и большой, о попытке познания противоречий в мире природы и людей. Созданная руками человека красота Ленинграда, скромные, но дорогие сердцу города и деревни среднерусской возвышенности, необъятные просторы и богатство Уральских гор – вот тот фон, где происходят действие сюжета в романе. Мир природы для них является вершиной красоты и ориентиром для человека.

Все его герои люди умные, по большей степени геологи, постоянно размышляющие о себе и мире, отправленные автором в мир путешествий, где они стараются отыскать некую чистоту и подлинную ценность жизни.

Истоки мудрости они ищут и у своих предков, переживая личные трагедии мужественно и стойко, вселяя уверенность в правоте своего дела, мысли и всей жизни».

УДК 821.161.1-31Шишков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-86983-723-3

© Шишков С.И., 2016
© Издательство «Любавич», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЛЫЛИ УТКИ ПО КАНАЛУ

Глава 1

Плыли утки по каналу

Бог дал нам память для того, чтобы
у нас всегда были розы в декабре

Надежда Петровна смотрела в окно, наблюдая, как вдоль берега канала по воде вслед за мамой уткой плыли утята.

Подумав о том, что и она была когда-то маленькой, что и у неё были родители, её пронзило ощущение близости своей мамы, вспомнив, как девочкой залезала к ней на колени и слушала завораживающий голос.

О боже, как давно это было.

Продолжая следить за утиным выводком, женщина улыбнулась тому, как неожиданно глава семейства, плывший рядом, нырнул в воду, показав хвост, словно это был для утят знак, увидев который, все остальные, словно по команде, тоже показали свои хвосты.

Вынырнув, они поплыли к противоположному берегу, где в воде отражался стройный остов высокой колокольни, от которой неожиданно зазвучали колокола.

Надежда Петровна, заметив, что утки, оставив рябь на гладкой поверхности воды, скрылись под мостом, подняла голову и увидела в пролёте под позолоченной кровлей маленького человека, размахивавшего в такт звона руками.

Его усилием вздохали басы и рассыпались тысячи колокольчиков, и она вдруг представила, как эти звуки стали кружить над ней, растворяясь в пространстве. Всё более и более доверяясь звону колоколов, она поняла, что это вовсе и не звуки трогали её, а тысячи мелких и неуловимых событий и чувств, скопившихся в ней за многие годы жизни.

Она открывала в себе щемящий душу мир своей прошлой жизни, вспомнив, как в детстве, всякий раз проходя мимо этой колокольни, протягивала нищим копеечку, которую специально для этого события со словами «даёшь нищему – Христу даёшь» вкладывала ей в руку её мама Арина Сергеевна.

А ещё ей вспомнилось, как они после этого заходили в Никольский храм к иконе «Утоли мои печали», перед которой

произносили молитву. Она, маленькая девочка, смотрела на чудный лик богородицы и, подражая маме, троекратно крестилась.

Помолившись, они шли домой, где их ожидал Пётр Иванович, её папа.

Перебирая в памяти разные события детства, на какое-то время Надежда Петровна словно растворилась в них.

Она представила себе облик своих родителей, но не могла уловить тонкие черты их лиц, отчего сильно расстроилась, одновременно, понимая, как давно их не стало. Они умерли как-то сразу друг за другом, оставив её с сестрёнкой Катей одних.

Сейчас к ней явилось состояние той растерянности и опустошённости, когда, проснувшись однажды утром, не обнаружила родителей дома. Тогда, чтобы выжить, ей по совету соседей пришлось поступить на курсы медицинских сестёр, а потом на работу в больницу, окунувшись в мир взрослой жизни, и в девятнадцать лет почувствовать всю ответственность за жизнь своей младшей сестры. Работа и забота о сестрёнке заняла всё её время.

Неожиданно на глаза стали накатываться слезы, пеленой закрывая перед ней и вид колокольни, и золотые купола храма, но, выплакавшись, она стала думать о том, как потом круто менялась её жизнь и как в ней родились мысли о создании собственной семьи. Мечты о любви и желание найти того, кто был создан для неё, стали будоражить её сознание. Девушка верила, что такой юноша находился где-то рядом, и что она обязательно найдёт его и сделает всё, чтобы быть преданной ему до конца жизни.

Встреча с ним произошла в больничной палате, где, измеряя температуру тела молодого человека, тот неожиданно коснулся её руки, отчего лёгкие мурашки разбежались по коже.

Первое их свидание позже состоялось в Никольском саду у памятника погибшим морякам, куда ранее подходила она с мамой, поминая гибель своего отца.

Мама рассказывала, как во время шторма, баржа, на которой он служил, перевернулась и утонула на Неве вблизи Васильевского острова у здания Горного института. Никого из находившихся там людей найти не удалось, не нашли и его.

Надежда посвятила Ивана, так звали молодого человека, в эту трагическую историю её отца, отчего тот проникся к ней сочувствием, открыв ей историю и своей жизни.

Тогда она узнала, что родом Иван был из маленького городка Почепа, затерянного где-то в средней полосе России, и приехал в Петербург, чтобы учиться, став студентом Горного института.

Надежда Петровна подумала о том, как иногда мысли превращаются в реальность и как странно всё сместилось к этому зданию, неужели гибель отца была знаком для её мужчин, ведь судьба свела не только её мужа, но и сына с этим заведением, оба они стали геологами.

Их отношения с Иваном развивались стремительно, и, став мужем и женой, счастливо прожили вместе почти два десятилетия. У них родился сын, которого тоже называли Иваном.

Неожиданно её чувства перенеслись на сына. Вспомнив, как впервые повела мальчика к зданию института, она представила себе тот момент, как они поднимались по высоким гранитным ступеням к белой колоннаде. Солнечный свет, усиливавший белизну колонн, слепил ему глаза, словно оттесняя мальчика в тень, отходящую от колонн, а он уводил её, маму, туда, где была дверь, из которой выходили студенты. Тогда они впервые вместе вошли внутрь высокого светлого зала, где на подставках стояли десятки скульптур, указывавших им путь ещё дальше в другой зал. Войдя туда, мама с сыном оказались в огромном пространстве, заполненном многочисленными витринами с камнями разных цветов и форм.

Там, следуя за сыном, который настойчиво переходил от витрины к витрине, Надежда Петровна впервые поняла, что отныне первенство интересов переходило к нему, и ей оставалось молчаливо следовать за ним, вглядываясь в отдельные детали экспонатов, читая надписи. Она несколько раз пыталась отвлечь его от такого интереса, но мальчик всячески сопротивлялся.

Наконец, он сказал:

– Мама, здесь всё так интересно. Мы придём сюда ещё?

Конечно, мама ответила положительно, а Ваня, придя домой, достал чистую тетрадь и озаглавил её словами «Горы и клады».

Потом, многократно посещая этот и другие музеи города, он заносил в заведённую тетрадь сведения о самых знаменитых коллекциях камней, добытых великими путешественниками.

С тех пор увлечение горным делом продолжало занимать его всё больше и больше, сформировав в нём представление о его будущей профессии.

Через несколько лет он стал студентом, и каждый год с наступлением лета отправлялся на практику, обычно в Карелию.

Мама переживала за него, но, привыкшая к отъездам мужа, свыклась и с разъездами сына.

После окончания института горный инженер Иван Шишков поступил на работу в геологический институт, который направил его в экспедицию на Урал.

И вот сейчас Надежда Петровна, погрузившись в воспоминания и глядя на колокольню, подумала о том, как быстро пролетело её время.

Заново проживая его, она пыталась отыскать в нём некую чистоту и подлинную ценность, не заметив, когда прекратился колокольный звон.

Продолжая смотреть в окно, она увидела, как из-под моста вновь выплыли вслед за своими родителями утята. Понаблюдав некоторое время за их плавным и согласованным движением по воде, она подумала о муже.

Надо сказать, что в это лето тысяча девятьсот тридцать девятого года она из-за болезни её сестры осталась в Петербурге, хотя каждое лето вместе с мужем уезжала в Почеп. На этот раз муж Иван Петрович уехал один и пребывал у своих пожилых родителей.

Она знала также, что к нему должен был по окончании экспедиции приехать их сын Иван, которого в детстве почти каждый год привозили к дедушке и бабушке, но в студенческие годы появились другие интересы, поэтому несколько лет подряд он там не появлялся.

Сейчас, сидя у окна и вспоминая разные случаи из своей жизни, она вдруг почувствовала, как в тоске по мужу и сыну и от одиночества стало сжиматься её сердце и, чтобы успокоить себя и почувствовать свою близость к ним, захотела написать им письмо.

Глава 2

Машенька

Иван возвращался из уральской экспедиции в начале августа месяца и рассчитал время так, чтобы вместе с днями отпуска он мог провести некоторое время на родине своего отца Ивана Петровича.

Ему очень хотелось увидеть дедушку Петра Гавриловича и бабушку Мавру Анисимовну, а также повзрослевших его друзей, с которыми ранее проводил каждое лето.

Добирался он поездом через Москву, где купил цветной платок для бабушки, две летние рубашки для отца и дедушки, да много московских конфет.

Поезд на вокзал в Почеп прибыл в полдень воскресенья 6 августа. Сердце от волнения трепетало в груди в предчувствии встречи с родными людьми, представляя, как они неожиданно обрадуются его появлению.

Надо сказать, что Ваня в первый раз ехал сюда самостоятельно, ведь ранее он приезжал к бабушке с дедушкой то с мамой, то с папой. Дорогу от вокзала он помнил хорошо, поэтому уверенно шёл к дому. Стояла отличная почти летняя погода, ярко светило солнце, хотя по небу и проплывали ватные густые облака.

Перейдя по мосту через быструю речку, он дошёл до главной площади с высокой церковью, потом пересёк ещё одну узкую, но шумную от быстроты течения реку, прошёл по извилистой части улицы, откуда открывалось широкое пространство луга, и стал подниматься в гору, где на обрыве увидел старую церковь святого Ильи.

Возле церкви он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел на фреску с изображением святого: седой грозный старик в тяжёлых ниспадающих одеждах, поднявшись над горами и зажав меч в кулаке правой руки, указывал на тёмные тучи, нависшие за его плечами.

В его левой руке находился раскрытый лист, но прочесть то, что в нём написано, Ваня не смог по причине неразборчивости текста.

Возбуждённое состояние молодого человека вовсе не испортилось от сумрачного вида святого пророка, и он продолжил подниматься по улице, ведущей на гору. Поднявшись наверх и сделав ещё один поворот, он узнал школу, где учились его почепские друзья, а за ней сразу свернул в переулок, где и находился его милый сердцу дом.

Перед ним он остановился, ранее открытый двор теперь был закрыт новым забором с высокими проездными двухстворчатыми воротами и калиткой, возведёнными в его отсутствие. Створки ворот красовались между толстыми дубовыми вертикальными опорами. Привлёк его внимание и ряд коротких фигурных дощечек, скреплённых по верху основания ворот.

– Ну, дед Пётр, смастерил такие ворота, каких ни у кого в переулке нет, – произнёс он негромко и нажал на язычок клямки входных ворот.

Дверная задвижка тихо звякнула, и в этот момент Ваня услышал голос бабушки Мавры:

– Ой, кто-то к нам идёт.

Дверь растворилась, и Ваня увидел её, спешащую к нему на встречу. В конце двора с любопытством в его сторону также смотрели отец Иван Петрович и дед Пётр Гаврилович.

– Ой, любимый внучек приехал. Радость явилась в наш дом, – громко нараспев произнесла бабушка и бросилась обнимать его. Расцеловав, она отстранилась от него, продолжая говорить:

– Дай я погляжу на тебя, как давно я своего внука не видела. Высокий какой! Прямо красавец! Мой дорогой мальчик взрослым стал!

Тут же к ней подошли отец и дед.

– Сын мой прибыл, радость какая к нам явилась! – сказал Иван Петрович и обнял Ваню.

Поцеловал внука и дед Пётр, сказав:

– Я бы и не узнал тебя, как ты вырос.

Тут же вступилась за внука бабушка:

– Ванечку моего родного, да как же не узнать?

Ваня, освободившись от объятий, произнёс:

– Я очень рад вас всех увидеть. Какой крепкий забор вы построили, любо глядеть.

На что дед Пётр ответил:

– Всем миром строили, отец твой очень помог. Теперь все животные и птицы не разбегаются, как раньше. Попробуй, слови их, ведь мы уже старые.

– Ваня устал с дороги, его нужно кормить, пойдёмте все в дом, – сказала бабушка и первой стала подниматься по ступенькам на крыльцо.

Иван пошёл за ней и уже собрался из него вступить в земляные сени, как это было раньше, но вместо них через открытую дверь увидел большую комнату с деревянным полом, а в ней белую русскую печь.

От неожиданности он воскликнул:

– Что видят мои глаза? Такие перемены в доме, прямо хоромы возвели.

– Да, для тебя мужчины старались, – ответила бабушка.

Ваня, положив свою сумку на скамью, стоявшую у стены, подошёл к печи и погладил её рукой. Белый след от мела, которым была выбелена печь, остался на его ладони.

Бабушка, сказав, чтобы он не прикасался к печи, потому что та побелена и пачкает одежду, тут же распахнула находившиеся рядом выкрашенные белые новые двустворчатые двери, добавив:

– Теперь пойдём на кут и в твою комнату.

Ваня, шагнув через высокий порог, оказался в ещё большей комнате, посреди которой стоял большой грубо сколоченный из досок круглый стол. Он обратил внимание и на новый большой комод, к которому примыкал с высокой спинкой мягкий диван. Рядом были расставлены стулья с круглыми сидениями.

Оглядевшись, он произнёс:

– Теперь у вас как в городе, модный комод, диван, чистота и порядок!

Бабушка ответила:

– Твой отец сказал, чтобы было чисто и красиво. Вот мы и постарались. А теперь я покажу твою комнату, – и открыла ещё одну дверь.

Комната была маленькая с кроватью и тумбочкой с зеркалом, на окнах были повешены светлые шторы. Открыв рукой одну из них, он увидел много жёлтых георгинов, росших в палисаднике.

Видя такую бабушкину заботу о нём, Ваня, не дожидаясь прихода всех родственников, сказал:

– Бабушка, ты у меня самая лучшая, я так тебя люблю, – и, достав из своей сумки платок, купленный в Москве, вручил ей.

Мавра Анисимовна ещё более растрогалась и заплакала:

– Зачем ты деньги потратил? – сквозь слёзы произнесла она и стала надевать платок себе на голову.

А, подойдя к зеркалу, оценила его:

– Какой красивый платок. Мягкий и тёплый. Угодил ты своей бабушке. Спасибо за подарок.

Покрутившись перед зеркалом, она вдруг сказала:

– А теперь мыть руки и к столу. Пойду накрывать обед. Печь у нас хорошая получилась.

Ваня мыл руки, наблюдая за тем, как бабушка, открыв заслонку, ухватом вынимала из печи, пышущей жаром, чугушки,

горшки да сковороды и вываливала большой ложкой их содержимое на глубокие тарелки.

Ваня успел помочь бабушке носить их на стол, за которым уселись его отец и дедушка.

Ему было приятно вновь оказаться дома, в кругу родных людей, видеть их заботу, сочувствовать их постаревшим лицам и радоваться их открытости и желанию делать добрые дела.

Сытная и здоровая еда пришла мужчинам по вкусу. Иван давно не ел такого аппетитного борща с косточкой, тушёной картошки с солёным огурцом, драников.

Пётр Гаврилович, желая похвалить свою жену и глядя на неё, сказал:

– Не та хозяйка, что много говорит, а та, что щи варит. Наша хозяйка дом держит крепко, и с печью справляется отлично.

Мавра Анисимовна, услышав похвалу, ответила:

– Для вас стараюсь. Кто голоден, тот и холоден. Знаю, что только поп да петух не евши поют.

Обратившись к Ване, она произнесла:

– Ванечка, ешь-пей, всё своё, домашнее. В экспедициях ты совсем отощал. Я тебе сейчас молочка топлёного принесу, Помнишь, как ты пенку любил? Вот, целый кувшин молока стопила, – она быстро поднялась, а через минуту принесла его в обеих руках. Поставив на стол подгорелый кувшин, она стала с его внутренней стороны ложкой соскребать подгорелую пенку и класть в чистую кружку. Затем, налив туда густого горячего молока и сказав «Ванечке первому», протянула её ему. Ваня взял в руку кружку и, почувствовав её обжигающую силу, сразу поставил на стол, чтобы потом медленно и с огромным удовольствием мелкими глотками впитывать в себя эти коричневатого цвета протопленные сливки.

Уже после обеда ему стали задавать разные вопросы, на которые он старался отвечать уверенно и по-взрослому. Они в основном касались его экспедиции на Урал.

Пётр Гаврилович в основном расспрашивал о опасностях путешествия, об уральских городах. Он сам за свою жизнь ещё никуда не выезжал, поэтому ему было интересно узнать о новых землях.

Иван Петрович больше спрашивал о людях, с которыми Ваня проводил своё время. Ему интересно было узнать о его друзьях, насколько их действия и мысли влияли на развитие его сына.

Только к вечеру, когда солнце уже наклонилось к горизонту, он вышел из дома.

Пахнуло тёплой свежестью предстоящего вечера. Стоя на крыльце дома, он вновь обратил внимание на свежие полосы дощечек, которые чёткими вертикалями оживляли забор, и представил себе двор без этих ворот, как это было раньше. Тогда он иногда после бабушкиной дойки сам выпускал из сарая корову, а та свободно выходила на переулочек и включалась в стадо, которым руководил нанятый жителями переулочка и всей улицей пастух. Запомнился ему даже не сам пастух, а пуга, длиной метров пяти, которой он больно хлестал коров, чтобы те его слушались, он видел это стоя прямо на открытом дворе.

Пугой, как важным инструментом пастуха, он одно время очень интересовался и даже держал её в руках, но ему было жалко коров, особенно свою Бурёнку, которой, как он думал, тоже доставалось.

Теперь, подумал Иван, отсюда этого уже увидеть невозможно. Замкнутый забором двор сосредоточил его внимание на отдельных деталях, уводивших его в то время, когда приезжал сюда каждое лето. Он любил этот двор, потому что здесь царила свободная от пристального внимания родителей и городской питерской жизни обстановка.

Стоя на крыльце, ему казалось, что оно нисколько не изменилось: тот же навес, то же топчан – место для ведра воды, которое было всегда наполнено. Как вкусна была тогда холодная вода! Набегаешься с ребятами и скорее к ведру, зачерпнёшь её в кружку и залпом всю опустошишь в себя.

Он и сейчас не удержался и подошёл к ведру. Та же кружка лежала рядом с ведром. Зачерпнув ею воду, внимательно рассмотрел, как она всколыхнулась в цинковом ведре, словно играя с ним.

Выпив воду, Ваня спустился со ступенек крыльца во двор, заметив, что дедушка низким забором отделил его и со стороны огорода, который сильно изменился. Это был скорее не огород, а сад. Те маленькие деревца, которые он видел лет пять назад, выросли и превратились в большие деревья, на которых висели покрасневшие яблоки.

Но прежде чем пройти в сад, он зашёл в сарай. Там тоже всё было по-прежнему: та же пунька, за дверцей которой хрюкал поросянок, на отдельной широкой полке лежали дедовы инструменты,

а в углу были набросаны колотые дрова. Ваня решил по лестнице забраться на чердак в то место, где ранее дедушка хранил сено. Раньше он любил забираться туда. Хорошо было лежать на сухом сене и вдыхать в себя аромат необыкновенных запахов. А ещё он любил через небольшое окошко, вырезанное дедом в самом верху, просматривать окрестности: оттуда хорошо была видна почти половина города и широкая низина с протекавшей посередине рекой.

На чердак он поднялся, но сена не обнаружил, поэтому тут же опустился вниз.

Стоя во дворе, он посмотрел на соседский участок, где стоял недостроенный домик и совершенно пустой огород. Участок принадлежал хозяину по прозвищу Лушка, он точно это запомнил. Дедушка говорил, что своего жилья у него не было, поэтому ему приходилось помогать строить этот дом. Почему дом так и не был достроен, Ваня не знал.

Оглядев его, он прошёл к треугольному навесу, под которым был лаз в погреб. Дверца была открыта, и он заглянул туда. Из темноты глубокой ямы потянуло сыростью, перемешанною с прелым запахом прошлогодних овощей.

Он дошёл и до маленькой баньки, построенной в дальнем углу огорода, причём, проходя мимо деревьев, восхищённо смотрел на сочные красные яблоки, под тяжестью которых почти до картофельной ботвы свисали ветки. Его глаза выискивали среди них самые крупные, спелые и наливные, к одному из которых потянулась его рука. Сорвав и оглядев яблоко, он не удержался и откусил его. Сочный и кисло-сладкий вкус вызвал его одобрительную улыбку.

Прогулявшись по саду, ему захотелось пройти к краю горы, туда, откуда открывался широкий до самого горизонта луг. Пройдя через огороды соседей, он остановился на обрыве и, стоя, внимательно вглядывался в длинную подсвеченную золотым закатом солнца ленту реки, отметив те места, где ранее почти каждое лето вместе с местными мальчишками и девчонками купался и рыбачил.

Ваня особо выделил Сорокин вир, глубокую яму на старом русле, где они ловили рыбу. Тогда в детстве говорили, что на дне ямы жил в человеческий рост сом, плававший по ночам. Он вспомнил, как во время ночного праздника Ивана Купала после прыжков через костёр ходили смотреть на него, правда, сам он его не увидел, но верил, что сом живёт там. Это подтверждал один из мальчиков,

рассказывавший, что видел огромный хвост, плеснувший по воде. Все ему тогда поверили.

Иван представил себе также неглубокую Мальцеву яму, где они любили купаться. Там была всегда чистая вода и мелкий песок. Это был настоящий лягушатник, где всякий раз купалось несколько десятков мальчишек и девчонок.

Там русло реки раздваивалось на новое и старое. Старое было мелким и со спокойным течением, основное же русло было таким быстрым, что переплыть его рисковали немногие мальчики.

В верхнем течении реки он отметил и ещё одно место, которое мальчики любили посещать. Называлось оно Грудок. От него они по быстрой воде на камышовых плотках любили спускаться вплоть до Мальцевой ямы. Это было самым любимым их развлечением. Правда, для этого нужно было заранее нарезать длинных камышей, а потом связать их снопами и соединить между собой. Три-четыре таких снопа выдерживали тридцать-сорок килограммов веса каждого мальчика. Иван, вспомнив это, улыбнулся, ощутив в себе ребёнка, стремительно несущегося вниз по воде под тёплыми брызгами хрустальной воды и чувствуя себя победителем этой водной стихии.

Он вспомнил также и ещё один случай, когда однажды, прибежав туда, на высоком берегу реки увидел много взрослых людей. Это были археологи. Проявляя сильное любопытство, мальчики всей гурьбой отправились к ним. Там пожилой и бородатый мужчина рассказал им о древних людях, живших на этих местах, показав найденные орудия их труда, что стало первым и серьёзным для него открытием, погрузившего его в мир далёкой истории.

Он, придя домой, взволнованно пытался донести рассказ археологов до своей бабушки, на что та равнодушно ответила:

– Ванечка, на моей памяти в Грудке никто никогда не жил, и даже слухов об этом не было. Не верь этим, как ты сказал, археологам.

Тогда он даже обиделся на бабушку, которая не захотела его понять, но сам задумался над тем, как в неизвестность времени уходят люди.

Сейчас он каким-то щемящим чувством начал понимать, как в глухую память уходит его детство.

Неожиданно его уединение нарушили шорохи шагов, услышав которые, он обернулся. К нему шёл Иван Петрович, его отец.

Подойдя, тот сказал:

– Ваня, я тоже люблю это место. Когда твоя мама приезжала в Почеп, мы приходили сюда вместе. У тебя очень хорошая мама, кстати, она прислала нам письмо, но я пришёл тебе также сказать, что приходила Машенька, соседская девочка, помнишь, вы в детстве гуляли вместе. Она сказала, что хотела видеть тебя.

– Хорошо, я тоже хочу увидеть её, – ответил Иван.

Возвратившись в дом, бабушка пояснила, что Машенька, не дождавшись его, ушла к себе домой, обещая прийти завтра.

Иван решил не откладывать встречу и увидеть её сейчас.

Он вышел за калитку и обратил внимание на распахнутые окна дома, в котором жила Маша. Она сидела у окна, а увидев Ивана, громко сказала:

– Ваня, ты ли это? Иди сюда. Я к твоей бабушке заходила, но тебя не застала.

Подойдя к окну поближе, он ответил:

– Вот приехал, соскучился по старикам.

Девушка, не дав ему договорить, продолжила:

– Давно тебя не было, я уж думала, что забыл нас. Бабушка и дедушка очень печалились о тебе. Я к ним часто захожу. Надолго к нам?

Иван ответил, что пока не знает, сколько времени он пробудет в Почепе и предложил ей выйти из дома.

– Хорошо, сейчас выйду, – сказала она и закрыла окно.

Через несколько минут наружная дверь дома открылась и девушка вышла.

Иван удивился, как она изменилась. Тогда в детстве Маша была немного полноватой, такой румяной булочкой со звонким голосом, сейчас же она показалась ему стройной и очень привлекательной. А когда он близко рассмотрел её лицо, то как-то замешкался и про себя задумчиво произнес:

– Вот, я и приехал...

Она же с радостью в голосе сказала:

– Здравствуй, Ваня!

– Здравствуй, Машенька, – ответил он и почувствовал сильный прилив тепла.

– Чем занимаешься? – спросила она.

Иван сбивчиво стал отвечать на её вопросы, рассказывая об учёбе, о работе в геологическом институте и своей первой экспедиции.

Машенька тоже рассказала о себе: она в это лето окончила учёбу в школе, получив аттестат зрелости, но пока не решила, что делать дальше.

Молодые люди в этот вечер долго вспоминали своё детство, общих друзей и места, где они играли и проводили время.

А ночью Ивану приснился сон, будто видел он Мальцеву яму и купающихся в ней детей. Наблюдая за ними с высокого берега, он неожиданно в стороне от них, там, где протекала журчащая и чистая вода, увидел купающуюся среди белых и жёлтых кувшинок девушку. Она была в белой мокрой сорочке, сквозь которую просвечивались необычайной красоты все формы женской фигуры. Неожиданно та медленно направилась в его сторону, подступая к нему всё ближе и ближе. Иван хотел идти к ней навстречу, но тело не двигалось с места, сердце же вырывалось из груди и билось настолько громко, что он проснулся.

Была ночь. В темноте, которая на некоторое время не давала ему вырваться из этого состояния, он отчётливо увидел, что эта соблазнительная девушка была похожа на Машеньку, образ которой не выходил у него из головы до самого утра.

С рассветом, когда солнце уже пробивалось сквозь сито занавесок, прикрывавших свет в окне его комнаты, Иван поднялся с постели и выглянул в окно. На него из палисадника ярким жёлтым букетом смотрели георгины, освещённые солнцем. На душе стало так радостно, что хотелось петь и улыбаться.

Он вышел из дома, открыл калитку и увидел Машеньку, поливавшую цветы у своего дома. Она была в простом ситцевом платье, которое, как показалось Ивану, ей очень шло. Он остановился и залюбовался ею. Как-то по-особенному вновь защемило его сердце.

Она же продолжала поливать цветы, не обратив на него никакого внимания, но когда закончила это делать, то выпрямилась и повернулась к нему лицом.

Заметив его, сказала:

– Ваня, ты не спишь. Какая хорошая погода сегодня. Пойдём на речку купаться? Девчонки тоже обещали пойти.

Иван ответил согласием.

Целый день они провели на Мальцевой яме, вместе купаясь и загорая. Он рассматривал её лицо, тело, старался ловить каждый жест. Всё в ней ему нравилось.

Все последующие дни они тоже проводили вместе, оказывая друг другу знаки внимания. Через несколько недель пребывания его в Почепе, Машенька полностью завладела его сердцем.

В один из дней, когда они гуляли по берегу реки, налетел сильный ветер, и грозовая туча застала их врасплох. Они бежали от реки до первого дома, оказавшегося у них на пути. Мокрые, но весёлые, они оказались под одним навесом.

Молнии были настолько сильными, что Машенька от испуга прижалась к Ване, а тот от неожиданности обнял её и поцеловал.

Маша покраснела, и хотела отдалиться от него, но следующий удар грома заставил её прижаться к нему ещё сильнее.

Он держал её в таком положении долго, пока не стихла гроза, а потом неожиданно вымолвил:

– Машенька, я очень люблю тебя.

Она посмотрела на него как-то испуганно, их взгляды встретились. Сильный заряд неведомой ей энергии проник в самое сердце, отчего она тут же опустила глаза.

Они стояли так молча, не шевелясь, до тех пор, пока дождь совсем прекратился, и солнце снова стало выглядывать из-за туч.

Первым заговорил Иван. Он дрожащим и тихим голосом стал произносить слова, которые, как ему показалось, вкладывались в его уста кем-то другим:

– Машенька, я не хочу тебя отпускать от себя. Во мне загорается новое и непонятное чувство, которое исходит из самой глубинной части моей души. Оно никому ещё не принадлежало. Кажется, ты становишься его владелицей. Ты растворяешься во мне, словно сахар в воде и, мне кажется, это начало нашей вечности. Ко мне пришло такое ощущение, словно мы стали единым и нераздельным целым и началом нашей будущей жизни. Мне так хочется, чтобы эти минуты счастья были с нами всегда.

Машенька ничего не ответила на эти его слова, только своей рукой взяла его руку и сильно прижала к своей груди.

Постояв ещё немного, она, отстранив руку, тихо сказала:

– Ванечка, пора идти домой, мне тоже очень хорошо с тобой.

Шли они с ощущением того, словно между ними произошло что-то очень важное, но запретное и тайное.

Весь оставшийся вечер Ваня ходил задумчивым, думая, что он обидел девушку своим признанием. Он выходил на улицу, желая увидеть свою Машеньку, которая так и не показала ему на глаза.

А в это время девушка по-своему переживала случившееся событие. Никогда и никому она не открывала своих чувств, понимая, что открывшись, станет страдать по нему ещё сильнее, тем более, что вскоре предстоял его отъезд из Почепа в Ленинград. Любовь и долгая разлука для неё будут невыносимы.

В эту ночь ни Иван, ни Машенька не уснули. Они думали о том, какой будет их новая встреча. Чувство любви бурлило и дробилось в них, в котором важны были даже самые мелкие и отдельные детали.

Ваня решил, что не сможет оставить свою Машеньку в Почепе одну, и готовился об этом ей сказать наутро.

Эта ночь тянулась для него слишком долго, и лишь только забрезжило, он был уже на ногах. Он хотел видеть её и надеялся на то, что она согласится быть его женой и поехать с ним в Ленинград.

Она вышла из дома только к полудню и, увидев Ваню, тихо поздоровалась, добавив, что плохо себя чувствует. Ваня стал расспрашивать её о здоровье, на что Машенька сказала:

– Ничего страшного, это пройдёт.

И всё же он попросил её выйти к нему на улицу, сказав, что у него очень важный есть разговор. Она обещала выйти через час.

Как мучительно ждать, когда сердце кричит в ожидании важных событий.

Она вышла к нему в белом платье и тихим спокойным голосом сказала:

– Я готова выслушать тебя, Ваня.

Иван почувствовал, как сильно забилося в груди его сердце, но, справившись с волнением, произнёс:

– Пойдём, погуляем с тобой, я хочу тебе сказать очень важные слова. Всю ночь я думал об этом и очень ждал этой встречи.

Она согласилась прогуляться, но не долго. Отойдя от дома, он стал говорить о своей сильной любви к ней, сказав самые главные слова:

– Мне очень хочется, чтобы ты стала мне женой, и мы поехали бы вместе со мной в Ленинград. Я обещаю тебе счастливую жизнь и заявляю, что буду вечно любить тебя.

После таких слов, она сказала:

– Ваня, хорошо, пойдём в город (так в Почепе называли центральную площадь), там и обсудим.

И они гуляли, открывая свои чувства друг другу, договорившись сыграть свадьбу прямо в Почепе.

В этот же вечер Ваня объявил об этом своим родителям, для которых такой поворот событий хотя и стал неожиданным, но отговаривать Ваню они не стали.

Уже на следующий день его отец Иван Петрович, бабушка Мавра Анисимовна, дедушка Пётр Гаврилович были у родителей Маши. В их присутствии Ваня попросил у мамы Машеньки Прасковьи Ильиничны и папы Емельяна Ивановича разрешение на их свадьбу с Машенькой.

Несмотря на то, что неожиданное решение молодых стало потрясением для родителей, они всё же договорились сыграть свадьбу в день получения ими регистрационного свидетельства их брака.

Тогда же Ваня написал письмо и своей маме. Оно было коротким, извещавшей её о предстоящем торжестве. Он просил у неё прощения за то, что всё так неожиданно и скоро получилось.

Времени до отъезда в Ленинград оставалось не более двух недель, поэтому на следующий день молодые уже были в загсе.

Свадьба Ивана Шишкова и Машеньки Сыроквашиной состоялась в субботу 23 сентября за три дня до их отъезда из Почепа в Ленинград.

В этот день с утра и до полудня молодые не видели друг друга, так договорились их родители, чтобы представить молодых в их свадебных нарядах.

Первым в доме невесты появился Ваня в новом костюме. Иван Петрович заранее сводил сына к знакомой портнихе, сшившей для него двубортный чёрный шерстяной костюм и белую рубашку.

Невеста же вышла в белом платье с кружевными подборками и с накинутым на голову кружевным платком, что было очень красиво.

В загс, держа друг друга за руку, они пошли без свидетелей, по дороге останавливаясь вначале возле каменного двухэтажного здания школы, в которой училась Машенька, потом возле деревянной церкви Покрова Богородицы напротив школы.

У Вани было такое ощущение, словно Машенька молчаливо спрашивала совета у них, будучи неуверенной в своих действиях.

Они шли дальше, Ваня крепко держал её руку, а она старалась выдержать темп его быстрого хода.

И вот они уже стоят перед пожилой женщине в строгом костюме, из уст которой произносились приятные слова о верности и любви, об ответственности друг перед другом.

Наконец, им был вручён простой листочек, который они стали рассматривать уже на обратном пути по дороге домой. Вначале его рассмотрела Машенька, которая с какой-то растерянной улыбкой передала его Ване, сказав:

– Ванечка, теперь я твоя жена, а ты мой муж, и фамилия у меня твоя. Я так волнуюсь, теперь мы и день, и ночь должны быть вместе. Всё делать вместе, как это необычно, но я буду тебе верной женой.

Ваня, рассмотрев свидетельство о браке, ответил ей:

– Да, ты моя жена. Я люблю тебя, – и поцеловал её губы.

Потом добавил:

– Скоро мы уедем в Ленинград, где нас ждёт моя мама Надежда Петровна. Тебе понравится мой город.

Когда они вернулись домой, то увидели многих гостей из числа родственников и соседей. Их поздравляли, говорили лестные слова.

В этот день молодые в основном были заняты собой, и всё остальное торжество проходило как бы рядом с ними. Их поздравляли, но голова их была переполнена эмоциями и слова пролетали мимо, им кричали «горько», заставляя целоваться, но они скромно закрывались руками, наслаждаясь друг другом.

Ближе к вечеру Ваня сказал:

– Машенька, давай убежим от гостей, что они вскоре и сделали.

Пока гости были заняты собой, они вышли из-за стола и в свадебных одеждах по узенькой крутой дорожке спустились с горы и направились к заветным местам их детства и юности, к реке, где они ранее проводили своё время.

На берегу реки у Сорокина вира, самого глубокого с сильным течением места, они поклялись, что будут вечно любить друг друга и вместе делить радость и горе, а затем вспоминали разные эпизоды своего детства и целовались, целовались, целовались.

Они прощались со своим прошлым, строили планы для своей новой будущей жизни.

Домой пришли, когда на горизонте осталась только узкая светлая полоска заката, а многие гости уже разошлись.

Их вновь усадили за стол, поздравляли, говорили напутственные слова. Закончилось застолье за полночь, после чего для брачной ночи им отвели ту половину дома, в которую впервые ввела Ивана его бабушка Мавра Анисимовна.

Через два дня они уезжали из Почепа.

В первый раз Машенька, домашняя и неискушённая жизнью девочка, покидала родителей, беспокоясь и за себя, и за них.

Муж успокаивал жену, говорил о своей любви к ней, о том, что он покажет любимой женщине самый лучший город на свете, где живёт и ждёт их приезда его мама Надежда Петровна.

Родители Маши, мама, Прасковья Ильинична, и отец, Емельян Иванович, обнимая дочь, хотя и плакали, но надеялись, что Иван сделает её жизнь счастливой.

Рано утром молодые уселись на подводу, и лошадь повезла их на железнодорожный вокзал.

Провожал их Иван Петрович, который в этот раз вместе с ними в Ленинград не поехал, оставшись со своими старенькими родителями, чтобы помочь им справиться с уборкой урожая. На вокзале он помог молодым погрузить в вагон багаж, попрощался с ними, обещая вернуться в Ленинград примерно через месяц.

В поезде Машенька погрузилась, в основном смотрела в окно, за которым мелькали деревья и среди них иногда небольшие деревенские домики, низенькие, часто с соломенными крышами. Иван, понимая её чувства, обнял её, ласково положил свою руку ей на плечи. Она, почувствовав его тепло, прижалась к нему и, словно в материнской постели, уснула.

Проснулась, когда Иван, нежно поглаживая её, сказал:

– Машенька, просыпайся. Мы приехали.

Путь после Брянска её уже не тревожил, она полностью доверилась своему мужу.

Утром следующего дня, когда поезд медленно приближался к платформе вокзала в Ленинграде, Иван заметил силуэт Надежды Петровны, встречавшей их.

Взяв Машу за руку, он сказал:

– Машенька, посмотри, нас встречает мама.

Маша, пока ехала в поезде, придумывала себе всякие варианты встречи с ней и, увидев за окошком женщину среднего роста в шляпке и пальто, уже готова была сказать заготовленные слова

приветствия, среди которых на первом месте стояло слово «мама». Она желала уважать и даже любить её.

Выйдя из вагона, сын обнял и поцеловал мать, потом представил свою жену:

– Моя Машенька, люби и оберегай её так, как меня в детстве.

– Здравствуй, Машенька! С приездом тебя! – сказала мама и притянула её к себе.

От этих тёплых слов у Маши на душе спало напряжение, ведь она так переживала за первую встречу со свекровью, помня слова своей мамы: «Будь с ней ласковой, никогда не отвечай грубостью».

– Здравствуйте, мама. Я очень рада встрече с вами, – тепло произнесла она.

Все вместе они вышли на привокзальную площадь, а затем пошли к остановке троллейбуса.

По пути первой вновь заговорила свекровь, засыпав Машу вопросами:

– Машенька, хорошо ли вы доехали? Тепло ли было в поезде? Заботился ли о тебе в пути наш Ванечка?

На что она ответила просто и нежно одновременно:

– Наш Ванечка самый заботливый. Он мне так много о вас рассказывал.

После таких ответных слов свекровь взяла невестку под руку и больше не отпускала её от себя.

Вскоре пришёл троллейбус, дверь открылась, и все вошли в вагон.

Иван, расположив багаж рядом с собой, разместился отдельно, а Надежда Петровна села рядом с Машенькой, смотревшей в окно, не отрывая своего взгляда от мелькавших перед ней домов.

– Такие большие и красивые дома и совсем нет деревьев, – сказала она.

Надежда Петровна ответила:

– Да, Машенька, это город Ленинград.

Машенька продолжала смотреть в окно машины, и Иван не посмел отвлечь её от этого интереса до тех пор, пока они не доехали до последней остановки.

Вскоре все уже поднимались по лестнице в квартиру, где Маша, указав на узоры чугунных лестничных маршей и старинную резную дверь, сказала:

– Красиво...

Так началась её жизнь в новой семье, где Надежда Петровна умилялась детской чистоте и непосредственности невестки, а невестка в свою очередь восхищалась манерами поведения свекрови, умением разговаривать по-ленинградски, с уважительным тактом к её недостаткам в произношении слов.

Когда Маша смущённо употребляла слова с произношением на «Г» как растяжное и мягкое «ГХ», Надежда Петровна мило улыбалась и говорила:

– Машенька, «ГХ» оставим в прошлом, а, ступив на ленинградскую землю, мы гордо скажем «КГ».

Для Маши незнакомый город показался таким большим, что выйти самостоятельно из квартиры поначалу она не желала, боясь заблудиться и не найти дорогу домой.

В Почепе все дороги сходились вместе, а здесь, куда ни помотри, везде дома, улицы, да каналы, устремлённые вдаль.

– Заглядишься и потеряешься, – думала она.

Окна их квартиры выходили на высокую окрашенную в бирюзовый цвет колокольню, откуда каждый день слышался чистый перезвон колоколов, что очень нравилось Маше. Далее виднелся собор, сияющие золотом купола которого также привлекали её внимание.

Первый раз они вошли в него втроём: свекровь, муж и она. Только что отзвучали колокола, и люди шли туда молча, больше женщины в платочках.

Иван, остановившись перед собором, стал рассказывать о нём. И пусть жена мало что запомнила из рассказа мужа, главное то, что она была всей душой с ним и со всем тем, что окружало её в ту минуту.

Иван предложил войти внутрь, но так как верхняя церковь была закрыта, пошли в нижнюю, Никольскую. Повеяло стариной. Людей было много, они стояли перед алтарём, где только что началась вечерняя служба. Распевная молитва молодого батюшки, тёплые взгляды устремлённых на него людей, фрески по стенам и сводам, строгие очертания икон с доверчивыми глазами святых, горящие лампадки и запах ладана, соединившиеся воедино под купольным пространством церкви, погрузило Машу в состояние полной покорности всему происходившему вокруг неё. Иван подвёл Машу к иконе святителя Николая. И хотя на них святой смотрел

отрешённым взглядом, она почувствовала доброту и любовь, исходящих от него.

В конце осени приехал и Иван Петрович, который принял Машу, как свою родную дочь.

Почти два года Маша жила в Ленинграде, ставшем для неё почти родным городом. Муж окружал её заботой и лаской, свекровь учила домашним делам, а свёкор знакомил с красотой зданий города.

Невестка никогда не перечила новым членам семьи, которые в свою очередь искренне полюбили её.

Маша уже не произносила свои «ГХ», а в одежде полностью превратилась в городскую даму. Научилась и самостоятельно выходить в город.

Но однажды она почувствовала себя плохо, у неё закружилась голова. Надежда Петровна, увидев это, просила её не выходить из дома и сходить вместе с ней к врачу. Вскоре все поняли причину головокружения: она ждала ребёнка. Свекровь оказывала ей всяческое внимание и помощь. Все готовились к этому волнительному и радостному событию в их жизни.

Но Маша загрустила. Вдалеке от родной мамы, намечаемые желанные перемены у неё стали сопровождаться волнением, тревогой и даже смятением.

Это был страх перед неизвестностью и новым этапом своих отношений с мужем.

Это было беспокойство и за собственную безопасность и за состояние своего будущего ребенка.

Много странных вопросов задавала она себе в эти дни, наконец, не выдержав, попросила мужа отвезти её в Почеп.

– Свекровь, какая бы она не была хорошей и даже замечательной, всё равно не может быть лучше родной матери, – рассуждала про себя будущая мама.

Сколько не уговаривали Машу родить ребёнка в Ленинграде, она твердила своё:

– Я люблю вас, но боюсь. А вдруг, умру. Отвезите меня к маме. Ивану пришлось взять отпуск и везти жену на её родину.

Вскоре Маша родила своего первенца в доме родителей, и наступило время дать ему имя, для чего нужно было идти в церковь.

Почеп – город небольшой, в основном деревянный, с центром, застроенным каменными купеческими домами. Родители Маши жили в деревянной его части на Покровщине, названной по небольшой церкви Покрова, стоявшей недалеко от дома на перекрёстке дорог.

С поиском имени произошла история, которую потом долго обсуждали в семье. Батюшка Тимофей, подбирая мальчику имя, долго листал церковную книгу со святыми именами, а потом сказал:

– Что ж, имя мы ему определили и очень редкое, Лупа.

Мама и бабушки, присутствовавшие в церкви и ожидавшие услышать от него достойное имя, попросили повторить.

– Лупа..., Лупа, – съязвил батюшка.

Мавра Анисимовна, тоже получившая в церкви своё имя, которое ей не нравилось, не выдержала и сказала:

– Боюсь, что это имя может не понравиться нашим дедам, а особенно Емельяну Ивановичу. Это подтвердила и Прасковья Ильинична, сказав, что в гневе он может причинить вред и нам, и вам, батюшка.

Она понимала, о чём говорила, ведь на Покровщине все друг друга знали, а Емельян Иванович с молодых лет был настоящим богатырём и иногда в подпитии своим грозным видом любил устанавливать справедливость. Его уважали и побаивались соседи, зная, что в этот момент лучше с ним не спорить, потому что бывали случаи, когда он пускал в ход свои кулаки. Говорили, что под его тяжёлую руку попался однажды и батюшка Тимофей, затаивший на него злобу. Теперь выдался удачный случай расквитаться с ним. И хотя в этот день, женщины ушли из церкви ни с чем, уступать женщины не собиралась. На следующий день они вновь, не сказав ни слова мужчинам, явились в церковь. Инициативу взяла на себя Мавра Анисимовна, которая встретив попа, сказала:

– Батюшка, вы дали моему внуку имя Лупа, а вот Емельяну Ивановичу оно не понравилось. Он кричал и произносил угрожающие слова: «Я отлупаю этого батюшку завтра же». Прошу не доводить до греха и сменить имя.

Батюшка, почуяв недоброе настроение женщин, неожиданно ангельским голосом произнёс:

– Матушки мои, так это же я пошутил! Вот сейчас мы откроем святые книги и вместе подберём ему другое имя.

Он вновь достал ту же истрёпанную тетрадь, переписанную кем – то от руки, полистал её и сказал:

– Вот, смотрите, какое великое имя открылось нам, Сергей, – и начал рассказывать женщинам о православном святом Сергии Радонежском, построившем со своим братом на берегу реки посреди глухого леса первую церковь во имя Святой Троицы, в которой долго и усердно молился.

Чем больше он говорил о нём, тем энергичнее и увлекательнее была его речь.

– Вопли и мольбы его дошли до Господа, и Он, Милосердный, для спасения нашей земли воздвиг преподобного Сергия», – говорил батюшка и ещё долго повествовал женщинам о том, как тот спас Отечество от иноземного порабощения.

Мать и дочь слушали его внимательно, открывая в себе новую доселе неведомую страницу этой святой жизни.

Батюшка, увидев в глазах простых женщин заинтересованность, с новой энергией поведал им, как преподобный Сергий тихими и кроткими словами объединял всех людей вокруг себя, действуя на самые загрубелые и ожесточённые сердца, примирял враждующих между собой князей и своим нравственным влиянием и молитвой вдохнул в народ силу и веру.

Женщины искренне представляли себе, как к этому святому шли люди с разными скорбями и прошениями, и как его любвеобильное сердце отзывалось народному горю.

Отец Тимофей, показав образ с его изображением, заключил:

– Преподобный Сергий не умер, он только переселился от земли на Небо и там не забывает своих соотечественников, – и перекрестился.

То же сделали и женщины. Батюшка пояснил также и то, почему мальчику, родившемуся осенним днём первого октября, даётся такое имя, сказав, что православная церковь отмечает память рождения Сергия Радонежского в день восьмого октября, который являлся ближайшей датой ко дню рождения мальчика.

– Согласны ли вы, чтобы имя в честь Величайшего святого земли русской преподобного Сергия Радонежского было у вашего сына? – спросил он.

Как тут не согласиться. С этим именем и вернулись они домой. Через несколько дней в этой же церкви состоялось и крещение мальчика.

Вскоре Иван уехал в Ленинград, но через месяц, уладив дела на своей работе, вновь приехал в Почеп. Ему предстояла двухмесячная командировка в центральные районы страны.

Каждые выходные дни он возвращался к своей семье, брал сына на руки, высоко поднимал его, приговаривая:

– Мой высокочтимый сын.

Жене это нравилось, но она добавляла:

– Наш любимый сыночек.

Муж всячески оберегал свою жену от излишних забот, находясь рядом с ней и сыном, наблюдая, как смачно всасывал тот губками материнское молоко.

Всё шло хорошо, однако вновь подходило время отъезда мужа в Ленинград, заканчивалась его командировка.

Встал вопрос: где жить ребёнку дальше? Все понимали, что перевозить трёхмесячного ребёнка в Ленинград было нежелательно, на чём настаивали бабушки Прасковья и Мавра, хотя Машенька очень хотела быть рядом с мужем. И всё же решили, что по достижении ребёнку годовалого возраста, он пока останется в Почепе.

– Здесь на чистом воздухе в привычной для мамы обстановке он будет развиваться лучше, – подвела черту Мавра Анисимовна.

С этим согласился и Иван, хотя свекровь Надежда Петровна очень хотела видеть своего внука в Ленинграде.

Наступило время отъезда Ивана. Тяжёлую сумку разных припасов из погреба из солений и варений пришлось взять с собой. Приготовили подарки и для Надежды Петровны: Прасковья Ильинична отправила ей большой фарфоровый чайник, а Емельян Иванович большую банку мёда.

Маша связала большой вязаный пуховый платок с именной надписью «Моей маме, Надежде Петровне».

Расставание было трогательным. Маша смотрела на мужа ласково, давала наставления, чтобы он помогал своей маме, а сам одевался тепло.

Напоследок, она прижалась к мужу и сквозь слёзы сказала:

– Пиши чаще. Я буду очень скучать без тебя.

Муж обещал писать и поскорее вернуться обратно.

Подъехавший на лошади сосед Павел увёз Ивана Ивановича на железнодорожный вокзал.

Время без Ивана в Почепе тянулось медленно. Молодая мама всё своё внимание уделяла ребёнку, гуляла с ним, по времени кормила, а потом оставляла спать на свежем воздухе. На ночь она укладывала его в подвешенную у своей кровати люльку, которая свободно раскачиваясь, успокаивая ребёнка. Люлька крепилась с таким расчётом, чтобы во сне можно было до неё дотянуться рукой.

Вскоре муж прислал первое и очень ожидаемое женой письмо, извещавшее о благополучном прибытии в Ленинград.

Иван особо отметил то, что Надежда Петровна бережно сохранила убранства их комнаты.

Он подчеркнул слова Надежды Петровны о том, что она очень хочет увидеть маленького Серёженьку, по её выражению «моего кнопочка».

Особенно Маше понравились слова, с которых Иван начал своё письмо:

– «Здравствуй, мой светлячок, моя любимая и единственная на всю жизнь Машенька», а закончил: «Мамулька, моя дорогая, я целую твои губки и щёчки, и всю, всю тебя обнимаю. Твой Иван Шишков».

Она тут же присела к столику и стала отвечать ему такими же нежными и трогательными словами:

«Ванюшка, мой родной, ты, словно из сказки, явился на моё счастье. От твоих слов засветилось всё вокруг и отразилось на улыбке нашего сыночка. Он уже смеётся и тянется к тебе своими маленькими ручонками. Твоё письмо звучит у меня в ушах, как музыка, не понимаю, читаю я его или пою. Я запомнила его наизусть».

Далее она написала про погоду, о том, как они вместе с сыном соблюдают режимы сна, бодрствования и прогулок.

– «Помнишь за погребом, где малина густая растёт, где мы часто сидели и мечтали о нашем будущем? Мы ходим туда с сыночком каждый день и вспоминаем самые лучшие минуты нашей с тобой жизни», – писала она.

Письма приходили от мужа каждую неделю, она отвечала ему всё с такой же любовью и нежностью, отмечая, что их сыночек подрастает, уже отвечает на улыбку мамы, держит головку хорошо.

Так незаметно пролетел месяц, второй, третий...

По-прежнему от мужа приходили письма, по-прежнему на них отвечала жена, подробно извещая мужа обо всех изменениях в развитии сына.

И вот, наконец, настал момент, когда Иван, не выдержав разлуки, вновь неожиданно явился перед своей Машенькой. Он ехал в свою вторую геологическую командировку на Урал, и по пути захотел увидеть свою семью.

Он привёз подарки для бабушек и дедушек, одежду для малыша, которую выбрала Надежда Петровна, и конечно подарки для Маши.

Надежда Петровна подарила Маше модное осеннее пальто, чтобы, как было сказано в письме «Машенька утверждала себя столичной горожанкой».

Все соседские подружки были в восторге от её одежды и очень завидовали Маше в её замужестве.

Муж тоже любовался её красотой, весёлым нравом, хозяйственной сметливостью, материнской заботой о ребёнке и о нём самом.

Часто они выходили погулять все вместе на природу, подальше от дома.

В Почепе в мае уже хорошо пригревало солнышко, ведь весна здесь наступает почти на месяц раньше, чем в Ленинграде. Маше становилось ещё теплее от объятий Ивана. Так хотелось жить и радовать всех вокруг. Они брали своего сыночка и уходили наслаждаться первой травкой на пригорках, весенним солнцем.

Им нравилось любоваться и открытым видом с горы на широкую долину, посреди которой протекала река, за которой виднелись высокие валы старинной крепости. Иван чувствовал себя здесь настоящим отцом и мужем.

Но быстро пролетели и эти счастливые дни, потому что наступил срок окончания его пребывания в Почепе.

Маша грустила и не хотела отпускать от себя мужа, предлагая ему сменить работу, не понимая его профессии. Он обещал подумать, но подвести ждущих его в Москве геологов не мог. Ему предстояла встреча с ними на первом Всесоюзном совещании геологов, куда в начале июня сорок первого года пригласили и его.

Грустными глазами смотрели на отъезжающего Ивана жена, а при прощании кинулась ему на шею и неожиданно прокричала:

– Я буду молиться за тебя, и ждать, ждать, ждать. Пиши чаще. Теперь нас трое. Ты наш навсегда. Не забывай нас.

Он успокаивал жену и говорил, что очень любит её и скоро приедет, чтобы забрать их и уже больше никогда не разлучаться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДОРОГА В ГОРЫ

Глава 3

Златоуст

Шепчу о том, пред чем язык немеет

В то время по всей стране были широко развёрнуты геолого-разведывательные работы, необходимые для обеспечения «минеральным сырьем и топливно-энергетическими ресурсами высоких темпов индустриализации страны в условиях чрезвычайного международного положения».

По крайней мере, так было написано в одной из брошюр, которую геологи получили на совещании.

Перед его участниками поставили задачу информационного обеспечения результатов работы всех ведомств и организаций в области поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.

С такими целями и ехали геологи, в том числе и Иван, в разные уральские города.

Путь Ивана из Москвы лежал в Челябинск, и он не представлял ещё, что он будет там делать. Но пока все молодые геологи ехали в одном поезде, было приятно обмениваться впечатлениями о жизни и будущей работе в неизвестном краю.

Поезд прибыл поздно ночью. Паровоз выпустил клубы дыма, окутавшего пространство станции, и пассажиры почувствовали в последний раз этот ставший столь привычным за долгий путь запах. Геологи вышли из вагонов в надежде увидеть вокзал, но была ночь, освещения на перроне не было, и рабочие, проходившие мимо, указали направление к зданию, в котором находился зал ожидания.

Молодые люди с шумом вошли в него. Иван удивился, что в небольшой комнате с деревянными диванами почти все места были свободными и только сбоку от окна сидели два человека.

Он подошёл к ним и спросил:

– Извините, это и есть зал ожидания?

Один из них возрастом около пятидесяти лет поднял на него удивлённые глаза и в свою очередь спросил:

– Вы откуда такие весёлые приехали?

Иван ответил, что они геологи, приехали прямо из Москвы.

– Приехали помогать увеличивать геологическое богатство Уральского края, – то ли вопросом, то ли утверждением добавил он.

– Возможно, что и так, – ответил Иван.

– Будем знакомы, меня зовут Владимир. Я тоже геолог, являюсь начальником одной из геологических групп, которых на Урале немало. Утром мы вместе с Александром, – он кивнул в сторону сидевшего рядом молодого человека, – отъезжаем к своим ребятам. Да, это и есть комната ожидания для пассажиров. До утра придётся подождать здесь, а там за вами приедут. Вы слышали о Таганая?

Иван отрицательно покачал головой.

– Там живут мои геологи. Утром должна прибыть машина с продовольствием, которая подбросит нас и наши продукты к подножию горного хребта Юрма, где расположилась наша база.

– А что такое Таганая? – спросил Иван.

– Вы нашего Таганая не знаете? Рассаживайтесь, если интересно, потом расскажу о нём.

Иван, чтобы занять место, положил свою сумку на соседний диван и вновь подошёл к Владимиру, сказав:

– Трое суток в движении, дорога через всю Россию.

– А мы местные, утром поедem в Златоуст, где начинается Таганая. Особенно красив хребет Большой Таганая, мой любимец, скалистый зубчатый гребень, названный геологами Откликным. Это красивая гора, от которой уходят на север бесконечные гряды вершин, окутанные шапками облаков. Если на неё смотреть в лунную ночь снизу, то словно на подставке в разрыве вершин можно увидеть луну. Это очень красиво. Каждый начинающий геолог обязательно должен побывать там и на подходе к нему громко крикнуть, чтобы гора тут же откликнулась ему многократным эхом. Кому она не откликнется, тот не станет настоящим геологом, так считается у нас.

Владимир оказался великолепным рассказчиком, к которому с любопытством потянулись и другие геологи. В окружении молодых людей он ещё с большим интересом заговорил о красоте гор.

В разговорах незаметно пролетело время. Утром за Владимиром и его спутником прибыла грузовая с накрытым верхом машина, а потом и за москвичами прибыл гонец, предложивший всем погрузиться в такой же кузов, чтобы отправиться в центр Челябинска.

Геологов подвезли к большому зданию, где их сопроводили в кабинет, в который почти сразу за ними вошёл мужчина средних лет, представившись председателем горсовета.

Иван удивился его энергии, с которой он рассказывал о богатствах Урала, о строящемся городе, о перспективе возводимых на территориях города будущих заводов.

Речь его завершилась словами:

– Нам нужны классные специалисты, надеемся, что ваше пребывание у нас окажется полезным для города и страны.

Теперь стал понятен смысл их встречи с председателем: поиск хороших специалистов было главной его заботой.

Далее геологов накормили и распределили по отделам для ознакомления с будущей работой. Вскоре Иван уже беседовал с инспектором горного отдела, который и должен был определить место его дальнейшей командировки.

Вечером всех геологов поместили в доме барачного типа, выделив им спальные комнаты.

Усталый и насыщенный впечатлениями Иван, не раздеваясь, упал на предоставленную ему железную кровать и почти сразу уснул.

Во сне он видел геологов, шедших по ровной и широкой дороге, однако, сильный ветер сдерживал их движение. Закрываясь руками, изо всех сил шёл и он, Иван, увидевший впереди ту самую гору, о которой ему рассказывал Владимир Петрович. Радуюсь, что ему удастся спрятаться за каменную стену, он побежал и у подножия горы узнал Откликной гребень. Иван во всю силу своего голоса закричал и сверху ему откликнулся другой голос, жалобно и протяжно звавший его на помощь. Это был голос его жены. Он бросился к отвесной скале, но чья-то рука схватила за плечо и стала его удерживать. Иван, вырываясь и борясь с неведомой силой, открыл глаза.

Не совсем понимая, что с ним происходит, он увидел над собой лицо Юрия, его соседа по комнате, который тряс его за плечо и произносил:

– Иван, что с тобой?

Юрий рассказал ему о том, как он метался на кровати, издавая непонятные звуки.

Иван встал и первым делом умылся. Вода освежила его, но увиденный сон его почему-то встревожил.

– Что означал он? Почему такая печаль была в голосе его жены? – задавал молча он сам себе вопросы и тут же, расположившись у окна, стал писать ей письмо.

«Родная моя, Машенька, как я тебя люблю, только одному богу известно. Но я видел сон, повергнувший меня в сомнение. Ты звала меня на помощь. Хочу узнать, не случилось ли что с вами и с нашими родными?» – записал он

Далее он рассказал о проделанном им пути из Москвы до Челябинска, о геологах и городе, куда привела его судьба.

В конце письма он просил её, чтобы она, не откладывая, срочно ответила ему.

Но куда ей писать письма, пока было неясно, поэтому он сделал приписку: «Как только приеду на место постоянного пребывания, то сразу же сообщу тебе свой адрес».

На следующий день ему сообщили, что по его просьбе он направляется в Златоуст.

И вот он уже сидит в вагоне движущегося поезда, любясь через окно весенней красотой, открывшейся ему. Было ощущение необычайной лёгкости, воздушности, свежести. Высоты гор, уже покрывшиеся прозрачной зеленью молодой листвы, волнами устремлялись в пространственные дали. Казалось, сами мысли неслись поверху этой возбуждающей утончённости, игривости и туманности.

В Златоуст поезд прибыл поздно. Пришлось вновь дожидаться утра в зале ожидания вокзала, который неожиданно оказался очень уютным. Иван узнал, что центр города находится недалеко от вокзала и добраться до горсовета будет совсем не трудно.

Утром, когда рассвело, он более часа ходил по городу, а здание горсовета, выделявшееся своими внушительными размерами, нашёл быстро.

Там в горном отделе его уже поджидал заведующий Ростислав Викторович Самсонов. Иван был приятно удивлён тем обстоятельством, что тот бывал в Ленинграде, в том числе в его институте, хотя обучался в Уральском горном.

Была выполнена просьба Ивана посетить расположение геологической партии под руководством Владимира Романовича Демидова, того самого Владимира, который встретился ему в первую ночь их пребывания на вокзале Челябинска.

Молодой геолог уже стал туда собираться, но Ростислав Викторович объяснил, что в лагерь к геологам на выходные дни попутные машины не ходят, а иначе ему туда не добраться. Он предложил пока остановиться у него, пообещав показать город и всяческое содействие в том, чтобы его командировка в Златоуст прошла успешно.

Каменный одноэтажный дом, куда привёл Ивана хозяин, был построен на пригорке в небольшой ложбине.

На открытом крыльце их встречала женщина.

– Знакомьтесь, это моя жена Ксения Григорьевна, – представил он её.

– Милости просим к нам в гости, – сказала она, чуть улыбаясь.

Иван понял, что о его приходе в дом она уже знала, поэтому выглядела как-то особенно празднично. На ней была вышитая яркими цветами белая кофта, выделявшая её красивые мягкие черты лица, излучавшие радость.

На миг он потерялся, не зная, что сказать, а она, словно поняв удивление молодого человека, прервала затянувшееся молчание словами:

– Ну что же мы стоим на крыльце? Пожалуйте в дом.

Хозяйка вошла первой, за ней Иван, последним вошёл сам хозяин.

После предложенной процедуры мытья рук, его пригласили к столу.

Стол был роскошный: борщ и уральские пельмени, кушанья из продуктов, добытых в лесах под Златоустом, среди которых Ивану особенно понравились маринованные грибочки, черемша в сметане, печёные яблочки и многое другое. По всей видимости, всё это было выставлено ради гостя.

После еды были приятные разговоры о Ленинграде, Златоусте, о любимой работе, о природе, о геологах.

Не заметили, как быстро пробежало время. Иван вспомнил об обещанной прогулке, но на улице уже стало смеркаться, и Ростислав Викторович предложил перенести её на завтрашний день.

Тем временем хозяйка принесла альбом с семейными фотографиями, ей не терпелось рассказать Ивану о себе, детях, о своей жизни.

Первой была представлена свадебная фотография, где молодые Ростислав и Ксения в праздничных одеждах позировали перед гостями, будучи выпускниками горного института. Он увидел их троих сыновей, тоже геологов, находившихся ныне в экспедициях, у которых уже были свои семьи.

Ксения Григорьевна сокрушалась:

– Сыночки выросли, выучились, создали свои семьи и редко теперь навещают своих родителей.

Показала она и свою дочь Марию, студентку Уральского горного института, которая на фотографии выглядела совсем молодой девушкой, очень похожей на свою мать. Родители ждали её приезда на выходные дни.

Ивану отвели комнату с отдельным выходом и с видом на город.

Перед сном он написал новое письмо своей жене, в котором рассказал о людях, приютивших его, о дороге из Челябинска в Златоуст, природной красоте этих мест. И самое главное, теперь он указал адрес, куда можно было ему написать, о чём договорился с Ростиславом Викторовичем.

На следующий день они вместе с хозяином дома пошли гулять по причудливо раскинувшимся улицам города.

Городок ему понравился: чистые улицы, опрятные домики. Конечно, его интересовала геология, игравшая не последнюю роль в зарождении Златоустовской металлургии. Он знал, что в этих местах геологами была обнаружена исключительная чистота руд, позволившая построить знаменитый железодельный завод.

Желая проверить знания и рассказчика, он спросил о знатных петербуржцах, бывавших здесь когда-либо.

Ростислав Викторович сразу отвечать не стал, и лишь, подведя Ивана к жёлтым зданиям завода, заговорил о зарождении сталелитейной промышленности на Урале, где трудились выдающиеся петербуржцы Павел Петрович Амосов и Павел Матвеевич Обухов. И далее стал рассказывать об их открытиях и достижениях в области металлургии. О Павле Петровиче он говорил как о зачинателе производства специальных титановых, марганцевых, хромистых и других сталей, но с особой гордостью рассказал о производстве так называемой булатной стали, из которой изготавливались сабли и шпаги, отличавшиеся необычайной упругостью.

– Лезвия сабель и шпаг свободно свёртывались в кольцо и, развёртываясь, нисколько не изменяли первоначальной своей прямизны, что особенно вызывало восхищение, – говорил он.

Иван внимательно слушал Ростислава и был удовлетворён таким утверждением, но тот на этом не остановился, а подтверждая свои знания, напомнил Ивану об Эрмитаже, где хранились несколько экземпляров таких шашек, подаренных императору Александру I и великому князю Михаилу Павловичу.

– Видели ли вы эти булатные сабли? – спросил он Ивана.

Пришлось честно ответить, что не видел их.

– Ну что ж, век живи – век учись. Приеду домой, обязательно поинтересуюсь, – подумал Иван.

Ростислав Викторович открыл для него и много интересного в технологии производства булатной стали. Он пояснил, что Амосов, изучая влияние марганца, кремния, хрома, титана, серебра, алюминия и платины на качество булатной стали, установил, что кремний приводит к образованию в ней графита, марганец усиливает волокнистое строение, хром повышает твердость и улучшает полируемость, серебро понижает окисляемость, золото изменяет цвет стали.

Этих тонкостей технологии булатного дела Иван тоже не знал, и понял то, что имеет дело не только с прекрасным человеком, но и хорошо знающим своё дело специалистом, что вызвало к нему особое уважение.

А Ростислав Викторович, продолжая свой рассказ, всё более и более удивлял Ивана своими познаниями.

Он говорил о том, что открытие производства булатной стали легло в основу стараний другого петербуржца Павла Матвеевича Обухова, отлившего в Златоусте первую русскую стальную пушку.

– Пушки, выплавленные в Златоусте, превзошли всякие ожидания. При их испытании ни одна иностранная пушка не преодолела рубеж двух тысяч выстрелов, а «обуховская» выдержала более четырёх тысяч выстрелов, почти в два раза больше. В день, когда должен был состояться четырёхтысячный выстрел, полигон посетил сам император Александр Второй. В ответ на вопрос императора, уверен ли он в прочности пушки, Обухов предложил сесть на неё верхом и так дожидаться юбилейного выстрела, – с гордостью заключил он.

Ростислав Викторович не унимался и предложил Ивану взобраться по крутым склонам горы на площадку, с которой открывался на город красивый вид.

Поднявшись на вершину горы, Иван изрядно устал, в то время как рассказчик бодро преодолел восхождение, хотя и был на много лет старше Ивана.

Стояла солнечная погода. Чётко скомпонованный городок предстал перед ними в золотом сиянии небес.

Вид его был настолько красочен и торжественен, что Иван воскликнул в изумлении:

– Ух, дух замирает, какая красота!

Он увидел город целиком, состоявшим из несколько своеобразных частей, где в центре возвышалось здание церкви с пятирусной колокольной, за которым стояли небольшие двухэтажные под красной штукатуркой в форме каре кирпичные дома. Сразу за домами длинными линиями растянулись заводские корпуса, трубы которых выпускали синеватый лёгкий дымок. Большинство же домов были деревянными, хотя и они различались своими размерами и красотой отделки. Более высокие украшенные деревянной резьбой дома стояли длинной лентой вдоль заводских строений, прижимаясь к подножию покрытых деревьями гор, и заявляя свою значимость среди остальных домов. Другие дома потянулись по наклонной линии в горы, рассыпавшись на обширном пространстве.

Сверху представлялось всё это живописной картиной, над которой заводская синяя дымка завода ещё более усиливало впечатления.

Ростислав Викторович, как бы подводя итог своему рассказу, сказал:

– Этот уютный уголок города спланировал тоже бывший петербургский студент, наш земляк, Фёдор Тележников, который после окончания Академии художеств возвратился в Златоуст и стал архитектором Златоустовской оружейной фабрики. По его проектам и были построены соборы, колокольня, корпуса заводов и фабрик.

Далее он отметил, что перепады высот у различных златоустовских улиц порой превышают сотни метров и тянутся между горами.

– Иначе на Урале город не построить, – добавил он и указал рукой на горизонтальную волнистую линию гор.

– Ты видишь вон там, на горизонте, двуглавую сопку? Вон там! – сказал он, взял Ивана за плечо и рукой указал направление.

– Это – Таганай. Там же проходит граница Европы и Азии.

Иван поблагодарил Ростислава Викторовича за прогулку и, выразил своё отношение к увиденным видам, сказав, что город ему понравился, но особенно рассказ о нём.

Спускаться с высоты пришлось по узенькой каменистой тропке, ведущей прямо к собору.

Вскоре они возвратились домой, где их вновь поджидала Ксения Григорьевна со своими вкусными блюдами и разносолами, напомнившая им, что вечером приезжает их дочь Маша, которую через несколько часов им надо будет встретить на железнодорожном вокзале.

Встречать дочь пригласили и Ивана, но до этого было ещё несколько часов отдыха.

Поближе к вечеру, когда солнце стало уходить за возвышающиеся на западе горы, они все втроём отправились на уже знакомый Ивану златоустовский вокзал.

Поезд пришёл ровно по расписанию. Встречающих было немного, но все они ринулись к вагонам. В приоткрытых дверях пятого вагона показалась миниатюрная фигурка девушки. Иван догадался, это была Маша. Ксения Григорьевна ускорила ход, и все пошли за нею.

– Машенька, мы здесь! – громко крикнула мама.

Поезд остановился, и Маша стала спускаться по ступенькам вниз, а Ростислав Викторович успел поддержать её.

– Здравствуй, Машенька! Как доехала? – спросил он и поцеловал её.

Мама бросилась к дочери, обнимая и тоже целуя её, а потом представила Ивана:

– А вот и наш гость из Ленинграда.

По всей видимости, Маша уже знала о нём, потому что смело подошла и сказала:

– А я, Маша, здравствуйте.

– Очень приятно, Иван, – ответил тот, смущаясь.

Затем Ростислав Викторович взял чемодан, а Иван сумку, и они все вчетвером пошли к дому.

Девушка была весела, оживлённо разговаривая с матерью, смеясь и оглядываясь на мужчин.

Придя домой, Ксения Григорьевна снова накрыла всякими кушаньями стол и всех за него пригласила. Ростислав Викторович по поводу приезда дочери даже достал бутылку вина и предложил выпить за знакомство. Ксения Григорьевна поставила на стол четыре рюмки, куда Ростислав Викторович налил белого напитка. Женщины сели по одну сторону, мужчины – по другую.

Хозяин дома произнёс тост.

– Каждого человека можно сравнить с алмазом, который начинает сверкать только в отношениях с другими людьми. Только в дружеском общении они передают друг другу радости жизни, знания, признание достоинств. Я поднимаю рюмку с этим белым чистым вином за нашу дружбу, – сказал он.

Все согласились с этим и выпили. Мужчины выпили по полной рюмке, женщины оставили часть вина в бокалах, и разговор продолжился сам собой. Ксения Григорьевна спросила, понравился ли Ивану их маленький городок, на что Иван ответил положительно, и выразил чувство благодарности хозяевам дома, сказав:

– Я получаю здесь такое душевное тепло и внимание, что буду помнить всю жизнь. А вы, Ксения Григорьевна и Машенька, просто ангелы, спустившиеся с небес на эти прекрасные горы. В лице же Ростислава Викторовича, такого умного, доброжелательного и чуткого человека, я встретил полное понимание, и он за такое короткое время стал для меня просто родным. Спасибо вам.

Ксения Григорьевна тут же ответила:

– Вы тоже очень приятный молодой человек.

Разговор продолжался за столом более часа, лишь Маша смущалась и краснела, а потом вдруг предложила перенести застолье на свежий воздух.

Все поднялись. Ксения Григорьевна вышла первой, чтобы подготовить на крыльце новый стол. Иван вышел за ней, чтобы помочь. Тут же следом вышла Маша и Ростислав Викторович, захвативший с собой два стула.

На столе зажгли свечу, отсвет от которой вырисовывал лица, которые Ивану казались загадочными и ещё более красивыми.

Вино, разгорячившее всех, добавило к естественной красоте женщин ощущение весёлости и чувственности. Маша встала, подошла к перилам открытого крыльца, пересилив своё волнение, сказала:

– Ваня, смотри какая красота вдали.

Все стали смотреть в сторону города и искать в темноте очертания зданий.

– Да, красиво, – ответил Иван.

– А вон завод и возле него отсвет воды, – сказал Ростислав Викторович.

Маша же посмотрела на небо и, отыскав самую яркую звезду, спросила Ивана:

– А ты можешь читать карту звёздного неба? Можешь ориентироваться в этом множестве звезд и созвездий?

– Нет, я плохо ориентируюсь в звёздах, – честно ответил Иван. У нас небо постоянно закрыто тучами, поэтому часто смотреть на звёздное небо мне не приходилось. А здесь прекрасная видимость и чётко вырисовываются звёзды!

– Да, – вздохнула Маша.

К разговору подключился Ростислав Викторович:

– Вы заметили, что в темную и безлунную ночь вспыхивающие на небе сотни и тысячи звезд имеют различный отблеск, что связано как с разницей в расстояниях между ними, так и в разнице их действительной светимости.

– А вы, Ростислав Викторович, хорошо ориентируетесь в звёздах? – спросил Иван.

– Да, – утвердительно произнёс он. Чтобы хоть как-то ориентироваться в этом море различных искорок вселенной надо познаться с картой звёздного неба. Всё просто. Все звёзды объединены в группы, созвездия, участки, на которые учёные разделяют звездное небо. Еще в древних государствах люди выделяли на небе фигуры и давали им имена животных и героев различных сказаний. Вот посмотрите на созвездие Большой Медведицы, её ковш составлен из семи ярких звезд и окружающих их менее ярких звезд. Они напоминали древним грекам медведя. В одном из сказаний говорится о том, как боги за неверность превращали других то ли богов, то ли людей в медведиц, отправив их на небо.

Маша, выслушав эту легенду, сказала:

– Папа, у тебя звёзды, словно живые организмы.

– Да, многие люди так считают, особенно здесь на Урале, ведь они смотрят на нас такими проникновенными глазами. Хотите, я прочитаю вам стихи, сочинённые мною много лет тому назад, а потом расскажу вам одну очень важную для нас с Ксенией историю.

Все молча закивали головами в знак согласия, а Ростислав Викторович на минуту задумался и, глядя в тёмное небо, начал читать.

«Как сердце бешено стучит,
Не в силах скрыть свои волнения,
И до сих пор в глазах стоит
Тот миг святого откровенья.

Утёс, берёзка, чья-то тень,
Прощальный свет в глазах играет.
Задумчивый ушедший день
На сердце камень оставляет.

Светла далёкая звезда,
И дорог тот огонь мерцанья.
Твоей души лишь красота
Останется мне в назиданье,

Как обещанье не забыть
Тепло несбывшихся мгновений.
В простом стремлении любить
Угасла жизнь. И вечный гений

Унёс любовь в тот райский мир,
Где нет земли, нет человека,
Где Бог, души её кумир,
Где звёздный мир в небесных реках.

В далёкой голубой тиши
Необъясним разбег Вселенной.
Небесный мир непостижим.
Там жизнь, как вихрь, как зов смятенный.

И мы, внимая свет звезды,
Надеемся, что в дальнем море,
Нас согревает взор любви,
Покинувший земли просторы».

Голос его звучал проникновенно и искренне. Ксения Григорьевна никогда не слышавшая от него этих стихов, немного удивилась, что муж их сочинил.

Она сделала вид, что очень устала и ушла, попросив мужа рассказать молодым одну из историй их жизни.

Ростислав Викторович призадумался и ещё раз обратил внимание Ивана и Маши на звёзды Большой Медведицы, сказав:

– Теперь вы знаете, какие страсти разгорались между древнегреческими богами в этом созвездии. Но у нас есть своя история, напоминающая о земной, к сожалению, трагической странице нашей с Ксенией Григорьевной жизни.

Вот что поведал им Ростислав Викторович. Было это много лет тому назад, в пору их с Ксенией Григорьевной юности, когда он, Ксения и её подруга Рая были школьниками.

Он был постарше и учился в выпускном десятом классе, а девочки учились классом ниже. Они познакомились на школьном новогоднем вечере, на котором танцевали и пели песни, читали стихи, играли в различные игры и долго не расходились по домам. После вечера все катались по снегу с горок, громко шутили. Тогда и приглянулась ему Ксения, с которой они всё время оказывались рядом, и он, как бы шутя, подтолкнул её так, что они вдвоём упали в снег и в первый раз поцеловались.

– Жар окутал моё тело, я помню этот момент до сих пор, – эмоционально рассказывал Ростислав Викторович. Это увидела Рая, неожиданно убежавшая домой, но назавтра в своём школьном портфеле я обнаружил её записку со словами «Я тебя люблю», причём слово «я» было жирно выделено. Для меня, очарованного красотой Ксении, эта записка уже ничего не значила, но Рая постоянно попадалась на глаза, хотя сердца моего так и не затронула.

Ксения же по-прежнему дружила с ней, и они втроём часто из школы уходили вместе, чтобы потом разойтись по домам.

Наступила весна. Десятиклассники готовились к сдаче школьных экзаменов. Был первый экзамен по русскому языку, писали сочинение. Девочки очень переживали за него и дежурили возле школы. Они принесли много сирени, которой устали все окна класса, где был экзамен.

Ростислав учился в школе хорошо, поэтому был уверен в успешной сдаче всех экзаменов, но девочки за него всё равно переживали.

После сдачи каждого из экзаменов они долго гуляли по городку, обсуждая и рассказывая всякие истории, сидели на высоком мысу над рекой и мечтали о будущем.

И вот наступил последний экзамен. Сдал Ростислав его отлично, но Рая почему-то в первый раз поболеть за него не пришла. Ксения же ничего не ответила на вопрос, почему нет её подружки.

Уже позже стало ясно, что между ними состоялся серьёзный разговор о том, с кем он должен был остаться после экзаменов.

На следующий день Рая подошла к нему сама и, попросив с ней прогуляться, очень робко завела разговор о будущей его профессии, а затем попросила взять её за руку и пройти с ней к утёсу. Они, дойдя до того места высокого утёса на берегу реки, откуда открывалась величественная панорама гор и полноводной реки, остановились. Рая неожиданно крепко сжала его руку и потянула её к своей груди, сбивчиво говоря слова: «Ты мне самый дорогой человек на земле».

Он отодвинулся от неё и сказал: «Рая, я люблю Ксению».

И тогда девушка, захлёбываясь в слезах, побежала обратно от утёса и вскоре скрылась за поворотом. Больше её уже никто не видел.

На следующий день вся школа пришла в движение, Рая исчезла. Никаких сведений о ней обнаружить не удалось, только на высоте утёса был обнаружен её цветной платочек, повязанный на распутившуюся веточку молодой берёзки. Предполагают, что она сбросилась с двухсотметрового утёса в воду. Две недели все ребята школы её искали, но кроме повязанного платка ничего найти не удалось. Все были очень опечалены этим событием.

Но жизнь продолжалась. Ростислав уехал поступать в горный институт, сдав на отлично все экзамены, а через год в этот институт поступила учиться и Ксения. Там в институте они и поженились, а после его окончания молодыми специалистами их приехали в Златоуст, где для них и возвели этот дом.

– С этого крыльца мы постоянно любуемся звёздами, – после некоторой паузы сказал Ростислав Викторович и, глядя вверх, продолжил:

– Однажды мне приснился сон. Любуясь звёздами, я увидел, как от Большой Медведицы отделилась одна из них и стала приближаться к земле. Она светилась всё ярче и ярче и вдруг остановилась. В золотом сиянии показались огромные широко раскрытые

голубые глаза Раи, потом появилось её лицо, чистое, красивое и молодое без единой морщинки. Её небесные уста раскрылись и произнесли «Я с высоты постоянно слежу за вами, Ростислав и Ксения. Живите счастливо. Мне хорошо там, в небесах, а вам хорошо здесь, на земле. Я очень рада за вас. Обо мне не печальтесь, вы ни в чём не виноваты».

Он замолчал и, посмотрев на Ивана и Машу, тихо, словно виновато подведя итог своему рассказу, сказал:

– Вот тогда почти во сне сами по себе и родились эти стихи, потому что память о Рае всё сильнее и сильнее тревожат наши души. Ксения Григорьевна в её смерти винит себя. Но разве мы виноваты в нашей с Ксенией любви друг к другу? Вот теперь я каждый день смотрю на Большую Медведицу и в третьей справа звезде нахожу глаза Раи. И я верю, что она действительно живёт в раю, потому что её первое чистое чувство любви передано в жертву её судьбе.

Иван, взглянув на Машу, увидел, что глаза её были полны слёз, да и сам он еле сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Маша, утирая глаза, произнесла:

– Папа, я очень люблю тебя и маму. Вы ни в чём не виноваты.

Ростислав Викторович посмотрел на их чувственные лица и сказал: – Если хотите, поstayте ещё здесь, а я пойду к моей Ксении. Ведь я так люблю её.

Молодые остались и, чтобы усмирить чувства, стали разглядывать звёзды и после продолжительного молчания Иван первым нарушил тишину, сказав:

– Какие прекрасные у тебя родители, Машенька.

Маша плакала. Потом она собралась с мыслями и ответила ему:

– Как хорошо, что ты приехал к нам. У меня на душе сейчас так светло, как будто эти золотые звёзды проникают в меня, и я чувствую, что они живые.

Она прислонилась плечом к Ивану, а он не мог отодвинуться от неё. Так и стояли они на крыльце, чувствуя биение своих сердец.

Потом пришла Ксения Григорьевна, стала рядом с Машей и сказала:

– Я вижу, что вы расстроились, ну, ничего, уже поздно, пора спать, утро вечера мудренее.

Она провела Ивана в его комнату, но уснул он не скоро, думая о своей жене и сыне и представляя её здесь, на далёком Урале, на этом крыльце, среди прекрасных людей.

На следующий день все договорились сходить на источник «Святой ключ», а затем в собор, чтобы поставить свечи в память о живых и мёртвых.

Попутно решили зайти на сопку, где погибла девушка Рая.

Подходя к утёсу, издалека все увидели много разноцветных берёзок. На их веточках и стволах шелестели на ветру десятки цветных завязанных на узелки платочков и ленточек. Это было очень красиво и необычно.

Ксения Григорьевна тоже достала заготовленные ею цветные ленточки, и каждый из них повязал их к берёзкам, недавно выпустивших свой ещё прозрачный зелёный наряд.

С утёса открывался величественный вид на горы и широкую водную панораму реки.

Иван посмотрел вниз с двухсотметровой высоты и бросил небольшой камешек. С гранитной скалы камень упал в воду, очертив круговое движение волны.

– Надо было возбудить в себе чрезвычайное и очень сильное эмоциональное состояние, чтобы броситься в пучину воды с такой огромной высоты? Какая же это великая сила любовь? И что с человеком может сделать неуспокоенная любовь? – задавал он сам себе вопросы.

Все думали про себя о трагедии Раи, в причинах которой невольно были замешаны родители Маши.

Чтобы снять напряжённое состояние, все отправились к Святому ключу, высокогорному источнику, поднимаясь всё выше и выше. Этот подъём наверх давался им с трудом, но то, что они увидели, было многократно оправдано.

Перед ними открылись высокие освещённые солнцем белые горы, по которым бурным водопадом стекала вниз вода, падая в широкий водоём. Дно источника, покрытое осколками белого кварцита, словно источало свет, придавая воде особую прозрачность.

Ростислав Викторович сказал, что это вода лечебная и что в ней можно купаться.

– Вода хоть и прохладная, но после купания люди преображаются в своём здоровье, – добавил Ростислав.

Женщины согласились войти в воду первыми, а мужчины, чтобы их не смущать, отвернулись, дав им переодеться. Только

тогда, когда послышался взвизгнувший голос Маши, а потом и Ксении Григорьевны, они посмотрели в их сторону.

В воде их трудно было отличить друг от друга, обе в голубых купальниках уже весело щебетали в воде.

– Раздевайтесь скорее, идите сюда. Холодно только вначале, – приглашала Ксения Григорьевна.

Переодевшись за большим камнем, мужчины по белым ступенькам тоже вошли в воду.

Иван почувствовал, как перехватывается от холода его дыхание и хотел сразу выйти на берег, но, увидев, что на него устремили взгляд женщины, превозмог себя, чувствуя, как тело медленно привыкало к прохладной воде.

Вскоре женщины, закончив купание, проплыли мимо мужчин и по ступенькам стали подниматься на берег. Их крепкие, словно точёные фигуры блестели от стекающей воды и сверкающего по ним солнца. На берегу водоёма они скрылись за камнем и через несколько минут появились одетые в платья с полотенцами в руках.

Одно из них Маша несла Ивану, а другое Ксения Григорьевна протянула своему мужу.

Выйдя из воды и растёршись докрасна, Иван почувствовал необычайную бодрость тела.

Все возвращались с прогулки в хорошем настроении. Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович шли отдельно, а Маша всё время разыгрывала Ивана, прячась от него за деревьями. Они бежали друг за другом, и однажды столкнулись так, что Иван схватился за Машу и, чтобы та не упала, прижал к себе. Она вырвалась и побежала дальше, повторяя слова:

– Не догонишь! Не догонишь!

Так они с весёлыми играми приблизились к окраине Златоуста и, дождавшись Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну, решили зайти в собор. Женщины молча пошли к свечной лавке, а мужчины прошли вглубь молельного зала, где проникновенные глаза святых умиротворённо смотрели на них со всех сторон.

Иван остановился возле иконы Тихвинской богородицы, которая своим строгим взглядом царицы – путеводительницы благословляла прихожан на добрые дела.

Потом взгляд перекинулся на икону с изображением Иоанна Златоуста, указывавшего путь к христианским познаниям. Везде горели свечи, и пахло ладаном.

Подошла Маша, протянув Ивану две свечи. Словно вспышка озарила его, и он представил перед собой лицо жены, потому что почти те же действия им совершались год назад в Никольском соборе Ленинграда.

Отвлечься ему не дала Маша, стоявшая рядом. Она, словно почувствовав сменившееся настроение Ивана, чуть-чуть подтолкнула его, чтобы подойти к висевшей рядом иконе «Благовещение». Перед ними предстала Дева Мария в пурпурном одеянии, которой архангел Гавриил передавал свиток со словами приветствия о благой вести появления у неё сына.

Маша смотрела на эту икону с умилением, словно это ей передавались благие вести о будущем рождении сына.

Потом они переходили от одной иконы к другой, где на них смотрели лица святых, призывавших верить во что-то очень высокое, отвлечённое и приятное.

Долго задерживаться в соборе не стали. День клонился к вечеру, солнце было ещё высоко, но горы то и дело закрывали его.

Маша была в хорошем расположении духа и постоянно оказывалась возле Ивана. Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович предложили идти сразу домой, на что Маша сказала:

– Вы идите, а мы ещё немного погуляем. Я покажу Ивану мои любимые места.

Ксения Григорьевна попросила Машу долго не гулять, потому что завтра рано утром надо было уезжать: ей – учиться, а Ивану – в экспедицию на Таганай.

– Хорошо, мамочка и папочка, мы недолго, – ответила дочь.

Иван заметил, что эти слова Маша произнесла с грустью. Она хотела посвятить Ивана в свои тайны, рассказать ему о местах её детской привязанности, о подружках, школе, в которой она училась.

На прогулке по улицам Златоуста Маша была весела, увлекала Ивана своими воспоминаниями, брала его за руку и тянула вверх, а потом наоборот разгонялась с горки и кричала, чтобы он её ловил.

Ивану это нравилось, но он боялся быть вовлечённым в игру прикосновений с молодой девушкой.

Время пролетело быстро, и они даже не заметили, как ноги сами подвели их к дому. Маша шла впереди, протягивая свою руку

Ивану, и, крепко ухватившись за неё, тянула его к своему родному жилищу.

– Какая ты сильная! – сказал он.

– И верная, – с хитрецей ответила она.

Дома их ждал уже накрытый обеденный стол, искусно приготовлено хозяйкой.

Иван отметил это словами:

– Дорогая, Ксения Григорьевна, вы просто чудесница. Как только мы приходим домой, то погружаемся в такие волшебные запахи, от которых исходит прилив здоровья и красоты. Теперь мне понятно, почему вся ваша семья такая здоровая, красивая и счастливая. И это теперь укрепляет и меня. Позвольте считать вас моей третьей мамой. Первая мама у меня та, которая меня родила, вторая – мама моей жены, а вы станете мне третьей мамой, если согласитесь. Я вас полюбил за доброту, приветливость и красоту.

Весь вечер третья мама собирала дочь и Ивана в завтрашнюю дорогу. Дочери она набрала всяческих съестных припасов, состоявших из банок и кулёчков, уложила их в большую сумку и поставила на крылечке.

Ивану она также набрала сумку припасов. Он отказывался это брать, но она утвердительно не поддающимся сомнению голосом по-хозяйски её завязала и поставила рядом с сумкой дочери.

А молодые люди долго не могли уснуть. Маша постоянно выходила из своей комнаты, надеясь постоять с Иваном на крыльце. И добилась своего. Когда он вышел, то она как бы случайно, спросила:

– Ой, как хорошо, что ты вышел. Я хотела у тебя спросить, а в Ленинграде в эту пору светло как днём? – и увлекла его вновь на открытую веранду. Ему пришлось рассказывать ей о белых ленинградских ночах, о красоте разводящихся в эту пору мостов, которыми очаровываются влюблённые пары, гуляющие по набережным до утра.

Маша слушала и всё более и более влюблялась в Ивана. Она не хотела с ним расставаться и задавала ему личные вопросы, на которые он не мог ей дать ответ.

Время уже было за полночь, а Маше не хотелось спать. Она стояла и смотрела в упор на Ивана, который всё время отводил от неё свои глаза.

Ей захотелось, чтобы он поцеловал её, для чего сделала некоторое усилие, но в это время дверь распахнулась и на веранду вошла Ксения Григорьевна.

– Вы что не спите? Завтра надо подниматься рано.

– А я спать не хочу, – сказала Маша.

– Значит, Иван хочет спать, ты его, наверное, замучила своими вопросами. Будет ещё время, наговоритесь. А сейчас, спать, – категорическим тоном сказала мама.

Все разошлись по своим комнатам.

Маше совсем в эту ночь не спалось, она постоянно вставала с постели, выходила на крыльцо и смотрела на звёзды. В её душе было не спокойно.

– Неужели это любовь? Что же мне тогда делать? – думала она про себя.

Иван тоже мало спал. Он думал о жене, которой рассказал в письме о последнем дне, проведённом в Златоусте. Конечно, подробности о Маше он умолчал.

Рано утром в дверь Ивана постучала Маша.

– Просыпайся, Ваня. Надо собираться.

Ивану предстояло расставание с полюбившейся ему семьёй.

– Но кто знает, ты полагаешь, а бог располагает, – рассуждал он про себя.

Первой проводили Машу, которая была очень расстроена отъездом. Перед отправлением поезда она сказала Ивану:

– В субботу возвращайся домой, мы будем тебя ждать.

На глазах её выступила слезинка, отчего Ксения и Ростислав переглянулись между собой.

Все пожелали Маше успешной сдачи экзаменов и возвращения через неделю домой.

Поезд тронулся, а девушка долго стояла у открытой двери вагона. Но вот хвост поезда скрылся за горами, и все пошли домой, чтобы теперь проводить в командировку Ивана.

Ксения Григорьевна вручила ему заготовленную тяжёлую сумку и пожелала успешного знакомства с краем и возвращения «домой», употребив слово, сказанное Машей.

Иван вместе с Ростиславом Викторовичем пешком пошли к нему на работу, где в своём кабинете тот долго выяснял возможность отправления Ивана в командировку на попутном транспорте.

Одновременно по радиации он поговорил и с самим Владимиром, который обещал его встретить и решить вопросы снабжения.

Машина пришла только через час. Мужчины обнялись, и Иван, закинув сумку в кузов, залез в кабину на сиденье рядом с водителем, отправившись в неизведанное путешествие к загадочному Таганаяу.

Глава 4

Дорога в горы

Удивительно красивы окрестности Златоуста. Неповторимость здешних горных пейзажей отмечали многие ученые, путешественники, художники и писатели. Об этом читал и Иван, но теперь ему пришлось это увидеть своими глазами.

Дорога, ведущая вверх, поначалу была торной, но ровной, но чем далее они отъезжали от города, тем больше стало появляться выбоин, которые приходилось постоянно объезжать.

Правда, это не мешало любоваться подъемами и спусками, над которыми то вдаль, то ввысь простирались прозрачной дымкой зеленые покатые вершины и низины гор.

Водитель оказался знающим себе цену мужчиной лет сорока. Звали его Николай Александрович.

– К нам в геологи будете, откуда приехали? – спросил он.

– Из Ленинграда.

– Вы у нас первый раз?

– В этих местах, впервые. Какие красивые места!

Да, красивые. Я много лет за рулем и постоянно восторгаюсь весенней и осенней красотой всё время меняющей свои цвета и рельефы местностью. Эти места особенные и мне достаточно иногда несколько минут, чтобы въехать из Европы в Азию и обратно. Где ещё найдёшь такие места? Только здесь.

Иван заметил, что Николай, разговаривая, на него не смотрел, твёрдо держа руль в своих руках, поворачивая его, то направо, то налево. Дорога постоянно петляла между вершин, и нужно было быть очень внимательным, чтобы не съехать вниз с дороги, ещё до конца не окрепшей.

Неожиданно за поворотом появилось селение с деревянными домиками.

– Уржумка, – указал водитель на домики.

Потом, выдержав паузу, продолжил:

– Здесь находится железнодорожная станция и протекает речка с одноимённым названием. «Ур» значит «белка», наверное, когда-то этих зверьков здесь было видимо-невидимо. В полуверсте от посёлка там впереди на высшей точке Уральского хребта находится сложенная из гранитных тесаных плит пирамида, указывающая на пересечение границы Европы с Азией.

Машина продолжала медленно подниматься по дороге, похожей на петлю, круто поворачиваясь вправо и вверх, и на самой вершине остановилась.

Из окна машины чуть ниже дороги Иван увидел высокий четырёхгранный белый обелиск.

– Это и есть пограничный столб, разделяющий евразийский материк на две части света, – сказал Николай Александрович.

Внутренний трепет прошёлся по телу Ивана, в первый раз он оказался на перевале Уральских гор, почувствовав себя между двух земных гигантов.

Водитель предложил выйти из машины и проследовать к обелиску.

Никакой специальной дорожки, ведущей к нему, не было, всё заросло травой, поэтому Николай предложил просто съехать вниз по крутой наклонной поверхности. Словно на лыжах подкатились они прямо к площадке, где стоял памятник.

Иван вплотную подошёл к обелиску и рукой дотронулся до гранитных тесаных плит, показавшихся ему очень тёплыми, и долго не отпускал от них своих ладоней, стараясь надолго запомнить это прикосновение.

Отправившись далее по серпантину уральских дорог, они продолжили беседу. Инициативу каждый раз брал на себя Николай Александрович, который, задавая вопросы, почти всегда на них отвечал сам.

Вопросы были познавательны для Ивана, а иногда заставляли серьёзно задуматься.

– Иван, как ты думаешь, а почему граница между Европой и Азией существует именно здесь? – был один из таких вопросов.

Иван не был готов к ответу и вновь подумал, как многого в этом мире он ещё не знает. Николай же понял, что ответа не услышит, сам стал отвечать на него.

Он утверждал, что многие века граница между Европой и Азией блуждала по разным местам, и только в начале восемнадцатого века была помечена на картах по линии Уральских гор, причём эта заслуга принадлежала первому исследователю природы Урала Василию Никитичу Татищеву, принимавшему Уральские горы за водораздел. Он первый обозначил её потому, что в противоположные стороны, на восток в Азию и на запад в Европу, начинали своё течение великое множество рек.

– Даже рыбы, плавающие в этих реках, не только разных видов, но и разных вкусов, – сказал он и неожиданно перевёл разговор на новую тему, спросив:

– Иван, а что слышно в Питере о военных событиях, не начнётся ли война?

Иван, который вообще никогда об этом не думал, стал говорить общие слова о том, что граница наша на крепком замке и так далее, однако, с этого момента задумался. Урал далеко, а его родные люди живут очень близко к западным границам. Он даже ненадолго замкнулся в себе, не в силах выйти из этого вдруг возникшего тревожного состояния.

Наконец, машина подъехала к лагерю. Водитель сам зашёл дом, вызвал Владимира и представил ему гостя.

Владимир Петрович Демидов принял Ивана по-дружески. Ему было лестно то, что сам Ростислав Викторович Самсонов позаботился о молодом геологе. Он провёл его в свой кабинет, усадил на диван, и, позвав мужчину, заглянувшего к нему, сказал:

– Знакомься, новый член нашей команды Иван Шишков.

На что мужчина сказал:

– Очень приятно, – и представился:

– Олег Иванович.

И далее, обращаясь к Владимиру, спросил:

– Где его определить? В какой комнате?

– Рядом со мной и всё сделать по полной программе, – указал Владимир.

Мужчина ушёл, а Владимир спросил:

– Иван, откуда вы знаете Ростислава Викторовича? Это очень уважаемый среди геологов специалист и хороший человек.

На что Иван ответил:

– Я и сам не знаю, как то случайно познакомились. Мало того, он приютил меня у себя дома, познакомил со своей семьёй. Очень достойная и красивая у него жена. Хороша и дочь.

Они вышли из кабинета, прошлись по этажу и зашли в небольшую скромно обставленную комнату с единственным окном, закрытым казёнными в две полосы занавесками.

Владимир пояснил:

– Это комната на случай моего позднего возвращения с экспедиций, а здание, в котором мы находимся, служит нам и конторой, и лабораторией, и общежитием. Здесь сейчас отдыхают некоторые наши ребята. Мы ведь постоянно в движении, да ещё и с тяжёлой поклажей. Завтра, а может быть и сегодня, вы с ними познакомитесь. Правда, я должен предупредить, что все ребята называют здесь друг друга на «ты».

Иван засмутился и сказал:

– Владимир Петрович, конечно, называйте меня на «ты».

На что Владимир ответил:

– Хорошо, меня тоже называй на «ты», а впрочем, как хочешь. Ты ведь ещё совсем молодой человек.

В комнату вновь зашёл Олег Иванович, объявивший, что место для Ивана готово, кровать убрана и застелена.

Перед тем, как показать его Ивану Владимир Петрович в присутствии Олега Ивановича сказал:

– Дорогой молодой человек, Иван. Мы принимаем тебя в свой отряд и надеемся, что на Таганая тебе понравится. Здесь проверяются истинные геологи. А наши ребята тебе в этом помогут. Работа у нас трудная и отнимает много физических сил. Приходится много ходить пешком по горам с тяжёлыми рюкзаками за плечами, поэтому, приходя на станцию ДУТ, как мы называем этот дом, здесь отдыхаем. ДУТ в нашем понимании – это «Дом у Таганая».

А потом спросил его, куда бы он завтра хотел совершить свой первый поход.

Иван сразу, не задумываясь, ответил:

– Конечно, к горе Откликной.

Владимир добавил:

– Она проверяет на верность и мужество каждого геолога. Но утро вечера мудренее, поэтому давай посмотрим твою комнату.

И они пошли осматривать её, где всё было устроено по казённому порядку и рассчитано на одного человека: кровать, стол, тумбочка и стул.

Вскоре Владимир и Олег ушли, а Иван сел на стул и задумался.

Как быстро переворачивались перед ним картины его командировочной жизни. Всё происходило настолько быстро, где, словно смазанной картинкой, высвечивались только отдельные эпизоды. Дорогие ему лица, как облака, проплывали перед глазами. Захотелось взяться за перо и написать письмо жене.

И хотя письмо писалось очень легко, всё же что-то неуловимое тяготило его. Особенно волнительно представлялась ему предстоящая встреча с геологами и с горой Откликной.

На следующий день Иван проснулся рано, только начинало светлеть. Он выглянул в окно и прямо перед собой увидел тёмную стену. Оказалось, что здание станции со стороны окна почти вплотную упиралось в подножие горы.

Иван оделся, вышел из дома и оказался на широкой площадке, край которой обрывался глубокой впадиной. За ней высоко вверх поднимались покрытые молодой зеленью горы. Дом стоял почти у обрыва.

Это было столь необычно оказаться в глухой горной местности, где жили одни геологи и куда только по особому случаю очень редко заезжали машины.

Вскоре стали просыпаться геологи, один из которых спешил с пустыми вёдрами к колодцу.

Это был дежурный, и Иван подошёл к нему:

– Доброе утро! Меня зовут Иван, я у вас новенький.

– Доброе, как видишь солнечное и голубое. Приятно познакомиться. Меня зовут Николай.

Иван никогда не видел такого глубокого колодца, уходившего вглубь метров на тридцать, и в который с помощью круглого барабана и накрученной на него верёвки вниз опускалось пустое ведро. Иван сам попробовал набрать воды, но ведро у него скользило по поверхности, оставаясь не заполненным. Тогда за верёвку ухватился Николай, который мгновенно петлёй откинул верёвку почти одновременно в сторону и вниз, от резкого верного движения ведро опрокинулось и, зачерпнув влагу, ушло вглубь.

Николай поднял ведро наверх, поставив его на специально устроенную площадку. Прозрачная ключевая уральская вода игриво плескалась в цинковом ведре, выливаясь по краям. Иван жадно приложился к ней, ощутив очень холодный и одновременно мягкий вкус. Смахнув рукой капавшие с его бороды остатки воды, он сказал:

– Ну, дежурный, напоил ты меня от души.

Николай продолжил свою роль, отправившись разливать воду по рукомойникам, а Иван пошёл в дом и увидел Владимира, спешившего к нему навстречу. Поздоровавшись, тот сказал:

– Отрадно, что рано встаёшь. Как тебе наши горы?

Иван ответил:

– Такой первозданной красоты я ещё не видел и нахожусь в восторге от раннего утра и диковинных мест.

– Дальше будет ещё интереснее. А теперь надо привести себя в боевой порядок, примерить форму, собрать рюкзак, и, самое главное, подобрать сапоги на ноги. Ходить придётся много. Начало экспедиции назначено на четырнадцать часов дня. В это время начинает спадать жара. Пятичасовая дорога с рюкзаками за плечами по камням будет не из лёгких, поэтому дисциплина в походе у нас строгая, – предупредил Владимир.

После завтрака Владимир отвёл его в кладовую, где хранились походные принадлежности. Там уже собрались и все остальные назначенные в экспедицию геологи.

Среди них были уже знакомые Ивану Олег, вчерашний знакомый, Николай, с которым знакомство состоялось у колодца, и Александр, с которым он познакомился ещё на вокзале в Челябинске.

Александр по просьбе Владимира персонально помогал Ивану собираться в путь, подбирая и примеряя ему сапоги, костюм и все другие походные принадлежности.

В полдень все собрались на обед, который продлился ровно двадцать минут, а затем до четырнадцати часов дня был объявлен краткий отдых.

Иван, хотя и прилёг на кровать у себя в комнате, но уснуть не мог. Он представлял себе горы, тропинки среди них, каменные реки, глубокие ущелья, загадочный хребет Откликной.

Время пролетело незаметно, и громкий голос Владимира пригласил всех на сбор.

Наконец, экспедиция на Таганай началась, и пятеро геологов друг за другом двинулись в путь. Первым шёл Владимир, за ним Олег, Иван, Николай. Замыкал группу Александр, настоящий богатырь, самый высокий и сильный среди всех. Пройдя несколько сот метров по прямой дороге, они свернули на тропу, уходящую в лесные горные заросли.

Более двух часов понадобилось им, чтобы дойти до моста через реку Большая Тесьма. Рюкзак Ивана, казавшийся поначалу лёгким, постепенно превращался в грузную ношу, тянущую книзу. Неприспособленный организм молодого геолога с трудом сопротивлялся этой тяжести, но постепенно силой своей воли он задал внутренний ритм движению и шаг за шагом, приноравливаясь к рюкзаку, преодолевал расстояние. Его спина постепенно стала влажной, плечи под ремнями натёрлись и начинали болеть. Несмотря на это, Иван не проронил ни слова и шёл вслед за геологами, которые в отличие от него, казалось, не испытывали признаков усталости.

Возле моста на поляне был объявлен привал. Все остановились и стали освобождаться от рюкзаков.

Пока геологи шли по тропе, Владимир не произнёс ни одного лишнего слова. Здесь же на привале он подошёл к Ивану и спросил:

– Иван, как самочувствие, не натёрлись ли плечи, не болят ли ноги?

На что Иван честно признался:

– Ноги в порядке, спасибо Александру, а вот плечи побаливают.

Владимир отошёл в сторону, а затем пришёл вновь, в руках у него были две мягкие подкладки.

Он сказал:

– Пойдём далее, подложишь под ремни.

Привал продолжался примерно полчаса. Иван подошёл к речке, спустился к воде, зачерпнув её пригоршней. Затем омыл лицо и попробовал на вкус, но пить не стал, только омочил губы, почувствовав освежающее её действие.

Он вернулся на поляну, где мужчины уже надевали свои рюкзаки.

– Ну что, ребята, ещё поднатужимся и через два-три часа будем на нашей базе, в Белом Ключе. Рюкзаки за плечи и пошли, – командовал Владимир.

И опять все пошли в той же последовательности: впереди шёл рулевой, посредине новичок, чтобы не отставал, замыкающим был самый сильный из геологов.

Тропинка шла вначале вдоль реки, потом постепенно стала уходить от неё в сторону, ушла вверх, опустилась вниз, приведя геологов к подножию горы.

– Вот и Белый ключ, здесь складываем нашу поклажу и приступаем к устройству ночлега, – сказал Владимир и подошёл к большому камню.

Иван удивился, как мужчины, сложив все рюкзаки вместе по кругу, сразу принялись за дело. За камнем оказался тайник, который Владимир приказал открыть Александру. Это была небольшая пещера, в которой были сложены доски, жерди, другие заготовки для возведения палатки и разведения костра.

Ставить палатку взялись Олег и Николай, а Александр, назначенный дежурным, стал заниматься приготовлением костра.

Ивана к работе не подключали, он пытался помогать, но его Владимир просил осмотреть местность.

– Иван, тебе задание, проверь, не завалена ли тропа к Белому ключу, пройдишь по ней, – сказал он и указал направление.

Иван понял, что это была вежливая просьба не мешать работе остальных ребят.

Иван отправился по заросшей травой и кустами тропе, приведшей его к водоёму, со всех сторон окружённому скалами, сложенными из белого кварцита. По ним зелёным платком свисали сочные ветки трав и деревьев. Это было настолько зрелищно, что Иван, остановившись перед этим художеством природы, воскликнул:

– Какая красота, белые горы предо мной!

Он стоял и думал, что что-то подобное он уже видел, когда вместе с Машей и её родителями посещал Святой ключ.

Полюбовавшись природной картиной, Иван возвратился в лагерь, где на площадке у камня уже стояла большая палатка, а чуть поодаль горел костёр, на котором готовился ужин.

– Ну, слава богу, ты в порядке. Как там Белый ключ? – спросил Владимир.

– Такая красота! – ответил Иван.

– Да, здесь красиво и богато. Белый ключ – это поляна с родником у подножия Двуглавой сопки, на которую мы

поднимемся уже завтра. А сегодня будем отдыхать, выбери себе место в палатке для ночлега.

Иван зашёл внутрь палатки и нашёл свободный угол, куда перенёс рюкзак, вытащил из него спальный тюфяк и разложил его.

Вскоре дежурный Александр скомандовал:

– К столу!

За трудную дорогу геологи проголодались, поэтому ужинали с удовольствием, а приготовленный на костре ужин показался очень вкусным.

Потом все собрались у костра, чтобы обсудить план действий на завтрашний день.

Говорить начал Владимир:

– Давайте обсудим наши дела на завтра. Я предлагаю с утра обследовать Двуглавую сопку от Белого ключа до «Перьев», а затем вернуться обратно.

Возражений не было. Каждому геологу было поручено конкретное задание. Роль дежурного на следующий день досталась Олегу.

Владимир взял на себя роль наставника Ивана, как новенького у них в отряде.

Тем временем, костёр продолжал гореть, времени до сна было ещё много, и геологи были предоставлены до ночлега сами себе.

Солнце уходило за горы, и небо постепенно, но всё чётче высвечивало золото бесчисленных звёзд. Нагретый за день воздух сдавал свои позиции, медленно заменяясь прохладой.

У костра остались Владимир, Иван и Александр, поддерживающий горение костра. Остальные геологи находились в палатке и должны были подойти.

– Вот у меня никак не выходит из головы вопрос: почему в мире постоянно происходят войны? Иван, скажи ты мне? – неожиданно произнёс, между прочим, Владимир.

На что Иван отреагировал так:

– Я рождён для мира, поэтому и пошёл в геологи, чтобы людям приносить пользу. Войны же происходят от того, что некоторым людям нужен не мир, а война миров.

Владимир, подумав, произнёс:

– Это, наверное, и является причиной всего. Да, войны начинают люди, борясь за первенство. И это самое печальное.

Мужчинам всегда интересно поговорить о войне, поэтому Владимир сознательно начал разговор на эту тему, как бы тем самым подсказывая содержание злободневной вечерней беседы. Однако, Иван также подумал, что Владимир Петрович не случайно затронул тему войны. Ведь и водитель, подвозивший его сюда, тоже о ней спрашивал.

Тем временем подошли Олег и Николай.

Олег, услышав их разговор, не упустил случая изложить свои мысли.

Он сел на камень напротив Ивана и сходу стал говорить:

– Вот я думаю, что всему виной являются идеи, разрабатываемые или злыми, или больными людьми. И войны на основе идей являются самыми разрушительными. Я слышал, что немецкий фюрер захвачен одной из таких идей, смысл которой заключается в возможностях совершенствования человечества.

Он уточнил свою мысль, сказав, что развитие человека еще не достигло своего предела и должно пойти дальше к другому более развитому биологическому виду – сверхчеловеку. Ведь и сейчас ежедневная человеческая жизнь есть жертва, которую человек постоянно в себе преодолевает. Он и умирает, надеясь на то, что его потомство будет совершеннее, чем он сам. Человек ещё не дорос до себя будущего, и ему предстоит найти более возвышенный для себя образ. Решение такой задачи имеет естественный и длительный процесс. Трагедия же развязанной в Европе войны заключается в том, что Гитлер решил ускорить решение этой задачи силой, при этом сделал сверхчеловеками только одну немецкую нацию, противопоставив её всем другим и принеся в жертву миллионы ни в чём неповинных людей.

Иван, внимательно вслушивался в мысли Олега, пытался их осознать, хотя своего твёрдого мнения у него на этот счёт не было.

В дискуссию вступил Николай, сказав, что в истории между народами было много войн, начинавшихся жадными и безнравственными правителями. Он считал, что помирить человечество может только нравственная культура простого человека, рождённого и живущего среди природы.

– Посмотрите на эти камни, вершины и впадины. Этот природный мир сам учит человека любить жизнь, беречь в себе человека физического и нравственного, – говорил он. Человек, живущий среди этой красоты, не захочет войны между соседями

и тем более между народами. Здесь сами по себе рождаются нравственные люди, поэтому Урал всегда был мирным. Вот, мы, геологи, в горах проходим сотни километров по камням, залезаем на вершины, тратим много физических усилий, чтобы увидеть эти часто ещё неизведанные красивые места, а потом долго в памяти своей восхищаемся ими, и тем самым совершенствуем себя. Мы счастливы, что у нас есть и практическая цель. Кому-то мы своим рассказом доставим радость, а стране своими действиями – пользу. Красота природы облагораживает человека и делает великой нашу страну. Но за красоту во всех её проявлениях надо бороться и борьба за неё должна быть насыщена благородными идеями. Я уверен, что красоту Урала и нашей страны покорить никому не удастся.

К разговору подключился и Александр:

– Гитлер хочет с помощью войны установить свой мир сверхчеловеков, это ли не обман простых людей, – утверждал он. Правда, я не могу представить себе, как это можно исправить через войну мир, сделав его однородным. В мире живут миллионы людей, и все они разные от природы, что же всех их надо уничтожить? Как можно исправить природу? У каждого человека есть тело, есть и душа. Иногда тело может показаться кому-то некрасивым, но душа открывает людям такую красоту, которую и многие красивые внешне люди не могут её иметь. Люди, живущие в мире природы, как у нас на Урале, тоже необычные, сильные, мужественные, и что самое главное, честные. Они живут веками своей жизнью, приспособившись к природе. Как их можно переделать? Я считаю, что рассуждая о войне, вожди нас часто просто обманывают и успокаивают, прикрываясь своими идеями, а философы всегда хитрят, оправдывая разрушительные войны.

Александр продолжал говорить, но Иван перестал его слушать и стал думать о своём.

Эти люди, размышлявшие о войне и мире, показались ему мудрецами, родившимися здесь в глуши гор. Только сейчас он мог рассмотреть лица этих красивых и умных людей, рассеявшихся вокруг разгоревшегося костра, огонь которого яркими вспышками высвечивал их лица.

У Владимира он отметил выставленный чуть вперёд твёрдый подбородок, широкий и открытый лоб, подтверждавших, по его мнению, выдержку и уверенность его, как организатора всех этих

действий. Весь его вид выдавал характер мужественного, сосредоточенного и заботливого человека, способного в любую минуту увлечь за собой и оказать дружескую поддержку. А здесь у костра он оказался ещё и источником идей, что, судя по всему, нравилось геологам. Иван также подумал, что не может он такого знающего, мудрого и уважаемого всеми человека больше называть по имени, что для него он с этого момента может быть только Владимиром Петровичем.

Он перевёл взгляд на Олега, высокого и стройного мужчину лет тридцати пяти. Его мысль о том, что в мире существуют идеи, захватывающие человека на всю жизнь, подтверждала и его жизненное кредо. Ведь и его с детства захватила идея покорения горных богатств. Она вовлекла его в горный институт, а теперь и вовсе он оказался среди камней в царстве гор.

Рассуждения Николая о высокой нравственной культуре человека, способной сыграть свою роль в разрешении конфликтов, о влиянии красоты природы на человека, как источника радости и богатства, также были близки Ивану.

Особенно ему нравился Александр, спокойный и доброжелательный. Ивану понравилась подмеченная им и придуманная кем-то хитрая философская мысль об оправдании войны.

Ивану показалось, что его собственный ум не способен был так глубоко мыслить, отчего он не вступал в разговоры. Ему нравилось слушать этих прекрасных людей и наблюдать их осветлённые золотым огнём лица, отмечая при этом, что ни один из них не перешёл на крик, а каждая мысль выражалась спокойным и уверенным тоном. Чувствовалось, что это были честные, умные, опытные и в делах, и в рассказах люди. Найдёт ли он своё место среди этих мудрецов, примут ли они его на равных с ними?

Время клонилось к ночи. Разошедшиеся в разговорах ребята могли продолжать беседу ещё долго, но Владимир Петрович, посмотрев на часы, уверенным тоном сказал:

– Ребята, конец дискуссиям. Спать.

Все подчинились. Остался только Александр, которому предстояло погасить костёр и навести порядок вокруг него.

Иван вошёл в палатку, нашёл в темноте свой спальник, забрался в него и быстро уснул.

Глава 5

В этих камнях столько богатства

Утром все встали рано, хотя солнце уже светило ярко, отчего плотная брезентовая палатка была полна света. Иван решил ещё раз посетить высокогорный источник с его необычайно прозрачной водой. По знакомой ему уже тропинке он подошёл к берегу Белого ключа и ещё раз восхитился зеркальным светом, исходящим от источника. Это зрелище можно было увидеть только рано утром, когда косые лучи ещё не разогретого солнца игриво отражались от белого дна и преломлялись в отсвете воды. Эта чуткая свежесть красок и утреннего света утвердили в нём хорошее предчувствие, придав ему прилив душевных сил на весь предстоящий походный день.

Когда он вернулся, геологи уже собирались на завтрак. Владимир Петрович как обычно был собранным и точно следил за порядком, не отступая ни на минуту от своих принципов.

Ровно в десять часов утра геологи одели свои рюкзаки и двинулись по направлению к Большому Таганю, причём двое из них Николай и Александр вскоре свернули с тропы, а Владимир Петрович и Иван пошли дальше.

За свою жизнь Владимир Петрович обошёл «пол-Урала», как он сам об этом сказал, и уверенно выбирал тропинки, информируя об окрестностях своего молодого коллегу.

– Двухглавую сопку мы обогнём с южной стороны, потому что там расположены покатые горы, по которым легче можно будет взобраться на вершину, – сказал Владимир Петрович.

И они пошли по ровной каменной дорожке у подножия горы, которая всё дальше и дальше отступала от вершины.

– Наша экспедиция обследует в этот раз только часть южного кряжа, – уточнил Владимир Петрович. И далее он напомнил Ивану о том, что хребет Большого Таганя является древнейшей частью громадной складки гор, возраст которой составляет около четырёхсот миллионов лет и что ныне сохранилась только небольшая её часть. Она, разбитая на ряд хребтов, простирающихся примерно на два десятка километров с юга на север, представляла собой два горных кряжа, сложенных из кварцитов.

Иван спросил:

– Если Таганай сложился из складок кварцитов, то, наверное, есть и другие белые ключи на Урале?

На что Владимир Петрович ответил:

– Белый ключ в районе Двуглавой сопки известный местным жителям только потому, что он расположен близ Златоуста, но горных кварцитовых ключей на Южном Урале великое множество.

Они разговаривали между собой на ходу, где на их пути встречались луга, березовое криволесье, заросли кустарников, среди которых вдруг неожиданно стали вырастать скалы с причудливыми формами.

– Далее за скалами начинается грандиозная каменная река в виде россыпей глыб и щебня, – сказал Владимир Петрович.

Он уточнил, что в этой зоне вследствие физического выветривания происходило интенсивное разрушение горных пород, вершины которых под действием силы тяжести медленно распадались и смещались по склонам хребтов.

– Вот, посмотри вперёд, сколько камней рассыпано, – сказал Владимир Петрович и указал жестом руки на огромную долину, образовавшуюся среди возвышавшихся высоких скал, похожих на два берега широкой реки.

Идти по каменной реке оказалось непросто. Ноги постоянно соскальзывали с острых сколов, надо было ещё приспособиться к движению вверх по «реке».

Вскоре Владимир Петрович остановил внимание Ивана на большом камне, выделявшемся цветом и объёмом на фоне серых больших и маленьких каменных сколов. Это был целый радужный строй из белых, жёлто-розовых, красноватых, зеленых и синих цветов, блестевших под ярким солнцем.

Владимир Петрович сказал, что такого большого авантюрина он ещё не встречал в этих местах, и стал внимательно его рассматривать, обращая внимание на необычные сочетания медово-желтых и золотисто-коричневых вкрапин. По своей форме камень тоже был необычным, с закруглённой шапкой сверху и выступающими по бокам площадками, словно специально вырубленными для отдыха путников.

– Ваня, давай сядем на приготовленные для нас драгоценные троны и представим себя в этом заповедном краю царями природы. Думаю, что ни у одного реального царя такого трона из авантюры ещё не было, – сказал Владимир Петрович.

И они уселись на него и несколько минут молчали, переводя дыхание.

Разговор начал Иван:

– Какое странное название у этого камня.

На что Владимир Петрович ответил:

– Да, уж. Не случайно. Где-то в далёкой Венеции, может, и сегодня вспоминают стеклодува, просыпавшего случайно в расплавленное стекло медные опилки, заигравшие в застывшем состоянии золотистыми блёстками. Вот и этот минерал создаёт эффект мерцания, поэтому называется авантюрин, то есть случайность. Давай немножко посидим, полюбуемся этой красотой.

Когда они отдыхали, Владимир Петрович записал что-то в специальный журнал, сказав:

– Мы нашли редкий по величине самородок, и, если его смогут вывезти отсюда и сохранить, то ему не будет цены. Однако, сделать это будет непросто, хотя такая находка могла бы стать гордостью любой коллекции.

Потом ещё раз внимательно и с разных сторон осмотрел его и вновь произнёс:

– Ваня, в этом камне столько богатства. Думаю, что неплохо было бы завестись такими образцами, и он предложил с помощью топорика сколоть отдельные его куски, причём посоветовал Ивану тем самым начать собирать личную коллекцию уральских камней.

Иван был доволен таким предложением и с энтузиазмом принял за дело. Камешки под резким ударом топора весело отскакивали, как бы говоря: «возьми меня», «не теряй меня».

Иван поднимал каждый отскочивший камешек и бережно складывал его в кармашек своего рюкзака. Когда он был заполнен, мужчины ещё раз обошли камень, пытаясь обхватить руками, отмечая при этом, что их рук не хватает.

– Иван, а знаешь, как ещё называют авантюрин?» – вдруг спросил Владимир Петрович.

– Нет, а как? – спросил Иван.

– По месту нахождения этих уникальных камней их также называют таганаитом, чем мы особенно гордимся, потому, что это название дано по Таганайскому горному массиву, где сосредоточены его значительные залежи, – ответил он.

Геологи с сожалением покидали этот обнаруженный ими клад драгоценных кристаллов, сколами оставив свою память на этом уникальном самородке.

Поход по каменной реке вверх в горы продолжился уже с отяжелевшей поклажей. Они взбирались по крутой тропинке, демонстрируя силу воли и сноровку. Впереди шёл Владимир Петрович, показывая пример и указывая путь Ивану. Иван почти повторял ход своего учителя, хотя с трудом двигался наверх. Почти полчаса длился этот подъём и, наконец, Владимир Петрович остановился и, подождав Ивана, сказал:

– Вот мы и наверху. Отдохнём немного.

Он подошёл к краю скалы и указал рукой на панораму каменной реки, по которой они только что прошли. Перед ними открывалась долина почти настоящей реки, где под лёгкой дымкой камни превращались в воду. Если бы Иван сам только что не прошёл по этим каменным глыбам, он мог бы подумать, что, смывая всё на своём пути, бурным потоком несётся настоящий камнепад. Это была яркая и незабываемая панорама одного из уголков Таганая.

Иван, вдруг почувствовав прилив необычайного уважения к этому всезнающему человеку, сказал:

– Владимир Петрович, у вас такой целенаправленный характер. Вас уважают все геологи, вы и обо мне заботитесь как о своём сыне. Я вам очень за это благодарен.

На что тот ответил:

– Знаешь, Ваня, не стоит меня благодарить. По возрасту ты действительно мне сын, и моя задача состоит в том, чтобы таким, как ты, передать мои знания, умения, опыт. Запомни, что человек делается уверенным в себе тогда, когда он, не изменяя своим корням, стремится к любви, красоте и возвышенному познанию мира. Вы, молодые, – наше будущее. Я вижу, как ты стараешься, и уверен, что у тебя всё получится. Сейчас у нас очень мало времени и надо продолжать подъём на Двуглавую сопку, и путь этот будет труднопроходимым из-за большого количества подъемов и спусков, наличия буреломных участков, гранитных скал в виде причудливых столбов, похожих на башни и крепости. Там на разных глубинах есть вертикальные и горизонтальные трещины, поэтому надо быть внимательным и осторожным, чтобы не случилось беды.

И вот вновь, накинув свои рюкзаки на плечи, и, проверив друг у друга крепления, они двинулись дальше.

Подъём на гору оказался не сложным, а вот хождение по бу- реломам оставили у Ивана неоднозначное впечатление, его лицо и руки оказались поцарапанными из-за постоянно встречавшихся низкорослых колючих кустарников. Они прошли мимо каменистых скал, похожих на огромные дугообразные ворота.

– Загадочный вид, – сказал Иван.

– Да! – согласился Владимир Петрович и пояснил: – Это «Чёртовы врата», которые местное население связало с нечистой силой.

Склоны этого дугообразного гребня состояли из многочис- ленных террас, скальных стенок и расщелин.

Встретились и сложенные слюдыстыми сланцами Гремучие ключи, где они посидели на камне возле шумящего и падающего сверху водопада. Захотелось пить. Иван подставил ладони к струйке воды, и она с брызгами наполнила его пригоршни, обка- тив лицо. Он жадно стал пить эту воду. Живительная влага обожгла его внутри и снаружи, отчего из уст вырвались некое подобие мла- денческого восторга.

Иван вновь почувствовал, что не может удержаться и не сказать своему наставнику новые слова уважения к нему:

– Владимир Петрович, вы – удивительный человек. Я следую за вами, как за волшебником, и не устаю. Вы придаёте мне силы. Как мне хочется научиться вашей мудрости и быть похожим на вас.

Владимир Петрович на минуту задумался, а потом сказал:

Знаешь, Ваня, учить этому бессмысленно, если человек захо- чет, то он всю жизнь будет совершенствовать себя. Я уже давно пишу книгу о жизни моего рода. Только не могу окончить. Хочу рассказать своим детям, где истоки их мудрости. Хотел бы и тебе дать почитать её, но сейчас у меня с собой книги нет. Может, ко- гда-нибудь и случится такое.

Иван ответил, что очень хотел бы прочитать её.

Посидев ещё немного, они поднялись и пошли по тропинке вдоль реки и вскоре были уже возле Белого ключа, где, сбросив рюкзаки в палатку, вышли к горевшему костру, возле которого ко- пошился Олег.

– Где остальные? – спросил Владимир Петрович.

– Отдыхают на полянке, – последовал ответ.

– Пойдём, отдохнём и мы.

За палаткой действительно прямо на траве, раскинувшись, сладко спали Николай и Александр.

Иван и сам не заметил, как его утомлённое длительным походом тело потянулось на свежую траву и блаженно распростёрлось рядом с ними.

Сон длился не более часа. Открыв глаза, Иван увидел перед собой голубое небо. Лёгкий ветерок обдувал лицо. Он вновь закрыл глаза. Было так приятно, не двигаясь, почувствовать эту невесомость. Он слабо шевельнул пальцами рук, от движения которых в глазах поплыли лёгкие розоватые круги, которые то расплывались, то стягивались в тонкий круг, а то дробились и меняли свои цвета. Было забавно ощущать в себе такие бестелесные изменения. Вновь открыв глаза, он заметил, что по небу поплыли высокие белые облака, а, услышав голоса ребят, решил подняться.

Все уже подходили к костру, где намечался ужин.

Вечером вновь состоялись дискуссии на темы войны и мира, но Иван в неё не вступал. Усталость состоявшегося пути и завтрашний поход к горе Откликной, главной цели командировки Ивана, заняли всё его внимание и силы.

На следующее утро Иван проснулся очень рано. Не открывая глаз, он услышал, как просыпалась природа. Слабо шелестели листья деревьев и кустарников, причём он отчётливо отметил их различную тональную высоту. Ветерок стал издавать разные звуки в зависимости от того, с чем ему приходилось соприкасаться. Он услышал шум струящейся воды. Звуки слышались со всех сторон, и природа вдруг зажила для него своей особенной невидимой звуковой жизнью.

Открыв глаза, Иван вышел из палатки. Солнце только что распростёрло свои красные лучи над горами, в ущельях расплзлась синеватая дымка утреннего тумана. Его опять потянуло к источнику, и он, понимая, что это посещение может стать для него последним, медленно побрёл к целительной влаге. У Белого ключа увидел, как чистая и холодная горная вода с шумом падала сверху на гладкую зеркальную поверхность, играя серебристыми струями и вспенившимися кругами.

Возвратившись к палатке, Иван увидел, что все ребята уже встали и собирают свои рюкзаки. Была разобрана и сложена палатка, потому что следующий ночлег предполагался в другом месте.

Затем был завтрак и построение для проверки готовности к дальнейшему походу на гору Откликную.

Третий походный день начался. Владимир Петрович не отходил от Ивана, рассказывая ему об интересных местах на их пути. Теперь первым необычным местом оказались так называемые Песочные горки, тропинки которых были покрыты белым песком. Было такое ощущение, словно кто-то торжественно рассыпал его в знак появления здесь человека.

Иван спросил:

– Откуда здесь на тропинках такое торжество белого цвета?

Владимир Петрович пояснил, что когда-то в этих местах располагалась зона интенсивных тектонических подвижек, и зёрна кварца, слабо скрепленные цементным веществом, испытывали трение друг о друга. В результате выветривания белоснежный кварцевый песок отлагался по склонам гор, видимый сейчас на узких тропинках, протоптанных человеком и существующих с незапамятных времён.

– Здесь также сохранилось и огромное количество скалоостанцев, порой напоминающих различных сказочных персонажей. Идёшь иногда по такому лесу, задумаешься о своём, и вдруг из-за стены зелёных деревьев неожиданно покажется огромный медведь или вообще какое-либо чудище. Поневоле, вздрогнешь и перекрестишься, пока не поймёшь, что это стоят недвижимые каменные великаны, – продолжил говорить Владимир Петрович.

– Да, к этим местам надо привыкнуть, – сказал Иван и спросил:

– А дикие звери часто встречаются на пути геологов?

– Нет, звери здесь людей не трогают, особенно, когда им еды хватает. А растёт здесь всё: ягоды, грибы, разные травы. Мелкой живности много. Горы дают пищу и приют всем зверям и птицам. Звери очень осторожны, и к человеку не подходят.

Они прошли немного вперёд, и Владимир Петрович остановился:

– Вот, смотри, россыпи самоцветного камня Урала, символа России – родонита.

Он снял свой рюкзак и с помощью топорика стал отбивать небольшие камни красноватого цвета, одновременно поясняя Ивану, что этот камень представляет собой силикат марганца, превращён-

ного в плотные мелкозернистые массы с цветом от розового до красно-бурого.

Ивану захотелось набрать их как можно больше, но тяжелеть стал рюкзак, поэтому Владимир, понимая это, сказал:

– Ваня, много брать этого минерала я тебе не рекомендую. У нас ещё много интересного впереди.

Они вновь надели свои рюкзаки и отправились к Заплотному Камню, где имелся карьер по добыче многих руд и минералов. Пройдя около километра, перед ними неожиданно выросли отвесные скалы, ставшие на их пути мощной стеной среди зелёной листвы деревьев и кустарников. Обогнув полукилометровую стену – заплот, молодой геолог удивлённо остановился. Перед ним находилась огромная впадина, уходящая в глубину на десятки метров, по которой вниз по спирали дорог шли машины. Эти дороги в чаше карьера представились Ивану ярким живописным серпантинном, линии лент которого опутывали его по краям.

Владимир рассказал, что в чаше находится природная кладовая многих видов минералов, и предложил ему пройти по уходившим глубоко вниз дорогам, чтобы пополнить коллекцию его камней. Сам он не пошёл, дав юноше самому разобраться в этом каменном многообразии.

Сложив на обочине карьера свой рюкзак, Иван с радостью начал спуск, где ему сразу же под ногами стали встречаться минералы, необычные и по форме, и расцветке. Примерно через час он поднялся наверх, показав карманы, туго набитые камнями. Разложив минералы на траве, он стал спрашивать у Владимира ценность той или другой находки.

К его удивлению тот легко определял минералы, как по названию, так и по значимости, отметив латунно-жёлтый с металлическим блеском пирит, драгоценный зелёно-красный турмалин, зелёный матовый органиит и другие камни, а также предложил свою помощь в классификации их по прибытии домой.

Теперь коллекция камней Ивана значительно пополнилась, а рюкзак стал намного увесистее.

Но надо было двигаться дальше. Пройдя с полчаса, неожиданно Владимир остановился и подошёл к одному из камней, подозревая Ивана.

– Вот, смотри, на камне гранатовые зёрна.

Иван всматривался в крапины на камнях, отмечая причудливость их цветов.

– Темно-красные гранаты – это пироп, а розовые – альмандин. Гранаты здесь известны всех цветов, кроме синего. В этих местах расположены две большие выработки гранатов под названием Ахматовская копь и добавил:

– С названиями мы разберёмся позже, а сейчас отправимся на поиски гранатов.

И они разошлись, договорившись сойтись через два часа на этом же месте, где и оставили свои рюкзаки.

Примерно часа через два они уже сидели на прежнем месте, уставшие, но с увесистой поклажей. Иван разложил свои камни, ожидая приговора Владимира, который осмотрел их и сказал:

– Молодец, почти половина из них являются гранатами. Здесь в копи можно найти почти весь род этих прекрасных минералов, но то, что ты нашёл, является достойным пополнением твоей коллекции.

Владимир посмотрел на солнце, которое медленно подступало к закату.

– Надо подбираться к лагерю, впереди ещё трудная дорога. Выдержишь? – спросил Владимир.

– Конечно, – ответил Иван.

Вечером все собрались вновь. К этому времени ушедший вперёд Николай уже подготовил общую палатку, разжёл кострище и приготовил ужин.

Место было выбрано не менее живописное, чем прежде, расположенное у самого подножия горы с большой открытой площадкой посреди камней, где горел костёр, возле которого стоял самодельный стол с лавками.

Опять был плотный ужин и часовой отдых.

Иван после ужина отдыхать отказался, решив самостоятельно прогуляться к находившемуся всего в полверсте от лагеря Откликному гребню. Владимир пошёл вместе с ним.

– Негоже отпускать тебя одного в незнакомых местах, – сказал он.

Известив дежурного Николая о своей прогулке, они налегке проследовали к горе. По камням поднялись на среднюю площадку гребня, откуда хорошо открывалась широкая на несколько десятков километров панорама Златоустовского Урала. Двуглавая сопка

неожиданно представилась им древним ящером, а гора Круглица – застывшей на взлете морской волной.

– Какой величественный вид! – воскликнул Иван.

– С Откликного видна восхитительная панорама! – подтвердил его слова Владимир.

Затем они спустились с горы и оказались среди небольшого кладбища.

– Это древнее кладбище староверов, – прокомментировал Владимир.

Иван понял, что и хоронить людей здесь среди камней было делом очень непростым: древние захоронения были на небольших площадках, отмеченных воткнутыми в землю покосившимися каменными крестами.

– В наших краях и сейчас живёт много староверов. Это чистые и мудрые люди, – сказал Владимир.

Глава 6

Откликное эхо

Наступало время возвращения к геологам. Владимир посмотрел на часы и сказал:

– Пора возвращаться, приближается время процедуры вызывания Откликного эха.

Они пошли к западной отвесной скале, вид которой с резкими скалинами вверх был впечатляющим. Иван впервые увидел так близко эту круто вздымающуюся шапку со множеством выветренных скалистых шпалеобразных завершений, ритмично чередующихся между собой. Контраст синего неба и серых обветренных острых скалистых зубов вызвал в нём чувство и восхищения и тревоги.

– Гор, издающих эхо, на Урале много, но эта гора особенная. Она может отразить многократное эхо, в чём помогают ему гребнеобразные лабиринты разрушающихся скал в верхней части почти вертикальной стены, – сказал Владимир и посмотрел в сторону, где был их лагерь.

Через некоторое время к ним стали подходить геологи и, когда все собрались, руководитель экспедиции, придумавший эту традицию, напомнил им о правилах вызывания эха.

Правила эти были простыми, но со смыслом. В течение многих лет они воспитывали у геологов смелость, коллективную решимость действий, напоминали о семейных радостях. Ведь геологам большую часть жизни приходилось подвергать себя опасностям жизни, быть наедине с собой вдали от своей семьи, поэтому эта традиция пользовалась у них в отряде большой популярностью.

Все знали легенду происхождения эха, в которой говорилось о лютом звере, обитавшем много лет назад в пещере Таганайского хребта. Он хватал и пожирал людей. Однажды мимо горы шёл святой пустынник, увидавший, как огромное чудище вылезало из пещеры на охоту. Он обратился к богу молитвой, и Господь внял ему, каменной глыбой убив чудище, но как напоминание об этом оставил в лабиринтах гор его долгий голос.

Владимир придумал три испытания. Каждый геолог должен был как можно выразительнее и громче прокричать слова «Вы-ходи, чу-до-ви-ще», причём голос должен был как можно дольше по времени прозвучать в ущельях горы.

Второе испытание было направлено на коллективное противостояние чудовищу, в котором они дружно хором посылали слова: «Нас не ис-пу-гать».

Третье задание обязывало каждого геолога громко отправить весть своей жене, назвав её имя.

Победителем признавался тот, кому откликнется самое длинное эхо.

Была и награда. Кроме особого почитания в этот день, вручался и венок из дубовых листьев, собираемый дежурным по лагерю. В этот раз его заранее приготовил Николай.

Это было похоже на наивную детскую игру, но геологи и были в чём-то похожи на детей. Это их забавило, но в этом был и здравый смысл.

По команде Владимира первым вступил в бой с чудовищем как обычно Владимир. Его «Вы-ходи, чу-до-ви-ще!» прозвучало решительно и громко. Голос очень точно нашёл резонирующий звук на верхнем уровне, отчего он долго перекидывался от одного утёса к другому. Все хором начали счёт: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь». Это была заявка на победителя.

За ним вступил в права своего голоса Олег: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть...» насчитали мужчины.

– Неплохо! – похвалил его Владимир.

Настала очередь Ивана. К сожалению, долгого звука не получилось, потому что он недостаточно набрал в грудь воздуха, и ребята насчитали всего пять переключек.

Далее вдохнул в себя воздух Николай. Он широко раскрыл рот, запрокинул голову, расправил плечи и послал звук так, что все его сильные мышцы плеч и лица растянулись и выдвинулись вперёд. Слово «Выходи» он превратил в протяжный звук «выи-и-ха-а-ди-и-и-и», а звучание «чу-у-до-о-о-вис-че-е» ушло наверх долгим, полным и звучным. Ребята дружно и громко считали: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь». Это была победа.

Настала очередь Александра, многократного рекордсмена в этих состязаниях мужчин. Он так же, как и Николай, долго готовился, чтобы набрать в себя побольше воздуха, и, откинувшись назад, своим громким голосом прорычал мощно и долго, но на счёте «Семь» всё затихло.

Потом началось второе действие коллективного устрашения чудовища. Все приготовились и по команде Владимира на четыре счёта закричали: «На-а-ас не ис-пу-га-а-ать»!

Долго слышался гул над Таганаем и, казалось, вот-вот сама гора рассыплется от такого хора мощных мужских голосов.

Третье индивидуальное приветствие жёнам вызывало некоторое оживление в голосах мужчин. Жёны, находясь по домам, хотя и не слышали их голосов, но знали об этой их традиции позывных в их адрес.

Мужья публично громко вспоминали имена своих любимых женщин, что являлось проявлением к ним искренних чувств.

Первым вступил, как обычно, Владимир, имя «По-ля- а-а» долго кружилось над вершинками гор, улетев в сторону Уржумки. Все считали: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь...»

Вторым отправил своё приветствие Олег. Его «О-ля- а-а!» звучало до счёта «шесть».

Теперь настала очередь Ивана отослать своё послание. Его «Ма-ша-а-а» было послано с такой силой и страстью, что геологи переглянулись. Все стали считать: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь...», такое достижение для Ивана стало полной неожиданностью.

Николай послал своей «Ни-не» любовь на «семь» баллов, а Александр своей «Ю-ле» – на «шесть».

Венок победителя на этот раз был вручён Николаю.

По окончании церемонии награждения, Иван подумал о целесообразности таких звуковых состязаний, увидев весёлые и довольные лица ребят. Ему вспомнились слова, прочитанные когда-то в институтской библиотеке о том, что слова и звуки могут резонировать события, обладая сильной смысловой и эмоциональной властью.

В эту ночь он долго не мог уснуть, но потом усталость взяла своё. И снился ему сон. Яркое красное солнце уходило за горы, вначале исчезла половина, потом четверть и, наконец, тоненькое очертание полукруглой красной полосы осталось над вершиной обнажённых камней горы Откликной.

Запущенное групповое эхо долго перекатывалось по ущельям, вызвав луну, игриво усевшуюся на междугорбие самой высокой скалы. Казалось, что она улыбалась геологам.

Все геологи расположились у палатки, однако, Александр сказал, что нет Владимира.

Все стали его звать, но он не откликался, и геологи решили отправиться на его поиски.

Иван поддержал намерения ребят, но одновременно стал сомневаться в правильности этого решения, ведь в темноте он и сам мог запутаться среди бесчисленных ущелий, останцев, деревьев, зарослей. Но, несмотря на это, он вместе со всеми готовился к поискам.

Вдруг Александр закричал, что пришёл Владимир, который взволнованным голосом сообщил о появившихся в ущельях горы невиданных диких чудищ, объявивших геологам войну.

– Эти рукокрылые полчища, вылетающие из пещер окрестных гор, собирались в ущельях, чтобы напасть на нас. Каждый такой зверь-птица издавал звуки, от которых закладывало уши, – взволнованно говорил он.

Владимир призывал геологов не бояться их, быстро одеть кольчуги, взять златоустовские клинки из булатной стали и отправиться на борьбу с ними.

Все согласились встать в строй и немедленно отправиться защищать горы от нашествия чудовищ.

Первым как предводитель шёл Владимир, за ним, не нарушая прежнего порядка, встал Олег, и далее Иван, Николай и Александр.

Подходя к ущелью, все увидели неисчислимое скопление этих крыланов, которые чёрными пятнами расселись по всему горному хребту. Их вид устрасал яркий металлический блеск, полёт был быстрым с резкими бросками и крутыми поворотами. Они выставляли свои острые клыки и махали широкими зонтообразными крыльями.

Владимир благословлял всех на подвиг:

– Да помогут нам кольчуги и стальные клинки, вперёд за мной на полчища поганых крыланов!

И геологи, выставив вперёд острое, как бритва, оружие, ринулись на врага. Сам он, показывая пример, круговыми взмахами рубил врагов на земле и в воздухе. Примеру Владимира последовал Олег, который также легко, играя клинком и делая зигзагообразные движения в воздухе, уничтожал врагов.

Иван на некоторое время стал как бы историческим наблюдателем этой схватки и видел, как Николай и Александр ринулись в самую гущу чудовищ, рассекая их в воздухе.

На какое-то время, когда чёрные их тучи рассеялись, он посмотрел наверх и увидел на подставке, где ранее лежала золотая луна, свою жену с сыном на руках. Иван закричал и с удвоенной энергией стал круговыми движениями рубить чудищ.

Вдруг Маша закричала, предупреждая его о приближении новых ещё больших по размеру чудовищ. Он оглянулся и увидел, как из дальней пещеры прямо на них летит эта чёрная стая. Это увидел и Владимир, воскликнув:

– Да удлинятся наши родные златоустовские булаты, ребята рубите их сверху!

Иван к своему удивлению увидел, как клинки стали не только изгибаться налево и направо, но и вытягиваться вверх настолько, насколько это нужно было для уничтожения врагов.

Летящая стая падала на остроту стальных ножей, превращая землю в чёрное поле трупов. Он взглянул наверх, но там уже ничего не было, лишь на подставке снова появилась бледная хитро подмигивающая ему луна.

Он проснулся. В горах гремела гроза. Дул сильный ветер и слышалось гулкое суровое его завывание. Он слышал, как по палатке застучали первые капли дождя.

Дождь шёл до полудня, поэтому на станцию отправились уже во второй половине дня и возвратились поздно вечером.

В своей казённой комнатухе Иван уснул сразу, а утром, взглянув в окошко, увидел, что дождь прошёл и ярко светило только что вышедшее из-за гор солнце, бликами скользившее по деревьям.

Он оделся, вышел на крыльцо. Уральская природа вызывала у него ощущение полноты жизни. Он восхищался её таинственностью, видя подсвеченные солнцем кроны могучих деревьев, склонившиеся над пропастью и без страха проникших в пучину устрашающих впадин. Ему хотелось запечатлеть в памяти эти тонкие линии гор, влажное волшебство света, дающие ощущение силы и загадочности.

Он смотрел вдаль, вспоминая детали состоявшейся экспедиции. Интересно то, что видел он своих новых друзей как бы со стороны, пытаясь оценивать по отдельности свои действия и действия геологов.

Находясь в задумчивости, Иван не заметил, как к нему подошёл Владимир Петрович, положивший руку на его плечо.

– Любуешься красотой наших гор, Ваня? – спросил он.

– Да, от такой красоты невозможно просто так уйти. Как быстро пролетело время. Очень хочется запомнить эту красоту и вернуться сюда вновь, – ответил Иван.

– Надеюсь, что это произойдёт. Но должен тебя известить, Ростислав Викторович выслал за тобой машину, – продолжил Владимир.

– Да, жаль, что надо уезжать.

– Мы всегда будем рады тебя принять.

Разговор прервался, потому что из двери стали выходить геологи, на которых Владимир обратил внимание.

– Пора приводить себя в порядок и собираться на завтрак, – сказал он.

Через час все уже сидели за широкими лавками, сколоченными у крыльца.

После завтрака Владимир вышел из-за стола и, обращаясь ко всем геологам, сказал:

– Ребята, сегодня закончилась первая неделя служебной командировки Ивана и хочется сказать ему дружеские слова. Думаю, что разделю общее мнение в том, что нам он стал другом и, надеюсь, будет перспективным геологом. Очень хочется верить, что ты,

молодой человек, полюбил эти сказочные горы так же, как и мы, и понял, какой это тяжёлый, но очень интересный труд быть геологом.

Потом Владимир предложил высказаться всем остальным геологам. Беседа затянулась почти на час. Ребята говорили дружеские слова и договорились писать друг другу письма.

Когда все геологи отошли к палатке, Иван подошёл к Владимиру Петровичу и сказал:

– Дорогой мой друг, Владимир Петрович. Я несказанно рад, что познакомился с вами. Очень хочу и дальше продолжить работу с вами, о чём буду просить Ростислава Викторовича.

Владимир Петрович ответил своим согласием, но сказал, что это зависит не от него.

Вскоре прибыла грузовая машина, на которой Иван и отправился в обратный путь.

Водитель машины, назвавшись Дмитрием, не сдерживая себя в эмоциях, сразу стал рассказывать о сложных участках дороги, о своей холостяцкой жизни, о происшествиях, случавшихся в горах.

Иван слушал всё это сквозь сон, обволакивавший его сознание. Монотонность дороги укачивала, но ямы на дороге, в которые попадало колесо машины, постоянно заставляли просыпаться.

Три часа времени прошли незаметно, и вот уже показались дома на улицах Златоуста. Машина остановилась у здания горсовета. Взяв с собой тяжёлую сумку с грузом минералов, Иван, поблагодарив водителя, поднялся в кабинет Ростислава Викторовича, который уже поджидал его.

Через час они были уже дома, где их радостно встречала Ксения Григорьевна.

Глава 7

Тайны гор

– Ванечка приехал. Ну, здравствуй, наш дорогой. Замучили там тебя друзья – геологи. Ты даже похудел, как я вижу. Проходи, пожалуйста, домой, – говорила она.

И далее по-хозяйски, обращаясь к обоим мужчинам, она добавила:

– Приводите себя в порядок, и за – стол. Будем откармливать нашего дорогого друга.

Аромат кушаний ударил в нос Ивана, вновь был уставлен искусно приготовленными Ксенией Григорьевной уральскими кушаниями стол, за которым он с восхищением рассказывал хозяевам дома о своей экспедиции, а хозяйка напомнила о том, что вечером приезжает Маша.

После обеда Иван занялся разбором своей сумки с минералами, отложил лучшие из них для хозяев и Маши и принялся писать письмо в Почеп.

Здесь, в доме Ростислава Викторовича, он имел возможность спокойно подумать о своей семье, выражая свои искренние чувства жене, называя её ласково Машенькой, единственной и ненаглядной. Он спрашивал о сыне, просил подробно сообщать о нём. Не забыл спросить и о здоровье дедушек и бабушек.

Хотя Иван и хорошо спал в эту ночь, но его глаза в тишине незаметно сомкнулись сами по себе, и он уснул.

Проснулся от того, что в дверь осторожно постучали. Это Ксения Григорьевна решила его побеспокоить.

Иван открыл дверь и впустил хозяйку в комнату.

– Ванечка, нам пора встречать Машу, – сказала она.

На что Иван ответил, что через несколько минут он будет готов.

Через час они уже были на железнодорожном вокзале, чтобы вновь встретить любимую дочь родителей.

Стояла тёплая погода, солнце ушло за горизонт, но было ещё светло. Все люди вышли на платформу и вглядывались в сторону приближающегося поезда.

Когда тот остановился, дверь вагона отворилась и показалась Маша, первой спускавшаяся по лесенке, помахивая рукой.

Ростислав Викторович и Иван ускорили ход и успели помочь Маше сойти с последней высокой ступеньки вагона.

Своей рукой она сумела опереться и на протянутую руку Ивана.

– Как я соскучилась, мои дорогие, – сказала она.

В этот момент подошла Ксения Григорьевна, которая обняв дочь, сказала:

– Дорогая моя студенточка, с приездом тебя. Вот мы вновь все вместе встречаем тебя. Как твои успехи?

– Хорошо, всё сдала. Теперь я с вами.

Обратившись к Ивану, Маша спросила:

– Как прошла твоя экспедиция?

Иван ответил, что было очень интересно.

Маша сказала:

– Потом мне всё расскажешь.

Она была такой же весёлой и разговорчивой, как и в первую их встречу.

Вскоре все были уже дома, где был опять вкусный стол и интересные разговоры.

Маша рассказывала о своих экзаменах и просила Ивана рассказать о его новых друзьях.

Их состояния в этот миг были чем-то похожи на состояние пассажиров, проделавших длительный путь на транспорте: путь закончился, а голова и тело были в состоянии движения. Им хотелось делиться своими впечатлениями, и Маша, обрадованная общением с Иваном, стала задавать ему много мелких бытовых вопросов:

– Ты так много пешком ходил в экспедиции, не стёр ли ты ноги там? А обувь выдавали специальную? А в какую одежду вас одевали?

На такие вопросы Иван отвечал неохотно, всякий раз переводя разговор на красоту гор, рек и уральских просторов.

Ксения Григорьевна поняла личный интерес Маши к Ивану, но, не вмешиваясь в их диалог, старалась отвлечь внимание дочери к Ивану вопросами об её учёбе.

– Доченька, а какие предметы ты сдавала и какие оценки получила? – на что Маша ответила общей фразой:

– Все хорошие оценки, мамочка, ты за меня краснеть не будешь, – и вновь своё внимание переводила на Ивана.

Он же, чувствуя такое пристальное к нему отношение, попытался изменить ход беседы и, поднявшись из-за стола, произнёс:

– Извините, но мне на несколько минут надо зайти в комнату, – и вышел.

Там он взял минералы, приготовленные для каждого члена семьи, и, вернувшись к столу, произнёс:

– Дорогие мои хозяева, я приготовил для вас подарки. Они для меня являются дорогим воспоминанием об экспедиции и следствием важнейшего события моей жизни.

Потом, переведя взор на Ростислава Викторовича, произнёс:

– Там, на Таганае, мы вместе с Владимиром Петровичем обнаружили необыкновенный и очень большой самородок авантюрина. Координаты его отмечены в журнале Владимира Петровича, так что при случае его можно извлечь и привезти в город. Его мы обнаружили среди каменной реки и были поражены цветовой радужной игрой его кристаллов. Владимир Петрович разрешил мне для вас, Ростислав Викторович, как известного геолога, привезти его малую часть в качестве подарка. Вы – счастливый человек, и этот камень пусть в дальнейшем будет спутником вашего счастья. Примите его от меня, пусть он также вам напоминает обо мне.

Иван передал камень в руки хозяина дома, который был доволен таким к нему вниманием.

Ксении Григорьевне он вручил небольшой розового цвета камень родонит, красиво лежавший в виде розы на его ладони, и обратился к ней со словами:

– Ксения Григорьевна, я дарю вам главный камень России – родонит, который по преданию укрепляет родовое дерево. И хотя ваш род и так дружный и надёжный, но я желаю, чтобы всегда его нити тянулись к вам.

На эти слова она ответила:

– Спасибо тебе, Ванюша. Мне радостно, что ты с такой чуткостью и уважением относишься к нам.

Обратившись к Маше и протягивая ей прозрачный золотисто-зелёный гранат, он сказал:

– Маша, ты молода и красива. Этот камешек для тебя, он веселит сердце, вливает в человека жизненные силы. Существует предание о том, что, если владелец граната попадает в тяжёлые жизненные обстоятельства, то камень обязательно поможет ему справиться с ними.

Маша слушала Ивана со вниманием и, когда приняла от него подаренный ей камешек, произнесла:

– А я слышала, что это камень влюблённых, спасибо тебе, Ваня, – и внимательно посмотрела на него.

Вскоре все вышли из-за стола. Маша позвала Ивана на крыльцо, где они вновь делились своими впечатлениями о событиях, произошедших с ними за прошедшую неделю.

Иван, рассказывая о своих новых друзьях-геологах, попросил Машу сохранить их письма к нему, которые они обещали направить по адресу её дома. Маша обещала выполнить его просьбу.

На следующий день с утра Маша увлекла Ивана на Райский утёс, где они смотрели с высокого берега на воду, бросали камешки, отсчитывая время, за которое те достигали воды.

Иван, испытывая девушку на сообразительность, неожиданно спросил:

– Маша, ответь мне, почему камень, брошенный с высоты в воду, при соприкосновении в ней образуют не грани, а круги?

Маша подумала и ответила:

– Ваня, вода сильнее камня, она своей мягкостью поглощает и растворяет его в себе. Круговые волны – это её память.

Он, поняв, что в её словах содержался тайный смысл, сказал:

– Маша, твой ответ заставляет задуматься.

Она взяла Ивана на руку и сказала:

– Пошли гулять. Сегодня такая хорошая погода.

И они гуляли, как и прежде, когда в первый раз приходили к утёсу. Она так же убегала вперёд, делая вид, что пряталась за деревьями, а он искал, догонял её, а она вновь убегала.

Пришли они домой уже к обеду, где их встретила Ксения Григорьевна.

– Ваня, пляши, – сказала она. Тебе письмо от жены.

Маша сразу погрустнела и ушла к себе в комнату, а Иван, покружившись перед хозяйкой дома, взял письмо, зашёл в комнату и стал его читать.

Жена писала о своей к нему любви, о маленьком их сыночке, который пробовал уже ходить.

«Поставила я своего мальчика на ножки и сказала ему: иди! И он прошагал свои первые три шажочка, а потом наклонился вперёд, упал на ручки и испуганно пополз ко мне. Я его подняла, и он улыбнулся нам. Мы все наблюдали за этими действиями и были счастливы первым шагам в новую жизнь нашего сыночка», – читал он.

Далее Машенька сообщила о письме, написанном ей Надеждой Петровной, переписав строки из него:

«Дорогая, моя Машенька! Очень грущу о тебе и моём кнопочке Серёженьке, так хочу его увидеть, взять на руки и прижать себе. Думаю, что это очаровательный мальчик, похожий на тебя и моего Ванечку. Я надеюсь, что скоро вы обязательно приедете в Ленинград, а мы с Николаем Петровичем будем вас с нетерпением ждать».

Иван размечтался, счастьем светилось его лицо. Перед ним возникли образы жены, сына, мамы и папы, радовавшиеся вместе с ним первым шагам и улыбке сына.

Настроение стало приподнятым, и он ещё раз перечитал письмо.

Вечером все опять собрались за столом на ужин, после которого неожиданно состоялась серьёзная беседа о значимости уральской земли для России.

Всё началось с того, что Ксения Григорьевна спросила Ивана о здоровье его родителей.

Иван стал рассказывать о них и о сыне так, словно они были рядом с ним, отчего счастливая улыбка не сходила с его уст.

Маша, видя, как радостно изменилось настроение Ивана после прочтения письма и, понимая серьёзные к тому основания, неожиданно обратила на себя внимание, задав в присутствии Ивана многозначительный и даже дерзкий вопрос своему отцу:

– Папа, я понимаю, почему люди хранят в себе тайны, но почему их хранят горы, не понимаю? Хочешь, я расскажу одну историю, которую, я думаю, ни ты, ни Иван, не знаете.

Иван сразу переключил своё внимание на Машу, а Ростислав Викторович ответил на этот вопрос дочери тоже многозначительно:

– Знаешь, Машенька, земля слухом полнится там, где тайное начало слышнее явного. Я с удовольствием послушаю тебя. Думаю, что и Ивану будет интересно.

Маша, задумавшая отвлечь Ивана от его дум, стала рассказывать о спектакле, в котором она участвовала, занимаясь в студенческом театре. Этот спектакль был поставлен по одному из уральских сказаний, в котором отображалась не только таинственные истории гор, но и любовная история, рождённая в недрах уральской земли.

Это был рассказ о сильном и смелом богатыре, спасшем древний уральский народ от змеиного царства.

– И взял он в руки золотой ключ, вручённый ему жителями Урала, и пошёл искать подземный дворец, в котором жили злодеи. А дворец тот был невидимый, и то, что он принял за дворец, оказалось только малой его частью. Но, как говорили на Урале, если уж один конец веревки в руки попал, то, как не любопытствовать, что на другом конце, – увлекая мужчин в сюжет сказки, говорила она.

Они же внимательно на неё смотрели, любуясь эмоциональными жестами и задушевым голосом, и, не проронив ни слова, давали ей полностью изложить весь сюжет сказания, представляя себе этого мужественного Урал-батыра, ходившего по дворцу и могучими ударами распахивавшего многочисленные двери залов.

Иван представлял её вместо прекрасной заколдованной возле трона девушки, которую батыр увидел в самом большом зале среди драгоценных камней и золота.

Маша продолжала рассказывать о том, как одолел он змеиное войско, положив конец несправедливому царству, а потом открыл все подвалы, выпустив оттуда людей, томившихся в ожидании своей участи.

Потом после некоторой паузы она перешла к заключительному акту, где явился их предводитель Алгур, попавший в плен вместе с ними, да не один, а с той самой девушкой, которую уральский богатырь зачарованной увидел в тронном зале, от всего народа попросив его жениться на ней, чтобы навсегда остаться с ними.

Маша неожиданно замолчала, и слёзы выступили у неё на глазах. Иван решил поддержать её и, не обращая внимания на слёзы, продолжил тему:

– Да, действительно огромным богатырём лежит поперёк русской земли Урал. Я слышал от Владимира Петровича, что это земля была прародиной древнего народа, бывших горорытцев, рудознатцев и добытчиков камня, живших в горных пещерах. Добрыми и чистыми они были, словно дети. По преданию, ими правила женщина – красавица и богатырша, мудрая, как сама земля. Она и увела свой народ по тайным переходам Урала во все стороны света на тысячи километров.

Ростислав Викторович, слушая, понимал, что за этими рассказами кроется тайный диалог между дочерью и молодым человеком, и понимал, что и в этом диалоге сосредоточено новое чуткое отношение к Ивану его дочери.

У него возникла трудная задача, с одной стороны, ослабить наполненное чувством отношение дочери к Ивану, он ведь знал, что Иван женат и очень любит свою жену, а с другой, ему хотелось привязать Ивана к Уралу, поэтому решил тоже продолжить эту тему.

– Отраднo, что вы, дети мои, уже многое знаете о нашем крае. Да, Уральские горы действительно являются животворным источником на нашей планете, не зря же народ сочинил здесь столько прекрасных историй.

Он посмотрел на обоих пристальным взглядом и продолжил:

– Уральские поверья о хрустальных хребтах, малахитовых палатах и подземных пещерах хранят высокую энергию избранной земли. Здесь проходит уральский меридиан, где воссоединяются две России – азиатская сибирская и европейская, поэтому она наполнена особой силой.

Он сделал глубокомысленную паузу, посмотрел на дочь, задумался и произнёс:

– Вот ты, Машенька, говорила о тайнах, которые хранят наши горы. Да, они есть. Люди до настоящего времени верят, что ещё живёт здесь горная хозяйка, не имеющая ни постоянного лица, ни имени, ни срока жизни. Кем хочет, тем она и обернется, где хочет, там и появится. Люди верят, что она охраняет эти неисчислимыe подземные богатства, беспредельную мощь и силу уральской земли. Ваня, ты нам всем подарил изумительной красоты камни. Это отраднo, что ты полюбил уральские самоцветы, а вместе с ними и прекрасные горы. Уральский народ за камнем признал основополагающую роль, придавая ему особый смысл. Не случайно ведь, что здесь появились понятия «краеугольный камень», «опорный камень», «волшебный камень». Наша задача, как геологов, не разбрасывать, а собирать эти камни, потому что они живые. Не поэтому ли люди, живущие здесь, почти каждую одиночную гору почитают за камень. Вот и пошли горы с названиями Хойдыпэ, Няропэ, Пэ Мал, Марункев, Лонгот-Етан-Тай-Кев, ведь ненецкие «пэ» и хантыйские «кев» означает камень, который здесь людей держит, кормит и страшит. Всем здесь известно, что кричать и ссориться при камне нельзя и избави Бог связывать с ним корыстные расчеты. Может от этих никем не писанных законов и люди у нас добрые и честные, примагниченные к своей земле, берегущие горные богатства на радость всем людям.

До позднего вечера длилась эта беседа. Иван заслушался рассказом хозяина дома и словно растворился в этом фантастическом мире, поверив, что именно горы охраняют людей от всего злого и коварного, что в них заложена сила и власть, проникающие во всё живое и скрепляющие его.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
УРАЛЬСКИЙ НЕРВ ВОЙНЫ

Глава 8

Неужели будет война?

В камень стрелять, только стрелу терять.

На следующий день Ростислав Викторович должен был определить место дальнейшей командировки Ивана, хотя он был и не против предложения Ивана оставить его в экспедиции Владимира Петровича.

Однако, планы резко изменились. Рано утром Ростислава Викторовича вызвали на работу, где он узнал страшную новость о войне, которую Германия объявила Советскому Союзу.

Верить в это не хотелось, поэтому он сообщил об этом своим родным с большой долей сомнения, находясь в ожидании официального сообщения из Москвы. В полдень почти все жители скопились на центральной площади, где была установлена тарелка громкоговорителя. Все ждали выступления Сталин. Услышать известие о начале войны из Москвы было настолько волнительно, что все люди превратились в одно большое ухо, возбуждённое состояние достигало наивысшего напряжения.

И вот они первые волнующие душу слова, исходившие откуда-то сверху:

– Граждане и гражданки... Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Услышав о том, что со стороны Финляндии происходили артиллерийские обстрелы и налёты вражеских самолётов, Иван забеспокоился.

– Ленинград находится в ближайшей опасности, а там живут мои родители, – сказал он Маше.

Маша ответила:

– Как страшно, неужели началась война?

Все люди находились в полном оцепенении от услышанных слов. Последние слова, исходившие от громкоговорителя, о том,

что Красная Армия и весь народ поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу, были сказаны с особой уверенностью, передавшейся мужчинам и женщинам, столпившимся на площади. Невольно руки сами стали сжиматься в кулаки от нахлынувших эмоций.

На следующий день Ростислав Викторович сообщил, что принято решение о приостановке работы геологических экспедиций.

Несколько дней Иван находился в недоумении о своей будущей судьбе и попытался об этом говорить с Ростиславом Викторовичем, но тот сообщил, что все служащие переходят на военное положение и что сейчас решается вопрос по мобилизации всего гражданского населения.

Каждый день в райком приходили всё новые и новые директивы, там ждали и распоряжения по судьбе всех геологов, приехавших из Москвы.

Потребовалось более недели, чтобы по ним было принято решение: они направлялись в распоряжение Челябинского обкома партии. Иван был в этом списке.

Через два дня Ростислав Викторович, Ксения Григорьевна и Маша отправились на вокзал, чтобы проводить Ивана.

Перед отходом поезда Ростислав Викторович, крепко обняв его, сказал:

– Ваня, жаль, что приходится прощаться, пиши нам, а все твои письма мы бережно сохраним.

Стояла и плакала Ксения Григорьевна, которая тоже обняла его и, поцеловав, сказала:

– Ваня, мы полюбили тебя, как сына. У нас их трое, ты стал нам четвёртым. Приезжай, мы всегда будем ждать тебя.

Маша сквозь слёзы произнесла:

– Ваня, я обязательно приеду к тебе. Не забывай нас, – и неожиданно поцеловала его в губы.

И тут же раздался гудок паровоза. Иван, сказав «до свидания», взошёл на ступеньку вагона, и пока поезд медленно отходил от платформы, постепенно набирая ход, продолжал махать им рукой. В вагоне он на свободное место, как оказалось, рядом с таким же геологом, но с которым ранее знаком не был.

– А я вас помню, мы вместе приехали из Москвы. Вы тогда сидели с Владимиром, который интересно рассказывал нам о Тагане, – сказал попутчик.

– Будем знакомы. Меня зовут Иван.

– А меня Алексей. Мы разъехались тогда сразу же после совещания и не успели познакомиться.

– А куда вас направили? – спросил Иван.

– Я побывал в Миассе, где знакомился с запасами залежей горной породы миаскита.

– А я оказался в Златоусте, откуда меня направили в экспедицию на Таганай. Кстати, экспедицией руководил сам Владимир Петрович, которого мы тогда здесь встретили. Это было незабываемо интересно.

Глава 9

Военнообязанные трудового фронта

Весь путь они с интересом рассказывали друг другу свои истории. Иван узнал, что Алексей окончил политехнический институт в Москве, работал в министерстве, откуда по его просьбе он был командирован на Урал. Но ещё более интересным для Ивана было то, что родом он был из Брянска и неоднократно бывал в Почепе. Иван же рассказал ему о жене Машеньке и о своём маленьком сыночке.

По приезде в Челябинск на следующий день они вновь сидели рядом в кабинете у председателя горсовета, который подтвердил им суровые слова правды о войне.

Теперь главной мыслью председателя было то, что правительство и лично Сталин Челябинску отводили важнейшую роль в обеспечении армии военной техникой. Он напомнил о том, что все бывшие геологи с этой минуты становились военнообязанными, а производство, где они будут трудиться, становится их фронтом.

После этого всех развели по общежитиям. По просьбе Ивана и Алексея их поселили вместе. Там же им выдали повестки, с которыми они должны были явиться по указанному там адресу.

На следующее утро они и отправились туда. Найти адрес здания, куда они должны были явиться, оказалось просто, оно располагалось напротив общежития. Они вошли в него и оказались в длинном коридоре, в котором толпилось несколько десятков

мужчин. Все ждали своей очереди оказаться за дверью с табличкой «Отдел кадров». По их суровым лицам было видно, что все они готовы к выполнению важных и ответственных заданий.

Дошла очередь и до Ивана. Открыв дверь, он увидел сидящего за столом пожилого мужчину в очках, который, услышав его фамилию, стал искать её в списках. Прочитав, что Иван из Ленинграда, поднял голову и, пристально посмотрев на него, спросил:

– Мой земляк. Давно из Ленинграда?

– Почти месяц назад уехал.

– Семейный?

– Да.

– Очень хорошо. Я вижу, что вы окончили Ленинградский горный. Похвально. Будете работать на должности инженера. С работой вас познакомят сегодня же.

Он предупредил о том, что упоминание в письмах сведений о заводе запрещено, и выдал листочек с номером обратного адреса, добавив:

– В связи с военным положением письма на родину проверяются. Не подведи, дружок, имени великого города. Да, меня зовут Фёдор Андреевич. Я вас ещё найду, молодой человек.

Алексея тоже назначили на должность инженера, учтя его работу в министерстве.

Ивана зачислили в конструкторское бюро, которому было поручено спроектировать места для установки станков и организовать работы по бетонированию площадки. Два дня отвели на проектирование и две недели на строительство. В тот же день он написал письмо в Златоуст.

На работу он уходил рано утром и возвращался в общежитие поздно вечером. Очень уставал, и первые дни к вечеру просто не хватало сил. Добравшись до кровати, падал на неё, чтобы рано утром опять идти на работу. Дни пролетали быстро, о себе было думать некогда.

Его сосед Алексей несколько раз уезжал в Миасс, чтобы организовать бесперебойное поступление песка и щебня для производства бетона.

Как только проект заводской площадки был окончен, обе группы приступили к строительству. Вскоре на месте огромного пустыря стало появляться ровное забетонированное поле. Ивану постепенно становилась понятна та работа, которая захватила его

всего и требовала всё новых и новых знаний, так ему необходимых для дела.

В конце сентября месяца Ивану представилась возможность побывать в Златоусте.

Фёдор Андреевич вызвал его к себе и вручил пакет. Иван не стал спрашивать о его содержимом, но намёком об этом сообщил ему сам инспектор:

– Знать содержимое документа тебе ни к чему, но в общих чертах я скажу, что от этого документа зависит поступление на завод важнейшего сырья. Никому его не показывать, никому о нём не рассказывать. Он запечатан, так его и передадите лично председателю горсовета. Да, ещё очень важное указание. Быть внимательным в дороге и с посторонними людьми не общаться.

Эти слова Иван принял к сведению и через час он снова был в поезде. Он сел у окна и стал вспоминать своё первое путешествие в Златоуст. То было начало лета, навеявшее тогда ему романтическое настроение и ощущение полёта над только что пробудившейся природой.

Сейчас же за окнами стояла осень, и жёлтые листья уже начали опадать. Было красиво, но это была холодная красота.

Несколько часов провёл он в одиночестве, наблюдая за мелькавшими линиями подъёмов и спусков. Мысленно думал он о встрече с Ростиславом Викторовичем, Ксенией Григорьевной и, конечно, с Машей.

Ему хотелось узнать и о Владимире Петровиче, и о друзьях-геологах, побродить по окрестностям города, хотя не надеялся на это, потому что времени ему было отпущено только два дня.

Прибыл Иван в Златоуст к вечеру и сразу пошёл к дому Ростислава Викторовича. Постучав в дверь, ему никто не открыл. Было шесть часов вечера. Пришлось идти в горсовет. На входе в здание стоял военный, который проверив документы, проводил Ивана в кабинет председателя.

Председателем оказался уже другой человек, который, повертев пакет в руках, поставил свою подпись в расписке. По коридору Иван прошёл к кабинету Ростислава Викторовича, но, открыв дверь, увидел много людей в военной форме. Они сидели за большим столом, сбоку которого сидел хозяина кабинета тоже в военной форме.

Окончания совещания пришлось ждать почти полтора часа и, когда все покинули кабинет, Иван открыл дверь.

Увидев Ивана, Ростислав Викторович, обрадованный его появлению, сказал:

– Рад тебя видеть, Ваня, – и крепко пожал его руку.

Затем добавил:

– Ох, эта война. Мы, не руки сложа здесь сидим, работаем для фронта. Бои далеко, но слышны и в наших краях. Посиди несколько минут в кабинете, мне надо идти к председателю доложить о результатах совещания. Извини, но он ждёт меня.

Домой они пришли уже поздно вечером, но Ксения Григорьевна их не встречала, и Маши не было дома.

Удивлённый этим, Иван спросил:

– А где же Ксения Григорьевна и Маша?

Ответ был неожиданным:

– Ксения Григорьевна изъявила желание трудиться медицинской сестрой, она сейчас дежурит в местной больнице. А вот Маша поехала в Челябинск, чтобы передать тебе письма. Как только ты уехал, письма стали приносить пачками. Да вот и вчера ещё принёс почтальон два письма. Вот они, на столе.

Иван взял письма в руки, повертел их и подумал, что война заставила всех искать своё особое место в жизни, и сказал:

– Где же Маша будет ночевать там? Надо же мне было уехать из Челябинска именно в это время?

На что Ростислав Викторович сказал:

– Остановится она у брата, ведь там живёт семья нашего сына Максима. Но время сложное, одну девочку отпускать опасно. Отговаривали мы с Ксенией её, но она была непреклонна и вчера уехала. Поеду, найду Ивана, а если не найду, запишусь в добровольцы, пусть меня пошлют на фронт, то ли в шутку, то ли всерьёз говорила она. Остановить её было невозможно. Теперь мы остались с Ксенией Григорьевной совсем одни, – и замолчал, сдерживая эмоции.

Иван видел, как переживает он отъезд дочери, и, чтобы его ещё больше не волновать, не стал задавать лишних вопросов.

– А ты надолго к нам? – спросил Ростислав.

– Нет, завтра обратно. Я выполнил задание, передав срочный пакет председателю. В этом состояла цель моего приезда

в Златоуст. Но, конечно, я хотел увидеть всех вас, только вот Маши и хозяйки дома нет.

– Ксения Григорьевна завтра вернётся утром, а сейчас мы откушаем то, что она приготовила для нас. Жена очень обрадуется твоему приезду. Ты посиди и почитай свои письма, а я приготовлю для нас с тобой ужин, – сказал Ростислав Викторович.

Он вышел, а Иван взял в руки письма и стал разглядывать конверты.

Одно письмо было от жены из Почепа, а второе от мамы из Ленинграда. Оба конверта были такие родные, потому что он узнал на первом из них почерк Машеньки, а на втором – Надежды Петровны и, осмотрев первое письмо со всех сторон, на штемпеле заметил дату: двадцатое июня сорок первого года.

– Где же оно столько времени ходило? – спросил он сам себя, – и, отклеив край конверта, достал письмо, развернул страничку и стал читать.

– «Дорогой мой Ванечка, соскучилась я по тебе безмерно и тоскую вместе с нашим сыночком Серёженькой. Ходим мы уже бойко не только в доме, но и во дворе. Бегает он на своих неокрепших ножках быстро, часто шлёпается, но поднимается сам и не плачет, а только скажет «Ллёпся Ёзя», что значит «Шлёпнулся Серёжа», а затем ручкой погладит себя по попке».

Иван даже прослезился от такого подробного откровения жены и представил себе эту картинку. Чувства признательности жене и сыну расслабили его сознание и отвлекли от действительности.

Вошёл Ростислав Викторович, неся горячую сковороду и чайник.

– Ваня, помогай, – произнёс он громко.

Эта фраза вывела Ивана из оцепенения, и он поднялся со стула, чтобы подхватить чайник.

– Ух, горячо как, – сказал Ростислав и добавил:

– Тяжело мужчине без жены.

Мысли эти совпали с мыслями Ивана, который очень соскучился по своей Машеньке.

– Я уж начал письма читать, и очень мне хочется туда, откуда они приходят, – пояснил Иван.

– Дай Бог, прогоним фашистов, и возвратишься к жене. А теперь давай за стол, проголодался уже за весь день.

Они сидели за столом, разговаривая больше о военных событиях. Хозяин дома, как бы рассуждая сам с собой, говорил о том, что и Ленинград переживает очень сложное время, потому что фашистская армия находится уже очень близко от него.

Иван, подумав, что Ростислав Викторович этой темой хотел посочувствовать ему, оставившему в Ленинграде своих самых близких людей, но вдруг почувствовал в его голосе какое-то особое беспокойство:

– Ваня, мы с Ксенией очень переживаем за наших детей, ведь не только дочь, но и наши трое сыновей добровольцами ушли на фронт. Писем от них ещё не было, но мы знаем, что они вместе с ребятами – сибиряками отправлены под Ленинград. Говорят, фашисты остановлены там. Каждый день мы ждём оттуда любую весточку, – сказал он.

Вот теперь всё прояснилось, но Иван беспокоился о своих родных, хотя продолжал сочувствовать хозяину дома.

Они долго разговаривали на эти темы, с мыслями о которых и разошлись отдыхать по комнатам.

Войдя в отведённую ему спальню и увидев лежавшее на кровати недочитанное письмо жены, взял его в руки и некоторое время рассеянно рассматривал его. Ему словно было непонятно, как этот тонкий листочек, исписанный чернилами, ровными строчками букв каким-то чудесным образом доносил до него её любовь к нему. И он подумал, что вот сейчас он вновь начнёт читать письмо и его душа растворится в этом аромате тонких чувств и, забыв всё на свете, будет смачно впитывать в себя одну только сладкую любовь его Машеньки. И действительно, начав читать, письмо унесло его к ней, сыну, родителям, деревьям, травам и ко всему тому, что рассказывала жена с большой любовью. В душе наступило такое спокойствие, словно золотой солнечный лучик разлил в нём радужную теплоту и безмятежность.

Ему подольше хотелось побыть в таком состоянии, и он медлил читать второе письмо, словно предчувствуя несчастье.

Но, наконец, рука его потянулась ко второму конверту, отклеив края которого, он вытащил двойной весь исписанный материнским почерком листок.

В письме первые строчки выражали к нему родительскую любовь, но далее Надежда Петровна рассказывала о трудном положении, в котором оказался Ленинград и его жители.

Он читал:

«Дорогой сыночек Ванечка, ты не можешь себе представить, как трудно стало жить в городе. Недалеко от нашего дома недавно упала бомба и почти полностью его разрушила. Погибли люди. А недавно по радио передали, что снаряд разнёс в щепки трамвай. Было много убитых, раненых людей, разбросанных по мостовой. Они стонали и плакали. Светловолосый мальчик лет семи-восьми, чудом уцелевший, закрыв лицо обеими ручонками, рыдал над убитой матерью и повторял «Мамочка, мамочка, пошли, пошли домой». Людей увозят из города поездами, самолётами и другим транспортом. Но вчера я слышала, что немцы находятся уже близко и даже захватили железную дорогу, отчего поезда перестали ходить и на вокзалах скопились много людей. Сыночек, в городе стало страшно жить. По ночам сбрасываются зажигательные бомбы, вызывая сильные пожары. А вот ещё одна новость. У нас теперь не работают магазины, и продукты раздают по карточкам. Хорошо, что у нас был небольшой запас продуктов, который помог нам продержаться, но он кончается. Экономим, как можем. Что будет дальше, не знаю. Теперь по всем улицам установлены тарелки, которые постоянно отбивают ритм метронома. Быстрый ритм означает воздушную тревогу, медленный ритм-отбой. В квартире стало холодно, а топить перестали. Сейчас по радио объявили воздушную тревогу, и мы с твоим отцом уходим в убежище. Возвращусь, и допишу письмо....

Вот мы и возвратились. Сейчас я наблюдала, как люди, стоявшие с нами в подвале, смотрели друг на друга и настороженно прислушивались. А наверху был слышен звук тяжёлых самолётов и лающих зениток. Береги себя, мой любимый сыночек. Пиши нам, хотя не знаю, как будет ходить почта. Мы тоже будем стараться жить. Передавай приветы Ростиславу Викторовичу и Ксении Григорьевне. Спасибо за их доброту по отношению к тебе. Целуем тебя, мама и папа».

Прочитав письмо до конца, Иван только теперь понял, как дороги ему его родители, над которыми нависла смертельная опасность. Перед глазами предстала его родная Коломна, Никольский собор, Крюков канал. Он представил себе, как над Невой и его любимым Горным институтом пикируют с устрашающим звуком фашистские самолёты.

– Это невозможно, чтобы такие прекрасные здания были разрушены, – подумал он и долго не мог уснуть.

Рано утром пришла Ксения Григорьевна. Мужчины ещё спали. Она сразу догадалась, что приехал Иван, и, разбудив мужа, спросила:

– Надолго к нам Иван приехал, встречался ли с Машей?

Тот ответил, что сегодня уже уезжает и с Машей не встречался.

Иван, услышав голос Ксении Григорьевны, поднялся с постели и направился к ней:

– Дорогая моя мама, доброе утро! Как я рад вас видеть, – и, подойдя, поцеловал её в щёку.

На что Ксения Григорьевна ответила:

– Здравствуй Ванюша, спасибо тебе за добрые слова. Вот только время изменилось, я теперь помогаю больным, нам очень нужны здоровые люди. Наши сыновья ушли на фронт. И даже краса наша Машенька уехала от нас.

Иван заметил, что лицо её как-то непривычно осунулось, глаза от усталости сузились, да и в голосе звучала какая-то глубокая печаль, отчего он стал немножко хриплым, подумав, что это ночная работа и переживания о детях так исказили их.

Взяв её за руку, он сказал:

– Эта проклятая война всех поставила в строй, заставила страдать. Вчера Ростислав Викторович мне передал письмо от моих родителей. Что творится в Ленинграде? Люди гибнут от голода, холода и бомбёжек. Как я понимаю вас, отправивших всех своих детей на защиту родной земли, вы и сами не щадите себя.

Чтобы не заплакать, Ксения Григорьевна, борясь со своими эмоциями, обратилась к своему мужу, сказав:

– Ростичек, помоги мне приготовить стол, надо Ваню накормить.

За столом Ростислав Викторович попросил Ивана прочитать им письмо из Ленинграда. Иван сам читать его не стал, передав его ему. Дочитав лист письма до конца, Ростислав Викторович сказал:

– Город окружён со всех сторон. Нам об этом говорили, но теперь из письма твоих родителей становится понятно, насколько трудно положение Ленинграда. Наши сыновья не зря посланы под Ленинград, только вот не обучены они воевать.

Ксения Григорьевна сидела печальная, и её глаза, наполненные слезами, были устремлены туда, куда уехали её сыновья. Потом она сказала:

– Больно это понимать, что мои сыночки находятся там, в большой для себя опасности. Господи, спаси и сохрани их.

Потом, справившись со слезами, утвердительно добавила:

– Родину надо защищать, а если не они, то кто же. Все молодые люди мобилизованы на фронт, – и, обратившись к Ивану, прибавила:

– Мы тоже боремся, как умеем, даже с Ростиславом Викторовичем почти не видимся. Он уходит на работу рано, а я тоже тружусь сутками, почти не вылезая от больных. Ванюша, я предполагаю, что и тебе живётся не сладко. Большая просьба к тебе, побеспокойся о Маше. Она, моя девочка, чтобы там не потерялась. Адрес, где проживает семья моего сына Максима, я тебе запишу. Мы с Ростиславом Викторовичем на тебя надеемся.

Ростислав Викторович на вопрос Ивана, знает ли он что-либо о Владимире Петровиче, сообщил, что его перевели работать в карьер и где он находится сейчас, не знает. Иван просил передать ему письмо, написанное им ещё в Челябинске.

Вскоре, попрощавшись, хозяин ушёл на работу, а Иван, понимая, что Ксении Григорьевне надо отдохнуть после ночной работы, попросил разрешения побродить по городу.

До поезда оставалось ещё много времени, поэтому он отправился к райскому утёсу, где долго сидел, вспоминая историю этого места. Он думал, что эта гордая история любви затронула сердца сотен людей, оставивших здесь повязанные на кроны берёз свои разноцветные ленты. Они, развиваясь на ветру, как бы шептались между собой, отчего Иван несколько раз оглядывался.

С высокого утёса открывались величественные виды гор, сливавшихся с золотыми кронами то поднимавшихся на высоту, то опускавшихся в ущелья леса.

Иван подумал, что такая одухотворённая местными людьми красота не может быть отдана на поругание фашистам, и одолеть военной силой живущих здесь людей просто невозможно.

Побывал он и у Святого ключа, заряжаясь энергией чистой воды, а после прогулки возвратился в дом.

Ксения Григорьевна приготовила Ивану целую сумку всякой еды и строго приказала всё это забрать с собой.

Она попросила у него разрешения оставить ей письмо от его родителей, потому что описание произошедших событий в Ленинграде её очень беспокоило. Иван оставил ей письмо, понимая, что и следующие письма из Ленинграда будут такими же драматическими.

Через час он уже вновь сидел в поезде. По прибытию Иван первым делом явился к Фёдору Андреевичу и передал ему расписку о вручении пакета. Тот поблагодарил его за своевременное выполнение задания и сказал:

– От качества поставок стали будет зависеть качество и количество выпускаемых изделий. Они сейчас так нужны фронту.

Фёдор Андреевич также сообщил очень важную новость о том, что через несколько дней на Урал прибудет очень много оборудования, и добавил:

– У нас будет очень много работы.

Иван ответил:

– Я работы не боюсь, готов трудиться столько, сколько нужно родине.

Потом тот пристально посмотрев на Ивана, как бы оценивая его настроение, и спросил:

– Знаешь ли ты, что фашисты окружили Ленинград? В городе сейчас остались миллионы людей, а количество продовольствия уменьшается с каждым днём, люди испытывают настоящий голод. А ведь там остались наши родные люди.

Иван ответил, что он только что получил от родителей письмо, в котором мама ему рассказала об этом тяжелейшем состоянии ленинградцев, и он очень переживает за своих родителей.

Фёдор Андреевич вновь спросил:

– А жители Златоуста прониклись военным положением?

Ответ был таким:

– Я могу судить об этом только из того, что увидел: на улицах гуляющих людей нет, а семья, которая стала для меня родной, совершенно изменила свой образ жизни. Ростислав Викторович в горсовете трудится с раннего утра и до позднего вечера, а Ксения Григорьевна сутками работает в больнице. Они очень тревожатся за своих троих сыновей, недавно мобилизованных на фронт.

На что Фёдор Андреевич сказал:

– Да, везде идёт война, и на фронте, и в тылу.

Глава 10

Всё для фронта!

Иван отправился в общежитие, где ему сообщили, что к нему приходила девушка, но, не дождавшись, ушла, заявив, что ещё вернётся.

Маша появилась в общежитии на следующий день, но Ивана опять не застала, потому что тот ушёл рано утром, и явилась к нему на работу, где он вместе с другими инженерами намечал места для размещения оборудования.

Заметив её издалека, одетую в лёгкое платье с ярким цветным шарфом и шляпкой на голове, он на несколько минут покинул рабочее место, предупредив об этом руководителя проекта, и пошёл к ней навстречу.

Они, встретившись на пустыре, обнялись. Маша прижалась к нему, и он почувствовал её тело и нежные руки, коснувшиеся его лица.

Иван хотел поцеловать её в щёку, но она быстро подставила ему свои губы, и нежный тёплый поцелуй вызвал ощущение слабого электрического тока.

Она некоторое время стояла, словно прилипшая к нему, но Иван чмокнул её ещё в щёку и отодвинул от себя.

Маша заговорила звонким, но чувственным голосом:

– Ванюшка, как я рада тебя видеть. Вчера я просидела почти целый день в общежитии, надеясь с тобой встретиться. Но ты явился, наверное, слишком поздно. Я ночевала в квартире моего брата. Его самого мобилизовали на фронт, а жена Светлана меня очень хорошо приняла. Можем съездить к ней.

Так как он не мог долго задерживаться, то сказал:

– Маша, мы поговорим обо всём с тобой позже. Меня ждёт работа. Подожди меня, и мы с тобой погуляем.

Она согласилась, и через час они уже снова встретились.

Иван рассказывал ей о своей жизни в Челябинске, напряжённой работе, о поездке в Златоуст.

Выслушав его, она вдруг произнесла:

– Ваня, помоги мне устроиться на работу.

На что тот ответил:

– Работа здесь в основном мужская и физически трудная, даже не знаю, чем тебе помочь. О тебе очень переживают родители, они ждут тебя дома.

На что Маша ответила:

– В Златоуст я не вернусь, я хочу быть здесь. Помоги мне.

Иван, подумав, произнёс:

– Ладно, пойдём со мной, а вдруг получится, – и направился к Фёдору Андреевичу.

Увидев вошедшего в кабинет Ивана, тот поднялся со своего места и произнёс:

– Проходи, Иван, что у тебя?

– Я не один, дочь Ростислава Викторовича, Маша, очень хочет работать у нас, – робко произнёс тот.

Фёдор Андреевич вежливо поздоровался с ней за руку, спросил причину её приезда в Челябинск. На что Маша, не стесняясь своих слов, сказала:

– Я хочу работать вместе с Иваном.

К удивлению Ивана, тот сказал:

– Хорошо, пусть она будет работать у меня в отделе, – и попросил у неё документы.

Маша не ожидала такого быстрого решения её дела и сказала:

– Какие документы? У меня есть только паспорт.

– Хорошо, покажите паспорт.

Она достала из сумочки документ и протянула инспектору, который, посмотрев ей в лицо, а потом на фотографию в паспорте, сказал:

– Совсем молоденькая. Хорошо, потом оформимся, а сейчас получите направление в общежитие, завтра на работу к восьми утра.

Так Маша стала помощником главного инспектора по кадрам тракторного завода.

Иван помог ей поселиться в комнате общежития, а потом до позднего вечера вместе ходили по улицам. Они везде видели стройки, новые дома, ездили на трамваях.

Для Маши это были совершенно неожиданные впечатления, вызвавшие ещё большее желание жить и трудиться здесь. Она была в прекрасном настроении, и всякий раз старалась держать Ивана под руку, прижимаясь к нему. Ему и самому было приятно ощущать её близость, и он не противился, когда она как бы невзначай прижимала его руку к своей груди.

Маша передала Ивану шесть писем, пять из которых были от жены, а одно от друга-геолога Николая, которое, вернувшись в общежитие, первым и начал читать Иван.

Николай писал о том, что видел во сне Таганай и всех ребят – геологов, что вот-вот наступит зима, для солдата нежелательное время года, что письмо пишет карандашом прямо в траншее, где столом и стулом ему служит сама земля, а вокруг видны дорога, болото и лес.

Читая письмо, Иван представил себе эту деревню К., жители которой, как сообщалось, бежали в соседние села из-за постоянного сильного артобстрела со стороны фашистов.

«От разрывов снарядов и звуков оружейных выстрелов разбежалось всё живое, только солдаты стояли здесь насмерть, прячась во время бомбёжки в блиндажи и землянки», – писал он.

Ивану понравилось, что Николай, рассказывая о трудностях, делал своеобразные выводы, утверждая, что современная война требует глубже зарываться в землю и совершать постоянные в полной амуниции боевые переходы под обстрелами и бомбёжками.

«Устаю так, что рук не поднять, есть хочется, а кухни нет, война ломает всякий распорядок дня. Не один раз голодали по трое суток, ну, а сутки – полторы, так бывало часто. Автомат, шинель, сумка, траншея и открытое небо или в лучшем случае окоп и щель в блиндаже – наше спасение и надежда...», – читал Иван неровные буквы письма.

И ещё одно обстоятельство его волновало: вид убитых и искалеченных людей.

Впервые увидев первых раненых, он рассуждал о бессмысленности для них жизни в состоянии физической неполноценности, мотивируя это ненужностью таких мужчин в основном женщинам. Потом его точка зрения на раненых изменилась: интерес к жизни стал для него понятием более широким и заключался не только в отношении к женщине. Он привёл высказывание об этом какого-то солдата: «лишите меня всего, оставьте только один глаз и одно ухо, и я буду жить, потому что хочу видеть и слышать, что делается на свете».

В конце письма он написал о том, что вновь началась артиллерийская перестрелка, в которой снаряды летели прямо над ним.

И последние его слова: «Хотелось бы рассчитывать на жизнь, но слишком уж прожорлива война, требует много жертв. Напиши мне, если сможешь? Крепко жму тебе руку и желаю всего хорошего. До свидания».

Это письмо с фронта заставило Ивана представить себе войну из самого её пекла, где сражались сильные и мужественные его друзья, рождённые среди природы, любившие жизнь, уверенные в том, что великую красоту Урала и её людей никому не удастся покорить.

Некоторое время Иван ни о чём не мог думать и лёг на кровать. Его глаза упёрлись в тёмный потолок комнаты, и откуда-то из мрака пустоты к нему сама собой явилась мысль:

– Вот она, настоящая война, заглянувшая и ему в душу, жестокая и злая, где смерть нападала, словно железное чудовище из его сна, принимая формы бомбёжек и обстрелов.

Он пришёл в полное сознание тогда, когда затёкшие части его тела дали о себе знать, и, когда, повернувшись набок, его рука случайно накрыла собой письма жены, лежавшие у изголовья кровати.

Иван поднялся, и долго смотрел на них, не решаясь открыть. Однако любопытство и желание уйти от войны, проникнуться другой жизнью, миром деревенской тишины, ощущением покоя и любви заставило его взять их в руки.

И действительно Машенька в первом письме, как обычно, выражала ему самые сердечные чувства, заботу о сыне. И во втором, и третьем письме она писала о желании поскорее увидеться. Война была ещё далека от её женского понимания.

Однако четвёртое письмо было тревожное, сообщавшее о массовой мобилизации молодых людей на фронт:

– Наш переулок плачет, забрали всех парней. Матери и жёны голосят так громко, что сердце разрывается», – писала она.

Последнее письмо было датировано пятнадцатым августа. Машенька сообщала о том, как жителей Покровщины, женщин, стариков и детей, эвакуируют из города.

Она сообщала, что в переулок, где она жила, прибыли военные и срочно приказали покинуть дома и выехать из города, потому что немцы уже вели обстрел города, пытаясь его захватить.

«Стрельба длится уже несколько дней и два дома сгорели от выпущенных снарядов. Очень страшно. Ещё в начале лета папа начал строить новый погреб, выкопав глубокую яму, обложив

кирпичом и закрыв брёвнами. Теперь погреб стал для нас спасением. Как только начинали стрелять, то мы, твои бабушка и дедушка и даже соседи бежим туда прятаться. Один раз, когда мы там находились, на наш огород упала бомба. Если бы она попала на погреб, нас бы уже не было в живых. Но, слава богу, всё обошлось. Серёженька испугался и заплакал. Я прижала его к себе и успокоила, а он потом долго показывал пальчиком на огород и говорил: «Бух, бух!», – писала она.

Иван, держа листок в руке, закрыл глаза. Перед ним во всём своём ужасе вновь открылась картина войны. Он словно наяву видел высоко в небе приближающиеся фашистские самолёты и в замедленном движении разрывы упавшей на их огород бомбы. Он как бы и сам ощутил тот мощный взрыв, потрясший его родных людей, увидел вздрогнувшие каменные стены погреба, в которых находились его Машенька и сыночек.

Он вновь открыл глаза и продолжил чтение. Машенька сообщала, как жители Покровщины покидали свои дома.

«Папа на подводе повёз нас туда, куда указали военные. Твои дедушка Петр Иванович и бабушкой Арина Аграфеновна поехать с нами отказались. Семьи с детьми ехали, взрослые шли пешком, растянувшись на километры. Остановились мы уже поздно вечером на излучине реки, протекавшей в глубине широкого рва. Было тепло. Мы сошли с подводы, и мама раскинула одеяло прямо на траве. Я легла, чтобы отдохнуть и, прижав к себе Серёжу, уснула. Глубокой ночью проснулась от громкого завывающего тревожного звука, над нами летели самолёты. Они так тяжело и страшно гудели, что все стали креститься. Боялись бомбёжки. Серёжа открыл глазки и, показывая пальчиком в небо, долго потом вытягивал: «у-у-у». Утром нас повезли ещё дальше и расселили в лесной деревне, откуда я и пишу тебе письмо. Что с нами будет дальше, не знаю. Пиши мне, я надеюсь, что скоро мы вернёмся к себе домой. Все тебя очень любят, а мы с Серёжей больше всех. Ждём с нетерпением писем. Твоя жена, Машенька».

– Вот она, война, добравшаяся и до моих самых любимых людей, – подумал он. Всех затронула, всем принесла горя, все содрогнулись.

Неожиданно глаза наполнились слезами. Перед ним пронеслись картины их счастливой жизни, а потом вспомнился сон и голос Машеньки, зовущий на помощь у горы Откликной.

– Отклики душ витают между любящими людьми. Надо ехать к ней, ей трудно, – утверждал в нём один голос.

– Но я мобилизованный, как и все военные. Сейчас всем трудно, – противился голос другой.

Он уснул только под утро, на сон оставалось несколько часов, но на работу явился вовремя. Вначале проведаль Машу, которая уже сидела за отведённым ей столом и ждала Фёдора Андреевича.

Работа у Маши требовала большой ответственности, а Фёдор Андреевич оказался строгим руководителем, требуя от неё точности в оформлении дел, уважения и терпения по отношению к людям.

С конца октября месяца на завод стали приезжать сотни рабочих вместе с первыми эвакуированными эшелонами, на которых было ввезено оборудование. Ивану вместе с комиссией была поручена организация приёма оборудования, а Маша сутками принимала новых людей, оформляя документы.

В ноябре и декабре прибыли ещё тысячи специалистов. В это время Фёдору Андреевичу потребовались новые ответственные служащие в его отдел, о чём узнала Маша. Она и обратилась к своему начальнику с просьбой о том, чтобы перевести на работу в отдел Ивана, которому вскоре и было предписано явиться к главному кадровому инспектору, чтобы принять на себя исполнение обязанностей по новой должности в особый отдел. Прибывших работников надо было проверять не только на их профессиональную пригодность, но и на патриотизм. Особое внимание уделялось возможности проникновения вражеской агентуры.

Маша и Иван работали с утра до ночи и совсем не роптали на трудности, создавая условия работникам и оказывая им всяческое содействие в укреплении их здоровья и морального духа.

Сами же они встречались редко. Работа для них стояла на первом месте, и все усилия были направлены на то, чтобы спаять коллективы в единую семью, от чего зависел не только запуск производства в кратчайшие сроки, но и максимальное увеличение выпуска изделий. Ведь нужно было объединить разные производства, имевшие свои традиции, своё лицо и свой характер. Иван впервые в своей жизни здесь увидел танк и очень гордился тем, что оказался на производстве, где они выпускались. Здесь, в глубоком тылу, создавался могучий арсенал для производства танков, названный Танкоградом.

Тогда же прибыл и вновь назначенный директор комбината группы танковых заводов. В начале декабря Фёдор Андреевич вместе с Иваном и Машей присутствовали на первом совещании у нового начальника, проходившего в огромном цехе при стечении сотен рабочих и руководителей всех звеньев.

Люди стояли на полу, сидели на станках, почти висели на стропилах. Сотни глаз со всех сторон заинтересованно смотрели на нового директора.

Иван, находившийся в первых рядах собравшихся здесь людей, заметил, как этот невысокий человек своим острым пронизывающим взглядом просверливал каждую мобилизованную сюда душу. Он подумал, что от такого взгляда просто невозможно было утаиться.

Совещание началось с того, что, выслушав работу начальника одного из цехов о невыполнении программы, директор, неожиданно остановив доклад, звучным и громким голосом чётко обозначил требования ко всем рабочим, служащим и начальникам.

Резко жестикулируя руками, он напомнил о том, что все они мобилизованы на трудовой фронт и что по значимости он такой же важный, как и фронт военный. Суровые законы войны будут применены ко всем тем, кто саботирует выполнение плана.

– Никто не может уйти с завода, не выполнив задание. Ищите пути решения поставленных задач до достижения нужного результата, – чеканил он.

Слова директора, лишённые какой-либо дипломатии и бьющие наотмашь, падали в зал тяжёлыми камнями.

Итог совещания был таков:

– Время дорого, предстоит тяжёлая работа по выпуску танков. Вперёд, за работу. Враг будет разбит.

После этого совещания все основные цеха перешли на казарменное положение. В холодных кое-как отапливаемых паром от трех паровозных котлов цехах завода и под открытым небом в коробках новостроек люди работали по шестнадцать – восемнадцать, а бывало и по двадцать часов в сутки.

«Все для фронта! Все для Победы!», – эти слова составили смысл жизни и Ивана с Машей.

Так в суровые годы войны одновременно с развитием комбината закалялись и их характеры.

В самый канун Нового года Маша получила записку от своих родителей, которые просили её срочно приехать домой. В записке было написано о том, что погиб на фронте её старший брат Ростислав.

Маша уговорила Фёдора Андреевича на два дня вместе с Иваном отпустить их, чтобы поддержать своих их.

Ивану попутно поручили доставить в горсовет благодарственное письмо за своевременную и качественную поставку на завод высококачественной стали.

Что ж, горе и радость часто сплетаются вместе, потому что от них зависела сама жизнь.

Они прибыли в Златоуст вечером и сразу направились горсовет, надеясь застать Ростислава Викторовича и председателя горсовета на рабочем месте. Председателя на месте не оказалось, и Иван вручил пакет его секретарю.

Открыв дверь кабинета Ростислава Викторовича, Иван увидел, что он как обычно в военной форме сидел в окружении группы людей. Пришлось ждать. Наконец, вошли и они. Увидев дочь, он бросился ей навстречу и крепко обнял. На его глазах были слёзы. Слёзы катились и из Машиных глаз. Иван стоял рядом. И хотя он никогда не видел Ростислава-младшего, на душе у него так защемило, что он схватился рукой за сердце.

Ростислав Викторович, справившись со слезами и волнением, произнёс:

– Ваня, у нас большое горе. Нет нашего сына, чудесного человека, отца троих детей. Его жена и дети сейчас находятся у нас дома, мы все оплакиваем его гибель. Я пока не могу идти вместе с вами, у меня ещё дела, через час приду, и мы поговорим. Мама сейчас дома. Она очень обрадуется вашему приезду. Мы так давно вас не видели.

Маша попросила отца, чтобы он не задерживался на работе и тоже возвращался домой.

Тяжесть душевного состояния Ивана и Маши в эту минуту сблизило их ещё больше. Когда они вышли из кабинета, Иван обнял Машу и стал застёгивать ей на все пуговицы полушубок. Маша, почувствовав заботу, взяла Ивана под руку и нежно прижалась к нему. На улице был сильный мороз, но они не чувствовали холода. Ноги сами несли их к родному дому, и было заметно, как два светлых полушубка быстро двигались по заснеженным улицам Златоуста.

Они дошли до калитки, где Ксения Григорьевна, словно почувствовав их прибытие, вышла в сени и отворила дверь.

Увидев их на пороге дома, она вскрикнула:

– Мои дорогие, как я вас ждала. Я знала, что вы приедете. Заходите скорее. Какое горе, какое горе в нашей семье! Нет больше нашего Ростиславчика. Как с этим смириться? Душа разрывается от скорби.

– Мамочка, дорогая! Давай войдём в дом, ты ведь совсем легко одета, – сказала Маша и заплакала.

В доме они обнялись и долго стояли со слезами на глазах. Потом Ксения Григорьевна вытерла слёзы и сказала:

– Всё, долой плакаться. Здравствуй, Ванечка! Проходите в дом. К нам приехала Александра, жена Ростиславчика, и её дети Ростик, Колик и Светик, мои внуки и внучка. Спасибо им. Снимайте ваши полушубки, приводите себя в порядок. Машенька, помоги Ванюше.

И, кажется, опять здесь стало тепло и уютно, в доме запахло вкусной едой, как будто и не было печальных сообщений с войны. И вновь перед ними была всё такая же приветливая, заботливая и любимая мама, только исчезли в глазах у неё искорки радости, принадлежавшие когда-то ей.

Вскоре пришёл и Ростислав Викторович. Глаза у него были серьёзные, но, увидев любимую дочь, они засветились.

Иван не знал, как себя вести, и пошёл на кухню, желая помочь Ксении Григорьевне, на что она вежливо сказала:

– Спасибо, Ванюша. Я справлюсь. Раз ты пришёл, возьми вот эту стопку тарелок.

Маша, увидев, что Иван принёс тарелки, пошла к маме. Они о чём-то долго говорили, а потом вышли к столу с красными от слёз глазами.

И обед без слёз не получился. Разговор напрашивался сам собой, и начался он с вопроса маленького Ростика, внука Ксении Григорьевны:

– Бабушка, а наш папа герой? Он скоро вернётся с войны?

Женщины затихли, не в силах понять, что ответить малышу. Ксения Григорьевна справилась с собой первая, она погладила его по головке и сказала:

– Твой папа всегда с нами, он обязательно вернётся героем, – и указала на портрет сына, висевший на стене в правом углу. Это

был очень похожий на Ростислава Викторовича молодой человек: те же голубые сосредоточенные глаза и высокий лоб.

Иван посмотрел на ребёнка, в глазах которого тоже увидел светящиеся голубые бусинки.

– Дети, идите в свою комнату, там покушайте, бабушка вам там приготовила, – сказала невестка и сама вышла из-за стола.

Вскоре пришёл и Ростислав Викторович, показавший Ивану «Извещение» о гибели сына, присланное им из воинской части.

Там было написано, что Самсонов Ростислав Ростиславович, рядовой энского стрелкового полка, уроженец города Златоуста, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество в бою, был тяжело ранен и умер в госпитале 30 ноября 1941 года.

Далее было добавлено, что он «похоронен в братской могиле близ посёлка Невская Дубровка».

Теперь стало окончательно понятно, что сомнений в гибели сына быть не могло.

Ростислав Викторович предложил прочитать и письмо, присланное вместе с извещением, и Иван углубился в чтение. Там было написано следующее:

«Уважаемые родители, Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна! Хочу передать вам искренний боевой привет от товарищей вашего сына и выразить вам благодарность за воспитание честного и мужественного бойца Самсонова Ростислава Ростиславовича, совершившего беспримерный подвиг в битве за Ленинград.

Однополчане познакомились с ним тогда, когда в ноябре месяце 1941 года пробирались вместе с ним на автомашине по льду Ладоги защищать город Ленинград. Он храбро сражался с фашистами на невской земле у деревни Московская дубровка, но был ранен. К сожалению, ваш сын скончался в лазарете, рана оказалась не совместимой с жизнью. Его с почестями похоронили в земле Невской Дубровки. За геройский подвиг командование посмертно представило рядового Ростислава Ростиславовича Самсонова к награде. Воины полка гордятся мужеством и геройским подвигом вашего сына и выражают вам искреннее соболезнование.

Командир полка полковник Добровольский»

Ростислав Викторович показал и другое письмо, написанное его однополчанами, в котором они рассказали о подвиге его сына. Сослуживцы писали, что перед бойцами была поставлена задача:

уничтожить немецкие войска на левом берегу реки Невы и оттеснить их подальше от Ленинграда, для чего нужно было под прикрытием ночи переправиться на противоположный берег реки. Среди первых бойцов этой боевой операции был и Ростислав. Несмотря на то, что фашисты заметили их движение и обрушили на них шквальный огонь, солдаты сумели взобраться на крутой левый берег реки, где в вырытых ими окопах переждали ожесточённую стрельбу.

«Рано утром к окопам подошли немцы, но неожиданно для них с криками «ура» и со штыками наперевес бойцы пошли в штыковую атаку, – писали они. Ростислав, как и все бойцы, сражался отчаянно. Попытка немцев выбить обратно наших воинов оказалась безуспешной. И хотя сил было маловато, но бойцы рассредоточились по траншеям и, перебежками, отстреливаясь, смогли удержать позицию. Ростислав в этом бою проявил сообразительность и мужество. Он увидел, что в ста метрах от него стоял подбитый немецкий танк и, догадавшись, что там может находиться удобная позиция с большим обзором для обстрела, ползком пробрался к нему. Вслед за ним пополз и рядовой Николаев. К счастью, немцы их не заметили. Прямо под танком они вырыли окоп и принялись на себя плотный огонь фашистов. Вражеские пули, к сожалению, не обошли их стороной. Оба бойца были ранены, но оборонялись до ночи, пока не подошло подкрепление. Тогда же их на лодке отправили на правый берег Невы в медсанбат».

Прочитав письмо, Иван некоторое время не мог сказать ни слова. Он понимал, что это был мужественный, но, к сожалению, трагический поступок. Утешить родителей героизмом поступка было невозможно, но такое бесстрашие вселяло чувство искреннего уважения.

Не отрывая глаза от письма, Иван почувствовал, что на него уставились Ростислав Викторович и женщины, ждавшие отклика. Собравшись с мыслями, он тихо произнёс:

– Дорогие, Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна, вашего любимого сына не стало. Понимаю, что вы потеряли часть своего сердца. Это был ваш первенец, Ростислав Ростиславович. Нет слов, чтобы вас утешить. Я очень сожалею, что не успел познакомиться с ним. По прочитанному письму мне стало понятно, какой это был мужественный и верный сын нашей родины, ваш сын.

Потом он посмотрел на Александру и обратился к ней:

– Дорогая, Саша, вы потеряли своего мужа. Очень трудно будет растить детей без отца, но светлая память о нём станет примером в воспитании этих прекрасных деток. У вас есть замечательные родители, Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна, они, я уверен, помогут вырастить ваших детей и их внуков Ростиславчика, Колика и Светика.

Маша не сводила глаз с Ивана и ждала его слов в свой адрес. Иван это понял и перевёл свой взгляд на Машу:

– Дорогая Машенька, ты потеряла своего брата, – сказал он и запнулся. Иван удивился тому, что впервые произнёс её имя с такой нежностью. Ведь эта нежность всегда принадлежала его жене, так он называл её в письмах. И он, исправившись, продолжил:

– Маша, твой брат – герой. Мы, обязанные служить своей родине, каждый на своём месте будем всё делать для победы над фашистами. Он будет служить нам примером. Наша страдающая родина, имея таких героев, обязательно победит и не забудет своих сыновей. Обещаю, что после войны, если будем живы, я найду место его захоронения, и мы все поклонимся ему.

Ростислав Викторович в ответ, глядя на Ивана, сказал:

– Трудно нам сейчас осознавать, что его нет среди нас. Он был прекрасным сыном, мужем и отцом. Жил он в Первоуральске, работал в горном отделе, ходил в экспедиции, изучал богатства Урала. Все мы, если будем живы, очень хотим побывать на том месте, где он совершил свой подвиг.

Долго ещё они говорили о нём, вспоминая лучшие его дни, оставшиеся в памяти. Каждый хранил о нём что-то своё, очень дорогое.

На следующее утро, после того, как Ростислав Викторович ушёл на работу, Маша и Иван собрались уезжать. Ксения Григорьевна была молчалива, хотя, как и обычно, подготовила две сумки съестных припасов на дорогу.

Маша не разрешила ей провожать их на вокзал, понимая, как бошует у неё в груди разорванное сердце.

Перед их уходом на пороге дома мать и дочь обнялись. Ивану показалось, что Ксения Григорьевна уцепилась в неё так сильно, словно боялась теперь потерять и дочь. На глазах обеих были слёзы.

Потом мама сказала:

– Ваня, береги Машеньку, как брат сестру. Я очень на тебя надеюсь.

Вскоре поезд вновь вёз их обратно среди снежных горных вершин по златоустовской земле.

По прибытии на Танкоград, находясь под воздействием впечатлений от гибели сына Ростислава Викторовича, Иван обратился к Фёдору Андреевичу с просьбой отправить его на фронт и рассказал о подвиге Ростислава Ростиславовича, о письмах, полученных им от его друга-геолога Николая и жены.

Фёдор Андреевич, поблагодарив за выполненное поручение, сказал:

– Ваня, твой порыв похвален. Ты поступаешь, как настоящий гражданин своей родины. Твои друзья находятся на самых главных направлениях удара наших армий по врагу. Бойцов на фронтах достаточно. Самое главное, что нужно сейчас фронту, так это дать нашим мужественным солдатам хорошую боевую технику. Мы здесь на Танкограде и решаем эту важнейшую задачу. Каждый должен быть на своём месте. И родина знает, где кому нужно быть. Сейчас твоё место здесь.

Так Фёдор Андреевич убедил Ивана остаться и продолжать работать с людьми, вселяя в них уверенность скорой победы над врагом.

Сорок второй год для Ивана и Маши был очень трудным. На заводе не доставало квалифицированной рабочей силы, для чего Ивана отправляли в города Казахстана и Средней Азии набирать на завод специалистов.

За полгода сорок второго года Иван похудел и даже почувствовал физическое недомогание, но он знал, что трудно жить и работать было всем. Маша тоже трудилась столько, сколько было надо заводу.

В июле сорок второго года директор завода, вернувшись из Москвы, вновь собрал заводское совещание, проходившее в том же цехе, что и первое. Это было скорее не собрание, а митинг. Тысячи людей с огромным вниманием слушали его речь.

Он говорил о том, что воины Красной Армии под Москвой ценой великих усилий и своих жизней вытесняют фашистов из сёл и городов, но враг рвётся к Волге, из-за чего остановлен конвейер Сталинградского тракторного завода, и что его оборудование и люди переводятся на Урал.

Перед заводом была поставлена новая задача: организовать выпуск более совершенного танка, способного вести боевые действия в любых условиях.

Вскоре на завод стали прибывать тысячи специалистов из Сталинграда, с которыми неустанно работали и Иван, и Маша.

И всё же одна мысль постоянно тревожила Ивана: перестали приходить письма от его жены.

– Где она находится сейчас? Что является причиной молчания? – размышлял Иван. Ответа же на эти вопросы у него не было.

Прошёл год. В августе месяце сорок третьего года Фёдор Андреевич пригласил Ивана на совещание в кабинет главного конструктора завода Николая Петровича Великодухова, где рассматривался вопрос коренной модификации танков.

Мощные плечи, высокий лоб и крупная породистая фигура главного конструктора запомнились ему надолго. Спокойным и сильным голосом он говорил о результатах сражения на Курской дуге, остро поставившие серьёзные задачи по выпуску танков такого качества, где сочетались бы высочайшая боевая эффективность и дешевизна производства.

Более двух часов конструкторы завода высказывались по существу поставленной задачи, после чего Николай Петрович подвёл итог, сказав, что смысл скорого перевооружения состоит в том, чтобы улучшить боевые качества советских танков и за счёт этого сделать технику врага на поле боя неполноценной.

Фёдор Андреевич и Иван после совещания тоже рассуждали на эту тему, понимая, какая сложная задача поставлена перед коллективом, заключающаяся в том, чтобы модернизацию провести без остановки производства, в условиях, когда действовал неумолимый график выпускаемых ныне машин, установленный Государственным Комитетом Обороны.

Иван ходил по цехам и видел, как рабочие точили, строгали, фрезеровали, шлифовали, закаливали детали новых изделий для танков.

В конце сентября он уже присутствовал на первом испытании такого танка, вокруг которого собралась большая комиссия из гражданских и военных лиц, для которых механик-водитель показывал его ходовые качества. И вот наступил момент, когда грохот танка заглушил все голоса, а машина, окутанная дымом, плавно тронулась с места. Механик прибавил газ, и машина рванулась

по заводскому двору прямо к проходной. Это был первый образец новой машины, названный «ИС», в честь Иосифа Сталина.

Глава 11

Пусть нас рассудит время

Рано утром в апреле сорок пятого года Маша вновь сообщила Ивану печальную новость: на фронте погиб её второй брат Валентин. Об этом ей сообщила Светлана, приехавшая для этого к ней в общежитие.

Маша просила Ивана вновь вместе с ней съездить в Златоуст к родителям.

С разрешения Фёдора Андреевича тот же день они отправились на железнодорожный вокзал, чтобы уже вечером быть дома и поддержать Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну в их горе.

В поезде Маша, придвинувшись к Ивану, тихо сказала:

– Ваня, мне очень тяжело. Ну почему нам приходится расплачиваться жизнями дорогих людей? Валентин был таким хорошим, он был моим лучшим братом и другом. Как сейчас это переживают мои родители? Я их очень люблю, и мне их очень жалко.

Иван ответил:

– Машенька, мне так хочется тебе и твоим родителям помочь справиться с этим горем. Я уважаю и люблю их, это так печально, что они теряют своих детей. Война не щадит даже самых лучших отцов и сыновей.

Со слезами на глазах встретила их Ксения Григорьевна, выглядевшая совсем необычно, чуть сгорбленной и, как показалось им, ниже ростом.

– Дорогие мои дети, мне очень плохо. Третьи сутки не могу уснуть. Очень ждала вас, – произнесла она и, обняв Машу, почти повисла у неё на плече, уткнувшись в него. Несколько минут они стояли в трагической позе, склонив друг к другу свои головы.

Потом, обратившись к Ивану, Ксения Григорьевна сказала:

– Ванечка, спасибо тебе, что не оставляешь нас в беде. Пойдёмте в дом.

Они вошли в такой знакомый и ставший уже родным дом, с которым было связано много памятных дней.

Ростислав Викторович, как и обычно, пришёл позже. Он, отворив дверь в прихожую, тихо положил свой портфель, но, увидев дочь и Ивана, удивился и произнёс:

– О, Машенька, и Иван здесь, о, радость какая. Здравствуйте, мои дорогие дети.

Маша обняла отца, сказав:

– Дорогой папочка, как я рада тебя видеть, мы знаем, что нас постигло новое горе, нет теперь нашего Валентина. Я его так любила и люблю. Мы с Ваней приехали к вам, чтобы побыть вместе с вами.

Ростислав Викторович нежно обнял дочь. На его глазах появились слёзы.

Но он, справившись с ними, сказал:

– Я рад видеть своих дорогих детей, тебя, Машенька, и тебя, Ванечка. Спасибо вам за это. Знаю, как трудно сейчас вам на Танкограде, но видно хорошие люди работают там, понимая людское горе и отпустив вас к нам.

Ксения Григорьевна, как и прежде, принялась хлопотать на кухне, куда к ней отправилась и Маша.

Ростислав Викторович стал показывать полученное извещение о гибели сына, текст которого был коротким. В нём было лишь написано о том, что Самсонов Валентин Ростиславович, капитан Красной Армии, пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Была обозначена и дата: «15 февраля 1945 года».

Но что обозначала эта дата, понять было трудно: то ли день гибели сына, то ли день отправления письма родителям. Место его подвига тоже указано не было. Такая безлика похоронка.

Иван посмотрел на родителей Маши и отметил про себя, как много седины прибавилось в волосах Ксении Григорьевны и Ростислава Викторовича, который вынес пачку писем, присланных Валентином с фронта, и выложил и перед ним на стол:

– Ваня, это письма нашего сына. Прочитай и ты поймёшь, какой это был человек. Он сражался за нашу родину до конца жизни, и мы гордимся им. Он сражался за твой город, Ленинград. За свою фронтовую жизнь он написал нам много писем, в которых показал наш самсоньевский характер. Мне приятно это сознавать, но смириться с тем, что произошло с ним, не могу.

Не выдержала и Ксения Григорьевна, которая с трагической печалью в голосе произнесла:

– Куда уходят наши сыновья? В вечность? В какую землю? В какое небо? Где то место, которое хранит их бесценную память? Даже преклонить свою голову некуда. Как найти в себе силы пережить это? Дети мои, подскажите?

В день получения извещения о гибели сына Ксения Григорьевна потеряла сознание и долго не могла выйти из тяжёлого душевного состояния. Ростислав Викторович говорил, что она и сейчас постоянно плачет и не верит в случившееся, ожидая новых от почтальона писем.

Встреча с дочерью смягчила её сердце, и она весь вечер не отходила от неё. На лице Ксении Григорьевны иногда появлялась даже улыбка. Маша это понимала и занимала её женскими мелочами, делая это очень естественно. Её мягкий голос затрагивал тонкие струны души женщины, отчего им обоим становилось уютно и тепло. Они вспоминали истории семейной жизни, в которых находилось место только весёлым и красивым эпизодам.

Иван попытался успокоить родителей словами, сказав:

– Дорогие мои родители, мы всегда с вами. Понимаем, что война отнимает наши жизни. Это горе безмерно для всех. Я надеюсь, что война скоро закончится, и мы обязательно побываем на местах героических подвигов наших детей, братьев и отцов. Мы должны продолжать жить.

Ближе к полуночи, когда мужчины собирались расходиться по своим спальным комнатам, Иван попросил Ростислава Викторовича организовать ему разговор по рации с Владимиром Петровичем.

Его тревожило то обстоятельство, что на первое письмо, отправленное ранее к нему, он не получил ответа.

Ростислав Викторович сказал, что тоже не встречался с Владимиром Петровичем, хотя письмо передал через своих работников.

Потом он взял с разрешения хозяина с собой связку фронтовых писем от Валентина и, оставшись один, долго читал.

В письмах Валентина прослеживался весь путь его военной судьбы от танкового училища, куда его направили после мобилизации и где ему присвоили звание лейтенанта, и до трагических дней фронтовой службы. Читать их было легко и интересно. В них он

не давал повода родителям усомниться в сыновьей любви к ним, его храбрости и верности своей родине.

Утром Ростислав Викторович, попросившись с дочерью, вместе с Иваном ушёл в горсовет. К сожалению, разговор с Владимиром Петровичем вновь не получился. В этот день с карьером, где работал Владимир Петрович, не удалось восстановить связь. Тогда Иван попросил Ростислава Викторовича передать ему второе письмо, написанное им, и, попросившись, вышел из горсовета, чтобы прогуляться по городу. Он не стал возвращаться в дом и приглашать на прогулку Машу, дав ей время для общения с матерью.

Апрельское утро выдалось прохладным, но солнечным. Он шёл, вдыхая в себя этот чистый целебный воздух, и пристально вглядывался в фасады небольших домиков. Они были уютными и привлекательными. По сравнению с огромными коробками челябинских зданий, эти домики словно дети прижимались к высоким скатам златоустовских гор. Это умиляло его и вызывало ощущение чего-то очень приятного.

Его сознание медленно погружалось в эту тихую домашнюю красоту, он внимательно присматривался к жизни людей, копошившихся за калитками домов, готовившихся вместе с потеплевшим солнцем к весенним работам.

Неожиданно его мысли перенеслись в Почеп, где на высоком холме стоял такой же милый домик. Он представил перед собой свою жену вместе с поднятым на руки сыном и подумал, что уже пятый год ничего не знает о них. Где они? Как живут? Сколько ещё времени будет продолжаться эта война, разлучившая его с семьёй, родителями, его родным городом.

А здесь в Златоусте как будто и не было войны, тихий и невозмутимый городок жил своей невидимой жизнью.

Иван шёл и размышлял сам с собой:

– Как хорошо жить мирно и счастливо. Человек изначально рождён для любви и мира. И я приехал на Урал, чтобы уважать природу и людей, проживающих здесь. Но вместо этого, принимаю участие в производстве танков. Зачем человек придумывает для себя смертельное оружие и, убивая друг друга, невольно участвует в разрушении мироустройства на земле. Какое безумство происходит ныне в головах людей, вызывая ошеломляющую ненависть и бесконечно томительную людскую разлуку.

К нему неожиданно пришла мысль о том, что все войны между людьми, даже во имя патриотических идеалов, являются великой ложью, способной окончательно увести человечество к своей гибели.

Такие мысли приходили к Ивану и ранее, но самоотверженная работа на заводе заглушала их в себе.

Иван шёл по маршруту, который когда-то прошёл вместе с Ростиславом Викторовичем, и, оказавшись на вершине горы, откуда открылась панорама всего города, вытянул руки и, дав волю своему голосу, неожиданно для себя закричал:

– Моя великая Родина! Урал! Сибирь! Моя столица Москва! Мой родной Ленинград! Я люблю Вас! Заживут ваши раны, новые люди населят ваши прекрасные просторы! Мне хочется быть огромной птицей, чтобы увидеть всё это. Моя дорогая Женщина, Машенька, слышишь ли ты меня? Я найду Тебя!

Эти вырвавшиеся из груди громкие звуки любви и восторга пробудили в нём желание жить другой жизнью, жизнью не мобилизованного человека, а свободного, где человеческая любовь стала бы нормой. Он выплеснул из себя накопившуюся усталость от бессонницы и неутомимого труда и почувствовал в душе лёгкость и желание обнять всех людей мира.

Иван сел на большой округлый камень и долго всматривался вдаль, где впереди были бесконечные горы, окутанные лёгкой матовой дымкой. Потом он и вовсе лёг на спину, и глаза его окунулись в безграничное голубое небо, по которому плыли лёгкие белые облака.

К полудню Иван был дома, где женщины поджидали его. Когда молодые люди уезжали из Златоуста и прощались с Ксенией Григорьевной, та сказала:

– Мои дорогие дети, берегите себя. Я не знаю, что было бы, если бы вы не поддерживали нас. Я буду молиться, пусть у вас будет всё хорошо. Не забывайте нас, где бы вы ни были.

Она с трудом сдерживала слёзы и смотрела на них с какой-то только ей известной надеждой.

На обратном пути в поезде Иван и Маша больше смотрели в окно, чем разговаривали. Но Иван, чтобы отвлечь её от мрачных дум, неожиданно поднялся и, указывая рукой куда-то вдаль, вскрикнул:

– Смотри, Маша, вон там, впереди, на вершине горы стоит огромный танк с крыльями, природа предлагает своё конструкторское решение.

Маша пристально вглядывалась в окошко и не понимала, на что указывает Иван, она видела только высокую гору, поднимающуюся над зеленеющими кронами деревьев.

– Крылатый танк быстро промелькнул и скрылся из вида, – пошутил Иван и сам удивился своей выдумке.

Маша даже развеселилась такому его поведению, но быстро успокоившись, – сказала:

– Да, нас приучили жить в созвучии с природой. Так живут мои родители. Правда, папа совсем плох здоровьем. Мама говорит, что у него болит сердце. Гибель сыновей подкосила его здоровье. Он никому об этом не говорит, замкнулся и находит себя только на работе. Мама тоже очень сдаёт, сильно переживает. Я боюсь за неё. Она просит переехать к ним жить. Да и у меня на душе сейчас очень тяжело, и я плохо себя чувствую, мне холодно. Ваня, сядь со мною рядом.

Он безропотно придвинулся к ней и даже положил свою руку ей на плечо. Она закрыла глаза и преклонила к нему свою голову. Так в молчании они и доехали до Челябинска.

О чём думала Маша всё это время, неизвестно. Когда же они сошли с поезда, Маша, глядя ему в глаза, произнесла:

– Ваня, я хочу поехать сейчас к семье моего брата Максима, единственного оставшегося в живых. Об этом просила меня моя мама. Поедем со мной, проводи меня.

Иван согласился, и они вместе пошли к трамваю, который уже через полчаса привёз их к дому, высокому зданию с полукруглым парадным фасадом с колоннами и высокими ступенями.

Такие дома, строившиеся перед войной, Иван видел в Ленинграде, монументальные, с декоративной лепной отделкой, но значительно грубее домов, возведённых в прошлых веках. Этот дом был почти близнец того ленинградского дома, но в Челябинске он был особенно заметным среди соседних барачных строений.

Широкая лестница подъезда вывела их на площадку третьего этажа, где Маша, остановившись перед массивной дверью, нажала на кнопку звонка.

Дверь открыла молодая женщина, которая, увидев Машу, обняла её и с любопытством посмотрела на Ивана.

Маша сказала:

– А это Ваня, я говорила тебе о нём.

– Очень приятно, Ваня. Проходите. Меня зовут Светлана.

В это же время к дверям подскочили двое детей, которые, перебивая друг друга, закричали:

– Мама, мама, кто приехал?

Светлана сказала им:

– Кирюша и Ванюша, встречайте Машеньку и Ивана. Они наши дорогие гости.

Гости прошли в прихожую, где сняли свои фронтальные полушубки, служившие им единственной начинкой с сентября и до конца мая месяца зимней верхней одеждой.

Иван более светлый полушубок Маши повесил на вешалку, а свой положил на пол. Снял и сапоги. Оставшись в рабочей гимнастёрке и брюках, одев предложенные тапки на босу ногу, он робко вошёл в комнату. Светлана подвела Ивана к книжному шкафу и, раскрыв его, сказала:

– Ваня, я на полчаса украду Машеньку, а вам предложу познакомиться с нашей библиотекой. Это книги моего мужа Максима, тоже геолога.

Оставив молодого человека одного, они сами ушли на кухню.

Иван осмотрелся и нашёл, что Светлана, несмотря на войну, жила хорошо. Множество картин украшали стены комнаты, среди которых он выделил молодого мужчину, похожего на Ростислава Викторовича. Понятно было, что на этом портрете в гражданском костюме был изображён её муж. Рядом в изящной раме красовалась сама Светлана. В отдельных рамках висели портреты их детей.

В книжном шкафу он стал рассматривать названия книг и удивился, что большинство из них ему знакомы.

Пока Иван увлекался ими, Светлана и Маша уже накрыли стол и пригласили Ивана.

Он, ещё не освободившийся от книжных впечатлений, сказал:

– Светлана, у вас прекрасная библиотека. Такие книги делали меня геологом и человеком.

Маша тут же его поддержала, сказав:

– Уж я знаю, это точно, Иван умный и замечательный человек.

Тут же и Светлана вставила:

– Да, уж слышана я о вас. Машенька души в вас не чает.

Маша покраснела, но тут же нашлась:

– Дорога наша долгая была, пора и за стол.

Светлана разложила всем тарелки, вилки, ножи, поставила рюмки и принесла графин с белым вином.

Маша разложила по тарелкам еду.

Светлана сказала:

– Помянем нашего Валентина. Прекрасного человека не стало.

Все выпили молча. Хозяйка принесла горячее блюдо. Всё было вкусно и красиво.

Не забыли накормить и детей, которые вскоре отправились спать.

Светлана предложила и второй тост:

– Выпьем за наше знакомство и за то, чтобы поскорее закончилась война. Пусть этот вечер запомнится нам на всю жизнь.

Все вновь выпили. Девушки за столом разговорились, шептались о чём-то меж собой и говорили Ивану комплементы.

Иван посмотрел на часы, но Маша опередила его, сказав:

– Сегодня заночуем у Светланы, завтра на работу прибудем вовремя, не волнуйся.

Пришлось подчиниться. Светлана, видя, что Иван уже стал маяться от их разговоров, поднялась из-за стола и, пристально посмотрев на Ивана, сказала:

– Ваня, пойдём, я покажу вашу кровать, вам ведь завтра рано вставать, а мы с Машенькой поболтаем ещё немножко, – и повела его в спальню.

Маша последовала вслед за ними и, зайдя в комнату, робко произнесла:

– Можешь включить ночной свет. Мы немножко ещё поговорим.

Они ушли, закрыв за собой дверь, Иван же, оставшись один, огляделся: огромная двуспальная кровать, стоявшая посреди и занимавшая половину комнаты, была предоставлена ему.

Сняв с себя гимнастёрку и брюки, он в нерешительности сел на край кровати, потом забрался под одеяло и, почувствовав нежное прикосновение чистого белья, погрузился в блаженный мир свежести, мягкости и желания.

Ему стало так хорошо, что он вытянулся и, откинув одеяло, раскинул по сторонам руки.

Он вспомнил Светлану и Машу и оценил, что они хороши собой, но тут же застеснялся, и вновь забрался под одеяло.

В это время дверь приоткрылась и вошла Маша. Она подошла к кровати и, откинув свободную часть одеяла, забралась под него и замерла.

Иван вытянулся, и как бы случайно занесённая в сторону рука ощутила её горячее тело.

Маша тут же своей рукой нежно прикоснулась к ней и взволнованным голосом сказала:

– Ваня, я люблю тебя и хочу быть с тобой. Я ни в чём не буду тебя упрекать, – и поцеловала его в губы.

Этого было достаточно, чтобы он потянул на себя её покорное тело. Его руки достигли груди, которые он крепко сжал в своих ладонях. Маша вскрикнула, но не запретила ему продолжать делать это. Он же, понимая, что сделал ей больно, нежно стал их целовать. Словно находясь в беспамятстве, вдруг резко откинул одеяло. Перед ним открылись два белых и трогательно нежных облачка, раскинутых по сторонам. Он вновь взял их обеими руками, нежно сблизив вместе, и погрузился в них своим лицом, ощутив горячее упругое блаженство, передавшее всему телу сладкую истому. Вся накопившаяся за долгие пять лет его мужская неудовлетворённость обрушилась на это нежное женское начало. Он весь задрожал от телесного напряжения, а Маша, полностью оказавшись в его власти, покорно изгибалась под его поцелуями и почти жёсткими прикосновениями. Вскоре их тела слились друг с другом, став неразделимым единством. Под утро они уснули.

Их разбудила Светлана. Постучавшись, она тихо вошла и, обнаружив их спящие неприкрытые тела на своей кровати, громко произнесла:

– Милые мои, бестыжие гости, вставайте, на работу опоздаете.

Первой вскочила Маша, она подняла голову и ещё в полусне сказала:

– Уже время подниматься? Как быстро прошла ночь.

Светлана, ничего не ответив, тут же ушла, плотно закрыв дверь.

Иван безмятежно спал, никак не отреагировав на слова, а Маша посмотрела на него и нежно поцеловала в губы. Потом на минутку прижалась к нему, и вновь почувствовала, как его тепло проникает ей внутрь. Ей стало так хорошо, что она закрыла глаза и всем лицом уткнулась в его раскрытую грудь. Ей хотелось в таком чувственном единстве находиться как можно дольше,

но в дверь снова постучалась Светлана, известив, что они проспали ещё целый час и могут опоздать на работу. Маша ответила, что слышит её.

Проснулся и Иван, сказав:

– Неужели проспали? Надо вставать, – и откинул одеяло.

Маша, нежно обнимая его, ответила ему:

– Я тебя очень люблю. Не хочу расставаться с тобой, и думать ни о чём не хочу, ты сейчас только мой. Как долго я этого ждала.

Иван несколько минут ничего не отвечал, продолжая лежать, но потом приподнялся и, оказавшись над ней, сказал:

– Дай, я посмотрю на тебя, ты такая естественная и красивая. Машенька, мне так хорошо с тобой, у тебя прекрасные глаза, губы, тело, эти прекрасные мягкие облачка. Эта ночь останется во мне незабываемой.

Маша ещё теснее прижалась к Ивану и тихо произнесла:

– Не думай об этом, пусть рассудит нас время. Давай помолчим несколько минут.

Они лежали, но думали каждый о своём, хотя им обоим было приятно чувствовать друг друга.

В третий раз постучала Светлана. Маша ещё раз прижалась к Ивану и сказала:

– Ваня, у меня есть одна тайна, но я тебе о ней сейчас не скажу. Понимаю, что ты должен найти свою семью и родителей. И наша разлука пока предрешена. Я тоже возвращусь к своим родителям и буду надеяться на будущую нашу встречу. Ведь война скоро кончится.

Иван не знал, что ответить. Как сложатся их будущие встречи, он предположить не мог. И всё же промолчать было невозможно. Он рассудил так, чтобы не обидеть Машу:

– Теперь мы связаны с тобой особыми отношениями. Они наши, очень личные. Я уходил от них почти пять лет, боясь обидеть тебя. Теперь всё уже свершилось. Я буду о тебе думать, но что будет впереди, не знаю. Война уносит много жизней, меняет людей. Мой долг найти жену, сына, родителей, живы ли они, я не знаю.

В этот день они впервые пришли на работу вместе. Фёдор Андреевич на их опоздание не обратил никакого внимания, только расспросил о здоровье родителей, о дороге. Он отметил усталость на их лицах и в первый раз предложил им отправиться в общежитие, чтобы выспаться.

Иван и Маша приняли это с радостью и отправились в общежитие Ивана. Комната была свободной, потому что все соседи Ивана были на работе, и они целый день провели вместе.

С этой ночи жизнь их изменилась, они были неразлучны, много гуляли, часто ночевали у Светланы.

Так прошёл апрель, наступил май.

Глава 12

Война закончилась!

Иван и Маша уже несколько последних месяцев жили ожиданием конца войны. Сводки информбюро извещали о новых и новых победах Красной Армии, успешное продвижение которой на полях битв Европы, вселяли надежду. Начиная с первого мая, всем стало ясно, что вот-вот наступит день полной капитуляции германской армии.

Это было заметно и по тому, как заводчане каждое утро поворачивали свои головы к репродукторам, откуда в сводках постоянно передавались свежие и обнадеживающие новости, а по улицам города менялось оформление городских улиц и зданий. Они заметили, что транспарант со словами «Конец гитлеровской Германии» появился на здании текстильной фабрики, а в одном из скверов города им встретилась карикатура на тему «Русские прусских всегда бивали».

И вот наступил тот день, когда Иван и Маша, придя утром на работу, встретили Фёдора Андреевича необычайно радостным и взволнованным. Он, увидев их, громко закричал:

– Поздравляю Вас, Ваня и Машенька, с великим праздником, Днём Победы! Сегодня наша Красная Армия заставила фашистов подписать акт о капитуляции Германии! Ура! Война закончилась!

Всегда суровый Фёдор Андреевич со слезами на глазах бросился обнимать Машу и при этом сбивчиво стал говорить:

– Машенька, милая девочка, победа! Счастье какое! Неужели закончилось, наконец, это кошмарное время!

Потом, не отпуская девушку, приблизил Ивана, обнял их обоих, продолжая говорить:

– Ребята мои дорогие, вы молодые и красивые, как я хочу увидеть вас у меня в гостях в Ленинграде. Сегодня первый день нашей свободы. Сегодня наш день. В десять часов утра огромной колонной мы, кировцы, отправимся в центр города на демонстрацию, чтобы порадоваться за нашу армию, совершившую великую победу над фашизмом. Теперь мы счастливы, нас ожидает новая жизнь. Скоро мы увидим наших родных и близких. Поздравляю вас, мои дорогие.

В этот же день огромная масса тружеников Танкограда прошла колоннами по центру Челябинска, радуясь со всеми жителями города свершившимся великим событием.

Незнакомые люди поздравляли друг друга, обнимались и целовались. Всех их объединяло единство мыслей и чувств. Повсюду висели флаги, портреты вождей и генералов, призывные плакаты, транспаранты. У всех на устах и в сердце было одно слово: «Победа!». Гремели оркестры, звучали радостные песни.

Люди ожидали выступления Сталина. Иван тоже поглядывал на тарелку репродуктора, чтобы услышать и представить себе то, что скажет он. И вот мощный голос диктора на всю площадь известил:

– Говорит Москва! Внимание!

Сколько людей сразу замерло и направило всю свою чувственность мысли к этой круглой чёрной и маленькой тарелке, висевшей над ними. Маша крепко держала Ивана под руку и слушала его затаённое сердце, которое часто билось, как ей показалось, в унисон с её сердцем. Всё вокруг на минуту представилось немой сценой из спектакля с повернутыми кверху лицами.

После мощного дикторского голоса глухой голос Сталина вызвал лёгкое эмоциональное разочарование. Но первые слова его выступления, обращённые к людям, заставили их слушать:

– Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

Маша сжимала руку Ивана, выражая этим свою радость и, взглянув ему в глаза, сказала:

– Ванечка, я никогда не слышала голоса Сталина. Он говорит так тихо.

– Да, давай дослушаем до конца, – ответил он.

И они продолжили слушать. Иван понимал, что выступление это историческое, которое слушает не только весь город, но и весь мир. А из репродуктора в это время доносилось:

– Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами. Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию. Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной Победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития. С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Приветственным возгласам, казалось, не было конца, а на улицах города светились улыбки, гремела музыка.

Люди ликовали с такой искренностью и радостью, что казалось, от их сияющих глаз даже солнце светило ярче.

Весь день громко звучали по всему городу музыка и песни, а поздно вечером яркий свет фейерверка озарил землю. Это в небо взвились сотни ракет. Огромные букеты зеленых, красных, желтых цветов распустились один за другим в небе над толпами людей, освещая их сияющие лица. От салюта площадь и улицы еще более оживились, и всюду гремело «ура».

Молодые люди отправились гулять по городу и неожиданно оказались у большого белого экрана.

– Ой, что это? – спросила Маша и удивлённо посмотрела на Ивана, который в свою очередь спросил стоявшую рядом девушку:

– Это не кинематограф ли привезли?

– Да, – ответил она. Показывают кинокартину «Шесть часов вечера после войны», очень интересно, присоединяйтесь.

И они впервые увидели жизнь на экране, где под жужжание движка мелькали красивые лица воинов, виды зданий, девушек. Эти необычные действия постепенно увлекли их: бодрая музыка, взрывы, скачущие лошади, разбитые фашистские танки и зорко стерегущие русскую землю воины мелькали перед глазами. Всё сразу предстало перед их взором. Вот она война, рисовавшаяся им в их воображении. А в мужественной песне была любовь к родной земле, где пылали города, охваченные дымом.

Иван почувствовал в душе гордость за солдат Красной Армии: как они красивы лицом, какие строгие на них были одеты офицерские одежды, до блеска начищенные сапоги. Он пожалел себя за то, что ему не довелось с оружием в руках защищать свою землю от врага на поле битвы.

Маша же увлеклась двумя лейтенантами Василием Кудряшовым и Павлом Демидовым, искавшими в Москве молодую воспитательницу тётю Варю. В зависимости от поведения героев у неё постоянно менялось настроение. Сюжет кинокартины продолжал увлекать её в иной мир, в мир войны и любви.

Ей нравилась и трогательная песня о Москве, и сцены фронтовой жизни, и особенно виды старинной Москвы. Ведь она никогда там не была, но столько о ней слышала и видела на картинках. А здесь, словно наяву, звучали куранты, по улицам ходили строгие военные люди. Маша, как свою, почти сердцем проживала эту экранную жизнь, и ей особенно было интересно развитие отношений между девушкой Варей и молодым офицером Василием. А когда они шли по крыше дома в свете прожекторов, красных флагов и открывшихся удивительно красивых видов на Москву и Кремль, она в восторге сказала:

– Как красиво!

Эпизоды сюжета менялись быстро. Маша насторожилась, когда перед ней по небу поплыли дирижабли, преграждая фашистским самолётам путь на город. А от неожиданно раздавшегося свиста сброшенной бомбы и от пронизавшего её страха она прижалась к Ивану, при этом замечая, как теряется в объятиях лейтенанта сама Варя. И тут же раздалась созвучная её настроению песня,

в которой невеста, провожая своего казака на фронт, подарила ему кiset.

Но Маша видела вместо казака своего Ивана, она хотела бы подарить ему кiset, только не на прощание, а, чтобы он помнил о ней, надеясь на скорую встречу. И когда экранные герои в конце фильма обещают друг другу встретиться после войны в шесть часов вечера на Каменном мосту в Москве, Маша подумала о своей встрече. Только где и когда это могло бы произойти, она не знает, хотя уверяла себя, что их встреча обязательно состоится. Весь фильм был созвучен её желаниям, отчего душевное состояние у неё стало ещё более светлым и праздничным.

Но мечты вскоре сменились буднями, и эту ночь Иван и Маша провели порознь в своих общежитиях, договорившись написать заявления об увольнении их с работы.

Утром они явились в кабинет к своему начальнику с просьбой об их демобилизации. Они знали, что первая волна демобилизации уже произошла.

Фёдор Андреевич посмотрел на них и сказал:

– Как я вас понимаю, ведь меня тоже ждёт в Ленинграде семья. Но я коммунист и не имею права даже подумать об этом, ведь ещё не закончилась война с Японией, хотя о вас я доложу немедленно своему руководству. Мне жаль с вами расставаться, но постараюсь вас поддержать.

Через несколько дней он пригласил их к себе и сказал:

– Мои дорогие, Иван и Машенька, ваша просьба удовлетворена. Будем готовить на вас документы.

Характеристику на Ивана писал сам Фёдор Андреевич, где были обозначены его скромность, порядочность, честность, работоспособность, умение общаться с людьми, способность преодолевать лишения и трудности, верность долгу.

Прочитав и получив её на руки с подписями и печатями, Иван сказал:

– Фёдор Андреевич, мне хоть сейчас орден выдавай, так вы меня охарактеризовали. Спасибо вам за всё. Я очень доволен, что встретил на пути вас, такого прекрасного человека, и надеюсь на нашу встречу в Ленинграде.

О Маше он тоже отозвался хорошо, за что она его поцеловала и сказала:

– Как приятно, когда получаешь такие о себе отзывы. Мы с Иваном вас очень любим, и для нас вы являетесь примером замечательного человека и талантливого руководителя. Спасибо вам.

Иван и Маша решили, что уедут из Челябинска в один день, но что первой покинет город Маша. За три дня до отъезда они попрощались с общежитием и переселились к Светлане, которая с радостью согласилась их принять, потому что хотела доставить Маше радость общения с любимым ей человеком.

На вопросы Маши об их будущем, Иван отвечал честно, что боится её любви к нему, ведь он женатый мужчина. Однако, Маша загадочно и как-то уверенно говорила, что его долг найти жену, сына, родителей, но надеется на их будущую встречу, подарив маленькое из уральских самоцветов сердечко.

– Обещай, что сбережёшь его, – сказала она. Иван пообещал.

Последнюю ночь они почти не спали, Маша постоянно задавала вопросы, а Иван искал не простые на них ответы. Она предложила ему одну памятную игру, которую сама придумала: нарисовать друг друга и сохранить эти рисунки для себя.

На что Иван ответил:

– Я ведь плохо рисую.

– Это не важно, как получится, – ответила она.

И на обычном листке из школьной тетради он нарисовал её портрет, в платье, с длинной косой, открытыми большими глазами, такой, какой хотел её видеть.

Она же изобразила его в гимнастёрке, с короткими волосами, припухшим ртом и высоким лбом. Каждый отразил на них то, что было для них особенно значимым, хотя портрет Маши совсем не был на неё похож.

Портрет же Ивана, написанный Машей, получился лучше, и он отметил это, сказав, что у Маши проявился талант к рисованию.

На что та сказала:

– У нас в семье все хорошо рисовали. Ты видел, какие портреты нарисовал Максим для Светланы и их детей.

Маша под своим портретом написала и слова: «Ваня, спасибо, что ты встретился мне на пути. Свою любовь к тебе я пронесу через всю жизнь. Она будет единственной и вечной. Желаю, чтобы когда-нибудь я навсегда стала твоей Машенькой. Маша».

Он же подписал коротко, но тоже искренне:

«Твоя любовь согревает меня».

Маша понимала, что Иван должен нравственно определиться, ведь в душе он чувствовал себя виноватым перед своей женой.

В день отъезда она много плакала и просила Ивана писать ей из любого места, где он будет находиться, и обо всём, что будет происходить в его жизни. Он обещал и тоже был очень расстроен.

На вокзале она бросилась ему на грудь, обняла и, целуя его лицо, в слезах произнесла:

– Я не прощаюсь с тобой, мы обязательно встретимся, – и стала подниматься в вагон поезда. Потом, стоя у открытой двери тамбура вагона вновь произнесла:

– Береги себя, помни обо мне. Я буду всегда ждать нашу встречу.

Он ответил:

– Я не забуду тебя. Передавай приветы твоим родителям и Владимиру Петровичу, с которым мне так и не довелось встретиться.

Поезд тронулся с места и через несколько минут скрылся за поворотом.

Иван уезжал на несколько часов позже товарным составом, на котором везли танки, о чём договорился для него Фёдор Андреевич.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
ЧЁРНЫЕ ТРУБЫ ПОБЕДЫ

Глава 13

Белая берёзка

Чтобы укрепить свой разум, важно почувствовать, как коротка жизнь.

Грузовой поезд с танками, проходивший через Почеп, следовал на запад. Глубокой ночью машинист паровоза по предварительной договорённости сделал короткую остановку, которую с нетерпением ожидал Иван. Его новые молодые попутчики-танкисты вышли проводить его и желали ему удачи в поисках семьи. За четверо суток пути дорога их сдружила, хотя Иван по сравнению с ними чувствовал себя почти стариком. Их весёлые шутки его не радовали, а неприличные рассказы о женщинах и вообще раздражали. И вместе с тем все они были отличные ребята.

Он попрощался с каждым из них крепким рукопожатием, пожелал достойно нести честь своей родины и быстро сошёл по металлическим ступенькам на землю, оказавшись в полной темноте.

Паровоз же, напомнив о себе, исторг короткий хриплый голос, по-своему прощаясь с Иваном, обдал его чёрными клубами дыма, и, лязгая колёсами, двинулся дальше.

Отойдя подальше от путей, Иван заметил вдалеке тусклый свет. Было видно, как на слабом просвете чёрный и густой паровозный дым медленно поднимался кверху, высветляя каркас разбитого здания.

Он разглядел человека в форме и, подойдя к нему, спросил:

– Товарищ, зал ожидания здесь есть?

– А вот он, если так его можно назвать,— ответил басовито железнодорожник и продолжил:

– Вокзал разбит немецкой бомбой, но часть здания сохранилось. В нём и находится помещение для пассажиров. Пойдёмте, я провожу вас.

Пройдя около сотни метров, железнодорожник почти в темноте разыскал дверь, отворив её, и, когда они оказались в помещении, Иван в полутьме увидел много спящих людей, приютившихся на диванах и стульях.

– Много пассажиров собралось здесь,— сказал он тихо.

– Это не пассажиры, а скитальцы. Им просто некуда идти, вот возвратились домой, а дома оказались сожжёнными. Возможно, завтра будут рыть себе землянки. А что делать, жить надо где-то, – также тихо ответил железнодорожник.

Иван осмотрел глазами все сидения, но свободных мест не нашёл, пришлось снять с себя поклажу и прислониться к стене у двери. Он обратил внимание на ветхую одежду этих людей, и было понятно, что уже много лет они скитались по многострадальным деревням. Иван впервые увидел людей, переживших оккупацию на своей родной земле. Там, в Челябинске, люди тоже испытывали лишения, но они были одеты, обуты и накормлены. А здесь они спали, обмотанные грязными тряпкам, рваными одеялами и тем, чем только можно прикрыть их измождённые тела. Он стоял и смотрел на них с болью в сердце, предполагая их нелёгкую будущую жизнь.

Примерно через час к нему подошёл тот же железнодорожник и предложил место в дежурной комнате, сказав:

– Товарищ, я вижу, что вы стоите, хотя явно устали с дороги. У меня в дежурке есть свободный стул, могу предложить его вам. Сидеть – не стоять, в ногах правды нет. Пойдёмте.

Иван подумал, что дежурному захотелось пообщаться с ним, новым человеком на этой земле, и согласился, тем более что ему и самому очень хотелось узнать о событиях, происходивших здесь в его отсутствие.

В комнате Иван назвал своё имя и рассказал о себе. Узнав о том, что он приехал из Челябинска и хочет найти здесь свою жену и сына, железнодорожник, назвав себя Николаем Ивановичем, спросил:

– Вы из местных будете?

Иван ответил, что он из Ленинграда, а вот его жена из Покровщины и перестала писать ему, хотя они очень любили друг друга, и попросил рассказать его о событиях, происходивших здесь. Николай Иванович, словно ожидая этого ответа, сел на табурет и с небольшого предисловия неторопливо начал свой рассказ:

– Ну что ж, поезда здесь ходят редко, в основном идут военные составы, поэтому свободных промежутков времени у дежурного предостаточно. Вот и сейчас очередной поезд пройдёт здесь только через полтора часа. Время есть, постараюсь припомнить.

Из его рассказа стало понятно, что он не был мобилизован на фронт в силу того, что железная дорога относилась к объектам особой важности. Начиная с июля месяца сорок первого года, когда через Почеп поездами на восток увозилось всё, что только можно было погрузить в вагоны и платформы, он служил здесь же. Он вспомнил число девятнадцатое августа, когда впервые через головы железнодорожников из районов Бумажной фабрики и старой больницы стала бить тяжёлая артиллерия.

– Это было начало тяжёлых боёв в этих местах. Нас, железнодорожников, отправили на два года на восток. А потом я вернулся и продолжаю работать здесь до сих пор. Сколько полегло здесь солдат, и наших, и фашистских! Все дороги были заполнены трупами. Нас отправляли убирать их. Хоронили погибших там же, где находили. Рыли ямы и хоронили. У многих не было документов, так безымянными они и лежат в брянской земле. Памятников не ставили, кое-где только деревянные колья вбивали. А боеприпасы, оружие, пушки и танки до сих пор остались там. Лес тогда ломался как спички, – говорил он.

Разговор длился долго, но об интересовавших Ивана его родных он ничего сказать не мог.

Неожиданно Николай Иванович встал и сказал:

– Работа, брат. Надо встречать очередной поезд. Извините. Может, договорим позже. Заходите, если негде будет остановиться, всегда буду рад помочь.

Иван вышел из здания вокзала вместе с ним, на ходу поблагодарив за беседу.

Рассвет только вступал в свои права, и небо озарялось яркими пятнами выглядывавшего из-за горизонта солнца. Где-то вдали раздавались слабые отзвуки грозы.

Дорогу от вокзала к дому, как Ивану представлялось, он знал, но, отойдя от привокзальной площади, не смог точно определить направления: его последний отъезд из Почепа целая улица домов подходила прямо к зданию вокзала, а теперь вокруг не было ни одной постройки. Среди растущей высокой сухой травы с трудом можно было разглядеть тропинку, по обеим сторонам которой росли уже отцветшие яблоневые деревья. Среди них виднелись чёрные кирпичные трубы, поднимавшиеся то справа, то слева. Он догадался, что на месте этих труб когда-то и были дома, сожжённые в результате боёв за привокзальные территории. Тропинка, вдоль

которой постоянно попадались свёрнутые в бутоны жёлтые одуванчики, вывела его к шоссейной дороге, где он увидел три сохранившихся дома. Они были расположены ниже уровня шоссе, отчего казались жалкими на вид с низко осунувшимися соломенными крышами. Иван невольно сравнил их с челябинскими большими домами, отчего пришёл в уныние.

С таким настроением он шёл до тех пор, пока его путь не преградила шумная в своём быстром течении воды река, через которую висел разбитый мост.

Он спустился к реке и, сняв сапоги, босиком пошёл по неглубокому песчаному дну, ощутив приятное движение холодной воды. Остановившись посередине реки, стал наблюдать, как серебряные пузырьки омывали его ноги, брызгая по рукам.

Получив прилив энергии, Иван, перешагивая камни, дошёл до другого берега и уселся над обрывом, смотря на прозрачные с быстротой куда-то утекавшие воды.

– Вот он вечный двигатель жизни, передающий энергию всему живому, – подумал он и пошёл дальше.

Идти по каменному шоссе было не трудно, да и холмистый ландшафт, уводивший его то вниз, то вверх, был красив и изобретателен. Неожиданно, из-за поворота показалась тонко вписавшаяся в предгорье Ильинская церковь, стоявшая на краю обрыва. Иван вспомнил, что они с Машей бывали в ней раньше.

– Хорошая мишень для фашистских орудий, – неожиданно рассудил он.

И действительно, подойдя поближе, было видно, что штукатурка фасада была вся иссечена осколками снарядов. Не пострадала только живописно выделявшаяся на фасаде фреска, с изображённым на ней святым старцем, вознесённым огненной колесницей в небо. Чем дальше он всматривался в это видение, тем сильнее, словно настоящим огнём, обжигалось его сердце. Неожиданно вместо святого ему представилось лицо жены, смотревшей на него, не отрывая взгляда, сверля глазами. Иван хотел выдавить из себя какие-то слова, но её образ сразу исчез, и молодой человек, растерянный от нахлынувших чувств, закрыл глаза руками. Постав так некоторое время в полном отрешении от реальности, он вновь взглянул на фреску, и ему показалось, что горы, над которыми вознёсся седой старик, разразились сверкавшими молниями и мощным эхом грома, направленными него.

Какое-то предчувствие заставило его поскорее поспешить дальше и, чем ближе он подходил к дому, тем сильнее нарастало его напряжение. Поднявшись наверх холма, ему на повороте сразу открылось двухэтажное каменное здание школы, возле которого они гуляли когда-то с Машенькой. К его удивлению, ни один снаряд не повредил его, что порадовало Ивана. Однако, напротив не оказалось ранее стоявшей здесь Покровской церкви. Места, где его сын до войны получил своё крещёное имя, больше не существовало. Это расстроило Ивана и, подойдя к нему, он неожиданно для себя перекрестился. Сердце его сильно забилося. Его удивлению и возмущению не было предела, когда, пройдя дальше, он не нашёл и своего переулка. На месте когда-то стоявших добротных домов выглядывали чёрные трубы с зеленеющими садами вокруг.

Иван с трудом нашёл места, где стояли дома, в которых жили его родственники, а также состоялась их с Машенькой свадьба. Сейчас здесь было пепелище, везде лежали обгорелые брёвна. Пробравшись среди сухой прошлогодней травы к чёрной высокой трубе, он, однако, не нашёл каких-либо следов недавнего присутствия человека.

– Неужели никто из родных так и не был здесь после пожарища? – подумал он.

Ещё раз, внимательно осмотрев места, где ранее стояли дома, Иван понял, что сюда давно никто не подходил, ведь трава была такая сухая, высокая и густая, что сквозь неё даже ему было трудно пробираться. На пепелище валялись многие обгоревшие предметы быта. Иван нашёл ухват, чугунную сковороду, кастрюли, а также игрушечные детские часики, привезённые им для Серёжи из Ленинграда.

Он подумал, что, наверное, особые обстоятельства вынудили дорогих ему людей покинуть родной дом.

Обнаружив закрытый навесом погреб и на небольшом расстоянии огромную яму, он вспомнил, что о них ему писала в письме ещё в сорок первом году его жена. Образовавшаяся яма была результатом сброшенной фашистами бомбы.

Заглянул он и в погреб родителей Машеньки, но там было темно и сыро. Выбравшись на свет, он долго рассеянным взглядом рассматривал окружающее безлюдное пространство, потом пошёл к краю горы, откуда открывался вид широкой долины с извилистой

рекой и петровской крепостью. Чувство невыразимой тоски нахлынуло на него.

– Что же произошло с его женой и сыном, а также с бабушками и дедушками? – думал он и, сев на край обрыва, погружился в состояние оцепенения.

Его голова и всё тело постепенно перестали служить ему, сказались дорога и бессонная ночь, проведённая на вокзале. Он склонился набок, а затем и вовсе лёг на спину и стал смотреть на небо. Крупные белые облака плавно катились в голубом безбрежье, вырисовывая почти живые фигуры. Они изменялись и устремлялись под напором ветра куда-то вдаль. Казалось, что вместе с ними поплыл и он, легко и свободно цепляясь за летучие покрывала. Он то пропадал в их пушистых перинах, то выплывал на поверхность тонких белоснежных вуалей, и, наконец, его сознание растворилось, и всё исчезло. Человека одолел сон.

Проснулся он от детского голоса: ребёнок громко и сбивчиво кому-то говорил:

– Вот здесь... дяденька лежит, не шевелится. Мы и звали его, и кидали в него камнями, но он не отвечает.

Иван открыл глаза и увидел, что к нему подходит женщина с двумя мальчиками лет пяти и десяти. Старший мальчик жестом руки указывал на него.

Женщина, заметив, что Иван открыл глаза, резко отпрянула от него и быстро заговорила:

– Мужчина, что же вы здесь лежите? Сейчас и дождь пойдёт. Мальчики вас нашли и забеспокоились, живой ли? Уже давно лежите. Чей вы будете? Поднимайтесь скорее, простудитесь на голой земле лежать, ведь уже вечер.

Иван медленно поднялся и сразу не мог понять, где он находится, но, оглядевшись, понял, что долго спал на вершине холма.

– Спасибо за беспокойство, вот уснул, прибыл к жене, да никого не застал, не знаю, что и делать. Моя жена Машенька жила в соседнем доме. Четыре года я её не видел, война разлучила нас с нею. Где её искать, не знаю, – ответил он.

Женщина, назвавшаяся Татьяной, предложила ему пойти к ней домой, сказав:

– Маша Сыроквашина, да, помню. Здесь так стреляли, что все дома сгорели ещё в сорок первом, а жителей срочно эвакуировали, но куда, не знаю. Снаряды взрывались здесь наверху, а нас внизу

бог миловал. Я со своими детьми осталась, дом мой внизу. Пока стреляли, мы с детьми прятались. Пойдёмте с нами, может, мы сможем помочь, ведь должен же кто-то знать, куда делась ваша семья.

Иван согласился, поднялся с земли, взял свой мешок и пошёл, спускаясь круто вниз, вслед за ними. Наконец, они оказались на улице, расположившейся прямо у подножия горы. Странно, но здесь стояли крепкие деревянные дома, с горы почти невидимые, словно и не было здесь войны и пожаров. Дом Татьяны был с большим двором и целым рядом сараев и кормушек. Правда, войдя в него, Иван поразился скромной обстановке комнаты, в которую его ввели. Кроме стола и деревянных скамеек, он отметил цветные занавески на окнах и дверях, чистоту и порядок, как главное достоинство комнаты.

Татьяна предложила ему снять с себя мешок, расположиться на деревянной скамье и подождать её несколько минут.

Пока хозяйки не было, Иван заметил, как из-за занавески в дверях на него уставились несколько пар детских глаз. Они осматривали его с большим любопытством. Мальчики, отстаивая выгодное для обзора место, толкали друг друга, называя себя по кличкам. Самый маленький был и самым любопытным, претендовавшим на передовые позиции. Он, пробираясь между детьми, говорил:

– Лучик, я маленький, пропусти меня, мне не видно.

На что, более старший брат, отвечал:

– Немик, не выглядывай, а то дядя заругает.

Иван обратил внимание на их странные клички «Немик» и «Лучик».

– Ох, эти дети! Придумают же себе название! – подумал он.

Иван заметил и девочек, которые то появлялись, то исчезали в глубине комнаты за мальчиками. Девочки называли себя по именам: Таней и Катей.

Вскоре Татьяна вернулась в комнату со словами:

– Не досаждали вам детки? Они моя радость и надежда, их у меня четверо. Скучать некогда. Сейчас я вас покормлю. У меня и хозяйство есть, иначе не прожить. Утки и гуси на лугу, речка тут рядом. Коровка есть, без молока деткам нельзя.

На столе появились варёная картошка, вынутая из русской печки, сало.

– Пожалуйста, за стол, утолите голод, – произнесла она и добавила: Пусть поскорее найдётся ваша жена.

– Ивану неожиданно захотелось кушать, и он вспомнил, что у него в сумке есть тушёнка, которую вёз своей семье, и, достав две банки, положил на стол.

– О, такое угощение мы давно видели. Спасибо, Ваня. Мы больше домашним питаемся, картошка да молоко, сало тоже своё. Но по весне не хватает, ртов много. Вон они, мои птенчики, помогают мне управляться с хозяйством. Муж не вернулся с войны, прислали похоронку ещё в сорок первом, так что мы всё сами делаем.

Потом она на минуту замолчала и продолжила:

– Погиб он где-то под Москвой. Дети гуляют сами по себе, вот и вас обнаружили. Боюсь за них, ведь вокруг много мин и снарядов, а за мальчиками разве уследишь? Тут на той стороне реки целые арсеналы немецких мин, оставленных нам. Сколько ребят подорвалось на них, а недавно у соседей мальчик подорвался. Война закончилась, а последствия её ужасны. Говорю своим сорванцам, чтоб не ходили туда, да разве уследишь. Вы-то как? Откуда прибыли?

Иван рассказал, что он родом из Ленинграда, что командировка застала его на Урале.

Разговор длился не долго. Татьяна, понимая, что мужчине нужно прийти в себя, сказала:

– Ваня, детям спать надо ложиться. Я постелю и вам здесь, а завтра о вашей семье мы что-либо узнаем. Мир не без добрых людей.

Утром Иван встал рано, и Татьяна сообщила ему важную новость о том, то одна из её знакомых женщин видела около года назад Емельяна Ивановича, приехавшего к своему погорелому дому. Тогда он рассказывал, что его дочь Мария погибла, и они остались жить в деревне.

Эта новость повергла Ивана в шоковое состояние. Он решил лично поговорить с этой женщиной и просил Татьяну отвести его к ней.

Вскоре они уже были в доме Ульяны, как оказалось, дальней родственницы Емельяна Ивановича, рассказавшей всё, что знала она о семье Ивана.

Из её слов стало ясно, что погибла она в партизанском отряде, а старики с внуком и живут там, где похоронена их дочь. Вспомнила Ульяна и название посёлка, где они проживали.

– Белая Берёзка, так, кажется, называл он эту деревню. Только, где эта Берёзка находится, я не знаю, – сказала она. Она же рассказала о том, что его бабушка и дедушка погибли во время бомбёжки и что их похоронили на кладбище.

С этой минуты Иван жил новой неизвестной ему дорогой и, не задерживаясь, решил отправиться в путь.

Через час он уже шёл к железнодорожному вокзалу, надеясь на встречу с Николаем Ивановичем и рассчитывая, что тот уж знает, где может находиться эта деревня.

На вокзале, вновь увидев Ивана, тот обрадовался, и, узнав его историю, сказал:

– Да, знаю, где находится деревня. Добраться до неё можно только на попутных подводах. Договориться с мужиками просто, они даже бывают рады хорошим попутчикам, – и рукой указал на перекрёсток, где могли останавливаться мужики.

Пожелав ему удачи, добавил:

– Да, и на этом пути шли очень тяжёлые бои. Будете проезжать мостик через речку Рожок, полюбопытствуйте.

Иван немедленно отправился к перекрёстку, где и дождался подводы, хозяин которой известил, что до деревни он не доедет десяти километров и что далее ему придётся дожидаться нового ездового или идти пешком. Иван был согласен и на это.

По дороге они познакомились. Иван, назвав себя, рассказал о причине своего путешествия. Представился и извозчик, назвавшись Никандром Николаевичем. Ему с виду можно было дать лет шестьдесят, но по росту он казался настоящим богатырём. Мужчина оказался разговорчивым и сам стал рассказывать о себе, из чего Иван узнал, что приезжал он на базар, и теперь возвращался домой.

Дорога шла через густой смешанный лес, который иногда сменялся высокими стройными соснами. Не проехав и часа, они переехали мост через узенькую речку с названием Рожок. Никандр Николаевич неожиданно задал вопрос:

– Иван, ты когда-нибудь видел десятки разбитых танков, оставленных на месте страшных боёв?

Иван отрицательно покачал головой.

– Так вот, в сорок первом году в этих местах был настоящий ад, здесь сошлись сотни танков, устремлённых навстречу друг другу.

– Я много танков видал, но на месте боёв никогда не был, – сказал Иван.

Никандр остановил лошадь и предложил Ивану войти в лес.

Не успев оказаться в лесу, на обочине дороги они увидели скрытый в зарослях огромный танк. Иван узнал его, это был «КВ».

Подойдя поближе, он увидел, что гусеницы у танка были разбиты, а входной люк и пушка полностью раскурочены.

– Да, не сладко пришлось нашим танкистам здесь. Что же стало с экипажем? – произнёс он и стал подниматься к люку, чтобы убедиться, что внутри танка нет танкистов. Не обнаружив погибших людей, Иван спрыгнул на землю и, пройдя немного дальше, увидел среди молодых сосенок ещё два танка, стоявших напротив друг друга.

– Ух, сошлись лоб в лоб, – не удержавшись, произнёс Иван.

Один из танков был немецким с большой вмятиной по правому борту и с перебитой гусеницей. Другой танк был наш, но тоже без гусеницы и с разбитым стволом орудия.

– Отвоевали своё, голубчики, жаль, что танки и люди нашли свою смерть в этих лесах, – сказал Иван.

Заглядывать в люки ему больше не захотелось, да и дорого было время.

– Весь лес напичкан танками, пушками, минами и снарядами. Страшно заходить. До сих пор взрывается. Весь лес израненный, – ворчал Никандр.

– Вижу, что бои здесь были сильные, но поедем дальше, – сказал Иван.

После полудня подъехали к дому Никандра Николаевича, за высоким забором которого лаяла собака. Хозяин дома предложил Ивану передохнуть. Иван принял приглашение. Хозяин провёл гостя в комнату и усадил на лавку, а сам вышел. Вскоре он возвратился вместе с женой, сказав:

– Иван, я помогу тебе съездить в Белую Берёзку и забрать семью. Правда, если мы выедем сейчас, то приедем туда поздно ночью. Найдём ли мы там кого-нибудь в деревне, когда все люди будут спать, я сомневаюсь. Спросить будет не у кого. Я предлагаю переночевать, а рано утром отправиться в дорогу.

Хозяйка, миловидная женщина лет пятидесяти, назвав себя Аграфеной Власьевной, была согласна с мужем.

– Молодой человек, мы уважаем вас за стремление найти свою семью. Бог вам в помощь. А сейчас за стол, надо подкрепиться, – уточнила она решение своего мужа.

На следующий день рано утром хозяин был уже на ногах. Запрягли лошадку, погрузили полмешка овса коню на корм, а хозяйка положила сумку с едой для ездоков.

Ехали они по лесным дорогам. Никандр Николаевич точно следовал вперёд, хотя на солнце не смотрел, компаса не имел, и, словно по нюху, точно ощущал направления, ловко обходил болота и речушки, которых вдоль реки Десны было предостаточно.

Иногда хозяин давал лошади отдохнуть, подкармливая её травой и овсом. Наконец, уже ближе к вечеру они подъехали к деревне, выделявшейся среди других своим красивым названием и расположением на высоком берегу реки Десны.

Иван подумал:

– Как бы я нашёл её, если за всё время пути не встретилось ни одной живой души.

Никандр Николаевич остановился у избы, показавшей признаки жизни: открытое окно с занавесками и комнатными цветами на подоконнике выделяли этот дом среди других. Постучали в калитку. В окошке мелькнула тень и выглянула старушка:

– Что тебе, милок?

– Не знаете ли вы, где живёт Емельян Иванович? – спросил Иван.

– Как не знать... Кто же его не знает, все знают. А вы кто будете ему? – полюбопытствовала она.

– Мы родственники его, – ответил Иван.

На что последовало в ответ:

– Сейчас выйду, покажу дом. Он на краю деревни живёт.

Старушка не заставила себя ждать, вышла быстро.

– Пойдём, милок, – сказала она и пошла впереди лошади.

– Бабушка, садись на телегу, – сказал хозяин лошади, но старушка только махнула рукой и пошла скорой походкой.

Вскоре она подошла к дому и вошла в него, а через минуту из дверей дома вышел мужчина. Иван сразу не признал в нём Емельяна Ивановича, потому что был он с густой седой бородой и в крестьянской длинной рубахе, которую ранее никогда не носил.

Подойдя к телеге, мужчина поклонился и сказал:

– С приездом вас, дорогие братья. Милости прошу в дом.

Иван только по голосу понял, что это был его тесть, который ожидал не его, а приезда других людей. Как он постарел за это

время, голос был тихий и какой-то смиренный, а походка его стала несмелой, да и опирался он на палку.

Иван напомнил ему о себе:

– Емельян Иванович, это я, Иван, муж вашей дочери и отец Серёжи.

Тогда Емельян Иванович равнодушно взглянул на него и как бы с укором сказал:

– Где же ты был столько времени?

Иван не стал отвечать на обиду, но подошёл к тестю и обнял его.

– Как я рад вас видеть. Не обижайтесь на меня, я постоянно думал о вас. Война разлучила нас на многие годы. Зовите же всех скорее в дом, я хочу всех вас видеть.

Никандр Николаевич, видя, как неприветливо встретил Ивана его тесть, сошёл с телеги и, не распрягая лошадь, вместе с Иваном вошёл в дом.

Сердце Ивана забилося так сильно, что, казалось, готово было вырваться наружу. Он искал глазами жену и сына, но их не было. В доме спокойно занималась своими домашними делами одна Мавра Анисимовна.

Иван окликнул её:

– Дорогая моя мама, Мавра Анисимовна, здравствуйте. Это я, Иван, вернулся с войны. Как я рад видеть вас.

– Ваня, ты приехал! – вскрикнула она и бросилась к нему. Мы думали, что ты забыл нас.

Слёзы брызнули из её глаз прямо ему на лицо, и она почти прокричала:

– Нет больше нашей доченьки, единственной кровинушки не стало. Похоронена она... здесь... недалеко... в лесочке под берёзонькой... на бережку... Каждый день поговорить с ней ходим... Поговоришь, и сердцу легче.

– Я постоянно думал о вас, но приехать не мог. Война. Простите меня за это. Я очень рад вас видеть, – оправдывался Иван.

Она долго плакала и не могла успокоиться, потом отстранилась от Ивана, вытерла слёзы и сказала:

– Ванечка, прошло уже более трёх лет, но душа не может успокоиться. Плачу и страдаю, нет ни сил, ни здоровья.

Иван спросил:

– Где же мой сын? Я столько времени его не видел. Ему уже почти пять лет будет, большой стал. Где он? Я так хочу его видеть.

– Сейчас придёт, пошёл рыбу удить, здесь за домом, – и крикнула в окошко:

– Серёжка, скорей домой иди.

Минут через десять в комнату вошёл в длинной светлой деревенской рубашке мальчик, босой и лохматый. Сердце Ивана дрогнуло, такое родное чувство озарило его. Он метнулся было к сыну, но тот потянулся к бабушке и прижался к ней.

Бабушка, посмотрела на внука и сказала:

– Серёженька, это же твой папа, подойди к нему. Он был на войне. Она закончилась, и папа приехал к тебе.

Ребёнок испуганно продолжал жаться к бабушке и со страхом смотрел на мужчину, а потом отстранился и вовсе выбежал из комнаты.

– Ничего, привыкнет, – произнесла бабушка и, обращаясь к Ивану, продолжила:

– Не ожидали больше тебя увидеть. Спасибо, что приехал. Мы уже здесь поселились, теперь никуда от нашей доченьки не поедем. Сил и здоровья нет.

Никандр Николаевич, молча наблюдавший эту сцену, вдруг сказал:

– Иван, надо лошадь распрячь и накормить. Хозяйка нас приютит, надеюсь, до завтра?

На что Мавра Анисимовна ответила:

– Конечно. Будьте как дома. Мы всегда рады гостям, – и громко через дверь крикнула:

– Емельян Иванович, помощи гостям.

Тот зашёл в дом и вместе с Никандром Николаевичем вышел к лошади. Иван остался с Маврой Анисимовной, чтобы немедленно отправиться на могилу своей жены.

Та кликнула Серёжу, который появился не сразу, будучи в растерянных чувствах. Ребёнок не мог понять, откуда явился этот мужчина и почему он должен называть его папой. Ему никто этого ранее не объяснял.

Бабушка сказала:

– Серёженька, пойдём сейчас к маме. Возьми в сарае лопаточку, будем убирать её домик.

Внук побежал за лопатой и вскоре вернулся, сказав:

– Пошли, я взял и ведро, чтобы полить цветочки.

– Мой внук золотой, что бы я без тебя делала, – похвалила его бабушка и добавила, обратившись к Ивану:

– Дедушка ведь наш инвалид, плох со здоровьем. Был ранен, теперь страдает сильно.

Они втроем пошли через огород и далее тропинкой к реке. Вдоль высокого берега реки Десны был хорошо виден противоположный низкий её берег, где открытое пространство раскинулось до самого горизонта. Показалась и полянка, на краю которой под молодой берёзой весь усеянный полевыми цветами открылся небольшой живописный холмик с деревянным крестом.

– Вот наш домик для Машеньки, – сказала бабушка и заплакала. Иван, подойдя к могиле, встал на колени и низко склонил к цветам свою голову. Он всхлипывал, как ребёнок, которого сильно и незаслуженно ударили, тихо произнося слова:

– Моя единственная и неповторимая любовь, украсившая мне жизнь. Спасибо тебе, что ты была со мной. Я уверен, что твоя светлая душа находится на небесах, но сейчас, я верю в это, она приблизилась к нам, чтобы поговорить с нами этими полевыми цветами, полыхающими над твоим домиком. Я по-прежнему люблю тебя. Моя жена, видит бог, я не оставлю тебя и твоих родителей. Дорогая, Мавра Анисимовна, Серёженька, мы всегда будем вместе. Я обещаю это вам.

Мавра Анисимовна плакала, Серёжа тоже заплакал вслед за нею.

На обратном пути свекровь рассказывала об обстоятельствах гибели жены, хотя это давалось ей с большим трудом. Иван слушал, едва сдерживая слёзы.

Из рассказа он понял, что Маша вместе с отцом вступила в партизанский отряд и патрулировала лесную дорогу. Это было рядовое каждодневное задание, выпадавшее тем, кто явился к партизанам с собственной лошастью.

Все лесные дороги, ведущие к партизанскому отряду, имели преграждающие путь засеки из срубленных больших деревьев, положенных поперёк дорог с потайными тропами для объезда, известных только партизанам.

В этот день первого октября сорок второго года очередь наблюдения за дорогой была за Емельяном Ивановичем. Рано утром отец с дочерью, подъезжая к одной из таких засек, увидели немцев, убиравших с дороги деревья. Съехав на объездную тропу, отец приказал дочери отправиться коротким путём к партизанам, а сам открыл по фашистам сокрушительный пулемётный огонь.

Немцы стали отстреливаться, и одна из пуль попала в лошадь, которая громко заржав, поднялась на дыбы.

Маша, оказавшись за обочиной дороги, увидела это и, не помня себя, закричала. Один из фашистов выстрелил на её голос, и пуля попала ей точно в сердце. Хоронили Машеньку всем отрядом на самом красивом месте высокого берега Десны. Место выбрали не случайно, чтобы могила была видна издали и чтобы она была под стать её целомудренной красоте.

Пока они шли от могилы к дому, Иван судорожно искал решение, понимая, что оставить тело жены в этой красивой глуши он не мог. У него созрел необычный план: откопать и перевезти гроб в Почеп и тем самым помочь родителям возвратиться на свою родину.

Об этом он поделился с Маврой Анисимовной, но та засомневалась, сказав:

– Не грех ли это, выкапывать мёртвое тело? Да и как мы жить без дома будем?

Иван стал доказывать ей важность такого решения:

– Нельзя ей лежать здесь одинокой. Мы должны похоронить её на своей родине среди знакомых ей людей. Мы не заметим, как быстро вырастет Серёжа, сможет ли он приезжать сюда, чтобы поклониться своей матери? Ведь он должен жить и учиться в Ленинграде. Соглашайтесь, мы это сделаем завтра же и все уедем отсюда. А про дом, не беспокойтесь. Я его вам построю. У меня есть некоторые сбережения для этого.

И она дала согласие. Необходимо было теперь уговорить Емельяна Ивановича, но Мавра Анисимовна взяла это на себя.

Ивана волновал и ещё один вопрос, поэтому он спросил:

– Мама, скажите, а где могут находиться мой дед Пётр Гаврилович и бабушка Прасковья Ильинична?

Она задумалась, а потом сказала:

– Война – это беда. Сколько же лишений за это время мы испытали, родных людей потеряли. Вот и твои бабушка с дедушкой не выдержали лишений, смерть настигла их на дороге. Не помню точно названия той деревни, где их похоронили, то ли Дубровка, то ли Дубки.

Иван не стал уточнять место их захоронения, но для себя решил обязательно найти его.

По возвращении в дом Серёжа перестал бояться своего отца после того, как тот подарил ему фонарик, купленный в Челябинске.

Фонарик настолько понравился ребёнку, что он не выпускал его из рук и светил им во все тёмные места деревни.

Вечером Мавра Анисимовна сообщила Ивану о согласии мужа на перезахоронение дочери.

Теперь осталось поговорить об этом с Никандром Николаевичем, чтобы ночью приступить к выкапыванию гроба.

После ужина Иван вышел с ним во двор и сказал:

– Никандр Николаевич, вы так много для меня сделали. Я благодарен вам за это. Но нам необходимо сделать ещё одно очень важное дело. Мы сегодня ночью хотим выкопать гроб с телом Машеньки и завтра утром отвезти его для перезахоронения в Почеп. Не могли бы вы помочь нам в этом деле, ведь мы больше приехать сюда уже не сможем. Оставлять здесь одних почти беспомощных стариков тоже нельзя. Я буду вам очень благодарен, пожалуйста, не откажите.

На что тот сказал:

–А зачем мы тогда сюда приехали? Так и надо действовать. Родители согласны? – спросил он.

–Да, все согласны, – подтвердил Иван.

Как только стало смеркаться, почти в полночь, Емельян Иванович запряг свою лошадку, подаренную ему партизанами вместо погибшей, и трое мужчин отправились в лес. Вот где пригодился фонарик, подаренный Иваном сыну. Прежде всего, нарубили ёлочного лапника, чтобы укутать им гроб, а потом направились к могиле. Отрывать землю лопатами было нетрудно, потому что она была мягкой, а яма оказалась не глубокой.

Поднимали гроб втроем, Иван в яме подкладывал под доски верёвки, а старики их тянули кверху. Он же держал и выталкивал его снизу.

Толстым слоем хвойного лапника укутали весь гроб, поверх которого накинули старое ватное одеяло, завязав его верёвками.

Саму могилу зарыли, посадив заранее выкопанные цветы. На то же место поставили и крест.

Всю ночь готовили отъезд. Мавра Анисимовна хлопотала с запасами еды. На телегу Никандра Николаевича погрузили три мешка оставшейся картошки, мешок зерна, все соленья и варенья. С грядок был сорван весь зелёный урожай, сложенный в ведра. Не забыли взять с собой даже коромысло.

Сна в эту ночь не было совсем, только Серёжа спал как обычно, его перенесли на телегу Никандра Николаевича, куда рядом с ним уместилась бабушка.

Емельян Иванович сел за возничего на своей лошадке, а Иван рядом с ним.

Старики перекрестились на дом, заочно попросили у всех жителей деревни прощения за столь спешный отъезд и тронулись в путь.

Стояла тишина раннего утра. Среди высоких крон деревьев уже виднелись просветы голубого летнего неба, хотя у подножия деревьев трава выглядела сплошной тёмно-зелёной полосой. Необычность произошедшего в душе Ивана вызывало волнение: теперь от него зависело положение стариков и будущая жизнь сына. Он размышлял о последствиях перезахоронения покойной жены: не введёт ли это его в грешные мучения, но он сам себя оправдывал тем, что это было необходимо, по его представлениям, для упрочения светлой памяти матери в глазах сына.

Когда они ехали по лесу, Иван издали наблюдал за спящим сыном, лежавшим на подводе во весь рост. Его с большой любовью оберегала Мавра Анисимовна, постоянно укрывавшая внука одеялом.

Постепенно в лесу стало светлее, хотя солнца не было, что было хорошо для сохранения гроба.

В полдень подъехали к дому Никандра Николаевича, но остановились только затем, чтобы пополнить запас овса для скота. Сразу же отправились далее.

Серёжа проснулся и, удивлённый тем, что он не дома, произнёс:

– Бабуля, а куда мы едем?

На что бабушка ответила:

– Едем на нашу родину. Там ты родился, там и жить будем.

Глава 14

Мы построим свой дом

В Почеп прибыли вечером. Никандр Николаевич так рассчитал время, чтобы прибыть тогда, когда начнёт смеркаться. Так и получилось.

Остановив лошадь Емельяна Ивановича на повороте к кладбищу, Иван пересел к Никандру Николаевичу, чтобы отвести Мавру Анисимовну с сыном на ночлег к Татьяне.

Подъехав к её дому, он постучал в калитку. На стук тут же вышла сама хозяйка и очень удивилась, увидев Ивана.

– Что случилось? – спросила она.

– Вот приехал, привёз сына и стариков, да ночевать негде, – сказал он.

– Заходите, места всем хватит, – ответила та.

Иван помог Мавре Анисимовне слезть с телеги, потом поднял спящего сына на руки, которого положили вместе с мальчиками Татьяны.

Мавра Анисимовна спать не пожелала, надеясь дождаться мужчин с перезахоронения, о чём сообщила Татьяне, которую она знала с довоенных времён.

Иван вместе с Никандром отъехали к Емельяну Ивановичу, чтобы завершить весь цикл суточных приключений.

Место захоронения выбрали у каменной часовенки, там, где уже хоронили предков Сыроквашиных. Яму копал в основном Иван, но гроб опускали втроем. Засыпав его землёй и сложив лопаты, они сели на телеги и отправились на речку смывать с себя следы телесной грязи.

С наступлением рассвета Никандр Николаевич уехал домой.

Мавра Анисимовна ушла спать в комнату к Татьяне, Емельян Иванович улёгся прямо на телеге, благо погода располагала к этому, а Иван спать не стал, отправившись вновь на кладбище поправлять могилу жены.

Бессонные ночи как будто не утомили его, а бодрящее утро вызвало прилив энергии. Он увеличил холмик из песка, уплотнил его с боков, а потом, взяв лопату, отправился в ближайшую рощицу искать молодую берёзку, желая всё сделать так, чтобы соответствовать прежнему месту её захоронения. На крутых склонах древнего русла реки берёзку нашёл сразу, выкопав которую, посадил у изголовья гроба покойной жены.

Вернувшись к дому Татьяны, Иван увидел запрягавшего свою лошадку Емельяна Ивановича, готового увезти свою родню к их погорелому дому.

Объяснив причину своего отсутствия, он подошёл к сыну, стоявшего возле телеги, подняв и усадив его на неё, сказал:

– Сынок, теперь поедem строить наш дом, – и уселся рядом.

Мавра Анисимовна села сбоку от хозяина, который оглядев-шись по сторонам и убедившись, что все на месте, сказал «С богом!» и дёрнул за вожжи.

Он внимательно всматривался в те места, где когда-то стояли знакомые ему дома, и там, где домов не обнаруживал, размашисто качал головой, а, подъехав к пепелищу своего дома, заплакал.

Иван, понимая, как тяжело он переживает разруху своего до-ма, приблизился к Емельяну Ивановичу и сказал:

– Мы построим свой дом, не переживайте. Начнём работу прямо сейчас, а нас на время приютит Татьяна, она обещала.

В погребе разместили все припасы, привезённые из Белой Бе-рёзки, для чего опять пригодился Серёжин фонарик.

В этот день Иван с тестем укладывали разбросанные брёвна, доски, разбирали обгорелые части стоявших ранее домов, Мавра Анисимовна убирала траву, заполонившую весь двор. Серёжа тоже помогал бабушке убирать двор, а потом вместе с отцом ходил за водой.

Вода была радостью и болью жителей Покровской горы: ра-дость оттого, что такой целебной и вкусной воды в округе найти было трудно, боль же оттого, что колодец был далеко от дома, вни-зу под горой, и носить её наверх было тяжело.

На приготовление пищи, принесённой Иваном воды, хватило, и хозяйка с радостью приготовила обед, которым накормила работ-ников.

День прошёл быстро, а к вечеру все вместе отправились на могилу Машеньки, удивившись порядку и чистоте, которые утром навёл Иван.

– Вот, теперь у мамы новый домик у часовни, – обращаясь к внуку, сказала бабушка. Запоминай это место.

Когда они возвратились на свой переулок, то увидели Татьяну, которая явилась, чтобы забрать к себе на ночлег хозяйку и внука. Она звала и мужчин, но те остались, обещая прийти, если к худшему изменится погода.

Иван попросил её узнать место захоронения его дедушки и бабушки. Татьяна обещала.

Мужчины продолжали работу до позднего вечера, а когда ста-ло темно, улеглись вдвоём прямо на подводе.

Трава, уложенная на телеге, стала их мягкой постелью. Иван впервые лежал на ней, смотря в чёрное небо летней ночи. Перед ним открывались тысячи ярких золотых звёзд, мелькавших в глазах. В тёмном пространстве проплывала и вся его жизнь. Он вспомнил себя ребёнком, когда мама Надежда Петровна в золотых снах лелеяла его тихой песенкой и нежным взглядом. Перед ним возникало лицо жены, молоденькое, нежное и смущённое, такое, какое он видел в первые дни их знакомства. Тогда он, сидя за столом вместе с родителями, наблюдал за предметом своей страсти, и почти не шевелясь, медленно дышал и холодел, понимая, что влюбился. Ах, какие это были прекрасные мгновения. Это было начало настоящей жизни, одухотворённой высоким смыслом. Тогда сквозь поволоку сладкой грусти ему открылась совершенная красота весеннего вечера, и возникло радостное чувство молодой, закипающей жизни. И вот теперь над ним вновь проплывало и останавливалось на миг лицо той девушки, губы которой загадочно улыбались, а глаза глядели вопросительно и задумчиво. Она смотрела, словно впервые выглянувшее на свет Божие дитя, от которого исходило затаённое полусознательное предчувствие чего-то нового, разделившего его жизнь на «до» и «после».

Ему пришла на ум мысль о том, что детство и любовь схожи между собой, потому что их объединяла чистота чувств. Также вспомнились слова, прочитанные очень давно ещё в студенческом возрасте. Тогда он не придавал им особого значения, а сейчас они почему-то предстали перед ним, убеждая его в том, что самая прекрасная и цветущая любовь в жизни приходит весной, однако она бывает короткой. И поскольку эта любовь умирает в самом расцвете своей красоты, её больше всего воспевают поэты и музыканты, о ней слагают легенды. Это любовь, которой удаётся избежать старости.

Ему показалось, что он отчётливо видит эту любовь, которая смешалась с биением его сердца, и ему в голову пришла ещё одна странная мысль:

– Неужели, чтобы услышать своё сердце и понять смысл любви, важно осознать её трагедию?

Его размышление нарушило тяжёлое дыхание соседа, который перевернулся, случайно задев его. Иван прислушался, понял, что Емельян Иванович не спит, и сказал:

– Здесь такая тёмная ночь, почти целебный воздух. На родине лучше, чем на чужбине.

Емельян Иванович, медленно повернулся ещё раз и сказал:

– Да, не спится мне. Мы с хозяйкой теперь не знаем, как и жить. Одна надежда была, доченька. Теперь остался внучок, но, чувствую, что ты скоро его увезёшь в Ленинград, а мы останемся. Как нам жить, не знаю?

Иван успокоил его:

– Дорогой мой тесть. Я буду помогать вам. Дом достроим, приведём его в порядок, печку сложим, тепло будет. Мы с Серёжей будем приезжать. Моё слово верное. Я уважаю вас, очень любил и люблю Машеньку. Она и теперь над нами витает, такая молодая и красивая, смотрит на нас с небес, словно живая.

Потом помолчал и спросил:

– Емельян Иванович, расскажите, как погибла Машенька?

– Вспоминать тяжело, не ведано нам, где найдёшь, а где потеряешь. Война во всём виновата. Эвакуировали нас так быстро, что мы почти всё оставили в доме. Думали скоро вернуться. Военные бегали по дворам, нас торопили, говоря:

– Немцы идут, скоро бомбить будут, скорей собирайтесь, берите больше еды, будем эвакуировать вас в безопасные места. Погрузились мы, и на телеге отправились туда, куда нам указали. Как назло тяжело заболели твой дедушка Пётр Гаврилович, а по дороге плохо себя почувствовала и бабушка.

Пришлось оставить их в одной из деревень, которая была на пути движения длинной колонны. Всем здоровым лошадиникам предложили проехать ещё дальше, предложив им стать партизанами. В числе их оказались и мы. Те, кто был моложе, ходили на задания, а кто постарше, обустроивали партизанский лагерь. На нас, лошадиников, была возложена задача строить засеки, патрулировать дороги, ведущих к лагерю, и останавливать на них подозрительных лиц.

Машенька жила в ближайшей от партизанского лагеря деревне вместе с Маврой Анисимовной и сыном, и только иногда бывала в партизанском лагере, помогая готовить пищу, стирать, но это было не каждый день. Так жили многие семьи партизан. В то утро Маша оказалась в лагере, и мы вместе отправились на патрулирование дорог. Хотели заехать и в деревню, ведь в этот был день рождения Серёжи, но на дороге одной из засек, я увидел вооружённых немцев, прибывших на мотоциклах. Не знаю, я и стрелять то по-настоящему

не умел, но руки сами потянулись к пулемёту. Они меня не видели, а я их видел отлично. Немцы столпились возле деревьев, желая очистить от них дорогу. Вот тут я и открыл по ним огонь. Я успел крикнуть Машеньке, чтобы она сообщила об этом в отряд, но какой-то фриц успел выстрелить в мою сторону и попал в лошадь. Это увидела Маша и, не сдержавшись, закричала. По всей видимости, он же выстрелил и в неё. Стрелял я, пока хватило патронов, потом соскочил с телеги, чтобы бежать к партизанам, но почувствовал сильную боль в ноге. Я остановился и увидел мою доченьку, недвижно лежавшую у берёзы на траве. Не помня себя, схватил её, хотел понести, но силы меня покинули. Когда очнулся, стояла мёртвая тишина. Прикрыв Машеньку травой, с болью в ноге я отправился в отряд, чтобы сообщить об этом командиру. В отряде меня перевязали и на подводе опять привезли к месту гибели моей доченьки. То, что я увидел там, я и сам себе не поверил: в форме немецкой армии лежали солдаты и офицеры, а также один деревенский парень. Тут же стояло пять новеньких мотоциклов. Потом партизаны отправились в деревню, где в доме этого парня нашли ещё троих раненых фрицев.

Я до сих пор не могу простить себя. Моя любимая доченька погибла. Зачем взял её с собой в тот день? Голова моя шумит до сих пор. Лучше бы меня убили. И тебя оставил без неё, и сына лишил матери. Зачем мне жить? Жили ради внука, а теперь? Ни дома, ни дочери, ни внука. Жена поддерживает, но я инвалид, сам почти ничего не могу сделать. Нога болит до сих пор. А здесь даже соседей нет и помочь некому.

Иван стал успокаивать его:

– Емельян Иванович, моё вам слово, я не оставлю вас. Обещаю, что дом мы построим, соседи возвратятся. Жизнь не остановится, наступят новые времена. Внук тоже с вами, он вас любит и никогда вас не оставит. Машенька останется в нашей памяти и будет светить в наши души любовью. Мы будем трудиться ради неё и для неё жить новой жизнью.

Уснули они уже с рассветом. Ивана разбудил Серёжа, он с бабушкой уже явился на двор, чтобы помогать строить дом. Увидев, что дед и отец ещё спят, он стал потихоньку соломинкой щекотать их. Иван почувствовал, что по щекам что-то поползло, открыл глаза, увидел улыбающееся лицо своего сына и тоже улыбнулся. Проснулся и Емельян Иванович. Был уже полдень.

В этот день продолжилась работа, ходили и за водой. Вечером все вместе были у Маши, а спать пошли к Татьяне.

Иван спросил её о строящихся в Почепе новых домах, где стучали топоры и визжали пилы.

В тот же день он отправился к плотникам в надежде договориться с ними о строительстве их собственного дома.

Удача ему улыбнулась, плотники обещали явиться к ним, чтобы оценить возможность постройки дома.

Через день они уже пересчитывали брёвна и собирали строительный материал с погорелья двух бывших домов.

С этого дня все усилия и были направлены на строительство нового дома.

Работа была всем. Емельян Иванович забыл про свои болячки, не жалела сил Мавра Анисимовна, стараясь накормить мужиков.

Своевременно выполнялись и все строительные просьбы плотников. Дело спорилось, и через два месяца дом был почти готов.

Тогда же нашли и печника, который за несколько дней смастерил отличную русскую печь.

Топить печь взялась хозяйка. Ей нарубили дров, наносили стружек. Дрова в печь были положены сухие, но дым через трубу идти не хотел и заполнил собой всю комнату. Слезились глаза. Печник успокаивал, что так будет до тех пор, пока не просохнет влажная глина, скрепляющая кирпичи. Через два дня дым стал послушно уходить вверх, причём, когда закрывали дымоход вьюжкой, то в доме становилось очень тепло.

Радовалась хозяйка, а Серёжа залезал на печь и громко кричал:

– Буду спать на печке.

Ивану было приятно, что теперь дом был построен, и спать не надо будет ходить к Татьяне.

Ощущение выполненного долга окрыляло Ивана, он радовался тому, что новая жизнь вновь затеплилась в доме.

А ещё ему нравилось любоваться ночным небом, и пронзительная тишина воспринималась им уже не как пустота, а как предчувствие будущей жизни, где слышалось циканье кузнециков и шелест листьев под лёгким ветерком. Ах, какое небо он увидел однажды! Чёрная, выколи глаза темнота, над которой распростёрся величественный купол с золотыми звёздами. Его зрение,

слух, тело устремлялись навстречу безбрежному мягкому морю летней ночи, где звёзды падали и исчезали, а воздух вливался в него парным молоком.

– Машенька, если бы ты была со мной, я разделил бы с тобой этот мир. А может, мы и делим его надвое, только ты там наверху, а я ощущаю тебя здесь, на земле, – подумал он.

Просыпался он рано, было ещё много работы в доме, надо было сделать забор и палисадник, побелить печку, утеплить потолок на чердаке. Надо было ещё и вспахать огород, чтобы сделать посадки.

Иван планировал всё это выполнить до октября месяца, потому что наступала пора отправляться с Серёжей в Ленинград. Ведь там его ждала мама Надежда Петровна.

Однажды, Иван ранним утром услышал разговор Мавры Анисимовны с какой-то женщиной, которая, плача, громко произносила слова:

– Как хорошо, что вы построились. Вот приедет мой брат, и тоже начнём строиться. А деток приведу завтра, пусть посмотрят. Они уже у меня большие, старшему Петру скоро будет пятнадцать, помощником будет брату.

На эти слова она ответила:

– Приводи деток, остановитесь у нас. Скоро Иван с Серёжей уедет, мы останемся вдвоём. Будет где переночевать. А Иван у нас хороший, мы бы без него никогда домой не вернулись. Старые стали. Разве дом смогли бы построить? А он смог. Только как мы будем жить, даже не знаю?

Они ещё долго разговаривали между собой. Иван не решился прерывать их беседу.

Когда женщина ушла, Иван подумал:

– Ну вот, пошли цыплятки. Скоро все дворы оживут.

Уже на следующий день у дома появились соседские дети, целый день трудившиеся на своём участке.

В середине сентября заработала школа, и на переулке всё смелее стали появляться бывшие его жители.

Мавра Анисимовна выходила на тропу перед домом и перечисляла:

– За нами Чабровы, потом Марковичевы появились, вон и Зубовы пришли.

Она всех бывших соседей называла по-уличному, и вечером забавно рассказывала Серёже, почему их так называют.

Серёжа слушал её, и когда она останавливалась, торопил её:

– Бабушка, рассказывай, рассказывай, что дальше.

Иван и сам с интересом услышал один из таких рассказов и был приятно удивлён тем, каким тонким юмором она его излагала своему внуку. Ему показалось, что бабушка его придумала, хотя эти люди жили на самом деле здесь на переулке. Рассказ о Зубовых она изложила так:

– Мой внучок дорогой. Зубки есть у всех людей. Они и болят у всех, а особенно у дедушек. Так вот в семье, что жили от нас через три двора, жил старенький дедушка Трофим, у которого из зубов остались только последних четыре. Однажды и они у него очень сильно заболели. Он ходил по двору и стонал. Чтобы облегчить боль, домочадцы ему давали советы, то затолкать в дупло зуба табак, то – чеснок, то – сушёные листья подорожника. Каждый из них уверял, что всё это помогает от боли.

Может и помогает, но только не ему. Уж так они у бедного разболелись. Когда он поделился своим горем с соседом, то тот решил подшутить, посоветовав, использовать целебную слюну собаки и предложил ему залезть в собачью будку. Дед залез в будку, где с трудом разместился, открыв собаке свой рот. Тот, почуяв гнилой запах, действительно принялся лизать. Однако, зуб болеть не перестал, а вот выбраться из будки ни собака, ни дед не смогли. Деда обнаружили только утром. Пришлось разбирать собачий дом.

С тех пор деда Трофима прозвали «Собачий зуб», а всех членов семьи стали называть «Зубовы детки», потом и просто «Зубовы».

Приближался октябрь. Иван готовился к отъезду в Ленинград.

Перед отъездом они с Серёжей ходили в магазин, в котором купили мальчику новые одежды: костюм, ботинки, рубашку.

Бабушка, увидев внука в новом костюме, расплакалась и ахнула:

– Встретился бы навстречу, не узнала бы. Какой герой!

В ответ, он сказал:

– Бабушка, а я бы тебя за руку дёрнул, чтобы ты лучше смотрела.

Когда к ним пришли дочери Татьяны, то Серёжа, выйдя во двор, оглядывал себя так, что девочки смутились и сказали:

– Серёжка, не зазнавайся, костюм хороший, но и ты должен быть хорошим.

Бабушка заступилась за внука:

– Внучек мой добрый, красивый и хороший.

Ивану было по-человечески жалко этих добрых стариков, но расставание с ними было подготовлено жизнью.

К этому времени Иван узнал о судьбе и своей бабушке Мавре и дедушке Петре. Ему рассказала всё та же Ульяна, которая специально для этого ездила в деревню Дубровицы. Там вспомнили, что они умерли от болезни почти в один день. Их похоронили в одну могилу. Иван смог уговорить Ульяну и съездить туда вместе с ним.

Могила, которую им показали местные жители, была простым земляным холмиком, на котором он установил самодельный крест.

Приближался день отъезда Ивана и Серёжи. У дома рано утром собрались Татьяна с детьми и соседи.

Емельян Иванович жал руку Ивану и говорил:

– Я так беспокоюсь за Серёжу. Теперь ты за него в ответе, и мы на тебя надеемся. Пусть Серёжа растёт добрым человеком, заботься о нём, ведь у него есть только одно будущее. Подумай об этом. Не забывайте и нас.

Потом он крепко обнял внука, поцеловал его, сказав:

– Слушайся папу и новую бабушку. Научись писать, напиши нам письмо. Приезжай к нам, мы тебя будем ждать всегда.

Мавра Анисимовна обняла Ивана и сквозь слёзы сказала:

– Мы любим тебя, ждём всегда тебя домой, мы хотели бы видеть у нас и Надежду Петровну. Береги Серёжу, он наше солнышко. Потом обняла внука и долго не отпускала его от себя.

Крепко обняла, тесно прижавшись к Ивану и Татьяна, обещая помогать старикам. Соседи тоже тепло прощались с Серёжей и Иваном, чем вызвали уважительные взгляды к ним стариков.

Иван же пожелал всем здоровья, обещая приехать в Почеп на следующее лето, и отказался от услуг Емельяна Ивановича отвезти их на вокзал, сказав:

– Мы сильные и здоровые, дойдём до станции сами, – и с сумкой за плечами, взяв за руку Серёжу, направился по переулку к верхнему шоссе.

Все собравшиеся у дома долго смотрели им вслед, а сами они, оглядываясь несколько раз, в свою очередь махали руками и про себя говорили «до свидания».

Глава 15

Папа, почему у тебя нет орденов?

Шагая по шоссе, Иван крепко держал в своей большой и сильной руке маленькую ручку сына. Сын сейчас полностью доверился ему, стараясь гордо идти с ним в ногу. Иван понимал, что этот маленький родной ему человечек, сформированный деревенской жизнью, теперь полностью зависит от него и новый его внутренний мир должен формировать уже он, его отец.

Они добрались до железнодорожного вокзала, где их уже ожидал знакомый дежурный по вокзалу Николай Иванович. Иван за день до отъезда уже побывал у него, чтобы заказать проездные билеты, поэтому тот знал об их прибытии.

– Билет для вас готов, получите, – сказал железнодорожник и вручил Серёже шелестящую бумажку.

Через некоторое время Серёжа впервые в своей маленькой жизни увидел приближающийся к ним поезд, и, вскоре раздавшийся пронзительный его свист заставил мальчика прижаться к отцу. Иван двумя руками обхватил его и отпустил только тогда, когда поезд остановился, при этом успокоил его словами:

– Не бойся сыночек, поезд идёт строго по путям и никуда свернуть не может.

Сам же подумал:

– Привыкай, мой маленький, ты находишься только в начале своего путешествия, впереди – целая жизнь.

Он взял Серёжу на руки и поднялся вместе с ним по ступенькам вслед за другими пассажирами в вагон.

Но вот поезд издал прощальный гудок и отошёл от станции. До свидания, Почеп!

Путь до Ленинграда Серёжа перенёс легко, и дорога действительно стала для него открытием в новый мир. Ребёнок за всю свою жизнь не увидел столько незнакомых ему людей, сколько здесь, в поезде.

К нему подходили дети, но Серёжа их боялся и, словно настороженный ёжик, молча сидел у окна рядом с отцом. Он ещё продолжал жить близким ему миром бабушки и дедушки, до конца не понимая, куда его везут. Присутствие отца немного успокаивало, но тревога не отступала. Иногда он задавал свои детские вопросы,

выдававшие его тревожное состояние. Так, когда Иван на минутку вышел из купе, чтобы узнать точное время, он забеспокоился и спросил:

– Папа, а ты не оставишь меня здесь одного?

Другой вопрос «Мне очень жалко дедушку с бабушкой, и как они будут жить без меня, умрут, наверное?» поставил его в тупик. Иван не знал, как на него ответить, но пояснил, что ему тоже их жалко, но у них есть дом, соседи, тётя Таня и её ребята, обещавшие помогать им.

В голове сына постоянно жила мысль и о маме, а его вопрос «Когда мы поедem обратно к маме?» вновь переключил Ивана на мысли о его покойной жене.

Он обнял сына и сказал:

– Дорогой мой сынок, я так любил нашу мамочку. Мы обязательно вернёмся к ней в Почеп, но скоро ты увидишь другой город, который она тоже любила, дом и квартиру, где мама жила, – и стал рассказывать ему о Ленинграде и о том времени, когда они жили там и радовались своей счастливой судьбе.

Неожиданно сын задал отцу такой вопрос, на который пришлось искать очень непростой ответ. Так, когда ребёнок увидел вошедшего на одной из остановок военного человека с орденами на груди, он спросил:

– Папа, а почему у тебя нет орденов? Ты что, воевал плохо?

Как объяснить ребёнку, почему ему не полагались ордена, не смотря на то, что он, не жалея себя, добросовестно работал на танковом заводе?

Но он попытался это сделать, хотя не был уверен, что ребёнок поймёт его. Иван рассуждал об этом примерно так. Орденами награждали воинов там, где шли бои, и они, сражаясь с фашистами, могли погибнуть, и он просил отправиться туда, но его непустили, приказав работать на заводе не за ордена, а за совесть. И ещё: на фронте жизнь и смерть ходили рядом, а где присутствовал риск смерти, там была возможность подвигов, за которые вручались награды. В тылу, где он работал, тоже было очень трудно, но люди там не погибали, поэтому он вернулся домой.

Серёжа, слушая отца, внимательно смотрел на ордена мужчины, сидевшего напротив, а потом не выдержал и спросил у отца:

– Папа, а можно потрогать у дяди ордена?

Иван сказал:

– Если дядя разрешит.

Пассажир, услышав вопрос мальчика, сказал:

– Можно, но сначала скажи, как тебя зовут? – и представился Ивану:

– Капитан Белохвостов.

– Иван Николаевич, – в ответ сказал Иван. Вот мой сын Серёжа заинтересовался вашими наградами.

Капитан, лет сорока мужчина, моложавый на вид, посмотрел на Серёжу и, победоносно выпятив грудь вперёд, сказал:

– Да, это мои боевые ордена и медали. Хочешь потрогать? Пожалуйста. Я прошёл по всем фронтам войны.

Ивану не понравился тот хвастливый тон и гонор, с каким капитан представлял свои награды, и он произнёс:

– Спасибо, капитан, поздравляю вас с наградами. Серёжа, трогать награды нельзя, а вот посмотреть можно.

Вскоре военный покинул вагон, сойдя на остановке.

Вместо военного в вагон вошла женщина с маленьким ребёнком, который долго плакал и не мог успокоиться. Серёжа задумался. Когда маленький крикун замолчал, он посмотрел на отца и спросил:

– Папа, а у нас больше никогда не будет мамы? Будут одни бабушки?

Как объяснить ребёнку, почему у него нет мамы? Иван рассказывал о своей любви к его маме, о том, как они любили его, совсем маленького сыночка, и объяснил причину её гибели войной, унёсшей миллионы человеческих жизней.

– Папа, а я в Ленинграде не заблужусь? – задал он свой последний вопрос перед прибытием поезда.

Иван обнял сына и сказал:

– Нет, что ты. У тебя есть я и ленинградская бабушка Надя, которая любила твою маму, очень любит и ждёт тебя. Мы не дадим тебе заблудиться.

Глава 16

Хлеб блокадный

Серёжа смотрел в окно, а Иван смотрел на сына и был доволен тем, что купленный костюм смотрелся на нём хорошо и соответствовал погоде.

Поезд остановился, и все пассажиры засуетились, направляясь к выходу.

Иван тоже взял сына за руку и сказал:

– Серёжа, мы приехали домой.

По дороге к дому он вспомнил, как шесть лет назад вместе Машей они также на троллейбусе добирались домой, но тогда их встречала мама, и у них было много вещей.

Не хотелось верить в то, что не стало его любимой Машеньки и что вместо неё с ним возвращается в Ленинград их сын, сосредоточенно смотревший на городской мир через мутное окошко движущейся машины.

Иван тоже стал вглядываться в очертания мелькавших за окошками видов, про себя восклицая:

– Здравствуй, город мой дорогой, измученный голодом и бомбёжками, неисчислимыми страданиями людей. Я вернулся к тебе не один, а с сыном, с которым мы и разделим все радости и трудности будущей жизни.

Вскоре они уже шли к невысокому старинному дому на Крюковом канале, который отныне станет и для Серёжи родным на много лет вперёд.

– Серёжка, пришли. В этом доме живёт твоя бабушка и моя мама. Она так давно хотела тебя увидеть, – сказал отец.

Иван вдруг поднял глаза и в окнах второго этажа неожиданно увидел Надежду Петровну.

Не успели они открыть парадную дверь их подъезда, как она уже летела вниз, торопясь к ним.

– Такая радость явилась мне, здравствуйте, мои родные сыночек и внученек, – говорила она.

Схватив Серёжу на руки, бабушка прижимала его к себе, целовала и продолжала говорить:

– Моё самое сильное желание было увидеть вас, я измучилась такой надеждой, теперь я буду жить ради вас.

Иван обнял её, поцеловал и сказал:

– Мамочка, здравствуй. Мы так рады, что видим тебя здоровой и красивой.

Бабушка не отпустила внука и на руках внесла на второй этаж. Иван шёл позади неё, сознательно замедляя ход, потому что очень сильно билось его сердце, почти на пять лет разлучённое с родными людьми, домом и близким его сердцу городом.

Но вот и заповедная дверь, ведущая в мир их семьи, где теперь будет вершиться и судьба его сына.

Зайдя в квартиру, он первым делом взял сына за руку и повёл в спальню, где мог бы появиться на свет он, Серёжа, если бы тогда его беременная жена не уехала в Почеп.

Комната была словно законсервирована, ничего не изменилось, и на высоком комодe стояла фотография Ивана и Маши. Это было единственное совместное фото, запечатлевшее их в Ленинграде.

Серёжа, узнав свою маму, схватил фотографию и, прижав к себе, закричал:

– Мамочка моя, это ты. Папа, это ведь мама. Ты и мама. Узнал, узнал её, – а потом прижался к отцу и заплакал.

На слёзы внука вошла Надежда Петровна:

– Что произошло? Серёженька, почему ты плачешь? Не надо плакать, твоя мама жила здесь вместе с нами. Пойдёмте все за стол, я приготовила вам поесть.

Двухдневная дорога всё же сказалась на состоянии Ивана и Серёжи, поэтому после вкусного обеда они улеглись на кровати и незаметно для себя уснули.

Иван спал недолго, а проснувшись, встал, подошёл к маме, обнял её и сказал:

– Мамочка моя, дорогое и бесценное сокровище, ты без меня провела все эти дни в лишениях и тревогах. Несмотря на такие испытания, ты сохранила в неприкосновенности нашу комнату. Спасибо тебе за это. Я так хотел приехать к тебе и помочь, но меня не отпустили. Расскажи мне об этих днях. И о папе, ведь я ничего о нём не знаю.

На что Надежда Петровна ответила:

– Очень трудно рассказывать, мне надо заново всё это пережить. А про твоего отца скажу, что погиб он нелепой смертью. В октябре месяце сорок первого года записался в дивизию

народного ополчения, и надо же ему было оказаться в ненужном месте и в ненужное время. Фашистский самолёт, неожиданно налетевший на их позиции, сбросил бомбу, которая попала прямо на участок, где находился отец. Его тяжело ранило. Он попал в госпиталь и умер ночью следующего дня.

Надежда Петровна заплакала. Сын тоже расстроился, обнял её, поцеловал в мокрые глаза и просил как можно скорее показать место его захоронения.

Желая успокоить свои чувства, Иван решил погулять по улицам города, сказав маме, что он очень по ним соскучился.

Она согласилась с его решением, сказав:

– Будь осторожен.

Он зашёл в спальню и, убедившись, что Серёжа спит, вышел на набережную.

Послевоенный город показался Ивану строгим и даже суровым. Монолитные стенки гранитных берегов напряжённо сдерживали воды и отражённые в них тяжёлые тучи, проплывавшие в вышине. Один только Мариинский театр бирюзовым барином раскинулся на большой площади и как бы небрежно тыльным фасадом прикоснулся к каналу.

Иван обошёл его полукружие, вышел на Офицерскую улицу и направился к знаменитому в городе «Дому сказки», к которому ранее часто приходил, чтобы посмотреть на замысловатый мир причудливых окон, балконов, многочисленных башенок, придававших дому романтический вид. Он особенно любил парадный фасад со стороны Английского проспекта, украшенный высеченной из камня птицей Феникс и яркой облицовкой стен природным камнем с красочными майоликовыми панно.

Всё это создавало на фоне рядовой застройки старой Коломны волшебное зрелище, напоминавшее вид театральной декорации, соответствовавшей настроению актеров Мариинского театра, живших в нём.

Он шёл в предчувствии увидеть это красочное зрелище. Однако, подойдя поближе, сказки не нашёл, а вместо неё взору представилась печальная картина: знаменитый дом превратился в обгорелый каменный монстр, в котором с угла второго этажа нависал обрушенный эркер, а под ним тёмной дырой открывался подвал. На тротуаре валялись и каменные крылья разбитой птицы.

Потрясённый видом разрушенного здания, он с состраданием сказал себе:

– Ещё одна моя порушенная сказка, – и, желая улучшить своё настроение, направился в сторону Невы. Он шёл по Английскому проспекту, вышел к Мойке, и, перейдя реку через мост, ускорил движение к Неве.

Дух захватило от увиденного простора реки, где высокие гранитные берега обнимали мощный напор ладожской воды. Однако, набережная была почти безлюдной, а ему захотелось видеть много людей, и он подумал о том, что скоро люди начнут возвращаться в свой город и он сам станет свидетелем этому. Уверенный в том, что так и будет, он захотел ускорить эти события и представить себе многолюдную живую картину, чтобы вот сейчас из всех зданий на набережную вышли люди, когда-либо жившие в этих дворцах и особняках.

И силой его воображения уже ожил первый угловой дом, из которого важно выходили в длинных своих одеяниях предки купцов Демидовых, ставших с петровских времён столичными жителями.

И из соседнего окрашенного в солнечный свет высокого дома выходила большая группа нарядно одетых людей.

Чем дальше он шёл по набережной, тем больше он видел нарядных людей. Шефствовали многочисленные чиновники, прославленные генералы и адмиралы, бароны и князья со своими свитами, среди которых ему представился знаменитый князь и министр Николай Румянцев, вышедший из своего величественного дворца.

Он увидел писателя Фонвизина, важно открывавшего двери углового дворца, и выходявшего из министерства иностранных дел молодого поэта Александра Пушкина со своими литературными героями. Радовались за свои творения архитекторы, возводившие вдоль Невы прекрасные особняки, художники и скульпторы, украшавшие их.

Трудно сказать, сколько блистательных лиц из разных времён и сословий могли предстать здесь, всех их знать он не мог.

Иван совершенно отвлёкся от реальности, рождая пока неведомый ему самому театральный спектакль, и чувства его наполнились гордостью за этих людей, и он подумал:

– Таких талантливых людей, сотворивших эту историю и красоту, невозможно победить.

Потом вышел на площадь, где, как заключительный аккорд его размышлений, перед ним открылся Медный всадник, гордо взметнувшийся над скалой и устремивший свой взор к далёкому северному горизонту. Огромная махина памятника императору возвышалась и над ним и всеми теми людьми, которые усилием его воображения только что выходили из небытия и бродили вместе с ним по набережной.

Такая сила энергии этих людей и красота видов города сформировали слова, как бы исходящие от царя Петра:

– Ничего, Иван, мы пересилим

Вскоре он был уже дома. Серёжа продолжал спать в своей постельке, так отозвалась ему долгая дорога, а мама готовила ужин для сына и внука.

Она уже не плакала, а ждала Ивана, и когда тот вошёл, спросила:

– Как тебе показался город? Мы старались сделать его чистым и опрятным. Жаль, что многие жители не дожили до победы.

Иван обнял её и сказал:

– Я получил хороший заряд энергии, вот только «дом-сказка» порушился. Жаль, без него Коломна осиротела.

Серёжа спал до утра следующего дня, а когда проснулся, потянул ручонки кверху и сказал:

– Папа, где я?

Иван подошёл к нему, улыбнулся, поцеловал и закричал:

– Бабушка, мы совсем проснулись, иди к нам!

Надежда Петровна, услышав такие слова, прибежала в спальню, бросив все кухонные дела.

– Внучек проснулся! Серёженька, дорогой мой, какая радость. Иди ко мне!

Серёжа подчинился её словам, улыбнулся, и потянул свои ручонки на бабушкину ласку, с которой и начался первый день их совместной жизни.

Надежда Петровна подумала, что самое прекрасное в жизни, смотреть в глаза ребёнку, который тебе улыбается.

Прошло несколько дней. Серёжа ещё не понимал, что Надежда Петровна постепенно становилась для него не просто бабушкой, но разумной и заботливой матерью.

Наступило первого октября, день рождения Серёжи, которому исполнилось ровно пять лет. Иван очень хотел, чтобы пятая годовщина его рождения была отмечена в Ленинграде. И вот этот день наступил.

Утро выдалось солнечным и относительно тёплым, у всех членов семьи было приподнятое настроение.

Всё складывалось по распорядку, придуманному Надеждой Петровной. Сначала она с Серёжей сходила в магазин и купила внуку тёплые вещи, ведь зима была уже не за горами. По пути бабушка решила сводить внука в Никольский собор.

Когда они проходили мимо него, она, поясняя цель такого посещения, сказала:

– Серёженька, посмотри, какое красивое здание перед нами, в этом соборе мы зажжём свечу в память о твоей маме. Она была у тебя красивой и доброй, любила бывать в нём.

Серёжа слушал и доверял добрым бабушкиным словам, спросив при этом:

– Бабушка Надя, а как мы будем зажигать свечу?

На что бабушка сказала:

– Я покажу тебе, как это делать, мамину свечу зажжёшь ты сам. Мы поставим свечу и твоему погибшему дедушке Коле. Вспомним и бабушку Мавру с дедушкой Емельяном, ты же их любишь?

Серёжа ответил:

– Бабушка, пойдём скорее зажигать свечи.

Так впервые мальчик вошёл в храм. Молящихся людей там было мало, поэтому свечи купили быстро, одну из которых и вручили ему.

Бабушка приподняла внука над золотым поминальным столиком, помогла ему зажечь её, а затем его ручонку со свечой направила к свободной ячейке подсвечника.

Надежда Петровна, перекрестившись три раза, зажгла свою свечу и поставила её рядом со свечой внука, затем подошла к другому подсвечнику и поставила две свечи за здоровье почепских бабушки и дедушки.

После этого она сказала:

– Серёженька, горящие свечи – это знаки, выражающие любовь к тому, кому они ставятся. Те, кто не любит родных людей, у того свечи долго не горят.

Серёжа, приняв от бабушки эти наставления, кивнул головой.

В этот праздничный день Надежда Петровна для сына и внука приготовила сюрприз: два праздничных обеда, блокадный и обычный.

Она хотела донести до их сознания ту обстановку блокадного времени, которую прочувствовала сама, будучи уверенной в том, что в жизни человека ничего не происходит бесследно.

Вокруг стола она поставила один лишний стул, напротив которого поставила портрет Машеньки и Ивана.

Когда все расселись, Надежда Петровна встала и, глядя на сына и внука, сказала:

– Мои дорогие, Ваня и Серёженька, мне радостно на душе, что вы живы. С нами вместе и портрет мамы Серёжи, которую мы любили. Война не пощадила её. Погиб и твой, Ваня, отец, а мой муж Николай Петрович. Так угодно было судьбе. В день рождения Серёжи, я хочу, чтобы мы помнили это. И ещё. Я приготовила для вас военный ленинградский блокадный обед.

Она сняла накидку, укрывавшую часть стола, и все увидели в фарфоровой тарелке что-то похожее на студень с рядом лежащим маленьким кусочком чёрного хлеба. Здесь же стоял стакан с налитой жидкостью, похожей на кисель.

Надежда Петровна пояснила:

– В тарелке находится суп из дрожжей, а в стакане – кисель из столярного клея. Здесь же двести граммов хлеба. Это был самый лучший обед, который можно было приготовить в трудный период блокады зимой сорок первого года. Этот хлеб за пять лет превратился в сухую корочку, но получала я его по карточкам почти сырым. Нет цены этому кусочку для тех, кто пережил блокаду.

Она предложила сыну и внуку попробовать блюдо на вкус. Иван и Серёжа взяли ложки, зачерпнули из тарелки светлый на вид студень, поднесли ложку ко рту, но есть не стали.

Иван сочувственно посмотрел на маму и сказал:

– Мама, совсем безвкусно, – а потом взял в руки хлеб. Он был твёрдым как камень.

Несколько минут была тишина, потом внук подошёл к бабушке и стал вытирать стекавшие по её щекам слёзы. Иван тоже посочувствовал матери, нарушив молчание:

– Мамочка, дорогая, ты выдержала такое испытание. Теперь мы с Серёжей будем помогать тебе. Да, сынок?

Мальчик кивнул головой, заплакал и, обнимая её, тихо проговорил:

– Бабушка Надя, я люблю тебя.

Бабушка сразу, притворно повеселев, воскликнула:

– Серёжа, в твой день рождения я приготовила и вкусный обед. Ваня, расставляй тарелки.

Больше в этот день о трагических событиях блокады она не вспоминала.

Второй обед был вкусным, но к нему бабушка приготовила ещё и сюрприз, замороженно достав из медного таза мороженое, которого внук никогда не ел. Купив его на рынке, она не пожалела потратить свои скромные сбережения.

Сладость мороженого быстро растаяла на устах внука, оставив надолго в памяти Серёжи след бабушкиной любви.

Остаток дня внук провёл в превосходном настроении и не отходил от бабушки до позднего вечера.

С этого дня Надежда Петровна полностью отдалась воспитанию внука, словно к ней вернулась её вторая молодость. Она повторяла путь, который посвятила ранее своему сыну. Теперь внук стал главной целью её жизни.

А примерно через неделю после дня рождения внука Надежда Петровна предложила мужчинам съездить на кладбище «Красненькое», где был похоронен Николай Петрович. Могилу нашли не сразу. Надежда Петровна предполагала такое обстоятельство, что место будет найти трудно, поэтому по углам холмика положила четыре камня, случайно найденные на пустыре.

За пять прошедших лет камни заросли травой, а невысокий обелиск почти упал на землю, вызвав у сына чувство горечи.

Иван выправил обелиск и, обращаясь к Серёже, сказал:

– Сынок, здесь похоронен твой дедушка. Он защищал Ленинград и погиб за него. Запомни это. Бабушка тебе об этом потом расскажет. Вернулись домой они уже вечером.

Много разных блокадных историй рассказала позже бабушка Серёже, который проникся к ней доверием и во всём её слушался.

Тогда же она стала обучать его и грамоте, подготавливая к школе и освобождая от этих забот сына.

В конце октября месяце Иван пошёл в геологический институт справиться о работе, где ему предложили должность руководителя

отдела. Наконец, он займётся своей любимой работой, от которой его отлучила война.

Глава 17

Вести из Златоуста

После почти полугодового перерыва он, наконец, написал письмо в Златоуст, в котором рассказал о трагических обстоятельствах гибели жены и отца. Написал он и о сыне, а также о предстоящей работе. Однако, обратных писем он не получил ни осенью, ни зимой. Прошло около года со дня отъезда Ивана из Челябинска, и только по весне Надежда Петровна передала Ивану долгожданное письмо из Златоуста, в котором Маша сообщила известие, заставившее его задуматься: она стала матерью, у неё родился сын, которого она назвала Ванечкой.

Другой информации в письме не было, поэтому Иван подумал о том, что Маша вышла замуж. Это предположение его расстроило и захотелось написать ей ответ. Письмо он написал, но не отправил, потому что сомневался, как ему поступить, ведь он тоже по-своему её любил.

Через два месяца он получил от неё новое более длинное письмо, в котором Маша сообщила о своей болезни, и о том, что сыну исполнилось уже полгода. Далее Маша прислала приветы от родителей, просившие Ивана написать им письмо. О себе она более ничего не сообщила, только сказала, что очень хочет его видеть. Иван не мог понять, от кого у неё родился сын и решил открыто написать ей об этом, чтобы получить точный ответ. Письмо сочинялось долго. Он пытался обдумать каждую фразу, чтобы не обидеть её выбор.

Вскоре пришло следующее письмо, где Маша ответила, что «он совсем не догадливый», «сын похож на него», и замуж она не выходила.

Далее в письме сообщалось самое главное:

– «Не знаю, нужна ли я тебе с ребёнком? Что скажет твоя мама? Мои родители уже смирились с моей судьбой и на тебя не обижаются, а мне говорят, что ты человек порядочный и ребёнок

без отца не останется. Они просят меня написать тебе всё прямо, но я боюсь твоего ответа. Я ещё кормлю Ванечку грудью, а когда переживаю, то молоко исчезает. Напиши, что мне делать?».

Вот теперь Иван понял всё правильно, так, как он и предполагал: это его сын.

Его голова была занята мыслями о том, как это известие объяснить своей маме. Воспримет ли она их отношения с Машей правильно, не отторгнет ли она от себя его второго сына, примет ли к себе в сердце новую женщину?

Наконец, он решился показать ей это письмо.

Та, прочитав его, сказала, чтобы немедленно ответил Маше письмом, а сам отправился забирать их в Ленинград.

– Ничего потеснимся, сына оставлять без отца нельзя, – сказала она категорически.

После таких материнских слов Иван ещё несколько дней обдумывал своё решение, выразив его в следующем письме.

«Здравствуй, Машенька! Я просто растерян от той новости, которую ты сообщила мне. Теперь у нас с тобой есть общий сын. Это прекрасно. Несколько дней назад моя мама Надежда Петровна прочитала твоё письмо и была по-хорошему обеспокоена от того, что ты сразу не сообщила нам об этом и одна столько времени воспитываешь нашего малыша. Но она мне напомнила и о том, что у меня есть и старший сын Серёжа, которому она теперь заменила родную маму, и о котором не следует забывать. Мне кажется, что ты ко мне сходишь с небес, как святая женщина, у которой теперь есть два сына. Если ты полюбишь и моего старшего сына, то я буду самым счастливым мужчиной на этом белом свете. Обещай мне это. Ты помнишь, как нам было хорошо, как часто в разговорах и даже в молчании мы легко и душевно понимали друг друга. Теперь я осознаю, что судьба уже тогда нам предопределила быть вместе, ведь только от большой любви рождается такое маленькое счастье. Теперь ты – мама, надеюсь, что скоро будешь и моей женою. Я буду молиться за тебя, за твоё здоровье, за здоровый ночной плач нашего сына, его первые твёрдые шаги и красивые первые слова. Теперь ты стала мамой, значит, большая ответственность пришла к тебе. Мне кажется, я начинаю понимать, какой ответственной должна быть и любовь между нами, ведь нам предстоит воспитывать детей, а это значит созвучно управлять нашими мыслями и отношениями друг к другу, где будет важен каждый прожи-

тый день. Я уверен, что наши дети будут окружены поддержкой родных людей, честностью в общении и поступках, безопасностью и любовью. Нам нужно будет осознать, что ребёнок, окружённый только такой средой, вырастет справедливым и уважительным к другим людям, научится любить и дарить любовь, выработает в себе терпение и ответственность за свои решения. Злость, насмешки, враждебность, недоверие, обман не должны присутствовать в нашей семье. В этом я обещаю тебе, Машенька, всяческую поддержку. Мы должны быть меж собой помощниками и друзьями без зависти друг к другу, понимая, что зависть – это главный враг любви. Жизнь невозможно угадать на расстоянии, поэтому нам необходимо быть рядом. При первой же возможности, я приеду к тебе, чтобы навсегда забрать тебя в Ленинград. Мы все трое, я, мама и Серёжа, шлём свои искренние приветы тебе, Машенька, Ксении Григорьевне и Ростиславу Викторовичу. Целуем и обнимаем Вас».

Иван прочитал своё письмо и сам отметил в нём некоторую напыщенность, но исправлять ничего не стал, заклеил его в конверт и отправился на почту.

Он с гордостью шёл по утреннему Ленинграду и видел, как у каждого дома дворники с шумом поливали городские кварталы улиц струями воды, а яркое солнце, сверху освещавшее фасады зданий, проглядывалось в мокром асфальте, переливаясь блёстками и отражаясь в душе Ивана.

Письмо не выпускалось из его рук, и он несколько раз смотрел на конверт, понимая, что скоро содержание его станет достоянием родных людей в Златоусте.

Наконец, оно было брошено в почтовый ящик. Новый поворот его жизни начался.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НАЙТИ И НЕ ПОТЕРЯТЬ

Глава 18

Добрые вести

Жизнь любит нас ровно настолько,
насколько мы вызываем в ней взаимность

Письмо Ивана в Златоуст пришло через две недели после его отправления. Почтальона, подходившего к дому Самсоновых, первой увидела Ксения Григорьевна. Она вышла к нему навстречу, чтобы поприветствовать и принять письмо лично в руки. Почему-то она была уверена, что почтальон вручит ей письмо именно из Ленинграда, ведь Маша только и говорила об Иване, а она, мама, была уверена в том, что в письме содержатся хорошие сведения.

– Здравствуйте, Ксения Григорьевна, мир вашему дому, – сказал носитель писем и вручил ей конверт.

Улыбкой ответила она ему и тут же, увидев адрес на конверте, скороговоркой произнесла:

– Добрые вести – жить станем вместе.

А потом добавила:

– Благодарю вас, наш уважаемый друг.

Возвращаясь в дом, она увидела Машу, стоявшую на крыльце со своим малышом.

– Принимай письмо, читай его и делись известием. Чувствую, что оно хорошее, – уверенно сказала мать.

Маша робко взяла конверт, посмотрела на адрес, потом молча передала малыша на руки маме и ушла в свою комнату.

Что творилось в эти минуты на сердце молодой женщины, только ей было известно, но примерно через полчаса она вся заплаканная, но сияющая, вылетела из комнаты и бросилась к матери, обнимая её.

– Мамочка, он скоро приедет к нам. Как я счастлива, ты просто не представляешь себе. Читай письмо и подскажи, что мне ответить ему? – взволнованно говорила дочь.

Ксения Григорьевна взяла письмо, села на стул, отдав ребёнка Маше, и стала читать. По мере чтения её лицо постоянно менялось, то озаряясь улыбкой, то становясь серьёзным. Когда оно было прочитано, она, взглянув на дочь, сказала:

– Моя дорогая доченька, я знала, что Ваня человек верный и порядочный в своём поведении. Следуй его пожеланиям. Он написал очень правильные слова о своём старшем сыне, о маме Надежде Петровне. Он называет тебя «святой женщиной». Послушай его слова ещё раз, мне они очень понравились.

И она стала читать вслух выдержку из его письма:

– «Мне кажется, что ты ко мне сходишь с небес, как святая женщина, у которой теперь есть два сына. Если ты полюбишь и моего старшего сына, то я буду самым счастливым мужчиной на этом белом свете. Обещай, мне это».

– Ну что ты скажешь на это?

Что могла сказать дочь своей маме, она была заранее согласна со всем, что было там написано, готовой разделить с Иваном все его радости и трудности.

Ксении Григорьевне и самой нравились наставления Ивана, написанные и хорошим слогом и созвучными с ней мыслями.

Она, посматривая на дочь и внука, продолжила читать:

– «Теперь ты – мама, надеюсь, что скоро будешь и моей женою. Я буду молиться за тебя, за твоё здоровье, за здоровый ночной плач нашего сына, его первые твёрдые шаги и красивые первые слова. Теперь ты стала мамой, значит, большая ответственность пришла к тебе. Мне кажется, я начинаю понимать, какой ответственной должна быть и любовь между нами, ведь нам предстоит воспитывать детей, а это значит созвучно управлять нашими мыслями и отношениями друг к другу, где будет важен каждый прожитый день. Я уверен, что наши дети будут окружены поддержкой родных людей, честностью в общении и поступках».

Маша, слушая мамин голос, плакала от наступившего счастья. Она взяла письмо и вновь ушла вместе с сыном к себе в комнату. Там, смотря на своего маленького Ванюшу, она рассуждала вслух:

– Мой дорогой сыночек, скоро наш папа придет. Нам будет так хорошо. Давай посмотрим на него, какой он у нас мужественный, добрый и красивый.

Она достала лист бумаги, на котором изобразила его во время прощания в Челябинске, и показала сыну, сказав:

– Посмотри, какой он необыкновенный: умные и глубокие глаза, ровный нос, плотные губы, втянутые щёки и округлый сходящий книзу подбородок, я сама рисовала его родные черты.

Ребёнок уставился на листик бумаги и потянул к нему свои ручонки, но мама вертела его перед глазами, не давая смять его.

Потом она достала подаренный ей Иваном прозрачный золотисто-зелёный гранат и вспомнила то время, когда он такой молодой, вернувшийся из экспедиции, сказал ей прекрасные слова. Он тогда говорил, что камешек веселит сердце, вливает в человека жизненные силы, а если владелец граната попадает в тяжёлые жизненные обстоятельства, то камень обязательно поможет ему справиться с ними.

Не её ли пример служит правдивостью этих слов Ивана, любимого человека.

Она подошла к шкафу и открыла сумку с минералами, хранившуюся здесь, поразившись их красоте. Ей показалось, что от них исходил какой-то внутренний свет, словно родная душа выходила наружу.

Она вновь переживала муки сильной страсти к Ивану, почти такие же, какие были в тот вечер у Светланы, когда они впервые оказались в одной с ним постели, не понимая до сих пор, как это могло случиться с ней, робкой и стеснительной девушкой. В тот момент её, как ей сейчас показалось, словно на крыльях любви, к нему несла какая-то неведомая сила. И вот он, плод этого счастья, их общая радость и надежда, сын Ванечка.

Машу тревожило только одно обстоятельство: ведь она, не желая видеть его в печали, которой они достаточно имели тогда в жизни, утаила от Ивана письмо, в котором было изложено трагическое известие о гибели его жены. Как она ему теперь об этом расскажет?

Но это обстоятельство и спасало её от нравственных мучений, ведь иначе, между Иваном и ею никогда не произошло бы их сближение, а это значило, что не появился бы на свет её сокровище, сын Ваня.

Женщина запуталась в оценке произошедшего трагического события: с одной стороны, трагедия явилось благом для неё самой, но, с другой, не аморальной ли была сама эта мысль?

Взглянув на сына, Маша взяла его на руки и прижала к себе. Все тёмные мысли из её головы исчезли сразу сами по себе, ведь маленький Ванечка, родившийся первого февраля сорок шестого года, был оправданием всех её страстных порывов.

С сыном на руках она вышла из комнаты и подошла к Ксении Григорьевне, которая также души не чаяла в своём внуке.

– Мамочка, моя родная, что мне ответить Ивану, подскажите? Мне хочется как можно скорее увидеть его.

Мать, приветливо посмотрев на неё и на внука, сказала:

– Вот придёт с работы твой папа, и подумаем вместе. Дождёмся дедушку, пусть он выскажет своё мнение.

Женщины ожидали Ростислава Викторовича с большим нетерпением.

Вечером, придя домой, он, увидев их сияющие лица, сказал:

– Хозяюшки мои дорогие, чувствую, что что-то произошло. Выкладывай, дочка, новости.

Маша, держа в руке письмо, сразу кинулась обнимать отца и, улыбаясь, произнесла:

– Папочка, дорогой, сегодня счастливый день. Почтальон принёс письмо от Ивана, вот оно.

Ростислав Викторович, прочитав его, сказал:

– Машенька, хорошие вести. Я всегда знал, что Иван надёжный человек. Может написать ему, чтобы он поскорее приехал к нам, конечно, если позволит ему его работа. А там видно будет, – при этом он скорее утвердительно, чем вопросительно посмотрел на Ксению Григорьевну.

– Да, я согласна с этим, – подтвердила она слова своего мужа.

Маша решила в этот же вечер написать Ивану свой ответ. Она уложила сына ко сну и долго убаюкивала его, словно намечая этим свои мысли для письма, а потом, когда он под тёплое дыхание и певучую речь мамы сладко уснул, подошла к столу и принялась за ответное письмо.

Письмо начала она со слов:

– «Любимый, мой человечек, Ванечка, дорогие Надежда Петровна и Серёженька, здравствуйте. Получили мы ваше письмо, обрадовавшее нас необычайно. Читали его все, а я плакала и молила Бога, чтобы скорее увидеться. Я ждала тебя, Ваня, верила и надеялась, что мы будем вместе жить и воспитывать наших сыночек. Серёжа тоже станет моим сыном, и я сделаю всё, чтобы он рос счастливым и здоровым. Ты верь мне, Ванечка, я осталась такая же, твоя, какой была и ранее. Маленький Ванечка знает тебя таким, каким видит на портрете, нарисованном мной тогда при прощании. Твоё изображение я постоянно ему показываю и говорю: «Это твой

папа», повторяя много раз «папа-папа-папа», и он уже несколько раз произнёс это слово.

А твой подарок золотисто-зелёный гранат лежит передо мной, я люблюсь им, возвращаясь к тем годам, когда ты прибыл из экспедиции и сказал мне прекрасные слова. Я помню их до сих пор. Действительно, твой камешек придаёт мне силы и помогает справиться с трудностями. Это ты так говорил, теперь я поняла, что ты был прав.

Ванюша, мой родной, я готова хоть сейчас отправиться к тебе, но папа и мама говорят, что лучше было бы, если б ты приехал. Приезжай к нам сейчас. Очень, очень будем тебя ждать».

Маша в этот же вечер опустила письмо в почтовый ящик.

Получив письмо, Иван подумал, что откладывать встречу с сыном и Машей, не имеет смысла, потому что он будет переживать о них. И ещё очень хотелось увидеть Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну, встретиться с Владимиром Петровичем и Фёдором Андреевичем.

Он показал письмо своей маме, которая согласилась с ним, заявив, что бояться зимы не надо, а надо ехать и как можно скорее.

– Хорошо бы привезти внука в Ленинград, но противиться желанию Маши и её родителей не надо, – сказала Надежда Петровна.

Иван, согласовав на работе свой отъезд, в январе месяце отправился на встречу со своей будущей судьбой.

В Челябинск поезд прибыл, как и в первый раз, поздно ночью. На улице был крепкий морозец, однако, Ивану было совсем не холодно. Он прошёл в зал, и в который раз оказался на скамье, где шесть лет назад слушал удивительный рассказ Владимира Петровича о Таганае.

Как неожиданно много теперь связано у него с этим вокзалом, где сходились и расходились волнующие дороги его недавней судьбы.

Воспоминания тех лет нахлынули на него. Перед ним проплывали ставшими друзьями геологи, эта удивительная экспедиция в горы, суровый челябинский танкодром и, конечно, Маша с сыном и её родителями. В эту ночь он не сомкнул глаз.

Глава 19

Встреча с Фёдором Андреевичем

Наступило утро. Иван хотел поскорее встретиться с Фёдором Андреевичем, зная по работе с ним в челябинском тылу, что тот трудиться всегда начинал очень рано.

Трамвай за час довез его прямо до места назначения, хотя заводская площадь сильно изменилась. Строение барачного типа, в котором ранее он работал, показалось совсем маленьким рядом с вознёсшимися огромными новыми корпусами завода.

– Всё познаётся в сравнении, время меняет представления, – подумал он и поднялся на второй этаж, остановившись у двери, за которой когда-то трудился. Сердце его сильно забилось, а голос стал сильным и противным. Он откашлялся перед тем, как войти в дверь, открыв которую очень удивился перепланировке комнат. В том месте, где стоял его стол, находилась стена с окошком, за которым сидела девушка.

Иван, подойдя к окну, растерянно произнёс:

– Мне нужен Фёдор Андреевич Старостин.

Девушка помолчала несколько секунд, оглядывая Ивана, а потом строго сказала:

– Фёдор Андреевич работает в новом здании. Он заместитель директора.

– Нельзя ли ему позвонить?

Девушка спросила, кто он такой и какова цель его с ним общения?

Тогда Иван рассказал всё о себе и о своей работе с ним в этой комнате.

Девушка понимающе кивнула головой и представилась Мариной, потом долго набирала номер и объясняла кому-то важность предстоящего разговора, а когда ей ответили, то ещё минуты три ждала, пока на другом конце провода вновь раздался чей-то голос.

Она передала трубку Ивану, в которой всё скрипело и шипело, но понять было можно. Он расслышал женский голос и слова:

– У Фёдора Андреевича сейчас идёт совещание. Что вы хотите ему передать?

Иван ответил, что он вместе с ним работал в годы войны, был на короткое время из Ленинграда и хотел бы его увидеть по важному делу.

Женщина на том конце провода сказала:

– Подождите, я сейчас ему доложу о вас.

Ждать пришлось минут пять. Наконец, Иван услышал голос самого Фёдора Андреевича:

– Иван, какими судьбами. У меня сейчас мало времени для телефонного разговора. Найди мой кабинет и жди меня в приёмной, я через час освобожусь. Жду, – и резко прервал разговор.

Иван подробно расспросил Марину о том, как найти кабинет заместителя директора, а потом, поблагодарив её за внимание к нему, покинул здание.

Через полчаса он уже находился в большой приёмной, где строгая секретарша угощала его чаем, объяснив, что совещание продолжается.

Наконец, дверь кабинета отворилась, и из него стали выходить люди. Их было много, человек тридцать, а может и больше.

Иван подумал, что у Фёдора Андреевича огромный кабинет, если можно разместить в нём столько народа.

Минут через десять вышел и сам его хозяин. Иван сразу узнал его, он был почти такой же, как и прежде, только поседевший и какой-то излишне утомлённый.

– Ваня, здравствуй. Как я рад тебя видеть. Какими судьбами?

Иван хотел ему тут же всё рассказывать, но тот тронул его за руку, мол, потом расскажешь, и стал давать указания своей секретарше:

– Надежда Игоревна, через час у меня новое совещание. Рассадите всех в кабинете и посмотрите, чтобы были графины с водой и порядок. Я выйду с моим земляком и другом на воздух, у меня что-то кружится голова. Пусть Ваня оставит свою поклажу под вашим зорким взглядом.

Они вышли из приёмной и стали спускаться по лестнице и вскоре оказались на территории завода.

Пока они шли, Фёдор Андреевич говорил:

– Вот, Ваня, какой завод построили, он стал в два раза больше. Теперь изделия выходят из тёплых цехов, не то, что тогда в лихое время.

Когда они вышли из здания, Фёдор Андреевич тихо произнёс:

– Теперь рассказывай, какими судьбами к нам?

Иван объяснил, что едет к Маше в Златоуст, чтобы сделать её своей женой и что у них растёт сын Иван.

– Вот как! Молодец, одобряю. Думаю, что Маша будет отличной женой и матерью. А что же с твоей первой женой случилось?

И Иван рассказал ему о трагической судьбе его Машеньки, о партизанской её службе и героической гибели.

Фёдор Андреевич сказал:

– Ты – замечательный человек, я тогда верил в тебя, а сейчас ещё более уважаю.

Иван спросил:

– Фёдор Андреевич, а вы, почему остались здесь? Поздравляю вас с повышением по службе, но всё же, почему?

На что тот неожиданно быстро и нервно произнёс:

– Я – коммунист. Партия сказала «надо». Мне выделили новую квартиру, и я вызвал из Ленинграда свою жену. Теперь живу не один, а с Ольгой Ивановной. Не всё ей здесь нравится, но такова наша судьба. В Ленинграде осталась дочь Светлана с мужем Анатолием и внучкой Наденькой. Кстати, Анатолий работает в Смольном, так что подружись с ним. Я напишу ему. Мне же очень много приходится работать. Всё время, словно по лезвию ножа, хожу. Работаем на выполнение плана. План не исполнишь – будет беда. Попробуй, докажи, что ты отдаёшь работе все свои силы.

Потом замолчал, словно прислушиваясь, и добавил:

– Ты же это всё знаешь. Мне так хочется в Ленинград. Приедешь, обязательно сходи к моей дочери и передай им от нас приветы. Да, ты сегодня поедешь в Златоуст? А обратно когда?

Иван сказал, что уедет сегодня, а когда отправится обратно, пока не знает, но, думает, что недели через две, возможно, и не один отправится, а с Машей и сыном.

Их разговор длился не более десяти минут. Фёдор Андреевич извинился, что мало поговорили. Его ждали дела. Одновременно, он потребовал, чтобы на обратном пути, он, один или с Машей, обязательно заехал к нему домой.

– Жена будет очень рада встретить земляка, – заключил он.

Поднявшись вновь в приёмную, Фёдор Андреевич протянул ему листочек бумаги с написанным на нём его челябинским адресом и обнял Ивана.

Поезд на Златоуст отходил в полдень. И вот уже он вновь несётся по уральским просторам. Сколько раз Иван проезжал по этой дороге, заставлявшей всякий раз восторгаться красотой её высот и впадин. Сейчас за окном всё было осыпано белым снегом. Пушистые деревья и покатые белые склоны отзывались в его душе какой-то необыкновенной легкостью. Он думал о Маше и маленьком сыночке, чувство любви и доброты к которым полностью завладели его сердцем.

Он закрыл глаза, и неожиданно перед его взором возник строгий образ Фёдора Андреевича. Об этой суровости он думал и ранее, но тогда мысль ещё не получала у него такого чёткого разрешения. Сейчас же он не только реально осмыслил, но даже ощутил её, подчинённую законам казённой обстановки кабинетов.

Он продолжал размышлять так:

– Отчего Фёдор Андреевич при подчинённых ему работниках не произнёс ни одного душевного слова? Он им не доверял, чего-то боялся или сам так изменился? Это настораживает, ведь война прошла, а излишняя строгость начальников, ущемляющая чувства окружающих их людей, осталась.

Ох, эти мысли. Скачут, как кони, одетые, то в тёмные, то в белые тона. Ведь Иван ехал в Златоуст с самыми светлыми мыслями, желая и для себя, и для всех только счастья.

Глядя в окошко, он всё же не чувствовал себя не казённым суровым человеком, а другим, легко несущимся над этой строгостью, хотя понимал, что и он подвластен этой силе.

Глава 20

Я так ждала эту минуту счастья

Но вот показался и город. Поезд остановился. Иван надел пальто, шляпу, взял сумку с подарками и сошёл по ступенькам на перрон вокзала. Ему показалось, что ничего здесь не изменилось. Было такое ощущение, как будто он никуда отсюда и не уезжал. Уютное здание вокзала, от которого отходили вверх дорожки мимо одноэтажных домиков, напомнило ему о первой встрече с Машей, тогда ещё студенткой, возвращавшейся из Екатеринбурга домой.

Он вспомнил её совсем молоденькой, весело смотревшей на него, словно поддразнивая. Но тогда было лето, а сейчас крепкий мороз быстро напомнил о себе, пощипывая покрасневшие его уши и щёки. Иван ускорил ход, надеясь, что скоро окажется в тепле самсоньевского дома, где Ксения Григорьевна накроет на стол аппетитные кушания, а Маша согреет его своей любовью. О таком скором его приезде в дом Самсоновых, уж он был уверен, никто не догадывался. Он и хотел этой неожиданности, отчего на его лице в эту минуту просияла улыбка.

Он подошёл к дому и громко постучал за ручку калитки. Сразу же в окошках выглянули две женские фигуры, которые, увидев Ивана, отпрянули от стекла и выбежали из двери.

Маша бежала к калитке первой, за ней её мама.

– Ванечка приехал! – громко закричала Маша.

Ей вторила Ксения Григорьевна:

– Открывай, скорее, калитку, Маша!

Маша кинулась на него, обнимая, целуя и произнося слова:

– Скорее в дом, замёрз совсем. Почему ты так легко одет?

Она отобрала его поклажу, передала своей маме, а сама схватила его холодные руки и стала отогревать их своими руками, увлекая в дом до тех пор, пока не захлопнулась дверь, преградившая путь холодному потоку воздуха.

В доме было как всегда чисто и тепло. Сняв своё пальто, Иван спросил:

– Дорогие женщины, сначала покажите мне моё чадо, где он?

– Ванечка спит в детской комнате, в той самой, которую занимал когда-то ты сам. Давай тихонечко заглянем в неё. Я первая зайду, чтобы не испугать его, – сказала Маша.

Ребёнок спокойно спал в своей кроватке. Иван сумел разглядеть личико и обнаружил, что оно было похоже на его лицо, отчего загадочно улыбнулся.

– Ребёнок пусть поспит ещё, не будем ему мешать, – тихо произнесла Маша, и они вышли из детской в гостиную.

Через открытую дверь видно было, как на кухне уже готовила угощения Ксения Григорьевна.

– Где же Ростислав Викторович? – спросил у неё Иван.

– Да где же ему быть, не унимается, всё работает. Скоро придёт, обрадуется как. Он всё время спрашивал о тебе, – ответила Ксения Григорьевна.

Маша стояла рядом, и, не отпуская руку Ивана, сказала:

– Сердце моё изныло без тебя, я так рада видеть, что ты здоров, и такой же, ничуть не изменился.

– Машуточка, а ты стала ещё красивее, я очень хотел приехать к тебе ранее, но много препятствий было на моём пути. Я даже думал, что ты вышла замуж, ужасно рассердился. Но, слава богу, что всё так хорошо закончилось, – глядя на неё, произнёс он.

– Что ты такое говоришь? Я только тебя люблю, и без тебя мне ни с кем жизни нет. Ладно, поговорим ещё. А сейчас пойдём, мыться. Ты с дороги, надо привести тебя в порядок. Ты так легко одет, завтра же пойдём покупать зимнюю одежду. Может в Ленинграде зимой и можно так ходить, а у нас на Урале в такой одежде замёрзнуть можно. Пусть сегодня мороз и небольшой, но вот-вот нагрянут холода.

– Хорошо, где тут у вас вода? Умыться – это всегда хорошо, – сказал Иван.

– Она, правда, у нас холодная. А впрочем, я сейчас её нагрею.

– Машуточка, не надо греть, я холодной помоюсь. Пойдём со мной, полей мне на руки, – ответил Иван.

Но Маша вдруг громко крикнула, обращаясь к Ксении Григорьевне:

– Мама, а у нас тёплая вода есть?

– Есть целое ведро нагретой воды, – послышалось в ответ.

Я сейчас, – сказала она и быстро вышла.

Вскоре Маша вышла с полным ведром воды. Он выскочил ей навстречу и, подхватив воду, сказал:

– Нельзя тебе таскать такую тяжесть.

– А как же, Ванечку надо купать тёплой водой, – загадочно сказала она.

Иван снял с себя рубашку, которую тут же подхватила Маша. Она смотрела на сильную мускулистую фигуру Ивана, рукою прикоснулась к его груди, а потом с силой прижалась к ней сама.

– Ванечка, какой ты сильный. Как мне тебя не хватало. Я не отпущу тебя больше от себя.

– Хорошо, не отпускай, но ты мне обещала помочь помыться.

И она стала лить на него воду, наблюдая за движениями мужчины, который с удовольствием принимал всё новые и новые порции свежести. Когда водные процедуры окончились, Маша

принялась полотенцем вытирать его и, прильнув своей грудью к его ещё влажной спине, глубоко вздохнула:

– Как мне хорошо с тобой, мой Ванечка. Я так ждала эту минуту счастья.

Иван тихо повернулся к ней лицом, поцеловал её в губы и твёрдо сказал:

– Теперь наша жизнь начинается. Ты хочешь быть моей женой?

Маша расплакалась, ещё крепче прижалась к нему и в слезах радости произнесла:

– Я столько времени ждала тебя, каждый день смотрела на твой портрет и произносила твоё имя. Мне казалось, что ты все эти минуты был со мной. Когда я рожала нашего сына, ты тоже приходил ко мне. Может, я тогда сходила с ума, не знаю, но ты был со мной. Твоё пребывание возле меня умирало мою боль. Разве тебе я могу сказать нет? Ты моя радость и счастье моё.

Выслушав её слова, Иван сказал:

– Машуточка, я сегодня же попрошу благословения на наш союз твоих родителей, а завтра мы пойдём регистрироваться, чтобы стать мужем и женой.

Вечером, когда Ростислав Викторович пришёл с работы и все собрались за столом, Иван, раздавая привезённые из Ленинграда подарки, обратился к родителям Маши с такими словами:

– Дорогие мои, Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович. Вы знаете, как я вас люблю. Но ещё больше я люблю вашу дочь, родившую мне сына. Я хочу попросить вашего благословения на наш брак. Об этом знает моя мама, Надежда Петровна, теперь мы ждём вашего согласия. То, что я буду любить и беречь её, вы можете не сомневаться.

Родители Маши и не сомневались, они сами ждали этой счастливой минуты. И всё же Ростислав Викторович сказал:

– Иван, мы тоже тебя любим. Конечно, то, что появился наш внучек вне брака, не совсем хорошо, но жизнь штука поправимая. Мы принимаем тебя в нашу семью и хотим, чтобы вы с Машенькой жили счастливо.

Ксения Григорьевна тоже высказалась по этому случаю, заявив:

– Ванечка, мы знаем тебя, как чуткого и воспитанного молодого человека. Машенька очень любит тебя, мы тоже уважаем тебя

и любим. Ты и ранее был членом нашей семьи, а теперь стал просто родным человеком. Очень хорошо, что теперь наш внучек обрёл своего папу. Мы, конечно, даём своё согласие на брак, пусть ваша семья будет счастлива. Когда же мы сыграем свадьбу?

Иван ожидал именно такого согласия родителей на свой брак с Машей, и на вопрос Ксении Григорьевны, ответил так:

– Ждать мы не будем, и завтра идём в горсовет, чтобы зарегистрировать наш брак. Маша согласна, и я хочу сделать это как можно скорее.

Ростислав Викторович, скорее для себя, чем для всех сидящих за столом, сказал:

– Придётся просить работников загса ускорить эту процедуру, иначе надо будет выжидать месячный срок.

Об этом Иван и не подумал, ведь срок его пребывания в Златоусте ограничен двумя неделями. Поэтому он обратился к будущему тестю с просьбой:

– Ростислав Викторович, я ведь долго действительно не могу задержаться в Златоусте, помогите зарегистрировать нас поскорее, если такое возможно.

Весь этот вечер говорили только о предстоящем браке. Маша была радостная и взволнованная. Проснулся и Ванечка. Ксения Григорьевна подхватила его на руки, а потом передала его мамочке. Маша, подержав и успокоив ребёнка, решила передать его Ивану, сказав:

– Сыночек, это твой папа Ваня. Не бойся его, он добрый и очень любит тебя.

Потом медленно переложила сына из своих рук на руки отца. Удивительно, что сын не заплакал, а как-то сурово взглянул на Ивана, словно предупреждая его не сердить. Но стоило папе улыбнуться, как хмурость его личика сменилась добротой, а потом и улыбкой.

Так ребёнок впервые признал своего отца.

На свадебное торжество, назначенное через неделю, решили пригласить не только своих родственников, но соседей и друзей Ростислава Викторовича из горсовета.

Иван попросил обязательно позвать и Владимира Петровича Демидова со своей женой, на что Ростислав Викторович ответил:

– Я сделаю всё возможное, чтобы доставить его в день свадьбы к нам.

За несколько дней до свадьбы прибыли с детьми невестки, вдовы погибших под Ленинградом сыновей Ростислава и Валентина со своими детьми.

Жену среднего сына Валентина Прасковью, проживавшую в Златоусте, Иван ранее никогда не видел и сейчас был удивлён яркой красотой её лица.

Прибыла из Челябинска и семья Максима. Самого хозяина Иван увидел тоже впервые, а вот Светлану с детьми Кирюшей и Ванюшей он помнит очень хорошо. Это она устроила им прекрасную ночь любви, от которой теперь растёт и их дорогой сыночек.

Невестки Ростислава Викторовича и Ксении Григорьевны делали всё, чтобы свадебное торжество получилось на славу. Они, будучи прекрасными хозяйками и готовя праздничный стол, свою свекровь на кухню не допускали, поэтому Ксения Григорьевна больше присматривала за детьми, да показывала, где находятся всякие приправы да заготовки.

Максим вместе с детьми перед калиткой дома соорудил из жердей торжественные снежные ворота. Деревянные столбы с перекладиной вначале поливали горячей водой, а потом на их поверхность лепили снег. Для красоты сверху привязали длинные розовые ленты, шелестевшие при слабом ветре.

В день свадьбы на Маше было розовое платье. Её длинные волосы были сплетены в косу, аккуратно приподнятую и заправленную сзади белыми цветами.

Ивана одели в тёмный костюм с белой рубашкой, купленные Светланой и Максимом по просьбе Маши. Он выглядел её достойным женихом.

Вся семья с утра отправилась в горсовет, где им выдали свидетельство о регистрации брака, в котором фамилия невесты Самсоновой сменилась на фамилию жены Шишкову. Усыновили и ребёнка, ставшего отныне именоваться Шишковым Иваном Ивановичем.

Свадебное торжество в отчем доме собрало несколько десятков человек соседей, родных и сослуживцев Ростислава Викторовича, не считая детей. Молодых от горсовета до дома по снежной дороге привезли на тройке лошадей с бубенцами.

Иван не ожидал такого сюрприза, ему ещё никогда не доводилось кататься на тройках, отчего его состояние было на пике восторга. Маша, сидевшая рядом, тоже была весела и красива.

У праздничной калитки дома уже собрались гости: родственники, соседи и сослуживцы, много детей, готовых встретить молодых.

Иван всматривался в незнакомые лица, надеясь поскорее среди них заметить Владимира Петровича, но при быстроте смены впечатлений, где всё мелькало в глазах, его не обнаружил.

Когда молодые сошли на землю, к ним вышла Ксения Григорьевна, держа в руках ковригу хлеба. Она предложила каждому из них отломать кусочек, посолить его и съесть, напутствуя при этом их словами:

– Пусть хлеб и соль, а значит богатство и благополучие, всегда будет у вас на столе.

Когда Иван отломил кусочек хлеба, то рядом стоящая одна из невесток тут же поднесла солонку, в которую он мокнул свой кусочек. То же самое проделала и Маша. Молодые и не предполагали, что это было их первым свадебным испытанием. А гости внимательно наблюдали за ними. Они знали, что домашнее главенство окажется у того, кто съест больший кусок. Не знал этого только Иван, отчего главенство в доме досталось Маше.

Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна поцеловали своих детей, а невестки уготовили им «чашу терпения», поднеся сосуд с напитком и сказав слова:

– Пусть в вашей жизни будет меньше горя, размолвок, разлук и обид. И чтобы эта «чаша терпения» никогда не переполнилась, отпейте из неё сейчас.

Иван с Машей отпили сладкого напитка и поблагодарили невесток за пожелания никогда не ссориться.

Затем всех пригласили в дом. Только теперь Иван заметил Владимира Петровича, который скромно стоял в сторонке и смотрел на Ивана. Из глаза встретились, и они в отдалении помахали друг другу руками.

Наконец, всех усадили за праздничный стол, полный всякой еды. Высокие графины с домашней розовой наливкой возвышались над блюдами.

Сел и Иван на отведённое для него место в торце стола, однако, Маши рядом с ним не оказалось, и её стул оставался пустым.

Он стал искать жену глазами, не понимая, куда она девалась, хотя все гости поняли причину её отсутствия.

Светлана, не выдержав долгой паузы, спросила жениха:

– Иван, а где же жена? Может её украли?

Только тут жених догадался, что его разыгрывают. Он встал и попытался идти на поиски, но на его пути встала Александра, сидевшая ближе всех, сказав:

– Не отдадим жену, пока молодой муж не выполнит нашего задания. Мы не уверены, любишь ли ты её? Скажи ей такие слова, чтобы мы поверили, а она откликнулась.

Иван поначалу растерялся, и ему даже стало жарко, но выхода у него не было, и он произнёс:

– Моя жена, Машуточка, любимая и единственная на всём белом свете, самая прекрасная из всех женщин. Ты не можешь покинуть меня в этот самый ответственный миг нашей жизни. Вернись ко мне. Я не могу без тебя жить.

Такие слова удовлетворили Сашу, и она сказала:

– Машенька, отзовись. Тебя ждёт твой муж.

На что из-за двери раздался слабый голос Маши:

– Мой любимый муж, выручай меня.

Иван кинулся к двери, но на пути вдруг встала другая невестка, Прасковья, говоря такие слова:

– Ты выполнил только первое задание. Но есть и второе. Твоя жена заперта на ключ, – и достала из-за окна три стакана с замороженной водой, сказав:

– Вот три стакана, на дне которых имеется три замороженных ключа. Один из них от той комнаты, где находится твоя жена. Чем раньше ты его достанешь, тем быстрее Машенька выйдет из неё.

И пришлось Ивану разбивать лёд, но открыть дверь он смог только тогда, когда был разбит третий стакан.

Из отворённой им двери вышла Маша. Он обнял свою жену и хотел повести к столу, но на пути встала третья невестка Светлана, сказав:

– Ты что же, Иван, не сумел как следует обуть свою жену? Почему она у тебя идёт только в одной туфле? Вот тебе третье задание. Перед тобой три женских туфельки. Отгадай, где туфелька твоей жены?

Тут Иван догадался, что красная туфля и есть его отгадка. Схватил туфлю, обул жену, подхватил её на руки и донёс до места за праздничным столом.

Эти испытания были некоторой прелюдией к самому торжеству, но они повеселили всех, и даже угрюмые райсоветовские начальники заулыбались.

Первыми молодых поздравили родители Маши, они напутствовали их на счастливую жизнь.

Иван в свою очередь поздравил родителей Маши, признаваясь им в любви за то, что они вырастили и воспитали прекрасную дочь, любящую своих родителей, способную любить и быть верной своему мужу, милосердной к боли чужих людей, способной самоотверженно и до конца любить свою родину.

А затем свои организаторские способности проявила Светлана, предлагавшая каждому из сидящих за столом гостей поздравить молодых. Приятные слова часто заканчивали словами «горько», так что молодые то и дело целовались. Кто-то принёс патефон с пластинками, с записью голосов Клавдии Шульженко, Леонида Утёсова, музыки в ритмах танго и вальсов. В перерывах поздравлений гости танцевали.

Иван очень хотел услышать поздравление Владимира Петровича, до которого после одного из перерывов, наконец, дошла очередь. Когда затихла музыка, он встал и, глядя на молодых, произнёс:

– Я очень рад, что присутствую на свадьбе моего молодого друга, с которым мне пришлось провести время в одной из экспедиций. Из тех геологов, разделивших тогда с нами трудности и радости, осталось только нас двое. Все остальные погибли на фронтах Отечественной войны. Как тут не радоваться, когда мы живы, а жизнь – и есть великая радость. Здорово, что она продолжается такой прекрасной свадьбой. Муж с женой должны быть подобны руке и глазам. Когда руке больно – глаза плачут, а когда глаза плачут – руки вытирают слезы, – так сказал Святитель Иоанн Златоуст. Ванюша и Машенька, счастья вам на долгие годы.

Иван был весь во внимании, слушая эти короткие, но искренние слова. Он одновременно почувствовал в его словах какую-то внутреннюю боль. Тембр его голоса с окончанием фраз дрожал и затихал, словно он кого-то стеснялся, и ему показалось, что что-то надломилось в его характере.

Иван рассуждал:

– Конечно, потерять друзей на полях войны и пережить это, было ему не просто. Но его опыт, умение переносить трудности, сила характера, куда они делись?

Он на минуту отвлёкся, и это сразу же почувствовала Маша. Она посмотрела на него и сказала:

– Ванечка, что с тобой, почему ты задумался?

На что тот ответил:

– Понимаешь, Машуточка, я не узнаю Владимира Петровича. Мне надо к нему подойти.

Но Владимир Петрович и сам хотел пообщаться с Иваном, и во время одного из перерывов они встретились и отошли в сторону.

Владимир Петрович заговорил первым, ещё раз поздравив Ивана со свадьбой, обняв его:

– Ваня, я очень рад, что, наконец, вижу тебя. Сколько раз я хотел прийти к Ростиславу Викторовичу, но дела, да и жизнь моя не позволили мне это сделать. Но я часто вспоминал тебя. Мне сейчас нелегко..., – и он коротенько рассказал о себе.

Оказалось, что с начала войны он не бывал в экспедициях, которые были для него смыслом жизни. Его отстранили от них и приказали заниматься добычей руды. Все геологи его группы были мобилизованы и, по его сведениям, погибли на фронтах войны. Больше он ничего о них не знал. В годы войны он пережил три сильнейших удара, лишивших его вначале двух сыновей, а потом и жены, и тем самым подкосивших его здоровье.

– Да, вот ещё что, – и он вынул из холщовой сумки кипу тетрадей и протянул их Ивану.

– Пусть это будет тебе от меня подарком. Это мои воспоминания, о которых я тебе говорил в экспедиции, если ты не забыл. Я хотел оставить эти рассказы своим детям, чтобы они знали прошлое своих предков. Но сейчас..., – Владимир Петрович сделал волнительную паузу и продолжил:

– Я прошу оставить эти тетради у себя. Нет уже в живых никого, ни отца, ни матери, теперь нет и детей, пропавших без вести в годы войны, нет и жены, не выдержавшей разлуки с ними, да и мне осталось мало жить. Куда уходит наше время, одному богу известно. Хорошо, что живые люди продолжают страдать об ушедших. Здоровья нет, но больше душа ноет. Живу я там же

у подножия Таганая. Из посёлка выезжаю редко, да и выехать теперь непросто, снег лежит в горах, дороги занесло, машины не ездят. Спасибо Ростиславу Викторовичу, что послал за мной машину, а вот как обратно добраться, не знаю, – окончил он свой рассказ.

Иван поблагодарил Владимира за подарок, тут же позвал свою жену Машу и попросил найти ему место для ночлега.

Владимир Петрович, услышав, что Иван просит за него, сказал:

– Не беспокойтесь, мои дорогие люди. Ничего, я привык. Вокзал есть, переночую, а там видно будет.

– В тесноте – не в обиде, Владимир Петрович, – сказал Иван. Жаль, что всё так вышло. Я очень хочу вам помочь и буду просить об этом Ростислава Викторовича.

Иван попробовал рассказать ему и своей жизни, но их общение прервали гости, от которых Маша попробовала защитить своего мужа:

– Дайте ему немножко пообщаться с уважаемым человеком. Мы сейчас вернёмся, подождите, немножко.

Но гости настаивали, свадьба продолжилась. Машенька, взяв Владимира Петровича под руку, усадила его рядом с Прасковьей, тихо попросив её занять мужчину, а сама с мужем вернулась на место жениха и невесты, откуда вновь неслись поздравления и крики «горько», заставивших смущённую пару вновь целоваться на глазах у всех.

Гости разошлись поздно, оставив в доме хозяев, семью Максима и Владимира Петровича, которого они не отпустили ночевать на вокзал.

На следующий день первой проснулась Маша, услышавшая плач своего ребёнка, всю ночь спавшего в своей кроватке под присмотром бабушки. Иван отпустил её только для того, чтобы она принесла мальчика к нему. Через несколько минут она вернулась, опустив его прямо на Ивана, который с особой нежностью, лёжа на кровати, впервые ощутил с большой любовью тельце своего маленького сыночка. На мягкой постели тот перевернулся, и руки отца сами поймали его. Мама тут же забралась под одеяло, обнимая сразу двух своих дорогих мужчин.

Сын уже не боялся отца, смело прижимаясь к нему, а потом стал садиться на него и изображать седока и лошадку.

Беззаботно и весело было им в кровати, где Маша, принимая участие в их игре, не могла нарадоваться своему счастью. Об этом она когда-то так мечтала, и вот теперь это стало её реальностью. И не хотелось в эти минуты больше уже ни о чём думать, так ей было теперь хорошо.

Однако, в дверь постучали.

Она ответила:

– Войдите.

Из-за открытой двери показалась миниатюрная фигурка Светланы, которая требовательно сказала:

– Молодые и дорогие родители, вставайте, все проснулись и ждут вас.

Пришлось подчиниться настойчивости невестки.

Когда молодые вышли из спальни, то увидели, что за столом сидели и беседовали трое мужчин, Ростислав Викторович, Владимир Петрович и Максим, дети играли в свои игры, а Ксения Григорьевна и Светлана накрывали стол.

К мужчинам вскоре присоединился и Иван, извинившись, что заставил себя ждать.

Он заметил, что разговор происходил в основном между Ростиславом Викторовичем и Владимиром Петровичем. Они обменивались мыслями о своих погибших сыновьях, ставших объединяющим началом в их отношениях.

Когда все сели за стол, Ксения Григорьевна спросила:

– Владимир Петрович, а где ваша жена?

И тогда он, почти в слезах, рассказал трагическую её историю.

Оказалось, что после гибели двух его сыновей, ушедших добровольцами на фронт и пропавших под Сталинградом, похорошки на которых пришли ещё в 1942 году, у его жены Полины Аркадьевны наметилось серьёзное психическое расстройство. Она часто уходила из дома и однажды не вернулась домой. Владимир Петрович обнаружил её без сознания в небольшой деревенской больнице. Там она и умерла. Её нашли под высоким обрывом горы, а местный лекарь отвёз в больницу. По всей видимости, она, упала с горы и смертельно ушиблась.

Женщины плакали, сочувствовали Владимиру Петровичу, а Ростислав Викторович предложил установить между ними более тесные отношения.

Иван выразил своё отношение к этому предложению своего тестя словами:

– Владимир Петрович, мы очень хотим более частых встреч с вами.

На что тот многозначительно подвёл итог:

– Я очень признателен всем вам за сочувствие ко мне. Даст бог, будет время – будем жить.

Вскоре пришли со своими детьми и две невестки, ночевавшие в доме Прасковьи. Застолье вновь получилось многолюдным.

Женщины, сидя за столом, обратили внимание на подарок, преподнесённый Максимом и Светланой, вынесенный Ксенией Григорьевной. Это был большой почти метровый в высоту групповой портрет Маши, Ивана и их сыночка, изображённых на фоне их родового дома.

За столом ещё долго обсуждали детали прошедшего события, женщины продолжали поздравлять молодых и просили их не забывать родные места, изъявляя желание вскоре приехать к ним в гости.

Но вот подошло время отъезда Владимира Петровича, который, как показалось, повеселел и стал почти прежним целеустремлённым человеком. Он поблагодарил всех за приют и, передав свёрнутый листок бумаги Ивану, попросил его посетить по записанному в нём адресу квартиру, в которой он родился.

Он сказал, что очень хотел бы сам поехать в Ленинград, но это теперь стало для него неосуществлённой мечтой, и вся надежда на него, Ивана. Он попросил также узнать все подробности жизни семьи, о которой написано в его рассказах.

Иван развернул лист и прочитал: «Набережная Крюкова канала, дом 15, квартира профессора Николая Львовича Брусницына на втором этаже».

Иван обещал узнать всё, что будет возможно и о семье Брусницыных, и о квартире, а также известить об этом в скором времени в письме к нему.

Владимир Петрович пожелал счастья молодым, обнял Ивана и Ростислава Викторовича, поцеловал Ксению Григорьевну, Машу и ушёл, не разрешив им себя провожать.

В этот же день Иван напомнил и о своём скором отъезде в Ленинград, сказав об этом Ростиславу Викторовичу:

– Мой дорогой тесть, наступает время и нашего отъезда в Ленинград. Я желаю увезти Машеньку, теперь мою законную жену, и сына Ванечку. Через неделю мне необходимо будет выходить на работу. Я благодарю вас за то, что вы нам организовали свадьбу, создали все условия для создания нашей семьи. Я буду любить мою Машеньку, нашего сыночка. Мы будем ждать вашего к нам приезда.

Ростислав Викторович, выслушав Ивана, громко кликнул свою жену:

– Ксени, подойди к нам. Надо посоветоваться.

Когда та подошла, он сказал:

– Что будем делать? Иван просит нашего согласия отпустить Машеньку с Ванечкой в Ленинград.

– Как же так? Ванечку в такой холод отправлять в долгую дорогу? Может пока оставить их у нас, а по весне мы вместе и приехали бы, – высказалась она.

Тогда Иван стал и ей доказывать важность их теперешнего отъезда:

– Ксения Григорьевна, вы знаете, как я вас уважаю. Но теперь после нашей свадьбы я уже не смогу жить без Машеньки. Я её люблю, и не хочу жить без неё. Знаю, что вам будет скучно, но и она будет беспокоиться и скучать без меня. Лучше нам жить вместе. А наступившие морозы нам не страшны, мы доведём нашего сыночка здоровым, уж вы не переживайте.

В этот разговор включился Максим со Светланой, которые соглашались с Иваном, доказывая маме его правоту.

Пришла и Машенька, которая полностью была на стороне Ивана.

Ксения Григорьевна расплакалась, но потом успокоилась и согласилась с доводами молодой семьи.

Через два дня родители провожали на железнодорожном вокзале Златоуста сразу две семьи, Шишковых и Самсоновых.

Ксения Григорьевна плакала, Ростислав Викторович тоже был невесёлым, ведь они, расставаясь со своими детьми, оставались в своём доме одинокими.

В Челябинск прибыли вечером. Иван решил, что на следующий день они с Машей сумеют посетить семью Фёдора Андреевича, а пока останутся у Светланы и, достав листок бумаги с его адресом, показал Максиму:

– Максим, по этому адресу живёт Фёдор Андреевич. Далеко ли это от вашего дома?

Тот посмотрел и удивился: на листочке было написано название улицы Стахановцев, той улицы, на которой жила и его семья, и ответил самому себе:

– Интересно получается, Фёдор Андреевич на нашей улице живёт. Хорошо бы с ним познакомиться.

На что Иван сказал:

– Вот и познакомимся. Завтра пойдём к нему все вместе. Вот только Ванечку не с кем оставить.

Светлана, слышавшая этот диалог, сразу же откликнулась:

– Конечно, с Ванечкой я побуду. А вы с Машей обязательно сходите к Фёдору Андреевичу.

Войдя в квартиру и поставив на пол сумки, Иван на мгновение вернулся в годы военной молодости, и посмотрел на Машу, на плечах которой была короткая шубка с пушистым воротником вместо тяжёлого полушубка, который она носила тогда.

Она, державшая на руках малыша, сказала:

– Прибыли, наконец. Ты помнишь эту квартиру? Здесь зародились наши близкие отношения, закрепились наша любовь. Спасибо Светочке, она была так чутка к нам.

И вновь им была предоставлена та же кровать, только сейчас на ней расположились уже не двое, а трое родных людей.

Глава 21

Географическая ось истории

Назавтра вечером Светлана осталась с Ванечкой и со своими детьми, а Иван, Маша и Максим отправились к Фёдору Андреевичу.

Дом, в котором тот жил, был почти близнецом дому, в котором жили Максим и Светлана. Они поднялись по высокому парадному подъезду, украшенному колоннами, и на третьем этаже нашли квартиру под номером девять.

Иван нажал на кнопку звонка, и через минуту дверь открылась. На порог вышла женщина в домашнем халате и на вопрос

Ивана «Дома ли Фёдор Андреевич?» ответила, что он ещё не вернулся с работы, но вот-вот должен появиться.

Иван пояснил, что он – Иван Шишков, его земляк, ленинградец, работавший с ним на Танкограде в годы войны.

Хозяйка квартиры посмотрела на него пристально и сказала:

– О да, он говорил мне о вас. Проходите, пожалуйста. Меня зовут Ольга Ивановна, я жена Фёдора, недавно приехала к нему тоже из Ленинграда.

Сняв верхнюю одежду, они прошли в комнату, где Иван представил Машу и её брата Максима. Квартира была с высокими потолками, большими окнами и двустворчатыми дверями, с богатой, но казённой обстановкой. В просторной прихожей стояла тёмная полированная мебель: круглый стол, диван и два кресла, обитые тёмной кожей. Был и красный массивный абажур. Всё было стабильно и солидно, уютно и домовито. Ольга Ивановна стала объяснять эту тяжеловесность тем, что у неё не было времени заняться обстановкой, а Фёдор Андреевич мебелью интересуется мало.

– Что поставили, тем и сыты, – подвела она итог и продолжила:

– Работа у него стоит на первом месте. Приходит домой поздно, а часто его вызывают даже по ночам. Где уж ему об обстановке в квартире думать. Слишком ответственная у него должность.

Вскоре пришёл и Фёдор Андреевич, обрадовавшись приходу гостей: Машу и Ивана он расцеловал и поздравил со свадьбой, а Максиму крепко пожал руку.

Уже сидя за столом, он расспрашивал их о жизни, о Ленинграде, ведь ему так и не удалось побывать на родине.

Иван рассказал о своей работе в институте, а также о возрождающемся из пепла любимом городе. Маша больше рассказывала о сыне Ванюше, о её любви к мужу и о своих родителях, а Максим поведал о своей фронтовой службе.

Фёдор Андреевич был взволнован рассказами гостей и сокрушался тем, что не может выбраться в Ленинград.

Ольга Ивановна как-то само собой больше стала общаться с Машей, выискивая женские темы для разговора, а потом и вовсе вместе с Машей отошла от стола.

На повторный вопрос Ивана «Почему Фёдор Андреевич так и не смог уехать из Челябинска в Ленинград?», тот не стал ему

отвечать прямо, но почему-то стал серьёзным, перешёл на политику, изложив целую теорию на этот счёт.

Он, глядя в глаза мужчин, рассказал о содержании лекции, прочитанной недавно для руководства завода одним из московских лекторов на тему угроз России, исходящих от западных стран. Так как мужчинам эта тема была интересна, попробуем и мы понять её суть.

Фёдор Андреевич говорил, что Вторая Мировая война не закончилась, и конфликты между странами продолжаются, потому что есть провокаторы из учёных и политиков, придумывающих на этот счёт разные глобальные теории, враждебные России.

Об одной из них и поведал он им. Её придумал британский учёный и политический деятель Хелфорд Маккиндер, известный своим высоким положением в мире английской политики и которому принадлежала самая смелая схема интерпретации политической истории мира.

В книге «Географическая ось истории» тот утверждал, что с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, как наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля над всем миром. Именно на этой территории и располагается Советский Союз, которому отводилось ведущее стратегическое положение в мире.

В силу географического положения, по утверждению политика, СССР будет стремиться выйти к прибрежным странам с незамерзающими морями, что противоречит британской политике, основанной как раз на владении прибрежными странами Европы и Азии. Исходя из этого, политик считал, что значение нашей страны ещё более возрастет по мере развития научно-технического прогресса, грозящего нарушить баланса сил в её пользу и подорвать мощь “океанского геополитического блока” Англии и США.

С этой точки зрения задачей Запада является постепенное разрушение Советского Союза с поэтапным порабощением богатых ресурсами регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Фёдор Андреевич подвёл итог этой теории словами:

– В этих условиях я не могу даже подумать об отъезде в Ленинград, и мне, как коммунисту и патриоту своей страны, остаётся принять только одно решение: продолжить свою деятельность, понимая, что и от меня также зависит укрепление обороноспособности нашей страны. В этой сложной международной обстановке,

чтобы отстоять независимость нашей родины, нам нужен противовес их силе.

Он замолчал, ожидая реакции гостей. Мужчины, слушая Фёдора Андреевича с большим вниманием и понимая всю серьёзность его высказываний, тоже молчали.

Наконец, Иван осмелился поддержать разговор, высказав своё мнение об этой теории:

– Фёдор Андреевич, я понимаю, что для нашей родины всегда существовала угроза новой войны. На нас нападали поляки, французы, англичане, японцы, и вот недавно с большим трудом мы выдержали напор немцев. История нашей родины постоянно приковывает внимание ведущих стран, поэтому она трагична. Находясь в геологической экспедиции на Тагане, мы, геологи, тогда наивно спорили между собой о причинах начавшейся Второй Мировой войной, считая, что Гитлер хотел создать на земле новую арийскую расу. Сейчас же в вашей интерпретации к войне подталкивает новая идея, заключенная в осмыслении географической оси истории. Это уже борьба за сферы влияния, за территории, за богатства стран. Я согласен, что сохранить нашу родину можно только имея сильную армию, мощные вооружения. Но в связи с этим появляется новая мысль, не приведёт ли гонка вооружений к гибели всего человечества?

Фёдор Андреевич посмотрел на Ивана и ответил:

– Ваня, можно придумать всё, что угодно, но я говорил об очень серьёзных делах. Без силы врага не остановишь, и моя судьба связана с укреплением нашей армии.

И он, видя, что к ним подходили женщины, сразу перешёл от серьёзной политики к делам семейным, сказав:

– Наши жёны – вот наш тыл, без них мы маленькие дети. Идите к нам, дорогие женщины, моя родная Олечка, и Машенька, краса и чуткость нашего отдела в военные годы, а теперь твоя жена, Иван. Как я рад, что вы вместе.

Женщины сразу повеселели, заулыбались, а Ольга Ивановна произнесла:

– Вы затеяли беседу на очень сложную для нас тему, мы хотим вас любить и говорить об этом. Вот вы, Иван, с Машенькой уезжаете в Ленинград. Мы дадим вам адрес нашей доченьки Светочки и попросим вас обязательно к ней сходить.

– Почтим за честь познакомиться с ней и её семьёй. А в каком районе она живёт? – спросил Иван.

– На Суворовском проспекте. Недалеко от Смольного. Она у нас журналистка. Живёт с мужем, Анатолием, и внученькой Наденькой, – ответила она.

Фёдор Андреевич добавил:

– Я говорил уже тебе, Ваня, что Анатолий Дмитриевич работает в Смольном. Это серьёзный человек, кстати, окончил Ленинградский горный институт, поэтому мне хочется, чтобы ты с ним подружился.

Иван пообещал, что по возвращении его в Ленинград, обязательно посетит их дочь и её семью.

На прощанье, Маша и Ольга Ивановна расцеловались и расплакались, не удержался расцеловать Машу и Фёдор Андреевич.

На следующий день Ивана, Машу и Ванечку провожали на вокзале Максим и Светлана с детьми. Почти перед отправлением поезда неожиданно появились Фёдор Андреевич с Ольгой Ивановной, которые, увидев маленького Ванечку, нашли его похожим на Ивана. И опять были поцелуи и на прощанье добрые слова.

Но вот поезд выпустил последние клубы дыма и отправился в путь, пронзительно свистнув.

Для Ивана, как ему казалось, обратная дорога в Ленинград стала почти привычной, а вот для Маши и Ванечки она будет испытанием и открытием.

И действительно, Машенька была взволнована. Она, держа на руках сына, говорила:

– Далёкий путь предстоит нам, сыночек, проехать. Папа, увозит нас с тобой в края, которых мы ещё не знаем. Теперь мы в его власти.

Иван, слыша причитания жены, обнял её и сказал:

– Вы не в моей власти, а мои самые родные, самые дорогие люди. Я хочу, чтобы Ленинград стал и вашей родиной.

Они заняли свои места на нижней и верхней полках. Пока Машенька снимала у Ванечки верхнюю зимнюю одежду, Иван достал из сумки заготовленную для сына постель и разложил её.

Так как Ванечка закапризничал, то всё внимание в этот момент было уделено ему. Мамочка взяла его на руки, немножко покачала, говоря ему ласковые слова, и тем самым быстро успокоила,

а потом, накормив, уложила его спать. Она и сама улеглась рядом с ним.

Поезд шёл, постепенно набирая ход и равномерно стуча колёсами. Иван смотрел в окно, за которым просматривался однообразный вид серых небольших зданий. Постепенно и его глаза стали закрываться в сонной поволоке. Чтобы окончательно не уснуть, он перевёл взгляд на противоположное окно и заметил пассажира, который сидел, отвернувшись от людей, и как ему показалось, тихо плакал.

Иван долго без отрыва смотрел на него и, подвинувшись поближе, попытался с ним заговорить:

– Здравствуйте, меня зовут Иван. С вами что-то случилось? Может я смогу вам помочь?

Тот поначалу даже не посмотрел в его сторону и продолжал сидеть в том же положении, а потом, видимо придя в себя и взглянув на Ивана, ответил:

– Здравствуйте, я – Павел. Смотрю и плачу. Невозможно спрятать то, что у тебя в сердце. Ведь в этих местах я родился, родились все мои предки, родители. Деревня наша стояла на берегу небольшой речки, где мы купались. У нас была лодка, из которой мы ловили рыбу. Матушка управлялась скотиной: корова давала такое жирное молоко, что сметана и сыр у нас и не переводились, а мы её пасли. Здесь стояла наша деревня, но её разрушили, и нас насильно отправили жить в бараки. Сейчас на этом месте стоит алюминиевый завод. Полюбуйтесь, во что превратились эти места. Деревьев почти нет, а те, что выжили, так стоят не зелёные, а серые.

Когда он замолчал, на его глазах вновь выступили слёзы, но через несколько минут продолжил:

– Ещё до войны здесь всё поменялось. Пришли люди и предложили всем как можно быстрее уехать с наших родных мест. Тех, кто был не согласен, всей семьёй отправили на поселение в Пермский край, остальным предложили работу на заводах. Может, вы меня поймёте, Иван, ведь у жителей, проживших всю свою жизнь в деревне, на своей земле, отняли всё их благополучие. Мы разбрелись, кто куда, завербовались. Вот я поступил работать помощником металлурга в Свердловске, где дослужился до мастера. Научили. Туда же перевёз и двух своих младших братьев. Папа и мама так и остались жить в бараках, куда им ехать, сил уже мало осталось. Они там доживают свой век. Я только что побывал у них,

проведал. Плохо живут, да ещё и болеют. Мы, их дети, наведываемся к ним, привозим еду. Посмотрите, как теперь перерыта наша земля, одни карьеры да отвалы остались.

Иван слушал этот рассказ с волнением и тоже смотрел в окно, за которым виднелись совершенно безжизненные в серой пыли деревья, дома, перекопанные земли. Он, как геолог, хорошо понимал всю опасность, исходившую от такой бесхозяйственности, превращавшей огромную площадь поверхности земли в искусственно перемешанный слой бугров и рытвин, и подумал:

– Да, невозможно убежать от того, что внутри нас, и пока человек чувствует боль – он жив. Понять Павла не сложно, сложно понять его правильно, и вот вопрос: кто его станет теперь понимать, ведь это ж было нужно стране?

Маша тоже слушала рассказ Павла, но мысли её были рассеяны. Она, конечно, пожалела про себя ушедшую его прошлую жизнь, но в разговор не вступала. Сердце женщины было настолько заполнено любовью к своему сыночку, что чужие беды сильно чувствовать ей не хотелось.

Вскоре за окном показалась река, отвлѣкшая внимание Ивана от рассказа Павла. Под высоким мостом, по которому проходил поезд, с шумом неслись её пенистые воды, заключѣнные в высокие скалистые берега.

На необычный шум откликнулась Маша, спросив Ивана:

– Что за странные звуки слышны сейчас?

Иван посмотрел на неё и тихо сказал:

– Мы едем по мосту через реку. Какое стремительное течение у неё!

Маша медленно и так, чтобы не проснулся Ванечка, поднялась, села на краешек постели и посмотрела в окно, но поезд уже пересѣк реку, за которой открылись на горизонте невысокие горы.

Павел посмотрел на Машу и, вероятно, поняв, что она осталась безучастна к его судьбе, вновь стал смотреть в своё окно, замкнувшись в себе.

Иван понял, что диалог между ними не состоялся, пересел к жене, и они стали смотреть в её окно вместе. Удивительно, но природа как-то резко поменяла свои очертания, и теперь перед ними открылись снежные вершины гор, у подножия которых росли сосновые леса. Было такое ощущение, что природа как будто специально сменила своё настроение. Вместо опылѣнных серых

деревьев открылась зелень хвойных лесов, а взамен израненной и перекопанной земли показалась небольшая деревенька.

Вскоре поезд остановился, прибыв на станцию. Стали выходить и пассажиры, а вместе с ними и Павел, пожавший на прощание руку Ивану. Освободившиеся места были тут же заняты вновь вошедшими людьми.

Маша взяла ребёнка на руки и держала его до тех пор, пока не закончилась суматоха движения пассажиров и провожающих их людей. Вскоре все пассажиры успокоились, и поезд медленно поплыл вдоль длинного здания вокзала. Проводник проверила у вошедших пассажиров билеты, и все они влились в одну большую говорливую семью.

Дневное время пролетело быстро, впереди наступала ночь. Маша уложила Ванечку, посидела с мужем и, поцеловав его, улеглась рядом с сыном.

Иван забрался на верхнюю полку над ними и лежа вспоминал события прошедших дней. Перед его взором прошли все свадебные торжества, встречи с дорогими ему людьми. Он подумал о Владимире Петровиче и его тетрадях, упакованных в свёрток и лежащих в отдельном месте, захотелось заглянуть в тайны жизни своего наставника, однако, доставать рукопись не стал.

Поезд продолжал своё движение, равномерный стук колёс которого убаюкивал людей. Он и сам вскоре растворился во сне.

Проснулся он уже утром, когда за окнами сияло солнце, а Маша разговаривала с Ванечкой на его непонятном детском языке.

Свесив голову сверху вниз, он некоторое время смотрел на их милое общение, а потом спустился вниз.

Новое утро началось с новых забот. Все пассажиры суетились, приводили себя и свои постели в опрятный вид, проводники разносили чай. Маша отдельно покормила сына, а потом разложила еду для них самих.

Вскоре проводник объявил остановку, и Ивану захотелось выйти на свежий воздух. На платформе на баяне играл человек, одетый в офицерский мундир. Тот, увидев, что к нему подходят люди, вдруг заиграл громче и почти в такт быстрой музыки немного нараспев стал говорить:

– Граждане и гражданочки, я военный инвалид, всю войну прошёл и был контужен. Инвалид я, понимаете, работать не могу,

прошу вас, подайте, ради Христа. Но у богатых не прошу, у нищих не беру, кто даст тому воздастся сторицей.

Он выпалил свою исповедь, равнодушно оглядывая окружающий его народ. Женщины бросали в фуражку, лежавшую перед ним, деньги, а «офицер» ловко их вынимал, пряча в потайной карман. Причём после каждой опущенной купюры откидывал голову: контуженый, мол, что с меня взять.

Иван не поверил в инвалидность мнимого офицера, потому что слишком картинно и искусственно происходило его превращение в инвалида, не было логического согласования в его словах и действиях.

Вскоре Иван вернулся в вагон, рассказав женщинам об увиденном нищем офицере.

Новая пассажирка, услышав рассказ Ивана, сказала:

– У нас таких артистов хоть пруд пруди. Облапошат, и не заметишь. Конечно, люди плохо живут, поэтому нищих много. По весне так совсем оголодали.

Езда в поезде всегда располагает к раздумьям и предвкушает ощущение чего-то нового, неизведанного, которое ждёт тебя впереди. Перемещаясь в пространстве, приятно совершать движения где-то глубоко внутри себя. В какое-то мгновение он испытал осознание некой гордости за свою семью и страну, с её огромными территориями, которые он проезжал.

Утром поезд прибыл в Ленинград точно по расписанию.

Вскоре новая семья уже шла по набережной к дому, где с нетерпением ждали их Надежда Петровна и Серёжа. Они хотя и смотрели в окно, но не усмотреть не смогли их появление перед домом.

Надежда Петровна почувствовала их прибытие тогда, когда в квартире раздался трёхкратный звонок. Так всегда звонил её сын.

Открыв дверь, она воскликнула:

– Мои дорогие, приехали, как я рада вас видеть! – и сразу обратилась к Ванечке, сидевшему на руках у Маши:

– Внучок мой дорогой, иди ко мне, – и протянула к нему руки.

Внук же схватился за маму, не в силах понять, что происходит.

Иван, заметив, что сын не отвечает на бабушкину ласку, наклонился к нему и сказал:

– Ванечка, это твоя бабушка. Не бойся её. Теперь мы будем с ней жить.

Потом он обратил внимание бабушки на свою жену, сказав:

–А вот и Маша.

Надежда Петровна обняла её вместе с сыном и сказала:

– Здравствуйте, Маша. Принимаем вас в свою семью с радостью.

Маша, сказав «здравствуйте, Надежда Петровна», засуетилась, и крепко прижала к себе ребёнка.

Иван, видя растерянное её лицо, сказал:

– Маша, мы дома. Снимаем одежду и проходим в комнату.

Уже сидя за столом, Иван рассказал маме о прошедшей свадьбе, родителях Маши, о Владимире Петровиче и Фёдоре Андреевиче. Надежда Петровна больше слушала, внимая ему.

Маша больше молчала, держа Ванечку на руках.

После обеда было предложено всем отдохнуть с дороги.

Иван со своей новой семьёй отправились комнату Ивана, где он ранее жил с Серёжей и со своей Машенькой.

Серёжа тоже хотел пойти с папой, но бабушка не разрешила.

Он нахмурился и не мог понять, почему ему теперь нет места в той комнате, где когда-то жили его мама и папа.

Вечером, когда молодая семья проснулась, Серёжа всё же вошёл туда, но на кровать, где лежал Ванечка, его не пустили.

Весь вечер он ходил надутый, с бабушкой не общался и от общения с папой избегал тоже.

Надежда Петровна понимала его настроение, но ни Маша, ни Иван этого не заметили.

Время постепенно расставляло всё по своим местам. Маша привыкала к новой жизни в Ленинграде тяжело. Причиной этому было поведение Серёжи, который стал замкнутым и старался поменьше общаться со своей мачехой.

На следующий день после приезда Иван достал свёрток с тетрадями Владимира Петровича, а развернув их, сразу принялся за чтение. И хотя текст рукописи был написан не всегда ровным почерком и разными чернилами, что затрудняло понимание написанного, простота изложения событий и увлекательность сюжетов захватили его воображение.

Ивану очень хотелось понять, из какой глубины чувств, в каком сложном переплетении судеб многочисленных его предков формировались мысли и характер Владимира Петровича. Читая рукопись, он также хотел осознать его мысль, высказанную

в экспедиции: человек делает себя человеком тогда, когда он уважает жизнь предков, проявляет милосердие к людям, стремится к любви, красоте и возвышенному познанию мира. Если хотя бы одно из этих качеств теряется, то душа человека мельчает, а сам он превращается в обывателя.

Откроем книгу жизни Владимира Петровича и мы.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
КАМЕНЬ, ЧТО БРОШЕН

Глава 22

Василиса

Каково семья, таково и племя

«Родился я в Петербурге, хотя истоки моего рода возникли на Южном Урале в посёлке со странным на первый взгляд названием Васильевско-Шайтанском. Коренные его жители первоначально дали ему название Шайтан-лог, то есть Чёртов лог, где промышленником Василием Демидовым был основан в середине восемнадцатого века завод.

Мой отец рассказывал мне, что наша прапрабабушка Наталья, будучи крепостной, родила от него девочку с именем Василиса.

Была ли между ними любовь или это было проявленное вероломство барина над беззащитной девушкой, до сих пор осталось неизвестным.

Долгое время в семье хранился рисунок с портретом прабабушки Василисы, очень красивой женщины лет двадцати пяти в одежде дворянского покроя, державшей на руках своего сына Петра, моего прадеда, которому тогда можно было дать года три.

Интересно, что на рисунке наши лица, моё и Василисы, по мнению моих родителей, были очень схожи, отчего я заинтересовался историей её судьбы и постоянно о ней задавал вопросы то отцу, то матери.

Может быть, и мой упорный характер ведёт своё начало от тех знаменитых Демидовых, которых Пётр Первый, русский царь, оценив их вклад в развитии металлургии в России, пожелал видеть в Санкт-Петербурге.

Эта загадочная семейка сумела сколотить неисчислимы богатства, смекнув, что Урал есть великая кладовая, из которой можно было извлечь для себя огромную выгоду.

Они потом строили заводы, одним из которых управлял Василий Демидов, называвшийся в народе Васильево-Шайтанским.

Когда Василисе было всего десять лет, умерла её мама. Маленькая девочка была отдана на воспитание гувернантки, специально приглашённой из-за границы. Вскоре Василий уехал

в Петербург, а затем и вовсе в Америку, где стал основателем американской ветви этой фамилии.

Василиса же осталась в посёлке, росла под присмотром гувернантки и незаметно выросла в очень красивую девушку со стройной фигурой, русыми волосами и голубыми глазами.

История её жизни, дополненная народным вымыслом о ней, в нашей семье превратились в сказочные истории её любви.

В девичестве лучшими подружками для неё были берёзки из близлежащей чащи. В минуты грусти любила разговаривать она с ними о своих мечтах. Но однажды среди берёзок она увидела юношу и полюбила его. Она уже не представляла себе прогулок без него, мечтая о будущей жизни. Об их любви узнали в её семье, и однажды, когда молодые влюблённые находились в берёзовой роще, на него напали подговорённые кем-то разбойники. На глазах у Василисы они убили юношу, бросив тело с высокого берега в реку. Девушка кричала, звала на помощь, но никто не откликнулся на её зов.

Через годы страдания утихли, и девушку выдали замуж за сына управляющего завода. Однако, жизнь в замужестве не задалась, так как муж, отправившись вскоре по делам в Петербург, где жили Демидовы, домой не вернулся. Куда пропал он, никому не ведомо, говорили, что, переправляясь на плоту через одну из больших рек, затонул.

Пришлось Василисе свою жизнь начинать сначала. Вскоре Демидовы продали свой завод, но шайтановцам не понравились новые хозяева, которые своим жестоким обращением с рабочими вызвали их недовольство. За нанесение обид рабочие жестоко с ними расправились, подговорив для этого главу местных разбойников Пётра Плотникова, прозванного в народе атаманом Рыжанко. Василиса играла в этой истории не последнюю роль, тем более, что ей самой ими была нанесена душевная рана. Говорили, что её красота приглянулась одному из новых хозяев завода, который ворвался к ней в дом и силой овладел ею.

Этого вероломства над собой женщина вынести не смогла и согласилась идти вместе с рабочими к атаману. Пётр Рыжанко, увидав Василису, разгорелся к ней сильной страстью и сразу согласился взамен на любовь молодой вдовушки совершить злодейство. Ночью, окружив барский дом, через разбитые ими окна разбойники проникли внутрь. Ни один человек не вышел оттуда живым,

а в огне сожжённого дома сгорели и все бумаги заводской конторы, долговые расписки и кабальные договора с рабочими.

Василиса ушла вместе с атаманом и несколько лет нигде на людях не показывалась.

Появилась она тогда, когда в посёлок пришло войско обиженного царя Петра, выступавшего под именем Емельки Пугачёва.

Местные жители помнили, как первыми прибыли гонцы-агитаторы, за которыми явились сотни мужиков.

Агитаторы уговорили почти сто пятьдесят шайтановских мужиков поддержать «царя», вступить в пугачёвское войско и, выбрав своим предводителем молотового Григория Рюкова, влились в отряды и даже, как говорили, приняли участие в сражениях против правительственных войск, проявив при этом мужество.

С этого времени Шайтанский завод на некоторое время стал основной базой пугачёвцев, откуда велась агитация среди населения Южного Урала.

Вот тогда и появилась вновь в посёлке Василиса с трёхлетним сыном Петром. Дом, который достался ей по-наследству, а потом отнятый у Василисы новыми владельцами завода, стоял пустой. В нём она и поселилась, а местные пугачёвцы оказывали ей всяческую помощь.

Однако, вскоре застигнутый врасплох шайтанский отряд был разгромлен, и Василисе пришлось испытывать многие жизненные трудности, хотя дом Василисы не пострадал, и мать с ребёнком оставили в покое.

Через несколько лет поутихли горькие слёзы вдов и матерей по погибшим, и жизнь в посёлке стала налаживаться. Заработали бывшие демидовские заводы, появились новые управляющие и приказчики, засматривавшиеся на красоту Василисы. Но вдова замкнулась в себе и занялась только воспитанием ребёнком, стараясь дать ему то образование, которое получила когда-то сама.

Стараясь быть незаметной для шайтановских мужчин, она опасалась того, как бы её бывшая любовь к атаману и пугачёвцам не нанесла ущерба судьбе её сына, которому уже пошёл десятый год.

Глава 23

Андрей

Однажды, в посёлке Василиса неожиданно увидела знакомого молодого пугачёвца, который в бытность их в отряде помогал ей с родами.

Он, увидев её, спросил:

– Василиса, ты ли это? А меня узнаёшь? – и сам ответил:

– Андрей я.

– Кто же ещё, – ответила она.

Андрей стал спрашивать её о ребёнке, о жизни, а когда они подошли к дому, где жила Василиса, неожиданно выскочил Пётр.

– Это он, – уверенно произнёс Андрей. Как он похож на атамана!

– Тише, – успокоила она его. Зайдём в дом.

В доме они вспоминали давно ушедшие дни, своих товарищей и, конечно, атамана Петра. Никто из них не знал о его дальнейшей судьбе, ходили слухи, что он был застрелен при попытке побега во время конвоирования по этапу.

Разговор продолжился до позднего вечера.

Наконец, Василиса спросила его:

– А откуда ты родом, и где твой дом?

Оказалось, что родом тот был из недалёкого села, но он не знает, цел ли его дом, живы ли родители, потому что десять лет скитался по уральским деревням и посёлкам.

Василиса пристально посмотрела на него, красивый, высокий, сильный, и подумала:

– А может это судьба? – и что-то ёкнула в груди.

– Как я его ранее не замечала? Атаман закружил голову...

А, может, пришёл час начать всё с начала, – подумала она.

Она взглянула на него ещё раз, и, опустив глаза, промолвила:

– Ладно, оставайся у меня, будем жить вместе.

Он, не веря своему счастью, мгновенно поднялся, подошёл к ней, обнял и робко поцеловал.

Она не отстранилась, а, наоборот, всем телом прижалась к мужчине, который вдруг судорожно стал прижимать её к себе, гладить её лицо и пальцами рук тереть пуговицы на её платье.

Она, понимая, что и сама хочет этого, что тело её слабеет, сказала тихим голосом:

– Подожди немного, сейчас посмотрю, где сын.

Сын спокойно спал в своей кровати.

Василиса потянула Андрея за руку, и оба безропотно подчинились взаимному желанию овладеть друг другом.

Так неожиданно Василиса окунулась в новую жизнь, которая продолжалась долгие годы.

Василиса и Андрей оказались очень нужными друг другу, их одинокие души давно жаждали любви и семейных отношений.

Андрей решил для начала посетить свой родовой дом в селе Каменистое, находившемся в двух десятках вёрст от посёлка Васильево-Шайтанский. В нём он родился, провёл детство и очень надеялся увидеть своих родителей маму Екатерину Ивановну и отца Гаврилу Петровича. Он думал об этой встрече с тех пор, когда восемнадцатилетним юношей ушёл вслед за другими ребятами сражаться за обиженного царя и народную волю. Не мог знать юноша, что временная свобода позже окажется неволей для большинства его товарищей, а ему были предназначены скитания по обедневшим, а подчас и пустынным сёлам Урала.

Сын представлял себе свою маму, стоявшей у русской печи и вынимавшей из огня ухватом чугунок с тушёной очень вкусной картошкой, и как она, увидев его, крепко обнимет, а потом будет долго плакать и причитать:

– Сыночек, мой родной, где же ты так долго пропадал. Мои глазоньки просмотрели все тропинки, по которым ты ходил, но тебя не увидели, мои уши ловили каждый шорох твоих шагов, но ты не возвращался, я каждую ночь видела тебя во сне и просила бога вернуть тебя мне, но и этого не случилось. Где же ты скитался, ведь я так ждала тебя?

Когда он, наконец, подошёл к своему дому, то увидел его с заколоченной дверью и провалившейся крышей. Оторвав полу-сгнившую доску на двери и войдя внутрь дома, поразился пустоте и разрухе. Печь стояла давно не топленной, столы и лавки были покрыты толстым слоем пыли, лишь глаза богоматери, смотревшие на него с деревянной иконы, висевшей в углу безжизненной избы, напоминали о прошлой жизни.

Он присел на лавку и заплакал. Потом утёр глаза рукавом и пошёл искать дом своего дяди Евсея Петровича Медведева, родного брата своего отца.

Евсей, словно поджидая его, сидел у дома на скамейке. Он сразу узнал Андрея, обнял его, ввёл в дом, где все родственники встретили его с большой радостью.

Оказалось, что в скорби по нему, пропал его отец и умерла мать.

– Гаврила Петрович, – рассказывал дядя Евсей, – по настоянию своей жены часто уходил на твои поиски в соседние деревни, но однажды ушёл и до сих пор домой не вернулся. Куда он делся, никто не знает. Мать же, лишившись и мужа, и сына, потеряла покой, часто стала тоже покидать свою деревню. Вскоре её нашли мёртвой у большого камня на берегу реки. Закопали её на кладбище.

Андрей заплакал и закрыл глаза руками. Несколько минут стояла тишина.

– Давай сходим туда, авось найдём, – нарушив молчание, сказал Евсей.

И они пошли. Кладбище было небольшим, многие могилы были не обозначенные, просто холмики, время от времени, по всей видимости, по весне кем-то подсыпавшиеся.

Евсей указал на холмик, почти сравнявшийся с землёй:

– Вот она, могила твоей матери.

Пётр вновь не сдержал своих слёз. Возвратились с кладбища обратно в дом Евсея, чтобы помянуть Екатерину Ивановну, и где на столе уже стояло угощение и бутылка с брагой.

Евсей Петрович сказал:

– Андрей, я знаю тебя со дня рождения. Да и имя твоё было дано пусть и батюшкой, но по моей подсказке. Жаль, что всё так получилось. Мать твоя, Екатерина, была добрейшей женщиной. Мы все её любили, а особенно любил её твой отец Гаврила. Я, надеюсь, что мой брат живой. Ты вернулся, думаю, дождёмся и твоего отца. Катя умерла от тоски по тебе и мужу. Пусть память о твоей матери будет всегда с нами.

Он поднял стакан с брагой и выпил.

Потом Андрей, расслабившись, стал рассказывать о своей отрядной и скитальческой жизни.

В отряде он был посыльным, помогал в родах женщинам, которых возили с собой пугачёвцы, выполнял хозяйственные работы, ради устрашения поджигал пустые дома богачей, но никогда и никого не убивал. После разгрома их отряда, как и многие другие, бежал в горы. С этого времени и началась его скитальческая жизнь.

Сколько деревень он прошёл, сам не знает. Боялся, что поймают. Чтобы прокормиться, пришлось наниматься на работу к хозяевам, в основном, за еду. Так прошло почти десять лет. Но он всё время думал о родителях, о своей деревне.

После рассказа племянника о своей нелёгкой жизни, его дядя сказал:

Андрей, ты вернулся, и теперь не должен нас покидать, – и завёл разговор о работе, предложив попробовать счастья на золотом прииске.

Он рассказал услышанную им историю о том, как один из местных мужиков обнаружил камень, из которого блестели кусочки золота, похожих на золотых жуков.

– Шесть золотых жуков выбрал. И сидели они, скажу я тебе, как на цепочке. Позже оказалось, что четыреста граммов наскрёб золота из одного куска. Мужики говорили, что там попадались скопления самородков золота и в виде гнёзд, содержащих до нескольких килограммов, – эмоционально и громко, забыв по какому поводу они находятся здесь, – говорил Евсей.

Он также сказал, что пробовал ходить на реку, но одному это делать сложно, да и опасно.

И они договорились идти и попробовать счастья вместе.

Глава 24

В поход за золотом

На следующий день Андрей возвратился к Василисе, рассказав ей о предстоящем деле, а через неделю дядя и племянник уже отправлялись на поиски золота к реке Неизвестной.

Шли через лесные заросли по тропинке, известной только Евсею, мимо которой протекала речка. Она была не широкая, но очень быстрая. Добрались до того места, где берега реки становились пологими, а река значительно расширилась, образовав два русла, одно из которых было бурным, полноводным и глубоким, а второе тихим и мелким. Здесь и сделали остановку.

На берегу построили шалаш, возле которого разожгли костёр. Принялись ловить рыбу, которую на мелководье ловили почти

руками. Наварили ухи, а из лесных ягод заварили чай. Домашним был только каравай хлеба. Поели.

Потом прошлись по берегу реки, выискивая места для старательных работ, которые, по мнению Евсея, были самыми перспективными.

По рассказам местных старателей он знал, что движение золота, которое во много раз тяжелее воды, достаточно предсказуемо.

– Для того, чтобы сдвинуть золотину, необходим сильный напор воды, поэтому, когда он ослабевает по той или иной причине, золото в том месте оседает, в особенности его зерна. Они не плывут, а ползут, прижимаясь ко дну, – поучал Андрея Евсей. Вот и здесь, возможно, скопилось золото. Внутренний поворот реки – самое перспективное место для поисков. Здесь золото надо искать на дне за валунами, в расщелинах, ямах, под наносным грунтом, – не унимался Евсей и рассказывал Андрею, как бывал здесь весной по время паводка, когда это русло превращалось в сплошной бурный поток.

Потом они прошли по дну старого русла и отметили возможные места, где рано утром начнут поиск жёлтого металла. Здесь было много крупных камней, за которыми могли быть ловушки. На дне реки было много выступов, углублений, трещин, нагромождений камней, стволов упавших деревьев, среди которых журчали слабые ручейки воды.

Подготовили длинные черенки для лопат и черпаков, которых наубили с запасом, чтобы не тратить лишнее время завтра.

Спать легли рано, и Андрей уснул сразу.

Утром его разбудил Евсей. Ещё было темно, но надо было завтракать и со свежими силами начинать работу. Взяли инструменты: лопаты, черпаки, топоры. На место прибыли засветло. Евсей ещё раз пояснил, что хорошим указанием на то, что здесь может находиться золото, были перекаты с крупными валунами, разбросанными по линии от одного конца внутреннего изгиба реки до начала другого.

Добытчики жёлтого металла босиком прошли к внутреннему повороту старого русла реки, и каждый из них выбрал свои полузатопленные водой валуны. Андрей осторожно поднимал каждый совок лопаты и перебирал грунт руками. Пока ничего не попадалось.

Вдруг Евсей закричал:

– Смотри, Андрей, жёлтый кусочек!

Андрей на радостях побежал и увидел маленький еле заметный кусочек, который Евсей бережно положил в сумку. Он теперь понял, что на такую мелочь, он даже не обращал внимание. Пришлось возвращаться и перебирать песок снова.

Вскоре такие же маленькие еле заметные песчинки золота стали появляться и у него. Он бережно, по примеру Евсея, стал складывать их в свой мешочек. За первый день намыв золота был едва заметен, но всё же что-то прощупывалось в уголке мешочка.

Почти две недели трудились они на реке. Пётр за это время приобрёл опыт, стал более внимательно относиться ко всему, что попадалось, подбирая не только золото, но и красивые камешки. Евсей предупредил его о том, чтобы об этом месте он никому не рассказывал и чтобы следующую ходку он без него не делал.

Пётр возвращался к Василисе победителем, он теперь представлял себя более богатым и уверенным в себе человеком, чем прежде, отчего его любовь в жене становилась ещё сильнее.

Однако, золото надо было ещё продать или обменять, а это можно сделать было только у заезжих скупщиков. Правда, в Васильево-Шайтанский посёлок они не заезжали, зато в город прибывали постоянно. Пришлось вновь отъехать на неделю, и ему повезло, на рынке он быстро сбыл драгоценный металл, получил деньги и, чтобы не привлекать к себе внимания, скрылся от любопытных глаз.

Теперь он понял, что такие старательские поездки у него должны стать постоянными.

Два года неразлучно с Евсеем он каждый сезон отправлялся на реку за золотом. За это время они значительно разбогатели, каждый из них даже купил себе по лошади, что значительно облегчало их труд.

Тогда же в семье Андрея и Василисы случилось пополнение, у них родился мальчик, очень похожий на Василису. Назвали его Васильком.

Василий Андреевич рос крепким малышом, и родители искренне радовались пополнению семьи. Василиса же через год опять забеременела, пришлось рожать и третьего ребёнка. Опять родился мальчик. Василиса настояла, чтобы имя ему дали Андрей, в честь мужа.

– Это будет Андрей Андреевич, лучше не придумаешь, – говорила Василиса.

– Нам нужны мальчики, помощники и наша надежда, – говорил муж.

Тяжело Василисе было с тремя детьми, а особенно с двумя маленькими Васильком и Андреюшкой. Пётр, как мог, старался помогать маме, ходил в лавку за съестным, нянчил старшенького братца. Маленький Андрюша был ещё совсем грудным, и к нему мама разрешала только подойти и улыбнуться.

– Улыбка – это первое дело для маленьких детей, – поощряла мама хорошее настроение малышей.

Как же быстро бежит время. Подросли их маленькие детки, Васильку стукнуло шесть, Андрею пять, а Петру пошёл уже восемнадцатый год.

Детки росли, а мама грустила: нет помощницы у неё в доме. И вскоре у них родилась девочка.

– Пусть у нас в семье будет Василиса Вторая, – пошутил отец.

Что ещё надо для полного счастья: три мальчика и одна девочка. Пришлось и дом расширять, и хозяйство увеличивать.

Пётр возмужал, расправились его богатырские плечи, фигурой и лицом он стал всё более походить на атамана Рыжанко. Это понимали и Василиса, и Андрей.

Но говорить об этом самому Петру никто не решился, ведь своим отцом он считал Андрея, который однажды затеял с ним разговор о старательском деле.

– Не хочешь ли ты поехать со мной на речку, там такая красота, горы, вода, лес, рыбалка. Поучу тебя добычи золота. Там такие красивые камни попадаются на каждом шагу, подберёшь, подаришь братишкам, а особенно сестрёнка будет счастлива. Проведём там неделю и вернёмся домой, – осторожно завлекал его Андрей.

Пётр согласился, только сказав:

– Если мама отпустит.

А мама об этом давно сама просила мужа.

– Пора приучать Петра к делу. Поговори с ним, – не раз обращалась она к нему.

Пётр и сам давно уже хотел попросить Андрея взять его с собой на прииск, но ему было жалко маму, которой надо было помогать управляться с братиками и сестрёнкой.

Перед отъездом Пётр помог маме убрать весь дом, наносил на неделю воды, отнёс для стирки бельё на речку. Он ещё никогда

не отлучался на целую неделю, да и Василиса очень переживала о нём и просила Андрея:

– Дорогой мой муженёк, следи за Андреем, он ещё не приспособлен к тяжёлой работе.

– Ладно, могла бы мне и не говорить, я и так понимаю. Всё будет выполнено как можно лучше, он мне так же дорог, как и тебе. Не надо так волноваться, – отвечал тот.

Надо сказать, что старательское место Андрея и Евсея было уже хорошо обустроенным. На берегу реки был построен небольшой домик, где можно было отдохнуть, оставить снасти и инструменты.

В то время так поступали все копатели этой деревни, у которых было золотое правило, не вторгаться в пределы чужого прииска и, если это иногда случалось, то виновника искали сообща и потом его жестоко наказывали.

И вот в ранний летний час запрягли лошадь в телегу, и мужчины тронулись в путь.

По лесной каменистой дороге доехали до большого озера, на высоком берегу которого расположилась деревня Каменистая, где Андрей без труда нашёл дом Евсея.

Бородатый и огромного роста старик вышел из дома с сыном, тоже высоким юношей лет двадцати и сказал:

– Приятно видеть подмогу. Как звать малыша?

– Пётр, – как то неуверенно ответил юноша.

– Будем знакомы. Ростом с меня будет, ну что ж, будем трудиться вместе. А это мой сын Илларион. Думаю, подружитесь.

Они погрузили свой груз на телегу, забрались сами, и все вместе тронулись в путь.

В первый раз Пётр почувствовал настоящую свободу и желание находиться в этом бесконечно зелёном мире природы. Мимо медленно проплывали огромные вековые деревья, скалы, поросшие травой и кустарниками, над которыми возвышалось голубое небо с лёгкими облаками. Показалась полноводная и широкая река, вдоль которой пролегал узкая тропа. Она была видна не каждому путнику, а только не раз бывалому в этих краях и хорошо знакомому с этими местами.

Весь путь занял не более часа. Наконец, тропа увела старателей немного в сторону от реки, подняла их в гору, а затем опять опустила, приблизив к себе и распахнув широкие и низкие рукава.

Андрей остановил лошадь:

– Тпру-у-у!

Евсей своим густым и низким голосом сказал:

– Всё. Приехали. Дальше дороги нет.

Все сошли с телеги на землю. Распрягли лошадей. Евсей и Андрей, взяв своих лошадей под уздцы, по тропе стали спускаться к реке. За ними, взяв поклажу в руки, шли их сыновья. Вскоре показалась широкая дельта реки, открывшая перспективу виднеющихся вдалеке гор, из-за которых начало выглядывать рыжее солнце.

Такими Пётр горы видел впервые, потому что так рано и далеко ещё никогда не заходил.

Показался и дом, в который юноши занесли поклажу. Лошадей же поставили в построенные за домом сараи. После лёгкого завтрака примерно через час старатели разделились на две группы: Андрей и Пётр отправились к своим камням, а Евсей с Илларионом – к своим. Сразу же приступили к работе.

Андрей заметил, что в две лопаты стало работать значительно быстрее. Пётр загружал лоток песком, а Андрей промывал его и пропускал через решето.

В первом же лотке Пётр впервые увидел мокрые золотые песчинки и очень обрадовался. Через час работы их количество увеличилось. Андрей перетирал речной песок тщательно, не пропуская ничего. Теперь он знал, что песок, залегающий более глубоко, иногда приносит не только золотые песчинки, но и небольшие самородки, поэтому просил Петра копать глубже, несмотря на то, что вода сразу же заполняла вырытые ямы.

Пётр трудился без усталости, так что Андрей еле успевал промывать грунт. Солнце уже стояло над головой и хорошо припекало, но журчавшие ручейки воды возле камней создавали приятную прохладу.

Наступило время обязательного отдыха и обеда и, оставив инструменты на местах, они пошли в старательный домик. Вскоре туда прибыли и Евсей с сыном.

Так было заведено, что когда солнце становилось особенно жарким, все возвращались в домик для обеда и отдыха. Пётр ещё не почувствовал сильной усталости, но требование Андрея было для него законом. Правда, после обеда лечь спать он не стал, а пошёл к реке, чтобы полюбоваться прекрасными видами.

Когда он подходил к реке, то недалеко от того места, где они только что были, увидел медведя. Огромный зверь стоял в воде и усиленно смотрел на журчавшие струи воды. Вдруг он прыгнул, схватил большую рыбу и тут же стал есть. Медведь вёл себя настолько смело, что вовсе не обращал никакого внимания на смотревшего на него человека.

Пётр побежал обратно в дом и сообщил об этом Андрею, который предупредил его о том, что эти места опасные из-за хищных зверей, поэтому ходить одному по лесу не желательно. Здесь медведи ходят у себя дома и неизвестно, как они себя поведут.

– Эти места рыбные, и нам ещё предстоит заняться ловлей рыбы для своего вечернего ужина. Придётся прогонять медведя, если сам не уйдёт, – сказал Андрей.

Через два часа время отдыха закончилось, и вновь, как и прежде, мужчины разошлись по своим участкам. Медведь, услышав шорохи и разговоры людей, ретировался в лес.

Старатели провели на реке неделю и вернулись домой, довольные своей работой. Привезли и по полмешка свежей и сушёной рыбы.

С этого времени поездки Петра на реку за золотом и рыбой стали постоянными в течение всего сезона вплоть до октября месяца.

Глава 25

Пётр и Анна

Прошло два года. Однажды к старателям в гости прибыли младшие дети Евсея.

Шестнадцатилетний сын Антон привёз двух сестёр: пятнадцатилетнюю Анну и тринадцатилетнюю Ирину. Они давно просились побывать в домике на реке, но Евсей из-за малолетства не разрешал им этого делать. Антону, умевшему управляться лошадьми и хорошо знавшему дорогу на участок, на этот раз он приехать разрешил.

Дети появились в полдень, когда после работы все старатели пришли в дом отдыхать. Стало непривычно шумно от их веселого настроения, причём девочки щебетали громче всех. Инициативу

в разговорах всегда проявляла старшая сестра, которая и настояла на поездке к отцу.

Пётр в шутку, чтобы попугать её, рассказал ей о медведях. Но вместо испуга, она захотела это увидеть.

Девочки, не видевшие никогда медведя, просили показать его.

Анна засыпала Петра вопросами:

– Медведи очень большие? А как они ловят рыбу? Длинные ли у них лапы? А медвежата там были? – делая при этом такие вопросительные глаза, словно с огромным интересом ожидала ответа именно от него.

Когда на её вопросы отвечал Антон или Илларион, она делала равнодушный взгляд и вновь задавала их, глядя на Петра. Показывать места, где ходили медведи, пришлось их отцу.

Пётр пошёл вместе с ними и уже на берегу реки рассказывал о медведе, которого видел сам.

Девочки остались в доме и на ночлег. Они долго не могли уgomониться, на что Евсей строгим голосом сказал:

– Мужчины устали после работы, хотят спать. В доме должна быть тишина.

Пётр тоже не мог долго уснуть. А во сне он видел Анну, которая подходила к нему, брала его за руки и тянула к реке. Он повиновался её воли, и они сидели на берегу и любовались медведями, которые ловили рыбу и кормили ею своих маленьких медвежат. Он смотрел в её глаза и обнаружил, что они у неё слишком голубые и наклонился к ней очень близко, чтобы сказать:

– Аннушка, я чувствую, как твои глаза проникают мне в душу, достигая моего сердца.

С этой мыслью он проснулся.

Утром Антон увёз девочек домой в деревню, однако, синие глаза Анны так и остались волновать душу Петра.

По пути домой в конце старательской недели Пётр попросил отца заехать к Антону, где вновь увидел её, выскочившую им навстречу:

– Пётр, дядя Андрей, заходите к нам скорей, мама чаем с вареньем вас напоит, – возбуждённо сказала она.

Пришлось зайти в дом, где за столом Пётр не сводил с Анны глаз, а она, словно нарочно, села напротив него.

Так почти с первого взгляда полюбили друг друга Пётр и Анна. Вскоре он сказал своей маме Василисе:

– Нет у меня сил переживать о ней. Стоит она везде перед моими глазами и думать ни о чём больше не могу.

Василиса поняла, что настала пора ему заводить свою семью, о чём и рассказала Андрею.

– Буду говорить с Евсеем, хотя не знаю, как к нему и подобраться, ведь он считает Петра своим родственником. Анна – красивая девка, – ответил на это он.

В тот же вечер поговорил и с Петром:

– Что, запала девка на душу? А она-то согласна? – спросил он его.

– Да, просила присылать сватов, – был ответ.

Очередная старательская поездка была намечена через неделю.

Как обычно ранним утром Андрей и Пётр были уже в Каменистой, где их ждали Евсей и Илларион. Анна тоже как бы случайно выбежала, чтобы поприветствовать их.

Вся неделя прошла как обычно. В последний день по пути домой Андрей, отправив Петра на подводу к Иллариону, сам подошёл к дяде:

– Дядя Евсей, разговор есть. Пусть молодость прокатится отдельно.

– Хорошо. О чём разговор? – спросил тот.

Андрей прыгнул к нему на телегу, удобно уселся и не спеша начал издали разговор:

– Как ты считаешь, мой Пётр человек серьёзный?

– Да, конечно, хороший малый, трудолюбивый и серьёзный.

– А он похож на меня?

– Мне кажется, не очень.

– В его двадцать два года он кажется самостоятельным мужчиной?

– Да, конечно. Но что ты загадки мне строишь?

– Ну, хорошо, теперь перехожу к отгадкам. Полюбил он твою Анну, жить не может без неё. Требуется посылать сватов.

– Ты, что? Анна ещё не доросла до этого. Да и как я отдам её за близкого родственника, нам это делать ни совесть, ни церковь не велит.

И тогда Андрей рассказал всю историю рождения Петра, напомнил об атамане Рыжанко, о Василисе и её любви к нему.

Евсей, удивлённый его рассказом, подумал и спросил:

– А сам Пётр об этом знает?

– Нет, пока не знает, он считает меня своим отцом. Не знаю, надо ли ему об этом говорить?

Евсей задумался, а потом сказал:

– Да, историю ты мне подкинул. Парень то он хороший, лучшего зятя и не найти, но как я об этом скажу своей Катерине, да и Анне то же.

– Не знаю, но сватов мы к вам на следующей неделе засылаем. Парень с ума сходит. Да и Анна его любит. Ждите нас.

И вот, наступил этот день.

Семья Евсея уже ждала приезда гостей и, слышав приближение повозки с шумной кампанией, высыпала за ворота.

Приехали все: Андрей, Василиса и, конечно, дети.

Все были одеты по-праздничному: женщины красовались в расшитых узорных сарафанах с цветными шальями на головах, а мужчины щеголяли в косоворотках и блестящих сапогах.

На лужайке у дома стало необычно многолюдно и весело от перекликающихся между собой девичьих звонких и басистых юношеских голосов, а также приветствий взрослых женщин и мужчин.

Гостей позвали в дом.

Разговор начал Андрей:

– Вот ищем овечку, не заблудилась ли она у вас?

На что Евсей ответил:

– Да нет, у нас овечки только свои пасутся.

– Тогда, может у вас курочка найдётся, у нас петушок есть.

Нельзя ли их загнать в один хлевушок?

– Тесноват хлевушок, надо хлеба мешок.

– Но у нас ещё есть селезень, а у вас, я знаю, уточка, не породниться ли нам с утречка? – продолжил Андрей.

– А где ваш Селезень? – спросил Евсей.

– А где же уточка? – переспросил Андрей.

Одновременно с этими вопросами из двери вышли Пётр и Анна, которые, смущаясь, приблизились к краешку стола.

Андрей в руках нёс подарки: Екатерине Ивановне – красивую шаль, Евсею Петровичу – лисью шапку.

Дрожащим от смущения голосом он произнёс:

– Дядя Евсей и тётя Катя, примите от меня скромные подарки, – и передал их им в руки.

А потом продолжил:

– Я люблю Аннушку, и прошу вас разрешить ей стать мне невестой.

Евсей посмотрел на Анну и спросил:

– Доченька, а ты согласна?

Анна, потупив взор, кивнула головой и сказала:

– Да, я люблю Петра.

Тогда он задал второй вопрос Петру:

– А где же вы жить собираетесь?

На что тот ответил:

– Я хочу построить у вас в посёлке новый дом.

Спросила и Катерина Ивановна:

– Будешь ли ты, Петруша, помогать своей жене деток растить?

Пётр ответил:

– Я хочу, чтобы у нас было много детей, я их буду очень любить и всё сделаю, чтобы и Аннушка, и мои дети росли здоровыми и были счастливыми.

Родители с обеих сторон одобрили желание молодых людей.

За столом все разговоры свелись к подготовке к свадьбе, которая после недолгого обсуждения была назначена на начало октября в Покров день.

Незаметно пролетело время. Свадьба удалась на славу, в домах родителей, где она проходила, почти целую неделю царил обстановка веселия и радости.

Вскоре для молодых в селе Каменистом возвели новый большой дом, который и сейчас стоит в посёлке, отличаясь от других домов красотой узорной деревянной отделки.

В нём в спальне Анны на видном месте стоит её комод, в котором лежат многие свадебные предметы: платье невесты, венок, полотенца, скатерти и меха, утверждавших прочность семейных отношений всех поколений рода, настраивавших родственников на мысль о том, что браки, совершённые на земле и утверждаемые на небесах должны продолжаться всю жизнь.

Глава 26

Лесной полководец

Пётр и Анна стали моими родными дедушкой и бабушкой, прожившие совместную счастливую и долгую жизнь в этом новом доме.

У них народилось семеро детей, первым из которых был мой отец Петр Петрович, в шутку названный родителями Петром вторым, в отличие от Петра первого, его отца.

Новый дом, построенный моим дедом Петром первым, с каждым годом наполнялся всё новыми детскими голосами.

За десять первых лет их совместной жизни кроме Петра родилось ещё три мальчика – Андрей, Михаил и Василий, а также три девочки – Анечка, Татьяна и Надежда.

Подшло время, когда отправился на старательские работы и Пётр второй, незаметно превратившись из хрупкого юноши в широкоплечего и сильного мужчину.

Всё, наверное, пошло бы по старой старательской традиции и быть бы ему старателем ещё многие годы, если бы не одно обстоятельство.

Разнёсся слух, что где-то недалеко от посёлка было открыто крупное месторождение золотосодержащих песков. По деревням ходили агитаторы, говорившие о том, что золота там видимо-невидимо, что попадаются большие самородки и что там можно за короткое время разбогатеть.

Молодой Петр второй, не посоветовавшись с отцом и матерью и поддавшись на их уговоры, согласился в одиночку туда отправиться, чтобы посмотреть эту землю и на месте обо всём договориться.

Расспросив у агитаторов направление дороги, будучи уверенным в правильном курсе, взяв с собой небольшое количество припасов, он рано утром верхом на лошади двинулся в путь, рассчитывая вернуться обратно в этот же день.

Одного он не учёл, что вольный и необъятный уральский край никогда не прощает самоуверенных людей, не способных трезво оценивать свои возможности.

Пётр отправился вниз по течению реки, высокие берега которой с растущими на них соснами и лиственницами предвещали

приятное путешествие. Лёгкий бег коня с седоком скользил между стволами деревьев и, наверно, со стороны это выглядело очень картинно.

Пётр представлял себя лесным полководцем, лихо пересекавшим огромные расстояния за короткое время. Его солдатами были высокие и стройные деревья, выстроившиеся по обе стороны от проезжавшего мужественного и смелого юноши. Солнце светило ярко и просвечивалось рассыпавшимися лучиками сквозь высокие кроны деревьев. Солнечные пятна падали на золотистую кожуру смолистых стволов, казавшихся издалика светящимися столбиками, отдающими ему честь. Они направляли ход коня, успокаивали седока, притягивая к себе своей открытой красотой. Воздух был свежим, и вкусно пахло смолой.

Ох, этот уральский лес, как он возбуждает взоры неискушённых жизнью юношей. Пётр, продолжая свой восторженный путь к новым возможностям, вскоре увидел, что лес стал менять свои очертания. Местность стала понижаться, и кое-где появились останцы, отдельные невысокие скалы, покрытые зеленью. Они как привидения вдруг выскакивали то справа, то слева по ходу движения коня.

Вскоре низина стала переходить в топкое болото, которое пришлось обходить.

Пётр вспомнил, что гонцы-агитаторы предупреждали: на пути к прииску будут встречаться реки, и их надо будет пересекать вброд.

А болото становилось всё шире и шире. Пришлось опять взбираться на высокий берег, чтобы сверху осмотреть местность. Действительно, проскакав с полверсты, он увидел протекавшую среди широкого болота полноводную реку. Но как подступиться к самой воде? Так как через топкое болото подойти к ней было невозможно, пришлось проехать высоким берегом несколько вёрст до того места, где река входила в свои берега. Однако движение воды здесь было настолько быстрым, что брошенная в воду ветка моментально была подхвачена течением и унесена вниз.

Чувствуя в себе уверенность, Пётр принимает решение переправиться на противоположный берег, для чего, раздевшись, вошёл в воду. Неожиданно дно под ним оборвалось, он глотнул воды и закашлял, отчего потерял ориентацию. Быстрое течение оторвало его от берега и потащило к середине реки. Пётр приложил немало

усилий, чтобы выплыть на берег, но не оставил попытки продолжить свой путь.

Новоиспечённый полководец, привязав к себе одежду, сел на коня и направил его на другую сторону реки. Тот, чувствуя опасность воды, фыркнул и отвернулся, но наездник ударом ноги заставил его войти в неё.

Конь погрузился в воду и, управляемый Петром, поплыл. Достигнув середины реки, наездник увидел, что прямо на него с большой скоростью движется огромное ветвистое дерево, длинный ствол которого, неожиданно ушедший под воду, вдруг вырвался из глубины и обрушил на него сильный удар. Нижние кроны плывущего дерева зацепили и коня, увлекая его за собой. Они жестко прошлись по всему его телу, отчего тот взбрыкнулся. Это резкое движение помогло животному скинуть с себя крону дерева. Сознание Ивана на миг помутилось, но, слетев с коня, он сумел не упустить поводья из рук и закричать, заставляя того плыть к берегу. Наконец, середина реки была преодолена, скорость течения воды ослабло, и конь из последних сил продолжал держаться на воде. Наконец, ноги его соприкоснулись с дном, которое оказалось каменистым и ровным. Выйдя на берег, конь отряхнулся и тяжело дыша, упал на землю. Рядом с ним совсем обессиленным опустился и Пётр.

Отдышавшись, юноша приподнялся, но тут же упал обратно, схватившись левой рукой за правое плечо. Его обожгла сильная боль. По руке текла кровь, и он понял, что острый сук дерева, перевернутый сильным течением воды на середине реки, ранил его. Вспомнив об одежде, и, несмотря на боль, развязал её и мокрой рубашкой перевязал себе плечо. Кровь перестала течь только тогда, когда она толстым слоем запеклась под повязкой.

Когда сил прибавилось, Пётр встал, подошёл к коню и осмотрел его. Тело животного было всё поцарапано, по нему текла кровь, и ему показалось, что большие грустные глаза коня упрекали хозяина в безрассудном его поведении. Погладив рукой по рыжей морде, Пётр крепко прижался к нему и сказал:

– Прости, мой верный друг. Я виноват перед тобой. Правду говорят: то, что легко видится, непросто даётся.

Сознание того, что делать дальше, пришло не сразу.

Пётр задумался: возвращаться обратно или продолжить путь? Ему казалось, что полпути уже пройдено и вторую половинку

дороги пройти будет легче, и, взяв коня под уздцы, сам пешком продолжил путь уже по другую сторону реки. Пройдя несколько сот метров, он, почувствовав недомогание, осторожно, чтобы не причинить боль коню, взобрался на него и медленно поехал вдоль берега.

Через несколько вёрст на их пути вновь встретила глубокая и быстрая река, пробившая себе русло в основании каменистых скал. Переправляться на другой берег он уже не решился. Болело плечо, да и ссадины на теле коня вызывали у него ощущения своей вины перед ним.

Теперь он уже поехал наугад по берегу этой бурной реки в поисках более удачной переправы.

Через несколько вёрст ему встретила широкая тропа, ведущая к воде. Река в этом месте обмелела, но стала шире. Она несла своё быстрое течение среди камней, образовав пороги.

День клонился к вечеру, но куда двигаться дальше, он не знал. Посмотрев на небеса, он понял, что определиться с направлением движения он не может.

– Как же так, за целый день пути здесь не встретился ни один живой человек? Но если здесь есть тропа, значит, кто-то по ней ходит? – задавал он себе вопросы.

Он слез с коня, нашёл высокое сухое место недалеко от воды и решил остановиться. Ехать далее в неизвестность, чувствуя сильную боль в плече, да ещё в наступающую ночь не было смысла.

Пётр первым делом привязал коня к дереву, давая ему возможность пощипать травы, затем развесил на ветках свою мокрую одежду, набрал сухих сучьев и травы, встречавшихся под ногами, чтобы сделать себе постель.

Уснул сразу же. Однако, ночью почувствовал в себе жар и сильную боль в плече. Запёкшаяся кровь не давала возможности снять повязку, и он остаток ночи провёл в состоянии дремоты и ноющей боли.

К утру Пётр опять уснул, но вскоре проснулся. Раннее солнце распускало над горами свои красные лучи, отражавшиеся в быстром течении реки рубиновыми змейками.

Конь картинно смотрелся на фоне просвечивающихся лучиков сквозь зелень невысоких деревьев и кустов. Он стоял, гордо подняв свою красивую рыжую морду, поглядывая на своего хозяина.

Казалось, что в его больших глазах уже не было укора, они были добродушными и почти улыбались.

Пётр повернулся и вновь почувствовал боль в плече, всё его тело ныло и горело. Он с трудом поднялся и посмотрел на руку, вся повязка была в крови, и попытался снять её, но резкая боль пронзила тело, и всё пришлось оставить по-прежнему.

Боль утихла не сразу. Она отступала частями, погружая его с полудремотное состояние невесомости. Пётр снова уснул.

Проснулся от чьего-то прикосновения. Открыв глаза, он увидел огромные губы коня, дотронувшиеся до его щеки и оставившие влажный след на лице.

Перед его глазами голубело огромное небо. Лёгкие облака медленно проплывали по небу, словно звали за собой. Всё тело было горячим. Он понял, что серьёзно заболел, но оставаться надолго здесь в одиночку, означало, обречь себя на неизвестность, и он решил двигаться дальше.

Рассуждал он примерно так: большая тропа обязательно должна привести к какой-нибудь деревне, а там ему помогут, и он найдёт верную дорогу. Эта мысль о продолжении пути не покидала его.

Несмотря на боль в плече и ломоту в теле, Пётр поднялся, собрал в мешок одежду, взял коня под уздцы и вновь тронулся в путь. Пройдя по лесу пешком некоторое время, он решил ускорить ход и уселся на коня. Тропа сделала резкий поворот, из-за которого показались новые горы, просматриваемые вдалеке на открытом горизонте. Время было за полдень. Солнце светило ярко, и на предгорной равнине становилось жарко. Петру становилось всё хуже, но он понимал, что ему необходимо добраться хотя бы до подножия горы, надеясь, что там должны были жить люди.

Он приблизился к горам, но никакой деревни не обнаружил. Уставший и больной Пётр решил, что сделает привал возле следующей речки, хотя сил не было, и кружилась голова. Чувствуя, что он может упасть, слез с коня на землю, взял его под уздцы и, прилагая усилия, чтобы не поддаться болезни, шёл и шёл далее. Трудно сказать, кто кого вёл в этот момент, Пётр коня или наоборот. Наконец, чувствуя, что вот-вот упадёт, он остановился на высокой и чистой от камней лужайке, опустился на землю и потерял сознание.

Всего две версты не дошёл он до деревни, располагавшейся за следующим поворотом. Там жили староверы. Когда-то, спасаясь от

преследований царских властей, они несколькими семьями поселились в этом необжитом тогда людьми уральском краю.

В то время, когда Пётр лежал под кустом, старик Родион, отец многочисленной семьи, шёл по тропинке, зазывая домой свой скот.

Может быть, и прошёл бы он мимо Петра, но неожиданно заметил стоявшего на тропинке коня, который своим ржанием как бы звал его на помощь.

Увидев его, Родион подумал:

– Откуда такой красавец, да ещё и с седлом? Где же его хозяин? Здесь редко встречаются такие гости, хотя лучше с ними и не встречаться, – и хотел пойти прочь от греха подальше, но его удивило поведение животного, которое, стоя на месте, било копытом о землю, как бы просило у старика помощи.

Когда мужчина подошёл к нему, то по его грустным глазам понял, что что-то произошло. Конь, не отворачивая головы от взгляда старика, медленно побрёл в ту сторону, где лежал Пётр. Старик пошёл вслед за ним и вскоре увидел лежавшего без сознания мужчину. Теперь он понял, что умное животное не зря стояло у дороги.

Родион сходил в деревню и, приехав на подводе с сыновьями, отвёз больного к себе домой, где женщины осмотрели его воспалённое в испаринах полураздетое тело.

Вычистить грязную в густой крови рану было непросто. Рубаха, служившая повязкой, превратилась в единый гнойно-кровяной засохший покров. Когда её стали снимать, то от сильной боли больной открыл глаза, и, увидев над собой женщину, спросил:

– Где я, что со мной?

На что женщина ответила:

– Ты в хороших руках. Меня зовут Мария Петровна. Как тебя зовут?

Но он был очень слаб, кружилась голова, поэтому, ничего не ответив, снова закрыл глаза.

Почти две недели женщины боролись за жизнь Петра. Рана была серьёзной, сильно распухло плечо, а тело от сильного жара металось под одеялом и постоянно содрогалось от глухого кашля.

Мария Петровна вместе со своими дочерьми каждый час поочередно дежурили у его постели. Они готовили целебные мази, смазывая ими рану, меняли повязки, наводили чистоту на постели и в комнате.

Особенно хорошо это получалось у старшей дочери Надежды, которой Мария Петровна по утрам позволяла менять жаропонижающие капустные листья, протирать лицо больного мокрым полотенцем.

Первые два дня он находился в забытьи, но иногда открывал глаза. Перед ним как во мгле высвечивались лица женщин, ухаживавших за ним, глаза снова закрывались, не успев осознать значимость происходящего.

Молодой организм мужчины всё же сумел справиться с болезнью и на третий день он открыл глаза.

В этот момент у его постели находилась Надежда, поправлявшая края его постели. Она, увлечённая своим занятием, не заметила устремлённого на неё мужского взгляда.

Пётр же долго смотрел на молодую девушку, не совсем понимая, что с ним происходит.

Он совсем близко видел её глаза, полные губы, упругие ямочки на щеках, тонкие просвечивающиеся мочки на ушах, сбивавшиеся на лоб волосы.

Неожиданно он тихо произнёс:

– Где я, и кто ты?

Девушка отпрянула от постели и вскрикнула:

– Ой, живой!

А потом робко сказала:

– Я, Надя. Мы тут живём. Вам легче?

С этого диалога и началась новая жизнь Петра в этом доме.

Девушка сразу же выбежала из комнаты и позвала свою маму Марию Петровну. Вслед за ней вошли хозяин дома Родион Олегович и младшие дочери. Они окружили постель больного.

На вопрос Петра, кто они и как он здесь оказался, ответил хозяин дома:

– Мил человек, скажи вначале, как тебя зовут?

Когда Пётр назвал своё имя, Родион сказал:

– Петя, мы подобрали тебя у горы Высокой, ты был без сознания, очень сильно поранился и простудился. Слава Богу, ты выжил, и мы очень этому рады. Бог видел, как мы этого желали, он внял нашим просьбам и спас тебя. Сразу скажу, что мы староверы, и в беде тебя не бросим. Меня зовут Родион Олегович, мою жену Мария Петровна, а моих дочерей Надя, Аня и Вера. С нами ещё нет моих сыновей Ивана, Павла и Николая, которые привезли тебя в наш дом.

Родион Петрович задал Петру вопрос, кто он и откуда, но Надежда, увидев, что Пётр сильно побледнел и лоб его весь покрылся испаринами пота, сказала:

– Батюшка, Петру ещё трудно говорить, пусть он отдыхает.

Все сразу ушли из комнаты, и сама она вышла, но тут же возвратившись, увидела, что уставленные в одну точку глаза Петра были открыты и полны слёз.

Увидев вновь девушку, молодой человек улыбнулся и слабым голосом произнёс:

– Девушка, спасибо всей вашей семье за то, что спасли меня от смерти. А где мой Петруша?

Девушка засмушалась. Она спросила, кто такой Петруша, и на его ответ, что это его конь, расхохоталась.

– Петруша, красавец, накормлен и стоит в хлеву, ждёт тебя. С ним всё в порядке, – ответила Надя.

– Лицо у него такое приятное, – подумала она про себя.

– Петя, у вас раздроблена плечевая кость. Вы метались и бредили, звали к себе маму. Мы очень боялись за ваше здоровье. Вся деревня молилась за ваше выздоровление. Моя мама сделала всё, чтобы вам стало лучше, и все мы по очереди находились у постели, – сказала она.

А потом он стал рассказывать ей об истории своего похода и благодарил судьбу за то, что она свела его с такими замечательными людьми. Он смотрел на девушку с невероятным чувством благодарности к ней и подумал о том, что, наверное, она не случайно стала его спасением, ведь в её имени заключался великий жизненный смысл.

Она тоже с интересом смотрела на молодого человека, понимая, что ей представился случай участвовать в спасении молодого человека, который ей нравится.

В тот день она ушла от больного только тогда, когда глаза его стали смыкаться сами по себе.

С этого вечера каждый день Петра наполнялся смыслом встреч с девушкой, что придавало ему дополнительные силы и уверенность в борьбе с болезнью.

Прошло ещё несколько дней, прежде чем решиться ему встать с постели. В тот момент, когда, пересиливая боль в плече, больной пытался подняться, в комнату, чтобы справиться о его здоровье, вошла Надя.

Увидев его напряжённое лицо, она подбежала и протянула ему свою руку, за которую и ухватился молодой человек. Он сел на диван, но, не успев подняться, голова у него закружилась. Молодой человек пошатнулся и невольно схватился за Надю, которая тоже случайно обняла его обеими руками, прижав к себе, а потом медленно опустила на кровать.

И всё же он научился вставать без помощи девушки и даже стал вскоре самостоятельно ненадолго выходить во двор.

Узнав, что Пётр пошёл на поправку, чаще стал заходить к нему и Родион Олегович, который хотя и добродушными глазами, но всё же смотрел на него оценивающим взглядом.

Настало время, когда он вместе с Надеждой посетил и своего коня. Прислонив к нему свою голову, Пётр расплакался. Надя смотрела на них и тоже не удержалась от слёз.

Больному вскоре разрешили прогуливаться по всем хоромам. Он удивлялся аккуратно разложенным на чистый пол возле каждой кровати оленьим шкурам и порядку расставленных предметов быта, заметив, что деревянная просторная изба была окрашена изнутри в яркие цвета.

Он обратил внимание и на то, что литые из меди иконы, висевшие в переднем правом углу, были закрыты шторкой. Пётр любил наблюдать, как молился хозяин дома, как он не спеша открывал шторку, зажигал лампадку, а потом подкладывал под себя квадратный коврик, изготовленный из лоскутков неярких тонов, и на коленях долго вслух на распев читал молитву.

Однажды Родион Олегович привёл в свой дом человека лет сорока по имени Селиверст. Этот бородач высокого роста в цветной косоворотке и пронзительными голубыми глазами представлялся начётником и приглашённым учителем.

Хозяин дома называл его святым человеком, умевшим читать книги, а также просто и интересно объяснять смысл его веры. Он пользовался особым уважением во всей деревне, где чтение книг считалось духовным подвигом. Селиверст всегда носил с собой Псалтырь и Часословец, священные для старообрядцев книги.

Под личным наблюдением начётника, Пётр впервые взял Псалтырь и аккуратно принялся его листать. Книга была хоть и небольшой, но со многими цветными картинками и рисунками в виде стройных и непрерывно вьющихся стеблей, листьев, шишечек, бутонов и цветов.

Буквы же казались ему подвижными, размашистыми, со многими нижними и верхними точками и удлинениями. Селивёрст пояснил, что в книге собраны ветхозаветные псалмы, молитвы, благодарственные и поучительные духовные песни, возносящие хвалу Богу.

Подержав Псалтырь в руках, Петру показалось, что руки его стали тёплыми, словно какая-то сила, идущая от книги, направила на него поток невидимой энергии.

Когда Пётр держал книгу в своих руках, то Селиверст внимательно наблюдал за ним, понимая, как тому хочется узнать смысл написанных в ней текстов.

– По этой книге мы учим наших детей любить жизнь, – сказал он.

А Пётр подумал о том, как бы ему самому научиться читать их, о чём хотел сейчас же поведать учителю, но постеснялся, решив перенести свою просьбу на последующее время.

После этой встречи Селиверст долго не появлялся, однако, в последние дни пребывания Петра в доме Родиона Олеговича он явился вновь.

Оказалось, что за это время учитель совершил поездку на Алтай в поисках загадочной страны Беловодья, и, хотя её не нашёл, но рассказывал о ней с уверенностью, что она существует.

Он говорил, что староверы, испытавшие на себе ужасы жестокого изгнания из обжитых когда-то мест, ищут для себя такое священное место, где обитают кроткие и справедливые люди, обладающие уникальными знаниями.

– На поиски этой Страны Счастья староверы шли целыми семьями, некоторые пропадали, а тот, кто возвращался, рассказывал, что попасть в Беловодье могут только чистые и праведные духом люди. Были и такие, которые подходили совсем близко к Заповедной Стране и даже слышали колокольный звон, крики петухов, мычание коров, но из-за напущенного кем-то синего тумана, пройти далее не смогли оттого, что не были позваны в этот мир счастья. А позванные могут быть только люди, отстаивавшие древнюю истинную веру, – воодушевлённо рассказывал Селиверст.

Потом он замолчал, взял в руки Псалтырь и, показывая его Петру, продолжил:

– Нас, староверов, преследовали, объявили вне закона, лишили всех прав, но мы живем и будем жить только по своим правилам и порядкам. Мы носим бороду и длинные волосы на голове, потому

что они дарованы человеку Небесными Богами и Матерью Природой.

Пётр слушал Селивёрста и верил всему тому, о чём он говорил, а особенно в существовании священного места, находившегося за великими озёрами, за горами высокими, где процветает справедливость, живёт высшее знание и мудрость во имя спасения всего будущего человечества.

И тогда же он попросил учителя научить его грамоте, а, получив согласие, с радостью рассказал об этом Надежде.

Настало время, когда дни, невольно проведённые им в этом приветливом доме, заканчивались. Родион Олегович, приглашая Петра приезжать к ним, подробно рассказал об обратной дороге и, как оказалось, этот путь к дому был далеко не таким запутанным, каким создал его себе Пётр.

Прощание было трогательным. Все члены семьи были к нему очень благосклонны, и он сам был взволнован своим отъездом.

И вот он уже снова в пути. На этот раз не нужно было пересекать вброд опасную реку, и дорога заняла всего несколько часов. К полудню он уже входил в родной дом, где бабушка Василиса и мама Анна, увидев живого Петра, на миг замерли, а потом кинулись ему навстречу.

Мать, обнимая сына, так плакала, что в первые минуты встречи не могла произнести ни слова. Рядом стоявшая бабушка Василиса, также плача, спросила его:

– Где же ты пропадал столько времени, ведь мы все изошли слезами, думая о тебе? Посмотри, что стало с мамой. Папа объездил в поисках тебя все соседние посёлки.

Потом и мама, немного успокоившись, тоже стала задавать свои вопросы:

– Почему же ты никого не предупредил об отъезде? Да и где же ты был?

Когда все сели, Пётр подробно рассказал им обо всём, что с ним произошло.

С этого времени его жизнь разделилась надвое. Одну неделю он отправлялся с отцом на старательство, вторую неделю отъезжал в дом Родиона Олеговича, где учился грамоте. Не последним было и желание видиться с Надеждой.

Однажды в дом Родиона Олеговича Селиверст привёл приехавшего из Петербурга учёного – геолога Петра Львовича

Брусницина, знакомство с которым полностью перевернуло жизнь Петра. Он заболел геодезией, а беседы с учёным взбудоражили его мозг настолько, что он, отказавшись от старательства, решил отправиться вместе с ним в экспедицию.

С этого момента началась его новая неизведанная им жизнь геолога.

Вместе со своим учителем он два года посвятил изучению положений береговых линий Южного Урала, определяя периоды развития земли с целью составления геологических карт. Пётр стал размышлять как учёный, научившись систематизировать сведения и создавать геологические реконструкции земли.

Они настолько сдружились, что в одной из бесед Пётр Львович поведал Петру историю своей жизни. Оказалось, что он был сыном известного горного инженера Льва Ивановича Брусницына, открывшего на Урале золотые прииски.

О своём отце он вспоминал с большой теплотой, рассказывая, как он и другие его братья, каждый раз после возвращения из экспедиций встречали его.

В памяти так и осталась запечатлённой эта картинка, когда пятеро детей вслед за своей мамой Настасьей Филипповной выбегали на улицу встречать его. Мама кидалась ему на шею, а дети облепляли его вокруг, почти вися на нём, так, что он с трудом входил в дом.

Потом уже в доме отец брал каждого ребёнка на руки, целовал и высоко поднимал, говоря при этом:

– О, моя драгоценность! Как я рад тебя видеть! – а потом, опустив на землю добавлял:

– А это тебе подарочек, – и вручал вначале конфеты, а потом какой-нибудь цветной камешек.

Пётр Львович был самым маленьким ребёнком в семье и обычно ждал своей очереди последним. Так было заведено.

Отец нежно целовал его, поднимал выше всех и произносил слова:

– Почтение тебе, маленькое моё чудо.

Дети сами придумали игру с камнями, которых у мальчишек тогда собралось очень много, и каждый ребёнок держал их в своём укромном месте, доставая только во время ребячьих игр. Мальчишки любили выкладывать длинные цепочки из камешков по принадлежности их к различным оттенкам цветов. Отец знал это

пристрастие детей к «камешковым играм», и всячески поддерживал их, привозя из экспедиций всё новые и новые заветные камешки.

К сожалению, он трагически погиб. В дождь и сильный ветер Лев Иванович поднялся на самый край горы, который неожиданно рухнул вместе с ним вниз. Его подобрала стоявшие внизу рабочие, видевшие, как вместе с огромными камнями, падал и он. Долгое время там, на высоте, среди диких скал, находилась его единственная могила. Позже по просьбе родственников его перезахоронили на кладбище, но памятник на высоте, говорят, так и остался стоять. Мама же попросила начальство перевезти её и детей в Петербург.

Вот такая история. А камешки, рассказы об Урале, сама его жизнь были восприняты детьми как начало их пути в геологию.

Знакомство с Петром Львовичем неожиданно круто изменило и это положение Петра Петровича.

Дело в том, что в Екатеринбурге в то время открывалось горное училище для молодых людей, желавших совершенствоваться в области геологии и Петру Львовичу, как наиболее способному и опытному горному инженеру, предложили занять должность директора в нём. Узнав об этом, Пётр напросился быть в числе первых его учеников. Вскоре Пётр Львович отъехал в Екатеринбург, пообещав Петру, когда вернётся, забрать его с собой.

Возвратился он в дом Родиона Олеговича месяца через два и, дождавшись Петра, который появлялся там регулярно, предложил немедленно отправиться с ним для дальнейшей учёбы. Всё было бы прекрасно, если бы не появились новые обстоятельства. Намечалась свадьба Петра с Надеждой, так как отношения между ними приблизились к тому моменту, когда любовь достигла своей вершины.

Пётр сообщил своей невесте о решении поехать учиться в Екатеринбург, но Надежда забеспокоилась.

Тогда Пётр Львович, наблюдавший за их напряжённой беседой, проявил чудеса дипломатии, убедив Надежду в необходимости такого решения. Он объяснил ей, что появился отличный момент получить прекрасное образование, ведь другого такого случая может в жизни и не встретиться.

– У Петра есть большая тяга к учёбе, и, если он окончит это училище, а я в этом не сомневаюсь, у него будет хорошая специальность. Я делаю это и для тебя, Наденька, чтобы ваша будущая семья жила в почёте и достатке. Отпусти его, а он пусть даст при

мне тебе слово в том, что свадьба ваша состоится сразу после получения диплома. И меня не забудьте пригласить. Счастливая судьба возникает не сразу: отступишь – потеряешь, преодолеешь – победишь, – так говорил Пётр Львович, и этим словам поверила она.

Вскоре мужчины уехали в Екатеринбург, где Пётр, не жалея сил, осваивал предметы. Хорошо, что он познал грамоту заранее, умея читать и считать, обладая познаниями в области геологических предметов.

Незаметно пролетел год учёбы, и наступил день вручения ученикам аттестатов. Тогда в самом большом классе училища собрались все преподаватели и ученики, говорившие тёплые слова об училище, его директоре, преподавателях и учениках. Вручал аттестаты сам директор, крепко пожимая руки ученикам сам. Пётр в свой адрес тоже дождался лестных слов. Кроме аттестата ему выдали также похвальную грамоту с направлением учиться дальше в горный институт.

Теперь перед Петром встала новая задача, показавшаяся ему неразрешимой, как совместить будущую семейную жизнь с предстоящей новой учёбой в институте. С такими мыслями отъезжал он к своей невесте, чтобы, наконец, соединиться с ней единой семьёй.

Глава 27

Пётр и Надежда

Свадьбу праздновали со всем размахом, первую часть которой провели в посёлке Каменистое, в доме, где Пётр родился, где прошли его детские и юношеские годы, откуда он отправился в своё первое путешествие, неожиданно ставшее для него путёвкой в жизнь. На этом настояли родители жениха. На ней собрались все родственники. Приехала из Васильево-Шайтанского посёлка бабушка Петра Василиса со своим мужем Андреем. Они значительно постарели, но держались бодро.

Их дети, дядя Василёк, дядя Андрей и тётя Василиса, жившие отдельно от них, тоже приехали со своими детьми и даже внуками.

Приехали на свадьбу и родители Анны, дедушка Евсей и бабушка Катерина Петровна со своим семейством. Бородатый сын Илларион и усатый Антон важно выхаживали возле дома, а их дочери-красавицы Анна и Ирина сновали возле жениха, давая ему какие-то последние советы.

Все ждали прибытия невесты со своей свитой. Вскоре показались и они на быстрых конях с бричками, которые с ветерком везли долгожданных гостей. Наконец, родственники увидели невесту, сидевшую впереди в красном платье с белой накидкой на голове.

Когда кони остановились, Пётр подбежал к Надежде и помог ей спуститься за землю.

За ней вышли и её родители: отец Родион Олегович, мама Мария Петровна и многочисленные их дети, внуки и внучки. Вместе с ними были Петр Львович и Селиверст, тоже явившиеся поздравить молодых.

Впервые собралась здесь такая большая семья во главе с бабушкой Василисой. Младшее поколение не в силах сдерживать свои эмоции выражало друг другу шумные дружеские и родственные чувства, а путаница имён часто переходила в дружный и громкий хохот.

– Анны, сколько вас, вперёд выходите! – шутил сын Евсея, Антон.

Вышли три молоденькие Анны.

Антон не унимался, указывая на старших женщин:

– А вон Анна Евсеевна и ещё Анна Родионовна.

Так высчитывались и другие имена. Кроме шести Анн, набралось пять Петров, четыре Андрея, три Ивана, два Николая, по две Василисы и Веры. По одному имени оказались у Евсея и Катерины, Родиона и Марии. Надежда тоже оказалась в единственном числе.

Три дня продолжалась свадьба у жениха, самая знаменитая свадьба посёлка. На четвёртый день все гости отъехали в дом невесты, где состоялось венчание в старообрядческой церкви.

После свадьбы весь медовый месяц Пётр и Надежда жили беззаботной жизнью в доме невесты.

В это время Пётр Львович получил согласие своего брата Николая, жившего в Петербурге, на учёбу в горном институте, где тот работал, и на проживание Петра в его квартире, и, прибыв в Уралочку, стал уговаривать Надежду отпустить Петра учиться

дальше. Однако, видя, как неохотно жена отзывалась на это, предложил ей тоже поехать в Санкт-Петербург, и она согласилась.

Такого события в истории их родни ещё не было, и за молодых переживала вся родня.

– Как будете жить без родительского совета? – спрашивал Родион Олегович у Петра.

Ему вторила прабабушка Василиса:

– Буду Богу за вас молиться, авось не пропадёте.

Им отвечал Пётр Львович:

– Родители мои дорогие! Вот я же не пропал, уехав из столицы и найдя в вас добрых и любимых людей. И Пётр с Наденькой найдут в Петербурге хороших друзей.

Сами же молодожёны нисколько не были озабочены ни предстоящей дорогой, ни новыми обстоятельствами их будущей столичной жизни.

Нагруженные всяческими съестными припасами Пётр Львович вскоре увёз семейную пару в Екатеринбург, проводив их оттуда на поезд, на котором они и доехали до Петербурга.

Поезд остановился на станции Обухово. Моросил мелкий дождик. Пётр и Анна вышли из вагона, раздумывая как дальше добраться до адресата. Неожиданно к ним подошёл человек, сообщивший, что Николай Львович прислал за ними извозчика.

Николай Львович и Лариса Игнатьевна, хозяйка квартиры, встретили молодую пару по-дружески тепло со словами:

– Вот таких молодых и красивых людей мы и ожидали увидеть, проходите, проходите, не стесняйтесь. Всё для вас в нашем доме.

Им сразу же выделили отдельную комнату, в которую и занесли всю их поклажу.

Пётр, осматривая обстановку комнаты, отметил, как она отличалась от простого домашнего уральского быта своими кожаными диванами, резными комодами с золочёными орнаментами, мягкими округлой формы стульями и обилием фарфоровой посуды.

Тонкие балетные статуэтки стала рассматривать и Надежда. Это было увлечением Ларисы Игнатьевны, бывшей в прошлом балериной.

Позже, собравшись все вместе за столом, Николай Львович задавал молодым вопросы об Урале, их родителях, о горном училище и его директоре, о жизни его родного брата Петра Львовича.

Сам же Пётр, отвечая ему, робко пытался задать вопросы о своём поступлении на учёбу, на что Николай Львович махнул рукой и сказал:

– Не переживайте, мой дорогой. С вашими талантами нам ничего не страшно.

Уже на следующий день они пешком отправились в институт, где Николай Петрович служил профессором.

Дождь закончился ещё ночью, поэтому умытые гранитные набережные казались свежими и особенно нарядными.

Подойдя к зданию горного института, профессор остановился и, указав на белую колоннаду, украшавшую главный его фасад, гордо сказал:

– Это и есть цель нашего прибытия, вот он, наш красавец.

Через несколько дней Пётр стал студентом. Всё оказалось так просто, профессора задали ему несколько вопросов об Урале, посмотрели похвальную грамоту и выслушали одобрительное слово Николая Львовича.

Ещё через несколько дней начались занятия, проходившие в небольшой пристройке к основному зданию, на среднем этаже которой находились просторные аудитории для пяти классов.

Петру выдали мундир тёмно-зелёного цвета с эмблемой перекрещенных молоточков.

Когда он впервые появился в мундире дома, Надя и Лариса Игнатьевна ахнули.

– Настоящий горный инженер, красавец, – воскликнула хозяйка дома.

– Какой ты у меня необычный, – произнесла Надя.

Пётр засмутился, не зная, что ответить на эти слова. Он просто крепче прижал к себе Надежду и мило посмотрел на Ларису Игнатьевну.

– Молодой человек, вы теперь настоящий студент Горного института. Я желаю вам больших успехов, – произнёс Николай Львович.

Так начались студенческие дни уральского парня в самом престижном столичном горном учебном заведении.

Дни пролетали за днями, и своей учёбе он отдавался полностью, с большим желанием посещая лекции и не забывая писать тёплые письма родным и своему наставнику и учителю Петру Львовичу.

В одном из писем, студент сообщал ему об одном из профессоров института, которым тот восхищался.

– «Когда вы рассказывали о нём, то он представлялся мне великаном, хотя оказался человеком небольшого роста, полноватым и седым. Вот только живые чёрные глаза и энергия мысли отличали его от других преподавателей. В класс он всегда входил с кипой книг, свёртков карт и чертежей и был необычайно общителен в своей готовности делиться мыслями», – писал он.

Надежда Родионовна тоже быстро освоилась в новых условиях и приятно проводила время в обществе Ларисы Игнатьевны, хотя однажды попросила Николая Львовича сводить её в музей института. Ей захотелось быть сопричастной к занятиям мужа и увидеть то, что для мужчин уже не было удивлением.

Посещение музея института осталось у неё в памяти как праздник. Камни, добытые на её родине и выставленные там, мысленно переносили её в отчий дом, где она собирала их прямо под ногами, не думая, что ими можно восхищаться и что они могут нести с собой столько загадок. Они открыли ей здесь в столице свою душу.

И всё же, как женщина, она тянулась к хозяйке с её мягкими манерами поведения, перенимая их незаметно для себя.

Лариса Игнатьевна обожала балет, где процветала романтика любви, грациозность и красота танцев, выдуманная жизнь влюбленных принцев, томных царевен, благодетельных фей, великодушных королей, волшебников, зачарованных лебедей, воздушных сильфид, лесных нимф. Обо всём этом необычном мире она с большим интересом рассказывала Надежде, а иногда, не в силах сдерживать свои эмоции, показывала, как танцуют они под красивые мелодии.

Слыша каждодневные её рассказы о балете, Надежда и сама уже стала интересоваться этой жизнью и просила сводить её в театр.

Бывшая балерина, понимая, что молодая девушка из далёкого уральского села никогда не видевшая балетного действия с трудом поймёт чужеземные спектакли, предложила ей пойти на сказочный балет «Золушка».

И вот они уже в театре, где зачарованные красотой зала, блестящими одеждами женщин и мужчин, всей необычной обстановкой молча сели на указанные места. Вскоре погас свет, открылся

занавес, и на сцене началось действие. Надежда переживала за Золушку, которую обижали мачеха и её сводные сёстры Злюка и Кривляка, танцевавшие в богатом доме.

Пётр, сидя рядом с женой, чувствовал, как менялось её настроение в течение всего спектакля. Он же для себя отметил и то, что в отличие от его жены ни Николай Петрович, ни Лариса Игнатьевна особых переживаний из-за действий на сцене не проявляли.

И всё же посещение театра ещё более сблизили Ларису Игнатьевну и Надежду, а однажды сентиментальная хозяйка не удержалась и рассказала ей о своём первом знакомстве с Николаем Львовичем, ухаживания которого, а потом предложение ей руки и сердца она помнила до мелочей. Тогда ей было только девятнадцать лет, и Николай Львович удивил её своим необычным ухаживанием. Несколько месяцев подряд за кулисами сцены от его имени неизвестные люди передавали ей большие букеты цветов, а в белую ночь после спектакля на берегу Невы он попросил её руки. Они прожили в любви и уважении друг к другу четверть века. Одно лишь тревожило их, у них не было детей.

– Кто виноват в этом, я не знаю, но знаю, что и у Петра Львовича тоже их нет, – намекала она на бесплодность их рода.

Надежда ещё не знала тогда, что очень скоро и её мысли тоже будут посвящены ребёнку. Этим ребёнком оказался я, названный моими родителями Владимиром.

Мне было два года, когда, окончив горный институт, отец перевёз нас с мамой в Екатеринбург, где Пётр Львович Брусницын в его училище предоставил ему место преподавателя.

Жили мы в доме директора, где говорили только о камнях, и я с самых малых лет начал собирать их. Когда родители сажали свой огород, отведённый им за зданием училища, то вместо картошки я собирал камешки, складывая их в старый сундук, стоявший в доме. Родители, а особенно отец, всячески приветствовали такое моё занятие, надеясь приобщить меня к горному делу.

Этим занятием я увлекался и тогда, когда родители отправляли меня на лето в деревни к бабушкам и дедушкам.

Пока жива была бабушка Василиса, которая меня очень любила, я больше всего бывал у неё в посёлке Васильево-Шайтанском. Там я понял, что камень может иметь как спасительное, так и трагическое предназначение.

Моим любимым местом для игр была высокая и раскидистая яблоня, посаженная Василисой много лет назад, под которой я собрал много разных камней, выкладывая их на земле разными фигурами. Я любил забираться на неё, хотя мне этого не разрешалось делать.

И вот однажды, забравшись, я не удержался и с высоты с грохотом свалился вниз прямо на свои камни, разбив нос и сильно поранив руку. Шрам от этого падения так и остался со мной, таково было естественное наказание за моё непослушание. Жаловаться я не стал, понимая, что виноват сам, и с размазанным в кровь лицом явился в дом.

Бабушка, вскинув руки кверху, от неожиданности вскрикнула:

– Валадичек, – так она меня называла, – что с тобой случилось? У тебя же кровь, – и, положив меня на диван, стала протирать мокрым полотенцем моё лицо и руки.

Закончив эту процедуру и остановив кровавые подтёки, она успокоилась и сказала:

– Я догадалась, где ты был. На яблоньке. Ведь я же тебе говорила, что на неё лазить нельзя. Она ведь такая же живая, как и мы с тобой. Если ей сделать больно, то непослушным детям она тоже делает больно, а послушных – защищает.

И для моего спокойствия стала рассказывать мне сказку про волшебных гусей – лебедей, пожелавших украсть и унести с собой непослушного мальчика.

Я слушал её голос, и это представление медленно переходило в сон, где живая яблонька разговаривала со мной человеческим голосом, над которой летали страшные гуси с длинными шеями и широко раскрытыми клювами. Ощущение защищённости усиливалось добротой бабушкиного чувства, разливавшегося почти осязаемой теплотой по всему телу.

Несколько лет позднее, собранные мною камни сыграли со мной и другую злую шутку. Когда мне исполнилось уже десять лет, я по-прежнему проводил время под яблоней, пряча там свои детские тайны. Там я хранил рогатку, выменянную у соседского мальчика за два крупных яблока, сорванных на дереве.

Моё новое развлечение состояло в том, чтобы находить цель и стрелять по ней из рогатки специально для этого заготовленными камешками. В этот раз рогатка помимо моей воли спровоцировала меня на жестокий поступок, запомнившийся на всю жизнь.

Находясь под деревом, я увидел воробья, севшего на ветке. Моментально сработала реакция – выстрелить. Прицелившись, выпустил камень в его сторону. Воробей упал прямо мне в руки и, недолго потрепыхавшись, умер. Я пытался слюной спасти ему жизнь, подставляя его клювик к своему рту, но всё было напрасно. И в эту самую минуту надо мной закружилось много других воробьёв. И тогда я понял, что сотворил чудовищное преступление, лишив вольную птицу жизни и принеся страдание его летающим родителям. Слезы хлынули ручьём из моих глаз, а горло наполнилось рыданием. Мне долго не удавалось успокоиться и, трясаясь от ужаса впервые увиденной смерти, забился в траву. Лежал и думал, что скажет прапрабабушка. Лежал долго, пока Василиса не нашла меня в траве. Сквозь слёзы я рассказал ей о случившемся, и она, выслушав меня, сказала:

– Владичек, ты, конечно, совершил плохой поступок. Птичка родилась, чтобы петь и своим голосом радовать нас, она приносила бы нам свет небес, будила бы нас рано утром, но теперь она умерла. Ты должен искупить свою вину перед плачущими птицами, для чего должен сам уничтожить своё оружие и никогда не брать его больше в руки. Воробышка надо похоронить в земле, и, может быть, птицы, увидевшие всё это, простят тебя.

После этих слов я готов был сделать всё, что угодно бабушке: сломал и выбросил рогатку, похоронил воробышка в землю и виноватым возвратился домой.

Эта воробьиная смерть была словно предзнаменование других потерь в нашей семье.

В этом же году погиб другой внук Василисы Андрей, отправленный на фронт во время Первой Мировой войны. Печаль бабушки была безмерной, отчего через год умерла и она сама, собрав в день своих похорон всех своих родственников. Все любили её, потому что до конца жизни от неё исходила сила разумного слова, оставившая и во мне на всю жизнь глубокий след. Похоронили её на местном кладбище рядом с мужем Андреем, скончавшемся несколькими годами ранее. Позже над их общей могилой был установлен большой деревянный крест. Не знаю почему, но больше в этот посёлок родители меня не привозили, хотя у других своих родственников мы со своей сестрой бывали часто. Особенно мне нравилось бывать в деревне Каменистой, на родине моей бабушки Анны. Нравилось потому, что мои родичи возили меня на их

заимку, стоявшую на реке Неизвестной. Бывали мы и в деревне Уралочка, где шла тихая размеренная жизнь дедушки Родиона Олеговича и бабушки Марии Петровны. Это была крепкая большая старообрядческая семья, где все жили одной молитвенной жизнью, крепя хозяйство упорной работой. Дома у них были обширные с крепкими сараями, амбарами, погребами да огородами.

Глава 28

Перед природой гор я постигал свою слабость

Камни так и остались главной страницей моей жизни, и, насколько я себя помню, названия их вошли в меня с молоком матери. По всей видимости, потому, что о них говорили все взрослые, причём именуя их то по-научному сложно, то по-простому образно. Вместе с ними тогда я как бы отправлялся в путешествие по сказочно-красивой стране гор.

Помню, как каждую субботу у директора горного училища собирались гости, преподаватели и учёные, приходившие по вечерам, чтобы обсудить новинки горных открытий, да и просто поговорить на разные темы. Иногда на эти собрания отец брал и меня, и я, мальчишка, спрятавшись в углу дивана, с каким-то благоговением слушал этих загадочных людей, пришедших из лабораторий, полных камней, стаканов, колб, банок с солями, жидкостей, в которых я тоже иногда бывал. И хотя они говорили часто о непонятных мне предметах, но я слушал, дожидаясь того момента, когда станет говорить директор училища Пётр Львович, белая борода, пронизательные глаза и медленный вдумчивый голос которого мне нравились. Я с нетерпением ждал момента, когда все остальные взрослые мужчины, а это была чисто мужская кампания, вдруг умолкали, и наступала тишина. Это была особенная тишина, в которой лица людей уважительно поворачивались в его сторону, а глаза вытягивались, впитывая исходившую от него энергию.

И через много лет мне запомнилась его мысль, которую он однажды высказал в ответ на какую-то реплику моего отца. Только потом мне стал понятен её смысл, сводящийся к тому, что кристаллы в камнях являются сложными геометрическими построениями

из атомов и ионов, в которых бурлила особенная жизнь. Он говорил об атоме с его малюсеньким ядром и вращавшимися вокруг него спутниками – электронами так, что мне представлялись они круглыми цветными шариками, носящимися друг за другом с огромной скоростью.

В детстве я, по всей видимости, был любознательным ребёнком. Мою любознательность всячески поддерживал отец, который при каждом удобном случае в моём присутствии, задевая самолюбие моей мамы, спрашивал:

– Надежда, моя дорогая жена, ответь нам с сыном на вопрос, большая ли разница между любознательностью и любопытством?

И сам, не дожидаясь ответа, отвечал:

– вот думаю, что мужская любознательность является доблестью мужчин. Это не то, что женское любопытство. Любознательность – великая вещь, жаль, что многие люди её очень рано теряют, отчего у них пропадает интерес к жизни. Похвально, что наш сынок проявляет любознательность к горному искусству.

Отец подогревал мои представления о камнях, рассказывая об Урале множество былей и небылиц, погружая меня в сказочные тайны природы. Мне нравилась такая оценка, направленная на понимание камня, ставшего в моём представлении как бы живым организмом в родстве и связях с сотнями других редчайших минералов.

Камень полностью завладел мною, моими мыслями, желаниями и даже снами.

И не было ничего удивительного в том, что меня уже в десять лет родители отдали учиться в горное училище, хотя мальчишек в него принимали только с четырнадцати лет.

Четыре года обучения пролетели быстро. И чему нас только там не учили. Помню, как на первой стадии все зубрили закон Божий, и молитвы помню до сих пор, иногда даже про себя их произношу. Помогает в самых трудных жизненных обстоятельствах успокоить свою душу.

Там учили читать и писать не только по-русски, но и по-латыни, чтобы знать разные научные названия. А ещё мне нравились основы риторики и логики. Мы тогда между мальчиками любили выражаться красиво и стройно, даже стихи писали. Нас обучали жить в благонаравии к обязанностям Государя

и правительства, в уважении к ближнему своему и вообще к должностям человека и гражданина.

Тогда впервые на уроке географии мой мир расширился до бесконечности, потому что я впервые увидел на карте земной шар и расположенные на ней города. Я понял, какой огромной предстала передо мной Земля, на которой было всего несколько дорогих мне маленьких точек, где я родился и жил.

Уже потом, на следующих стадиях обучения этот мир углублялся, постигая физику о свойствах тел, алгебру, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, начальные основания химии, чтобы выйти на тот уровень знаний, который был нужен для подготовки новых наук, объединённых одним понятием Горное искусство.

Тогда у меня появились претензии на серьёзность и научность своей будущей работы, поэтому я отдавал освоению горного искусства всего себя. Родители видели мои старания и не перечили этому.

Большую часть своей ученической жизни мы проводили в горах, постоянно исследуя какие-нибудь речки, пригорки или лесные массивы, собирая коллекции и читая потом подготовленные доклады.

Тогда мне в голову пришло понимание так называемого «эффекта памяти» горной породы, который, по моему представлению, должен был помнить этапы воздействия разрушительных сил природы, исходивших как из глубин земли, так и с её поверхности. Ведь время в миллионы или сотни тысяч лет скрывало эти деформации породы, происходивших от землетрясений, выбросов метана, различных природных ударов, смен температур, искусственных обрушений. Я стал понимать, что у любой горы существуют видимые и невидимые стороны таких изменений.

Эта мысль преследовала меня тогда повсюду, и я положил её в основу моего проекта при выпуске из училища. Мне повезло, потому что, однажды, при обследовании некоторых участков гор было обнаружено целое месторождение прекрасного белого мрамора. Изучив его, я пришёл к выводу о том, что на него не было оказано сильного воздействия внутренней и внешней разрушительной силы, а это значило, что мрамор там был высокого качества.

Со своими выводами я обратился к отцу и Петру Львовичу, которые не только одобрили их, но даже предложили горному ведомству практически использовать это обнаруженное месторождение мрамора. Горное ведомство положительно отнеслось

к предложению по практическому использованию моего открытия на Мраморной горе, и я уже представлял себе, что скоро стану богатым и знаменитым человеком.

Произошли изменения и в карьере моего отца, что и огорчило, и порадовало меня. Заболел Петр Львович, поэтому из-за тяжёлого состояния здоровья, он сделал Петру Петровичу, моему отцу, предложение занять его должность директора, сказав:

– Лучшей кандидатуры не может быть. Горное ведомство готово принять моё предложение о назначении Петра Демидова на должность директора и ждёт твоего согласия.

Пётр Петрович был растерян этим предложением, но пообещал подумать.

Через три месяца в сентябре шестнадцатого года он уже вступил в должность, принимая на себя ответственный пост.

А вскоре не стало Петра Львовича. Мои родственники, как и все преподаватели, были очень опечалены этим событием. Они уважали его за честность в служении горному делу, заботу о них. Они просто любили его. Тем печальнее было прощание. Ученики усыпали его гроб цветами, а учителя сами на руках несли его тело на кладбище.

Я очень переживал его смерть, ставшей новой дорогой потерей в моей жизни, но страсть к путешествиям постепенно ослабила эти волнения души.

После защиты проекта мне была открыта дорога в Уральский горный институт имени императора Николая Второго, в который я и поступил, желая иметь звание горного инженера.

Отныне рюкзак, топорик и огромное желание найти нужные полезные и ценные ископаемые стали для меня смыслом жизни. Целыми днями ходил я по горам, отбивая камни, смотрел под корни деревьев, ползал по ручьям. Летом и осенью, греясь по ночам у костра, я добывал эти чудные камни, бережно уносил их к себе домой, заполняя ими свой чудесный сундук.

Сколько раз я продвигался по тропинкам горных хребтов на лошадях, прилепляясь к косогорам, утёсам и буграм, где над моей головой висели дикие громады камней, угрожавших падением и уничтожением путешественника. В то же время внизу под ногами открывались пропасти, утыканные шпильями, на которые по неосторожности можно было упасть и найти себе могилу в крутящихся вихрях облаков.

Переправляясь с одного хребта на другой, переходя вброд реки, крутившиеся в своих зыбях между огромными камнями, я желал почувствовать неподражаемую силу природы и постигнуть свою слабость перед ней.

Ах, какие картины природы Южного Урала тогда открывались мне! Казалось, что они появлялись для того, чтобы в один миг удивить, а потом немедленно скрыться, оставив в памяти гибкость фантастических рисунков и оттенки слившихся красок.

Сейчас, вспоминая прошлое, приходится раскладывать его на части, чтобы вскрыть отдельные моменты этих впечатлений.

Отучился я в институте три года, перейдя на четвёртый курс и имея большое желание достичь определённых высот в горном деле. Однако, жизнь моя неожиданно пошла совсем не той дорогой, которую желал я себе и сулили её мне мои родители.

Глава 29

Жизнь без царя

Этому причиной были революция и гражданская война, неожиданно быстро вспыхнувшие в уральских городах и деревнях.

Помню, как в начале марта 1917 года, отец, придя домой, сказал мне:

– Владимир, знаешь ли ты, что император всея Руси Николай Второй отрёкся от власти и царская Россия больше не существует?

Для меня, воспитывавшегося на уважении к царю и правительству, это известие было громом среди ясного неба. Я, никогда не рассуждавший о политике, ибо уральские горы были в то время для меня и царём и правительством, тут задумался.

Видя, каким взволнованным был отец, я сам почувствовал какую-то неуютность души и обеспокоенность за будущее.

До этого, казалось, что всё у меня было правильно распределено в жизни: учёба, работа, будущая семья и её благополучие. И вот теперь я впервые ощутил тревогу. Мне было непонятно, как вообще можно жить без императора.

Однако, отец пояснил, что неспособность царского правительства контролировать положение в столице и стране во имя

предотвращения внутривластического хаоса требовало совершения такого акта со стороны царя.

Несколько дней отец приносил всё новые известия о событиях в Петрограде, где утверждалась власть новых Временных правительств, додумавшихся до того, что отдали распоряжение об отстранении от исполнения своих обязанностей всех местных властей.

– Интересно, кто же будет наводить порядок в городе, какие такие новые власти? – сокрушался отец.

Но вскоре стало понятно, что их места заняли земские управы и их чиновники.

Отец громко перед нами возмущался:

– Не понимаю, как это можно перевернуть всё и сразу вверх дном. Володя, я не понимаю, кто у власти находятся, вредители или предатели?

Вскоре распространились слухи о прибытии из Петербурга комиссара Временного правительства. Было интересно, а что скажет представитель правительства на такие действия чиновников, поэтому и отец, и я решили пойти на железнодорожный вокзал для его встречи.

Когда мы появились там, то увидели уже стоявший на первом пути поезд, из которого выходили парадно одетые солдаты. Они выстраивались в ряды для встречи высокого начальника. Но вот появился и он, одетый в форму железнодорожника, в чёрных тщательно отглаженных брюках, с расстёгнутым пальто и высокой фуражкой, выделявшей его из толпы. Его встречали криками «Ура!» и «Марсельезой», исполненной местным духовым оркестром.

Мы присмотрелись и узнали в нём Александра Александровича Бубликова, почётного гражданина, ранее пожертвовавшего сто тысяч рублей на учреждение при горном институте особой лаборатории для исследования полезных ископаемых. Отец лично знал его, да и мне, пусть в отдалении, но приходилось его видеть. Он был встречен большим стечением народа.

Взойдя на небольшое, по всей видимости, приготовленное для него возвышение, Александр Александрович обратился к народу с речью. Голос его был уверенным, и её он начал примерно так:

– В великие дни перелома я прибыл к вам, дорогие мои земляки, по решению Временного комитета, чтобы разъяснить положение, в котором находится наша великая империя, Россия. Я – член

вашей семьи, железнодорожник, поэтому расскажу вам всю правду, которую мне пришлось увидеть.

Тон его выступления был энергичным, а усиленная жестикуляция рук подогревала его к образности рассказа, особенно тогда, когда он говорил о революции в Петрограде, начавшейся по его представлению с недовольства людей тяжелыми условиями жизни, вызванными мировой войной.

Оратор говорил, что в Петербурге военный гарнизон деморализован, а между правительством и Государственной Думой возникли непреодолимые разногласия, отчего императором была распущена Государственная дума. Депутаты же не пожелали подчиняться указу и в ответ сформировали Временный комитет, взявший на себя восстановление государственного и общественного порядка в России. Тогда же ему от имени Председателя Временного комитета М. Родзянко вручили мандат, по которому он в сопровождении доверенных друзей и трех грузовиков солдат явился в министерство путей сообщения и взял под своё управление сеть железных дорог в России. Важнейшее значение имел доступ к телеграфу железной дороги, поскольку каждое оправленное по нему сообщение моментально оказывалось в самых отдаленных уголках страны.

Он сделал паузу, и в наступившей тишине громко произнёс:

– Тогда из моей телеграммы вся Россия впервые узнала о свершившейся революции. Мы не пустили в Петроград эшелон солдат лояльного монарху генерала Иванова, а самого императора Николая Второго заставили вернуться в Псков, найдя способ быстро доставить туда и делегацию Думы. Именно через связь железной дороги в столицу попал и акт об отречении императора от власти.

Он долго излагал свою позицию о становлении будущего России, видя два пути её развития. Первым из них был, по его словам, путь титанического развития промышленного творчества в североамериканском стиле. Вторым, предлагаемый социалистами и не проверенный ничьим опытом, был путь в социализм. Он выбирал первый путь, рассчитывая на иностранные капиталы.

Смысл последних слов его выступления состоял в том, чтобы удержать трудящихся от введения рабочего контроля над производством и распределения продуктов.

– Только новая власть имеет право контроля над различными сферами хозяйства. Надеюсь, что вы, мои земляки, меня

поддержите, – закончил он свою речь под возгласы «Браво!» и громкие аплодисменты.

Новые перемены в городе не заставили себя долго ждать. Через несколько дней после этого визита отец явился домой и в сердцах заявил:

– Что же это происходит, какой-то грубый произвол. Солдаты самому губернатору сказали «пошёл вон, ты теперь никто», не допустив его к службе. Завтра они могут и к нам прийти.

На улицах же появились агитаторы от различных партий: кадетов, большевиков, эсеров, анархистов, призывавшие плакатами и громкими выкриками голосовать за них и вступать в их партии. Трудно было разобраться, кто с кем и за что хочет бороться.

Мне, семнадцатилетнему юноше, в отличие от моего отца, даже нравилась эта суматоха жизни. Появилось какая-то новизна движения, и я, бродя по улицам, наблюдал за разнообразием и противоречивостью смыслов табличек и плакатов.

Было какое-то предчувствие, что и в моей жизни должно что-то измениться.

Глава 30

В каком месте ёрш с плотвой дружен

В это лето семнадцатого года я впервые встретил вооружённых людей, готовых, по их словам, отстаивать своё право защищать уральскую землю. Это случилось во время моего посещения родственников в деревне Каменистой, родине моего отца.

Тогда по непонятной мне причине впервые откладывалась летняя институтская экспедиция в горы. Чтобы не терять время, я с Никитой, своим товарищем по институту, решил съездить ненадолго к своей бабушке Анне и дедушке Петру, живших в этой деревне, ведь мне почти пять лет не удавалось их посетить. Хотелось их увидеть, порадоваться их благополучию, а также беззаботно провести время, побывать на заимке, порыбачить на реке Неизвестной. Отец снарядил для этого бричку, на которой мы и отправились туда.

Дорога мне была знакома, поэтому я смело ехал мимо гор, пересекая маленькие речки вброд, огибая большие. Никита пытался ускорить время рассказами из истории своего детства, но меня они не трогали. Тем более, что рассказывал он путанно, не громко и слышался как бы со стороны. Шум колёс брички тоже мешал их восприятию, и я был увлечён видами гор, самой ездой.

Доехали до деревни благополучно. Бабушка Анна Евсеевна, как всегда обрадовалась приезду, спрашивая внука о родителях, о жизни. Я рассказал ей об отце и матери, о назревавших городских переменах, о моих успехах в учёбе.

Целый день мы ходили по родственникам, везде нас приветливо и даже заинтересованно встречали.

На второй день под вечер вместе с двоюродными братьями Дмитрием и Харитоном отправились на заимку, где находился их прадед Евсей. Хотелось показать Никите золотниковые места и поучаствовать в ночной рыбалке, которую обещали организовать мои одногодки братья.

После полудня мы все четверо на бричке отправились туда.

Дорога пролегла по высокому берегу, перед заимкой стала опускаться в низину.

Всё так же на отдалённой от берега поляне стояли два деревянных дома, в один из которых мы и вошли. Дома никого не оказалось, поэтому мальчики решили прогуляться к реке. От большой зелёной поляны, примыкавшей к высокому холму с вековыми соснами, пролегла тропинка, по которой мы и вышли к широкой дельте двух русел, открывавших перспективу виднеющихся вдалеке гор. Тёмные контуры их чётко выделялись на фоне чистого неба.

Дмитрий и Харитон отправились к старому руслу реки на поиски их прадеда, а Пётр с Никитой остались на берегу реки.

Никита, ощутив себя свободным от дороги, поднял руки вверх и воскликнул:

– Красота какая, хорошо тут, тишина и покой.

– Да, хорошо здесь, горы, вода, лес, рыбалка. Поучу тебя добычи золота. Проведём тут неделю и вернёмся домой, – ответил я.

Вскоре Дмитрий и Харитон вернулись, и все четверо вновь отправились к дому. Потом пришёл и Евсей.

Перед заходом солнца молодёжь, взяв рыбацкие снасти, отправилась к реке. Выгнав лошадей на зелёный луг, пестревший розовыми головками клевера, пришёл на реку и прадед Евсей.

Был тихий летний вечер. Хотелось вдоволь надышаться чистым горным воздухом. В голубизне неба слышалась серебристая переливчатая песня жаворонка. Всмотревшись пристальнее в вышину, я увидел висевшую в воздухе слегка колеблющуюся темную точку. От неё всё явственнее и громче слышалась эта песня, непрерывно менявшая без остановки в течение многих и многих минут кряду всевозможные лады. Видимо, и сам певец безгранично наслаждался ею. Наконец, она оборвалась. Я заметил, как сложились крылышки маленькой пташки, которая, словно камень, стала падать на землю. В последний момент падения крылышки снова раскрылись и, сделав несколько взмахов, пропорхнули некоторое расстояние над самой поверхностью земли. Птичка опустилась в траву и исчезла.

За то короткое время, пока я наслаждался пением птицы и наблюдал за её падением, Дмитрий уже сумел закинуть три удочки, гусиные перья поплавков которых распределились вдоль берега реки. К каждой удочке он приставил ребят. У одной уже сидел Никита, к другой подходил Харитон. Он ждал и меня, подзывая жестом руки.

– Вообще, рыбалка без уха – что свадьба без музыки. Уха – это достояние и украшение любой рыбалки. Поэтому, Владимир, удочка тебя ждёт, – сказал он мне.

Пришлось подчиниться. Сам же Дмитрий спустился к воде, чтобы поставить на ночь сети.

Рыбалка была отменная, каждый из нас вытаскивал окуней, ершей, плотву и подлещиков. Поплавки то и дело разводили круги по воде, и мы устроили соревнования на большой рыбный улов. Серебристые рыбёшки постоянно висели в воздухе, а мы только успевали снимать их с крючков.

Дмитрий обошёл нас с ведром и набрал его почти полным.

– А чем отличается настоящая рыбацкая уха от щей? – спросил он. Не знаете? Так вот, уху пьют, а щи хлебают.

Такой ответ показался неожиданным, поэтому все рыбаки рассмеялись, а он здесь же на траве стал раскладывать рыбу на две кучки, с мелкой и более крупной рыбёшкой.

– Знаете ли вы, городские, с чего начинается приготовления ухи? – вновь спросил он.

Мы пытались отвечать, но он, чуть ухмыльнувшись, хитро взглянул на нас, сказав:

– Я так и знал, что не знаете. Так вот, запомните, она начинается с того момента, когда засияет до блеска тщательно надраенный рыбацкий котелок.

И, не давая осмыслить ответ, продолжил:

– А из каких рыб варят уху? Не знаете. Да из тех, что вы поймали, клейких и нежных, дающих прозрачный навар, чем свежее рыба, тем вкуснее уха. Вот мы и отберём пойманных вами окунчиков, ершей, да плотиц, именно из них и получится лучшая уха.

И вновь вопрос и ответ:

– Нужна ли в ухе мелкая рыбёшка? Не знаете? Очень нужна. Без неё не будет вкусного навара. Вначале отберём всех слизистых комендантов, так у нас называют пойманных ершей. Слизь даёт ухе аромат и вкус. Я сам займусь ими. Всю остальную мелкую рыбёшку потрошить отдаю вам. Запомните, особенно тщательно надо промыть брюшко, иначе уха будет мутная и горькая.

После такого наставления ребята дружно взяли ножи, став чистить и потрошить рыбу.

Когда с мелкой рыбой было покончено, Дмитрий приказал проделать то же самое с большой рыбой, а сам, собрав мелкую рыбёшку в ведро, отправился к уже горевшему костру, где в котелке кипела родниковая вода. Я видел, как туда он и опустил рыбку.

Выполнив это действие, он тут же вернулся на берег, проверив качество потрошения большой рыбы, и стал ножом разрезать её на большие куски. Потом, собрав куски в ведро, вновь вернулся к костру.

Вместе с ним к костру последовал и я, чтобы проследить весь дальнейший секрет приготовления ухи. От костра исходил приятный запах. Дмитрий сказал, что это запах дубового и ольхового сушняка, который он собрал ещё прошлым летом специально для приготовления ухи.

Мне было интересно смотреть, как ловко управляется мой брат с этой работой. Я не мешал ему, а просто смотрел на его руки, которые успевали быстро снимать пену в бульоне, а потом был снят с огня и сам котёл, чтобы дать несколько минуте ему отстояться. Слив жидкость в стоявшее пустое ведро и выбросив в костёр

разваренную рыбёшку, он вновь залил прозрачный отвар в пустой котёл, добавив туда очищенные и нарезанные картофелины, репчатый лук и морковь. Потом стал засыпать туда большие куски рыбы, и, поставив котёл вновь на огонь, произнёс:

– Вершина рыбацкого счастья – наваристая уха.

Свои действия он выполнял на глаз, не забывая при этом в вопросительной форме давать наставления и отвечать на них. Форма общения у него была всё та же, то ли говорил он со мной, то ли сам с собой, спрашивая, тут же отвечая на свой вопрос:

– В каком месте ёрш с плотвой дружен?

Ответ:

– В ухе.

– Без каких приправ уха не уха, а так, чепуха?

Ответ:

– Без луковицы, моркови, веточки дикого чеснока и щавеля, всего понемногу и непременно в конце варки. Важны пропорции приправ, количество рыбин и качество воды. Хороша уха, когда огненна, а для хорошей ухи всегда мал котелок.

От его слов веяло чем-то древним, русским и вкусным. Он постоянно либо уточнял, либо добавлял.

Наконец, уха была готова. Все с нетерпением смотрели на него, разливавшего большой деревянной ложкой по мискам ароматную еду.

У всех было бодрое настроение, слышались шутки и короткие рассказы о различных приключениях.

Костёр продолжал гореть, освещая лица мужчин. Мирно паслись на лугу лошади, то и дело, наклоня свои морды к сочной траве. Казалось, ничто не предвещало нарушить настроение рыбаков.

Однако, Полкан, здешняя собака, неожиданно наострил уши, потянул носом воздух, и тихо рыкнул в сторону холмов. Потом рыкнул ещё раз и вдруг залился лаем, отпрыгнув в сторону.

На вершине холма все увидели всадника, за ним другого, третьего....

Вскоре несколько коней налётом скакали прямо к огню, перед которым, сойдя с лошади, предстал военный в новенькой с иголочки форме неизвестного образца, без погон.

Особенно всех поразили высокие шнурованные ботинки на толстой подошве, яркая сине-красная нашивка на рукаве и фуражка такого же цвета.

Было понятно, что это был их старший.

– Не ждали гостей? – сказал он.

– Гостям рады, коли с добром, – ответил прадед Евсей.

– На постой к себе пустите? Ухой попотчеваете? С виду справно живёте.

– Богу не жалуемся. Митька, уха ещё есть? Угости гостя.

– Нас много тут будет. Накормите, приветите, деньги заплатим.

– Так мы вас и не знаем. Кто вы и откуда будете? Худа нам не сделаете? Воевать с нами – дело последнее.

– Не сделаем. Мы все славные ребята атамана Дутова. У нас дисциплина. Воевать идём за новую республику. Нам нужна провизия, за всё заплатим.

– Какую такую республику? Сколько же вам надо провизии?

– На сто человек. Нужен хлеб, сало, пшено, овёс. Далеко ли ваша деревня?

– Деревня в часе езды.

– Большевики есть в селе?

– А кто такие большевики? Для Господа все едины. Не слыхали мы и про атамана, но нам всё равно, лишь бы зла нам не сделал. А про провизию скажу завтра, вот утром поеду в деревню, соберу мужиков, они и скажут своё слово.

Дмитрий, поняв, что ухой надо кормить много людей, пошёл вытаскивать сети.

Главный, назвавшийся есаулом, обернулся и сказал стоявшему за его спиной военному:

– Будем располагаться здесь.

Конники развернули лошадей и исчезли, по всей видимости, чтобы предупредить всех остальных. Вскоре прибыл ещё один конник.

– Всё тихо, – сказал он, обращаясь к есаулу, который всё ещё стоял у костра и зачерпывал ложкой оставшуюся в котле уху, положив винтовку у своих ног.

Через полчаса вновь появились конники, один из которых подскакав, лихо осадив лошадь:

– Вашш благородие! Все прибыли.

– Располагайтесь на поляне вдоль реки до утра. К завтрашнему полудню прибудем в деревню. Ты знаешь, как нам идти в деревню?

– Никак нет. У Вас же карты.

– Дурак ты, Степан, а ещё подьесаул – сказал есаул.

– Так точно, дурак, Вашбродие, – ответил тот.

– Ладно, иди, располагайся ко сну, выставь караул. Разберёмся. Хлопцы помогут. К утру всем быть готовыми!

– Есть!

Подчинённый, резко повернувшись, отправился к отряду.

– Казакам только волю дай, горячие ребята, но неграмотные, поэтому только смотри за ними, – глядя на молодых парней, сказал его вашблагородие.

Потом, посмотрев на ребят, вдруг спросил:

– А вы к нам не хотите за Русь-матушку повоевать. Батька Дутов всех молодых принимает.

– Нет, им ещё рановато. Да и учатся они на горного инженера, – с гордостью ответил дед.

А в это время мы услышали, как часть казаков, словно дети, с визгами кинулись в реку, решив перед сном искупаться.

– Мать вашу!!! Всю рыбу распугают, – глядя на есаула сказал Митька и отметил про себя то, что многие из солдат говорили на непонятном ему языке.

Есаул понял Дмитрия и крикнул:

– Степан, уйми своих.

Но те уже намывались в воде, не слушая начальственного тона подьесаула.

Командир, нахлебавшись ушицы, сказал:

– Сегодня все должны спать, и мы, и вы. Завтра ты, дед, рано утром отправишься в деревню, чтобы решить вопрос с продуктами. Расчёт деньгами. Твои ребята будут нам проводниками. Надеюсь, подойдем в деревню к полудню?

– Да, часа два хватит, – ответил за прадеда Дмитрий.

– Встреча у церкви. Понятно? – и сам отправился к своей казачьей сотне.

Прадеду не спалось. Проснулся засветло, но дождавшись рассвета. Покормив лошадей, он запряг свою лошадку, разбудил Митьку, поручив ему смотреть за второй лошадей и домами, и уехал в деревню.

Дмитрий уже больше спать не ложился, а с чердака дома наблюдал за казаками. Он видел их, спавших прямо на траве, и их дозорных, переминавшихся с ноги на ногу возле речки.

Наконец, появился знакомый подьесаул, закричавший во всё горло:

– Подъём! Подъём! Подъём!

Все вскочили и побежали мыться, а затем, одевшись, вставали в строй, где уже в полной форме одежды их поджидал есаул.

Дмитрий, разбудив ребят, сам вновь полез на чердак. За ним полез и я.

Оттуда был хорошо виден луг, на котором по одной линии стоял неровный строй казаков, выглядев робкими цветными пестушками. Было слышно пафосное и одновременно грубоватое наставление командира:

– Казаки славного атамана Дутова! Скоро мы отправляемся в село, где вас накормят. Заходим строем, как положено, впереди будет наша разведка. Ведём себя тихо. Если что-то будете брать у жителей деревни ещё, кроме положенного пайка, платите деньгами сами. Деньги у вас есть. По избам не бегать, баб не тискать. За непослушание, как выйдем из села, расстреляю лично!

Вскоре за нами пришли. Лошадь была уже запряжена в телегу, на которой мы, не доделав запланированные дела, отправились обратно в деревню Каменистую.

За нами строем по четыре человека шло не менее ста человек. Где-то впереди и позади на лошадях нас сопровождала разведка.

Конечно, идти десяток километров по горной местности было не просто, но голодные казаки шли и не роптали, в надежде на скорый обед.

Перед входом в деревню все остановились. Впереди за командиром всадник раскрыл красное знамя, на котором белыми буквами было написано «Вся власть Учредительному собранию! Долой большевиков!». Так отряд и въехал в деревню.

К этому времени у церкви собрались её жители, которые, увидев подходивших строем солдат, стали креститься:

– Матушки-батюшки! Что ж деится-то! Это ж красные! – услышал я. Выделив в толпе прадеда Евсея и стоявшее рядом «начальство», старосту и священника, есаул подъехал к ним вплотную и произнёс:

– Мир вам, старцы! Мир вам, добрые люди!

Народ отвечал «с миром, с миром» и скидывали шапки.

А тот продолжил:

– Здравствуйте, братья, крестьяне! Вас приветствуют славные бойцы Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Мы пришли к вам, чтобы дать вам свободу,

равенство и землю. Вся власть Учредительному собранию! Ура, товарищи! – и, посмотрев на строй, взмахнул рукой.

Раздалось солдатское нестройное многократное «ура». К этому «ура» присоединился кое-кто из мужиков, но потом они смущённо потупились и отвели свой взор в сторону.

В ответ на такое приветствие вперёд вышел староста:

– Спасибо за добрые слова! Тогда вот скажите Вы нам, Ваше благородие, обчество интересуется, вы за красных или за белых? – и добавил:

– Солдаты у вас как-то чудно одеты. Не поймём что-то.

– Так скажу, мы против большевиков. Мы идём освобождать захваченный большевиками, предателями русского казачества и крестьянства, Верхнеуральск. Долой каширинцев, долой большевиков! Разобьём их, пусть потом решает народ, какой власти быть. Мы-казаки, воюем за волю и землю.

– Тогда, чем богаты, тем и рады. Разделите с нами хлеб-соль! – сказал староста, пригласив есаула пройти с ними в дом.

Последовала команда «Разойтись» и солдаты разделились на группы, задымив табаком.

Сойдя в коня, есаул вместе со старостой, церковным батюшкой и прадедом Евсеем пошли в дом, где есаул требовал провианта на два дня на сто человек, а также на прокорм лошадей.

Как рассказывал позже прадед Евсей, провиант, хлеб, мясо, молоко, сено и овёс, к приходу казаков успели собрать, обойдя полсотни домов.

Узнав, что казаки сразу же покинут деревню и свою остановку сделают за деревней, слово взял священник:

– Да, вот, что скажу вам, ваше благородие. Послушайте старика. На Верхнеуральск не ходи. Не будет вам пути. Атаман Верхнеуральский, старый Каширин, свою станицу в обиду не даст. Поднимутся казачки и красные, и белые, и зелёные, что в лесах, да по горам отсиживаются. Сложите вы там свои головушки.

Есаул покрутил свои усы и погрустнел. Засиживаться не стал, только сказал:

– Помолись за нас, святой отец.

– Буду молиться за отпущение грехов ваших.

Казаки ушли с миром и остановились за деревней, в той стороне от неё, откуда долго тянуло солдатской похлёбкой, смешанной дымком.

Мне и моему товарищу Никите так и не удалось провести в деревне свой недельный отпуск, и на следующий день мы возвратились в Екатеринбург, где события революции надвигались со страхом и живым интересом одновременно.

Геологическая экспедиция студентов не состоялась, и мне пришлось всё лето провести в семейном доме, помогая в училищных делах своему отцу, который, как оказалось, уже больше года состоял членом партии кадетов. Он постоянно изо дня в день рассказывал мне о происходящих городских событиях, и я, ничего не понимавший в политике, тогда был полностью солидарен с ним.

Из его рассказов мне стало понятно, что кадеты, как партия народной свободы, требовала мирным парламентским путём введения всеобщего избирательного права, политических и гражданских свобод. Большевики же, по его словам, требовали революций, насилия и крови.

Однако, очень был опечален отец, когда вскоре именно большевики, заручившись поддержкой партии эсеров, неожиданно быстро утвердили единую систему своих советов рабочих солдатских депутатов и деревень, а созданные ими чрезвычайные комиссии стали формировать вооружённые отряды, угрожая заводам и организациям национализацией их собственности.

Отец с каждым днём приходил домой хмурым от того, что объявленная национализация могла коснуться и его училища. С каждым днём он ожидал краха оказаться без денег и поддержки.

И пока этого не случилось, отец уговорил маму уехать в деревню к её родителям.

Отвозил их на папиной бричке я. Мама очень переживала за папу, ведь он остался в училище отстаивать своё учебное заведение на свой страх и риск. Мне приходилось успокаивать её, говоря, что всё образуется, так как папа честен в отношении своей должности.

Почти два месяца провёл я в Уралочке. Мама не хотела отпускать и меня в город, не желая подвергать мою жизнь соблазнам революции, но я настоял на том, чтобы быть рядом с отцом в этот сложный для него период жизни.

Вскоре я уже был в его доме. Встретил он меня почти больным, осунулся и был похож на старика. Учеников в училище становилось всё меньше и меньше, остались только те, кто вносил за учёбу плату. Этого хватало, чтобы в малой доле оплачивать труд

учителей, но училище содержать больше было не на что. Он сам был и начальником, и рабочим. Сил на всё не хватало. Видя его стремление во что бы то ни стало отстоять училище, преподаватели и воспитатели, как могли, помогали ему в разных делах.

Наступала зима. В помещениях становилось холодно, поэтому вскоре и последние ученики потеряли интерес к училищу. Начало года тоже не принесло радостей Петру Петровичу, и мне пришлось переживать вместе с ним суровую зиму восемнадцатого года. Здание не отапливалось, одна только печка в доме поддерживала нашу жизнь. Советы, захватившие власть и национализировавшие предприятия города, не нашли возможности оказать училищу какую-либо помощь. Но мы не сдавались, оставаясь один на один с его судьбой, сохраняя и охраняя здание. Так продолжалось до лета. Тогда в городе поползли слухи о том, что скоро наступит конец большевикам и что большие силы военных идут на штурм города. Городские кадеты собрались в пустующем здании училища, чтобы обсудить военную обстановку. Я тоже оказался среди них. Все говорили об армии полковника Войцеховского, захватившего город Челябинск, и теперь приближавшегося к Екатеринбургу.

И действительно многочисленные войска в июле месяце без боя вошли в город, а так как помещения училища продолжали оставаться пустыми, то полковник распорядился разместить в них свой штаб.

Глядя на отца, я заметил в нём приподнятое настроение. Он говорил, что скоро, как его заверили военные, училище заработает так, как было прежде. Он жил надеждой.

В начале февраля девятнадцатого года город встречал Верховного правителя и главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России адмирала Колчака. Отец, оказавшись в числе приглашённых гостей на церемонию встречи и парада войск, на свой страх и риск предложил и мне быть при нём.

На железнодорожный вокзал, где встречали адмирала, я не пошёл, а вот на главной Кафедральной площади, куда собрали многотысячное его войско, мне побывать довелось. Я очень желал увидеть Верховного правителя России, представляя его себе в белом кителе, увешанном орденами. От отца я слышал, что он родом был из Петербурга, служил на военных кораблях, совершая длительные океанские плавания, и стал адмиралом, дослужившись до командующего Черноморским флотом. Немаловажно было и то

обстоятельство, что по своим убеждениям он был близок к кадетам. Я никогда не видел такого скопления военных в одном месте и всматривался в эту длинную растянутую линию квадратов, представляя себя маленьким, словно игрушечным солдатиком, втиснутым в один из них. Меня почему-то неприятно поразила форма головных уборов некоторых военных: вместо фуражек, на многих из них были одеты какие-то колпачки. Стоявший рядом отец тоже удивлялся им, а солидный мужчина, знакомый отца, даже возмутился:

– Смотрите, Пётр Петрович, солдат одели в английское обмундирование, построив в дрессированные квадраты. Посмотрел бы я на них в бою.

Но я не понимал, почему возмущается мужчина, ведь перед нами стояло несколько тысяч военных, готовых предстать перед адмиралом в лучшем их виде.

Вот заиграла музыка, вперёд вышли городской голова и председатель уездной управы с хлебом-солью, а навстречу им сделал несколько шагов и сам адмирал, но не в белой адмиральской форме с орденами, чего я ждал, а в строгой форме защитного цвета.

И хотя я находился с другой стороны площади, однако хорошо видел его и радовался, должно быть от того, что такое событие открылось мне впервые.

Стоявший же рядом со мной сосед продолжал недовольно ворчать:

– Выведенные сегодня части готовы только для строевых учений, а для боя это толпа совершенно не готова. Нужно еще два-три месяца усиленной полевой работы со взводами и ротами, чтобы эти части пошли в бой. Ну, посмотрите, стоят какие-то михрютки, одетые в только что выданную им и плохо пригнанную одежду. А снаряжение нацеплено кое-как, без всякой пригонки.

Отец, так же как и я, смотрел в сторону войск и молчал.

Но вот, наконец, наступил их смотр. Откуда-то раздалась команда «Смирно», и строй замер в ожидании сурового взгляда главнокомандующего, который вышел вперёд и пошёл пред войсками в сопровождении генерала.

Он остановился напротив одного из полков, и, подозвав своего адъютанта, взял из его рук знамя, торжественно произнес небольшую речь:

– Храбрые командиры и воины двадцать пятого полка, проявившие мужество в борьбе с большевиками! Вручаю вам георгиевское знамя! Пусть это знамя и святой Георгий сопровождает вас и всю нашу доблестную армию в последующих битвах за Россию. Ура! В ответ послышалось ответное «ура». Затем Верховный правитель подошёл к вышедшему из строя командиру, вручил ему знамя и, вернувшись на своё первоначальное место, ожидал команд сопровождавшего его генерала.

Генерал же прошёл в голову войск и громко скомандовал:

– Войска! Для церемониального марша! Нале-во!

Потом подождяв, пока завершится нестройный поворот войск, сам встал в голову колонн, снова скомандовал:

– За мной! Шагом марш!

Тот же сосед, повернувшись к нам, вновь съязвил:

– Каков фраер, этот чех, командующий Сибирской армией генерал Гайда. Всё это печальные признаки фронтового атаманства. Неприятно видеть чешские бутатории вместо старых заслуженных одежд русских офицеров и солдат. Он даже скомандовать, как следует, не сумел.

А генерал Гайда назло нашему соседу лихо продолжал шефствовать впереди в сопровождении своего конвоя.

Мне показалось, что Верховный правитель России был доволен генералом. Да и я, несмотря на недовольство соседа, наблюдал эту церемонию с любопытством, ведь ничего примечательнее этого в моей жизни ещё не происходило.

После парада мы с отцом отправились в училище, где в зале был приготовлен торжественный обед и куда вскоре после молебствия в кафедральном соборе при большой свите сопровождающих его лиц на своём автомобиле прибыл и правитель.

Я стоял у самой двери и хорошо видел его высокую, но чуть сторбленную в кителе фигуру, выделявшуюся на возвышении, с которого он произнёс свою речь. Он говорил о необходимости установить в России господство закона и права, рисовал грандиозные перспективы развития Урала, который, по его представлениям, должен был стать основой развития всей новой России. Однако, его только тревожило состояние боеспособности армии, для укрепления которой он объявлял мобилизацию в ряды своей армии юношей Урала.

Такие мысли не могли не понравиться участникам торжественного обеда, и я, слушая эту речь, наполнялся желанием быть полезным адмиралу.

Вскоре такой случай мне и представился. Стало известно, что на Урале произошло несколько восстаний населения против белой армии, в том числе в посёлке Васильево – Шайтанском, где местные рабочие, привыкшие к вольности, выступили там против мобилизации. Тогда для их усмирения в Екатеринбурге сформировали вооружённый конный отряд. Нужен был проводник, и я, не поставив в известность своего отца, желая быть нужным Родине и Отечеству, согласился идти вместе с ними, считая, что через знакомых и родственников мне людей без особого труда я смогу уговорить местное мужское население содействовать отрядам адмирала.

Тридцать конников, выехав вечером, к утру оказались на окраине посёлка. Я обратился к командиру со своим предложением: одному войти в посёлок и, встретившись с родственниками, попытаться через них мирно урегулировать поведение мужиков. Однако, командир заявил, что он будет действовать согласно полученного приказа и жестоко расправляться с ослушниками, чтобы другим такое поведение было неповадно.

Разделив конников на группы, он приказал войти в посёлок с разных сторон одновременно.

Не ожидая такого решения, я решил пойти самостоятельно, чтобы предупредить об этом моих родственников, и, привязав лошадь к дереву, бегом направился в дом своей прабабушки. Однако, вскоре я услышал выстрелы. Началась перестрелка. Затем она стихла и возобновилась вновь, но с большей силой.

Подбежав в дому своих родственников, я стал сильно стучать в дверь, а когда она раскрылась, вышла моя тётя Василиса. Увидев меня, она с испугом в глазах сказала:

– Боже мой, как ты здесь оказался?

Я, не отвечая на её вопрос, спросил:

– Где ваши мужчины?

Она показала в сторону завода, сказав:

– Где же они могут быть, завод охраняют. Там и твои братья из Каменистого, Митька с Харитоном.

Ответив Василисе, что я ещё приду к ним, тут же побежал к проходной завода. Добежав, увидел страшную картину: метров за десять от проходной лежали трупы конников, а у самого здания

завода несколько убитых рабочих, в одном из которых я узнал Харитона.

Я подошёл к нему вплотную и перевернул его тело. Да, это был он. Сердце облилось кровью, и мне стало невыносимо жарко. От ужаса, охватившего меня, закружилась голова и я, отойдя в сторону, потерял сознание.

Очнулся от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, увидел над собой командира.

– Что с вами, ранены? – спросил он меня.

Я ничего не ответил и стал подниматься.

– Он сказал:

– Собираемся здесь. Всех поймаем и расстреляем прямо перед заводом.

Он влез на коня и ускакал, а я стал поднимать Харитона и, когда удостоверился, что он мёртв, медленно вновь побрёл к дому Василисы, чтобы поведать ей об этом страшном событии. Но сообщить женщинам о гибели Харитона у меня не хватило решимости. Постояв в оцепенении, я вернулся обратно и неожиданно увидел, как из проходной военные выводили группу рабочих, толкая их прикладами. Среди них был Дмитрий. Мне показалось, что он тоже увидел меня, потому что вдруг вскинул голову кверху и хотел что-то сказать, но сильный удар приклада подтолкнул его вперёд. Он стал падать, но как-то перевернулся и успел схватить руку командира. Тот выстрелил, и тело брата сползло прямо под брюхо коня, отчего тот фыркнул и отскочил в сторону.

Всех остальных, в основном пожилых рабочих, конники подтолкнули к забору, и, когда они в кровоподтёках и разорванных рубашках оказались все вместе, командир с ненавистью в голосе прокричал:

– Кто тут большевики, выходи!

Ни один из них не проронил ни слова. Они смотрели куда-то отрешённо, по всей видимости, уже не надеясь на жизнь.

– Что, молчите? Разбойники вы все и большевики! Где прячутся остальные бандиты? Молчите? Вон, ты, бородатый? – обратился он к самому старшему на вид рабочему. Жить ведь ещё хочешь? Отвечай на вопросы?

Но старик смело посмотрел на него и сказал:

– Мы не большевики, мы – рабочие. Это наш завод, и мы хотим жить и работать, а не воевать. Но завод никому не отдадим.

Командир опешил от такой дерзости, и, пнув старика ногой, зло сказал:

– Вы ответите за смерть наших солдат и за ослушание приказа командира и Верховного командования. Мы здесь наведём порядок.

Потом он приказал рабочим собрать трупы убитых и закопать их прямо здесь.

В это время к проходной стали подходить люди. Они кричали и плакали. Среди них я увидел Василису, подошёл к ней и рассказал о случившемся с Дмитрием и Харитоном, но она неожиданно сказала:

– Зачем ты привёл сюда солдат? Теперь столько горя выпало на нашу долю.

Только сейчас до моего сознания дошли эти ужасные мысли, что именно я являюсь виновником всей этой трагедии. Мне стало так невыносимо больно, что, не сказав ни слова, я побрёл по тропинке вдоль забора куда-то к лесу. Очнулся тогда, когда стало темнеть, и вернулся сначала к проходной, а затем – к только что появившейся возле неё могиле. Стоял и плакал навзрыд. Перед моими глазами проходила вся моя жизнь, и я подумал, что здесь она должна и закончиться.

Неожиданно за спиной раздалось лошадиное ржание. Повернувшись, увидел моего коня, смиренно стоявшего от меня в нескольких метрах.

Именно в этот момент мне был необходим такой друг, молчаливый и, казалось, всё понимающий. Подойдя к нему, я преклонил к нему свою голову, и слёзы, переполнившие горькую чашу отчаяния, обильно стали капать из моих глаз на мохнатую и чуткую его морду.

Придя в себя, я сел на него верхом и поехал в горы. Хотелось плакать и скакать, причём скакать подальше от этих мест. А куда убегать, было уже не важно, понимая, что сам разрушил все основы мирной и дружной жизни своего рода, боясь суровых глаз своего отца и плачущих добрых глаз моей мамы.

– Пусть лучше я для них буду пропавшим без вести или умершим, чем предателем своего рода, – думал я.

После случившейся трагедии все кадеты и этот правитель Колчак со своим кукольным окружением, к которым у отца и у меня ранее было благожелательное отношение, стали мне противны. Я желал потеряться в горах, представляя себя одиноким

отшельником и рисуя себе то пещеру в скалах, то построенную хижину для ночлега. Одновременно я подумал о родителях. Как будет переживать мама, когда узнает про все мои действия? А что скажет отец, которого я оставил в неведении моего поступка быть проводником этих жестоких людей? И тут же вновь предо мной предстала картина гибели сразу двух моих братьев, которые совсем недавно удивляли меня своей лёгкостью в общении, умением находить в природе практическую красоту жизни. И вот их больше нет.

Глава 31

Что будем делать дальше, друг мой?

Почти всю ночь конь нёс меня по горной тропе. Сколько прошёл он вёрст и куда он держал свой путь, мне было неизвестно. К рассвету я почувствовал усталость и, остановив коня, опустился на землю. Вокруг меня уже чётко вырисовывались горные вершины, деревья, дорога. Отпустив моего спасителя пощипать травки, я присел на камень, обхватив голову руками и заплакал. Конь, словно почувствовав мои душевные страдания, повернулся и уставился на меня своими большими глазами. Я тоже поднял голову, посмотрел на него и спросил:

– Что будем делать дальше, друг мой?

Он, конечно, не ответил, но, как мне показалось, мотнул головой, будто сказав:

– Поедем в горы искать себе утешение, мир отзывчив на людское горе.

Так, вновь усевшись на своего друга, к полудню мы набрали в верховьях гор на деревушку. Я заметил, как из крайнего домика вышла женщина, которая, завидев нас, остановилась. Подъехав совсем близко к ней, я спросил:

– Бабушка, как называется деревня? И далеко ли до города?

На что она ответила:

– Деревня наша Уржумкой прозывается, а близко ли, далеко ли до города не ведаю, не была я там никогда. Но сказывали, что святой Златоуст там творит.

– Нельзя ли у вас остановиться? Мы устали очень, – попросил я.

Старушка, внимательно посмотрела на меня и ответила:

– Вижу, вы, батюшка, не злой человек. Милости просим в наш кров. Я вот с внучкой живу, сами и дом содержим. Может, и дровишек поможешь нам припасти, а то самим нам не справиться.

– Отчего же не помочь, привезём, коли надо. Мне бы лечь поскорее. Устали мы оба с дороги.

Я слез с коня, оставив его у дома, а сам вслед за старушкой вошёл в сенцы. Там и указала она на угол, где лежало сено.

Не успев на него опуститься, как глаза сами подёрнулись пеленой, а тело погрузилось в мякоть пахучей сухой травы и растворилось во сне.

Больше суток я не смог открыть глаза. И хотя сознание подчас возвращалось ко мне, и я помнил про оставленного без привязи во дворе коня, но свинцовые веки, словно замки, держали закрытыми мои глаза.

Наконец, кто-то тронул меня рукой за плечо и произнёс:

– Милок, живой ли ты?

Резко вскинув веки вверх, я увидел всё ту же женщину, которая вновь произнесла:

– Глядь, глаза открыл. Что же ты так долго спишь, солнце уже второй раз всходит. Просыпайся, а то уж мы подумали, помёр, что ли?

А я смотрел на неё и не совсем понимал, что от меня хочет эта добрая бабуля. Но осознание моего присутствия здесь начало медленно приходить ко мне.

Я огляделся и понял, что от тяжёлых переживаний и усталости очень долго спал. В первый раз какая-то куча брошенного в угол сена стала для меня самой мягкой постелью, спасшей от смертельной усталости душу и тело.

Женщине я сказал:

– Да, я живой и иду к вам. Спасибо, за приют. А мой конь жив?

На что она, улыбнувшись, произнесла:

– Конь у тебя хороший, ждёт тебя. Вставай, щи уже на столе.

Вскоре я сидел за её обеденным столом и рассказывал о трагедии, случившейся со мной. Мне надо было выговориться, ещё раз понять себя, найти оправдательные мысли своего поступка, поразмыслить о будущем.

Надо признаться, эта уже пожилая женщина, как мне показалось, меня поняла, хотя и жила она своей жизнью, оторванной от действительности, переспрашивая меня, зачем стреляли друг в друга люди и погибли мои братья, думая, что это произошло в драке, которые иногда случались в её деревне. А когда я заговорил о случившейся революции, аресте царя и появлении адмирала как Верховного правителя России, то она замахала руками и сказала:

– Бог с тобой, не желаю об этом ведать.

Действительно, в деревне ещё не появлялись отряды ни белых, ни красных, даже слухи об этом не достигли ушей старушки.

И всё же она меня поняла, а её простая мудрость проникла в моё сердце и достигла понимания.

Она в ответ на мои страдания сказала:

– Поживи у нас, милоч, успокой свою душу, а потом поедешь к отцу-матери объясняться. Думаю, что они простят тебя, хотя этот твой поступок станет хорошим для тебя уроком. Надо обдумывать свои поступки до их совершения. Хотя, не сделав их, не поймёшь себя.

Так я решился остаться у бабушки пожить, думал на время, а оказалось навсегда.

Бабушке Алевтине, как она себя назвала, понравилось моё желание заняться хозяйственными делами в её доме, вокруг которого вскоре появились ограда и калитка. Это было очень важно для сохранности огорода, на который ранее заходил соседский скот.

Алевтина говорила, что теперь у них в доме всё так, как у людей. Мне нравилось помогать ей и потому, что работа отвлекала от тяжёлых мыслей. Целое лето провёл я у неё. Она стала относиться ко мне как к родному человеку, называя меня Володенькой. Я тоже называл её «моей бабулечкой» и относился к ней с большим уважением.

В конце лета в деревне для агитации молодых людей работать в разрабатываемых неподалёку от деревни карьерах появился из Златоуста человек. Я сказал бабулечке о своём желании работать, и она к моему удивлению поддержала меня, сказав:

– Я знала, что горы потянут тебя к себе, но не забывай меня. Ты ещё с внучкой моей не познакомился. Она учится и скоро ко мне приедет.

В Златоусте, куда я отправился по указанию этого агитатора, меня определили в геологи, узнав о моей учёбе в горном институте.

Так с геологическими экспедициями я вновь связал свою последующую судьбу, хотя к бабушке приезжал часто, не забывая помогать ей. Горы стали для меня убежищем от всяких потрясений. Одно только по-прежнему не давало мне покоя – желание найти родных мне людей, от которых я трусливо скрывался в экспедициях. Желание узнать о них какие-либо сведения пересилило мой страх, и на своём верном коне я отправился в деревню Уралочка. Дорогу мне указал один из старых геологов, работавших вместе со мной.

Как громко билось моё сердце на подъезде к деревне! Мне хотелось увидеть свою маму здоровой и счастливой, но ощущение того, что это было не так, кружило мою голову нездоровыми мыслями и представлениями о ней. Я не видел чётких границ этого периода её жизни, и в моём представлении всё чаще и чаще возникали картинки нашей екатерининской жизни. Это было счастливое понимание того, как надо было жить, как надо строить отношения в семье, где всё было с радостью и любовью подчинено взаимопониманию, стремлению всё второстепенное подчинить главному – добросердечному отношению друг к другу. Мы, дети, жили в окружении любви взрослых к нам, в желании собираться вместе по вечерам, слышать истории о жизни, в которых всегда присутствовала поучительная доброта и мудрость.

Я желал видеть это счастливое лицо моей мамы, но сознание того, что увижу её в слезах, страдающей и несчастной, очень сильно терзало меня.

Подъезжая к дому, я остановил коня, чтобы собраться с мыслями и хотя немного успокоить свои чувства. Дверь в дом была отворена и, войдя в комнату, я увидел её. Она сидела у окна, а, услышав шаги, как-то медленно повернула голову в мою сторону, но затем, словно вспыхнув, резко поднялась. Я поспешил к ней навстречу и, обхватив её руками, произнёс:

– Здравствуй, мама. Как я рад тебя видеть.

– Где же ты был столько времени? Я верила, что ты вернёшься, а вот отца у тебя больше нет, – сквозь слёзы сказала она, повиснув у меня на груди.

Словно ком застрял в моём горле, услышав такую новость. Я стоял, не в силах вымолвить ни единого слова, считая, что

и смерть отца тоже стала причиной моего поступка, которому нет оправдания. Ведь, если бы я вернулся в Екатеринбург, то отец был бы с нами. Слезы отчаяния выступили из моих глаз.

Мама, почувствовав моё состояние и сняв свои руки с моих плеч, посмотрела в мои глаза и произнесла:

– Мы выплакали по нему все слёзы, ведь прошло уже больше года, однако я не могу этого забыть. Как могло такое случиться? Ведь он ехал к нам, а его убили по дороге. И ехал он не один, а с Федькой, твоим двоюродным братом, сыном Анны, который был у него. Какая-то банда встретились им на пути, хотели отнять коня, а он вступил с ними в спор. Мужики привезли его в деревню, здесь и похоронили.

Пётр не услышал, как к ним подошла его сестра Катя, сказав:

– Ой, беглец явился.

– Катька, ты, что ли? – от неожиданности выпалил я.

– Я. А вот где ты пропадал? – с укором ответила она.

Мама сказала:

– Ладно, Катя, самое главное, что он живой вернулся.

После некоторой паузы она продолжила:

– Сын мой, нам тебя так не хватает. Я постоянно плачу, не могу успокоиться. Думала, что потеряла сразу двух моих дорогих мужчин. Как мы хорошо жили раньше, а теперь? Катя меня успокаивает, мол, ничего, проживём. А как прожить, когда в душе покоя нет?

Потом она долго рассказывала, как в первый год их приезда из города, в деревне вспыхнули пожары, в которых погибли почти все амбары с запасами еды. Как говорили, какие-то люди ночью подожгли сараи у большинства старообрядцев. Зачем это они сделали, было непонятно деревенским жителям.

Мама с сестрой оказались в деревне лишними ртами, хотя, конечно, родственники делились с ними всем, чем только могли. Особенно трудно было весной, когда они ходили по полям, собирая мёрзлый картофель. Она также рассказала, как в эти трудные дни не стало дедушки Родиона Олеговича и бабушки Марины Петровны. Их похоронили в одной могиле.

Я попросил немедленно отправиться на кладбище. Пока шли, я подумал, что наступил ужасный момент мучительного осознания моей вины перед собой и ими.

Вскоре мы остановились перед тремя холмиками земли.

Мама сказала:

– Вот здесь теперь покоятся наши родные люди, – и стала руками выравнивать и без того аккуратную грядку, чувствуя незримую связь с лежащим под землёй её мужем и заботясь о нём так же, как это делала при жизни в своём доме.

– Вот, нашёлся твой сын, явился целым и невредимым, – глядя на крест, установленный на могиле, проворчала она.

И мне показалось, что она вновь почувствовала себя женой и хозяйкой в доме, её глаза засветились, а руки быстро пробежали по грядке, убирая выросшие сорняки.

На следующий день я пошёл к своему двоюродному брату Фёдору, чтобы из первых уст узнать детали гибели своего отца.

Он рассказал, что по просьбе моей мамы он отправился в Екатеринбург проведать Петра Петровича и, найдя его там душевно и физически нездоровым, предложил отправиться с ним к жене и дочери в Уралочку. Понимая, что сохранить училище ему не под силу, тот согласился. На полпути к деревне им встретилась вооружённая банда людей, которая, окружив бричку отца, грубо потребовала от него еду. Особенно старался один из них, которого другие называли атаманом.

– Эй, барин, сукин сын, – кричал он, – подай-ка нам хлеба, а то мы жрать хотим. Да побыстрей! – кричал тот на Петра Петровича, наставив на него своё ружьё.

Ответ был таков:

– Ты кто, атаман? За кого воюешь?

А тот ему:

– За кого, за кого? Да, теперь только за себя. Делай, что говорю.

Отец посмотрел на него и сказал:

– А я думал, что ты за народ воюешь. Вот адмирал Колчак, так тот воевал за народ, а вы, казаки, его предали, и теперь обижаете честных людей.

Неожиданно тот выстрелил в воздух, и закричал:

– Смотрите, братцы, какой барин! Забирай всё, что плохо лежит.

И толпа всадников, спрыгнув со своих коней, разбросала всё, что находилось в бричке.

Фёдор испугался, и пока казаки развлекались делёжкой награбленного имущества, вскочил на коня и ускакал.

Когда же он вернулся обратно, то банда исчезла, пропал и конь, а возле разгромленной брички лежало бездыханное тело Петра Петровича.

Пока Фёдор рассказывал эту трагическую историю, в моём сознании всё сильнее и сильнее возникало желание обвинить его в предательстве и трусости, хотя я не нашёл в себе смелости сказать ему об этом открыто. Позже, мне стало понятно, почему я этого не сделал.

– Брата судить – себя укорить, – подумал. В его поступке я увидел не только своё малодушие, но ощутил высокую степень тревожности, какой-то беспредметный до конца неосознанный страх и бессилие от того, что уже ничего невозможно исправить.

Я очень любил отца, бывший центром притяжения судеб многих людей, который ради горного дела и справедливости готов был жертвовать даже жизнью.

Я высказал эти мысли маме, на что она сказала:

– Я любила твоего отца за его устремлённость и личное мужество, честность и порядочность. Вот видишь, так он и умер, не испугавшись даже бандитов. Как хорошо, что ты это понял.

Целый месяц провёл я в деревне рядом с мамой и сестрой, но впереди меня ждала работа, новые геологи и новые трудности. Дав слово забрать вскоре маму и сестру с собой, а пока помогать им материально, я покинул их. Они хоть и плакали, провожая меня, но разделяли моё желание быть геологом.

В то же лето, спросив разрешения «своей бабулечки», я перевёз их жить в свою деревню.

Спустя примерно год я встретил и свою любовь. Моей женой стала внучка «бабулечки», прибывшая к ней летом.

Звали её Полина, жизнерадостность и красота которой поразили меня. О своём чувстве к ней как бы в шутку я поделился с бабушкой, которая тоже как бы в шутку ответила:

– Ну что ж, мы подумаем над твоим предложением.

Мы поженились. Свадьба была скромной в присутствии бабушки, моей мамы и сестры. За год я сумел рядом с бабушкиным домом построить свой домик, в котором мы и поселились. Вскоре у нас появился вначале один сын, а через год и второй.

Станция Уржумка, построенная на высшей точке Уральского хребта стала для всех нас новой родиной, в которой я нашёл свой высокий смысл жизни. Обозначенная каменным обелиском проходящая здесь граница между Европой и Азией словно и мою жизнь разделила на две части: позади осталось детство и юношеские устремления, впереди была новая взрослая жизнь, где женщины

воспитывали детей, а я заботился о них и делал всё возможное, чтобы они были счастливыми.

Моя семья стала моим тылом. Я любил этих прекрасных людей, маму, сестру и бабушку, и, конечно, свою жену и двоих сыновей, которым отдавал всю мою жизнь и любовь. Отсюда я уходил на передовую в свои экспедиции. В этих многочисленных походах я проживал маленькие трудовые отрезки жизни, формировавшие мой характер и накапливавшие мой геологический опыт, знания и умения выживать даже в самых невероятных условиях суровых уральских гор.

В экспедициях формировалась и моя философия. Я трудился и жил среди крепких, скуластых, лобастых, широкоплечих, с громадными кулачищами людей, которые не просто зарабатывали деньги, но сохраняли в себе высокую ответственность перед Землёй и человеческим родом. Они боролись за рациональное использование энергии гор. Им было не важно, кто перед ними находился, начальник или рабочий, если горы всё равно для них были главнее.

Моя семья принимала эту философию и жила по заведённым у нас правилам. Мы хотели своих детей сделать счастливыми, и я был уверен, что счастливым человек бывает только у себя дома. Мы были правдивыми и честными как по отношению взрослых к самим себе, так и к нашим детям. Мы воспитывали только такие отношения, которые не разъединяли, а соединяли друг друга и поддерживали всякую деятельность, приносящую благую пользу семье. Мне хотелось, чтобы наши дети слушали советы только добрых людей, потому что надменный и упрямый человек, по моему мнению, становится жертвой своих заблуждений.

Время летело так быстро, что мы не заметили, как выросли наши дети...».

На этом повествование Владимира Петровича почему-то оборвалось, и Иван подумал, что прерванный рассказ тоже о многом говорит.

Вспомнились слова, сказанные им в экспедиции, о том, что человек делает себя человеком только тогда, когда он уважает жизнь предков, проявляет милосердие к людям, стремится к любви, красоте и возвышенному познанию мира. И действительно, он имел право это сказать. Ведь сколько жизней им прожито, сколько событий пережито, сколько искренности вложено в его душу, ставшей жизненным ориентиром. Всё это заложило в нём огромный заряд

энергии, способствовало поиску его собственного пути, трудного и интересного.

Иван понял, что и его предки были мудрыми людьми, красивыми и свободными, сердцем и душой искавшие свою счастливую дорогу жизни. Это были гордые и свободные люди, сросшиеся с таинственной страной гор. Владимир Петрович был похож на них, трепетно чувствуя то, что переживали они.

Говорят, сердце не камень, подразумевая под понятием камень что-то неодушевлённое и бесчувственное, но, раздумывая над судьбой Владимира Петровича, Иван понимал, что это не так. Камни в его понимании чем-то были похожи на людей, обладая своей внутренней жизнью и необыкновенной красотой.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Глава 32

Холодная вода хлестала гранит

Не освободиться нам от тревожного чувства,
порождённого расставанием с родным домом

Было уже далеко за полночь, когда Иван, засыпая, ещё раз, обдумывая прочитанное, убедился, что Владимир Петрович был необыкновенным человеком, и решил, что завтра же отправится по адресу, указанному им.

С утра, попросив Надежду Петровну побыть с мальчиками, он предложил Маше посетить дом Брусницыных. Маша согласилась.

По пути к дому Иван рисовал в своём воображении живые картинки: ямщика, подвозившего Пётра Петровича и Надежду Романовну, прихожую квартиры, где Николай Львович, её хозяин, помогал Наденьке снять шарфик и, целуя ручки, приглашал в зал. Он отмечал обстановку большой гостиной с резными высокими комодами в золочёных орнаментах, мягкими округлой формы стульями и кожаными диванами, обилием тонкой фарфоровой посуды и балетными статуэтками, расставленными по разным местам большой квартиры.

– Как предстанет перед ним эта квартира теперь? Кто там живёт сейчас? Что это за люди? – задавал он себе вопросы.

Об этом по пути к их дому Иван говорил Маше, слушавшая его молча, кутаясь от ветра в меховую шубку.

Но вот и дом. Войдя в открытый подъезд и поднявшись на второй этаж, они остановились возле квартиры, где сбоку от двери обнаружили бронзовую табличку: «Профессор Николай Львович Брусницын».

Высокая двухстворчатая дверь, окрашенная тёмно-коричневой краской, выделялась бронзовой ручкой с изображением головы льва с полуоткрытой пастью.

Так как кнопки для звонка не оказалось, Иван постучал несколько раз в дверь ладонью. За дверью откликнулся женский голос:

– Кто там?

Иван ответил:

– Извините, можно с вами поговорить о Николае Львовиче Брусницыне? Мы ищем о нём и его жене Ларисе Игнатьевне любые сведения.

Дверь открыла пожилая женщина и, увидев молодых людей, спросила, кто они и кем являются бывшим хозяевам квартиры.

Иван рассказал о причине появления их здесь, и также сообщил, что живут они недалеко, тоже на Крюковом канале.

Женщина впустила их в прихожую и, попросив подождать несколько минут, ушла.

Иван оглядел помещение, показавшееся ему маленьким и полутёмным, с ветхой мебелью, однако, потолки отмечали некогда бывшее изящество: по всему периметру круговой чертой расходились узоры старинной лепнины.

Вскоре явилась хозяйка, назвавшаяся Ниной Власьевной.

Она сказала, что сама никогда не видела Брусницыных, но табличку по её просьбе не снимают в знак уважения к этим людям.

Женщина принесла письмо, присланное Ларисой Игнатьевной на адрес своей бывшей квартиры более двадцати лет назад и сохранённое ею.

Она разрешила его прочитать, сказав, что, если оно будет им интересно, то милости просим прийти к ней вновь.

Письмо, написанное мелким красивым почерком и уместившееся на двух страничках, было из Парижа и начиналось словами:

– «Здравствуйте, незнакомые жители моей квартиры, знайте, что мы выехали из неё не по собственной воле. Нас вероломно изгнали вооружённые люди, ворвавшиеся к нам с обыском. Тогда всё подверглось конфискации и погрому».

Далее она сообщала о том, как они вместе с мужем с болью в душе уезжали из Петербурга в Крым, откуда на кораблях вместе с войсками и многими гражданскими лицами отбыли во Францию. В пути в результате сердечного приступа умер Николай Львович, а она, испытывая унижение, голод и холод эмиграции, оказалась в Париже и никогда не забывала свой Петроград.

– «В моей душе навсегда остаётся тоска по Петербургу, по России. Боженька, неужели всё так и останется? Помилуй Россию, помилуй меня!», – восклицала она, продолжая верить и молиться за свою Родину.

Ей часто снился Крюков канал, а также бирюза Никольского собора, Нева и белые ночи. Перед её глазами также постоянно возникал образ Божьей Матери, умиротворявший её и вселявший надежду на то, что она когда-нибудь вернётся в Петербург.

Во Франции ей предложили преподавать французским девочкам балетные танцы, что спасло её от голода.

– «И всё же для французов мы всегда будем эмигрантами, а, значит, чужими, и не освободиться нам от тревожного чувства, порождённого расставанием с родным домом. Мы в Париже находимся между двумя мирами: тем, который тебя изгоняет и тем, который тебя отторгает», – делала она свой вывод об эмиграции.

В конце своего письма бывшая хозяйка квартиры просила сообщить ей о том, каким стал Петербург, кто живёт в квартире и в каком состоянии она находится.

Нина Власьевна выполнила просьбу бывшей хозяйки квартиры и отправила письмо по указанному адресу с описанием квартирных жильцов и перепланированных комнат. Рассказала она и об их жизни, но уже не петербуржцев, а ленинградцев. Однако, больше ответных писем не было.

Иван поблагодарил хозяйку за рассказ и её разрешение прочесть и даже переписать некоторые отрывки из письма и попросил показать им и квартиру.

Женщина согласилась и повела гостей по длинному и узкому коридору, казавшемуся им вытянутой трубой без окон и надлежащего освещения. Из коридора в комнаты вели пять одинаковой конструкции дверей, в одну из которых хозяйка и пригласила войти.

Комната оказалась просторной с двумя большими окнами, выходившими на канал. Хотя обстановка комнаты была более чем скромной, Иван всё же отметил для себя остатки дворянской роскоши: мраморный белый туалетный столик с большим позолоченным по краям зеркалом, да на потолке округлый узор из лепнины с большой хрустальной люстрой, висевшей посередине.

Усадив молодых людей за стол, хозяйка стала поить их чаем с ароматным вареньем.

Женщина рассказала историю и своей жизни. Оказалось, что они с мужем и двумя детьми получили две комнаты в этой коммунальной квартире ещё до войны. Муж погиб на фронте. В годы

блокады выжил только один старший сын, проживавший ныне с семьёй в соседней комнате.

Милая хозяйка оставила о себе добрый отпечаток ленинградского гостеприимства.

Поблагодарив её и выйдя из квартиры, Маша и Иван ещё раз обратили внимание на табличку с именем профессора. Покинув подъезд дома, они направились к Неве. Это было желание Маши.

Когда они вышли к её широкой панораме у Благовещенского моста, то увидели, что река не замёрзла, и мощный поток вод свинцовыми холодными волнами уносился в сторону Финского залива. Вода приподнялась над острыми гранитными водоразделами, омывая их.

Маша, кутаясь в свой короткий полушубок, сказала:

– Как сильно свистит ветер и быстро течёт вода. Я представляла себе Неву более ласковой.

У одного из спусков она сошла на несколько ступеней вниз и долго смотрела на тёмные воды, заполнившие собой ступени.

Холодная вода хлестала гранит, посылая брызги в сторону Ивана, который, поняв, что пришли они к Неве не в то время, обнял жену и сказал:

– Маша, Нева не всегда бывает такая. Сегодня она по-зимнему сердитая.

Вскоре молодые люди пришли домой и удивились тому, что братья мирно спали на бабушкиной кровати, обнявшись.

Надежда Петровна рассказала, как Серёжа, изображая из себя собачку, на четвереньках вначале стал шутливо лаять на маленького братика. Ваня, быстро сообразив ситуацию, тоже встал на четвереньки и, подражая, ответил брату такими же лающими звуками. А потом были догонялки друг друга до тех пор, пока братья не устали. Серёжа помог Ване забраться на бабушкину постель, на которой они улеглись и сладко уснули.

Посещение квартиры Нины Власьевны и содержание письма Ларисы Игнатьевны с волнением были восприняты Иваном. Он решил обо всём этом в этот же день написать автору рукописи.

«Дорогой мой человек, Владимир Петрович! – начал писать он и задумался.

Перед глазами пробежали давние годы счастливой супружеской жизни хозяев петербургской квартиры и первые дни жизни его

друга, которым радовались его родители. И как же быстро всё изменилось. И почему же прекрасное начало такое недолговечное?

Однако, эти мысли Иван не хотел развивать в своём письме. Наоборот, ему хотелось вселить в душу Владимира Петровича уверенность в торжестве жизни, и он продолжил его так:

«Мне было радостно увидеть вас на моей свадьбе, и после нашего общения, я понял, что у каждого из нас есть своё человеческое время, которое испытывает нас на способность жить в самых разных обстоятельствах. Оно терзает нас до тех пор, пока мы ему не сдадимся. Мне очень хочется, чтобы вы, несмотря на постигшие вас горестные события, сопротивлялись ему и не сдавались. Я помню вас в экспедициях, когда вы показывали нам всем пример выносливости, трудолюбия и дисциплины, отцовской любви и милосердия. Я следовал вашему примеру, считая ваши действия единственно правильными.

Ваша рукопись открыла мне те жизненные истоки, из которых, кажется, и вы черпали свои силы. Она написана с большой любовью к родным людям, и часто ваши мысли и чувства становились моими, отчего я растворялся в них.

Дорогой, Владимир Петрович, мы выполнили вашу просьбу и побывали в доме на Крюковом канале, в котором вы начинали свою жизнь. Теперь это большая коммунальная квартира, в которой живёт несколько семей. Это хорошие люди, ленинградцы. Одна из хозяек комнаты, Нина Власьевна, познавшая ужасы блокады в годы войны, встретила нас приветливо. Мы осмотрели квартиру, в которой ещё осталась память о Ларисе Игнатьевне и Николае Львовиче. Это были остатки былой роскоши дворянского убранства Ларисы Игнатьевны в виде её белого мраморного туалетного столика с позолотой и зеркалом. По вашим воспоминаниям я представил её за ним и мысленно восхищался красотой этой женщины. А о хозяйине до сих пор напоминает сохранившаяся перед входной дверью усилием Нины Власьевны медная табличка с надписью «Профессор Николай Петрович Брусницын». Я посылаю вам и отрывки из письма Ларисы Игнатьевны, присланного двадцать лет на адрес своей квартиры».

Далее Иван полностью переписал их и выразил своё отношение к их содержанию такими словами:

«История Николая Петровича и Ларисы Игнатьевны больше даже не личная история, она выходит за рамки понимания страда-

ний одного человека. Это страдание многих людей, страдание целого города и даже страны. Мне очень близкими оказались слова о том, что только вера и надежда укрепляет в человеке силу духа. С помощью веры Лариса Игнатьевна нашла себя и сумела выжить. Пусть вас тоже спасёт вера в то, что найдутся ваши сыновья, улучшится ваше здоровье, организуются новые экспедиции, появятся вокруг вас много хороших людей.

Напишите мне, дорогой Владимир Петрович, я с нетерпением буду ждать вашего письма. Верьте в лучшее».

В тот же день Иван отправил письмо на его адрес.

Глава 33

Познай самого себя

Прошло несколько месяцев. Иван очень ждал ответа от Владимира Петровича и несколько раз за это время перечитал его рассказы. И вот в начале весны ему вручили от него долгожданное письмо.

«Дорогой Ваня, получил твоё письмо. Оно и обрадовало меня и огорчило, – писал он.

Обрадовало потому, что, прочитав его, я почувствовал возвращения к себе того чистого Начала, которое было и которого я не помню. Ведь рано или поздно, под старость или в расцвете лет, наш внутренний зов требует осуществления несбывшихся надежд. И вот теперь, когда я прочитал твоё письмо, мне кажется, я дотронулся до этой прощальной руки моего, казалось, Несбыточного мира, истоков моего детства. По рассказам своей матушки, оно было трепетно чистым и непорочным, сладостным сном далеко ушедшего времени, обставленного деталями детских фантазий.

Вместе с прочитанным письмом я словно наяву ощутил и даже прошёл с тобой, Иван, этот короткий путь петербургской младенческой жизни, где в обстановке тонких деталей быта присутствовало маленькое моё тельце, окружённое заботой моих дорогих родителей. Сейчас я словно слышу приветливые слова хозяев той квартиры, которую вы посетили, и ощущаю ту лёгкость, с которой они общались между собой. Эти чистые и честные отношения

Николая Львовича и Ларисы Игнатъевны повторили и мои родители. Я наблюдал их все последующие годы моей юности. Всю жизнь я хотел прикоснуться к тому миру, где я когда-то появился на свет. Конечно, мне хотелось узнать о судьбе Николая Петровича и Ларисы Игнатъевны.

И вот теперь я с прискорбием узнаю, как жестоко разбилась та лодка доброты, в которой они находили своё счастье.

Да, я соглашусь с тобой в том, что история Николая Петровича и Ларисы Игнатъевны больше уже не личная история, она вышла за рамки понимания страданий одного человека.

Ты очень сильно сказал, что у каждого из нас есть своё человеческое время, проверяющее нас на прочность и способность жить или не жить. И я подумал, может быть, это кто-то там наверху сознательно испытывает нас за наши совершённые грехи.

Ведь и ты пострадал за что-то. Помню, как ты трепетно переживал разлуку со своей любимой Машенькой и, уезжая тогда на Урал, не мог предположить, что разлучаешься с ней навсегда. Мы, люди, какими бы мудрыми не были, но, не имея путеводаителя в душе своей, часто заблуждаемся на своём пути. Я тоже наказан. Какой грех я совершил? Может из-за моего необдуманного юношеского поступка, в результате которого погибли двоюродные братья Дмитрий и Харитон? Я виню себя и за гибель моих братьев Дмитрия и Харитона. Я страдаю по поводу смерти моего отца Петра Петровича, ведь не покинь я его в трудный час, он остался бы жить. Моя самонадеянность и трусость тогда сыграли не последнюю роль в этом, ведь я покинул всех своих родственников, забыв дорогу в деревни, в которых провёл своё детство. Я оплакиваю свою жену и моих дорогих сыновей, погибших на полях войны. Я даже не знаю, где они похоронены и похоронены ли вообще. Я так страдаю! Я признаю свои грехи и поэтому теперь каждодневно каюсь за них, ведя уединённую жизнь.

В день похорон моей жены, ко мне неожиданно явились староверы, мои дальние родственники по линии матери. Они, умные, глубоко верующие и мудрые по жизни люди, простили меня и указали путь к вере. Вот и у тебя в письме было написано, что только вера укрепляет в человеке силу духа, с помощью которой и Лариса Игнатъевна сохранила в себе человека и сумела выжить.

Только теперь я понял, что людям, вступившим на широкий и пространный путь неосмысленной свободы, предсказывается горький путь.

Ты молод и вся твоя жизнь впереди. Я молюсь и радуюсь за тебя, поэтому хочу предостеречь тебя от неверных шагов, преподанных мне жизнью.

Я говорю: познай самого себя. Кто познаёт себя, а это требует строгого испытания совести, к тому приходит действие смирений, отсекающих душевные страсти: раздражительность чувств, надменность и тщеславия характера.

Я говорю: сокрушай своё сердце, вводя для этого всё, что могло бы смирить свои излишние желания в деньгах, вещах, одежде, походке, во всех принадлежностях. Кто любит блеск вещей, тот не может приобрести свободных мыслей, а если ты будешь непристрастен к этому, то удобно исполнишь всякую добродетель, не ссорясь и не творя зла.

Я говорю: храни свою совесть с чистотой в мыслях, в словах и в делах, и она сделает и жизнь твою истинной, чуткой и сильной против зла. Если будешь хранить её таковою, то она приобретёт ещё большую силу и в доброте своей станет править твоей судьбой.

Я говорю: никого не суди и не обличай, но в каждом человеке ищи хорошие помыслы, вразуми согрешающего, но не осуждай падающего.

Не завидуй тому, кто идёт вверх, но лучше считай всех людей высшими себя. Если же тебя станут хвалить за дела твои, не радуйся и не услаждайся тем. Иди путём терпения.

Я говорю: следуй трём добродетелям: любви, воздержанию и молитве. Любовь укрощает гнев, милует и благодетельствует ближнему человеку. Воздержание позволяет быть твёрдым духом в несчастьях, помогает ждать конца искушения, не развиваться гневом, не говорить неразумные слова. Молитва, отрешая ум от всех помышлений, делает человека ребёнком, чистым и естественным в своих помыслах и делах.

Не сохраняй в уме своём грехов, некогда совершённых тобою, чтобы они опять не возобновились, и покайся с молитвой перед богом, ибо покаяние есть прощение об очищении содеянного поступка.

Люби покойную жизнь и не входи в круг тех, у коих вся забота о суетностях, и если случайно попадёшь в среду их, будь таков, как бы тебя там не было.

Запомни, каждый поступок человека является камнем, брошенным в мир людей, поэтому не руби с плеча.

Надо явить миру свою духовность, то есть ту атмосферу, в которой будут происходить твои действия на основе вышесказанных мыслей. Это мои тебе наставления.

Сейчас у тебя начинается новая жизнь, и мне было радостно увидеть тебя со второй женой, хотя чистым браком может только первый.

Я уже прожил свою жизнь и, удалившись в высоты гор, помышляю об обстоятельствах на суде испытаний и пред очами высшими имею всегда час смертный.

Моя жизнь теперь среди камней, нет, не среди, а внутри камней, оттуда из недр Урала я буду посылать тебе свои слабые веточки. Да, моё время закончилось, хотя терзает оно меня очень сильно, но я сказал и сделал всё, что мог».

Письмо очень взволновало Ивана, и он показал его вначале Маше, которая не стала читать, сославшись на головную боль, а потом Надежде Петровне, которая, прочитав его, сказала:

– Да, Ваня, мудрый человек встретился на твоём пути. Пора и тебе набираться мудрости, однако, надо учесть, что жизнь часто слагается не так, как мы хотим, а так, как она получается.

Иван понял, что это были последние откровения учителя и друга, и что надо немедленно спасти его.

С этой мыслью он принялся писать письмо своему тестю, в котором просил его отправиться в Уржумку.

Примерно через месяц пришло письмо от Ростислава Викторовича.

– «Просьбу твою, Ваня, я исполнил, однако, найти Владимира не удалось. Дом его, стоявший на краю посёлка, оказался пуст. Сосед по имени Григорий сказал, что с месяц назад старый геолог ушёл в горы и больше не возвращался», – написал тот.

Прочитав письмо полностью, Иван задумался. Вот и прошла жизнь этого замечательного человека. Его образ он представлял себе теперь восседавшим на высокой и необычайно красивой скале, затерявшейся где-то под облаками над просторами Южного Урала.

Глава 34

Я расскажу тебе тайну

Письмо Владимира Петровича и его последующее исчезновение в горах оставили в душе Ивана пронзительное чувство недосказанности.

Однако, жизнь продолжалась. Работа в институте отнимала у него много времени: ещё до конца не сформированный отдел, которым ему предложили руководить, требовал максимум внимания: готовились задания для экспедиций, требовавшие новых знаний, было много организационной работы, поэтому приходилось оставаться в институте и вечерами.

Бабушка каждый день отводила Серёжу в школу и встречала его. Ванечка оставался дома с мамой. Постепенно сложилась такая ситуация, что каждая из женщин больше обращала внимание на своего ребёнка, мальчики же тянулись друг к другу.

Каждый день Ванечка ждал Серёжу из школы, желая играть и общаться с ним, но Маша всякий раз останавливала его, говоря:

– Серёжа после школы должен делать уроки, а не играть с тобой.

Когда же старший брат садился за уроки, то младший, несмотря на возражения своей мамы, всё равно тихонько подходил к нему и смотрел, как тот ручкой на белой бумаге делал разные закорючки. Однажды в отсутствие брата он и сам рискнул взять в руки ручку, но опрокинул чернила и залил ими не только лист бумаги, но и весь стол. На это действие женщины отреагировали по-разному: бабушка, погладив его по головке, сказала «вот подрастёшь, и тоже будешь учиться» и заменила скатерть, а мама ругала его, говоря «ты поступил плохо, Серёжа больше с тобой не будет играть». Серёжа же попробовал даже учить своего братика выводить каракули, хотя Ванечка с трудом мог не только наносить буквы на лист бумаги, а даже держать ученическую ручку. Слишком маленьким он ещё был.

Все эти попытки мальчиков учиться вместе приветствовала Надежда Петровна, хотя они не прошли и мимо внимания Ивана.

Однажды, когда Иван пришёл с работы, то застал братьев за такой игрой, где Серёжа был учителем, а Ванечка учеником.

Он, подозвав свою жену, сказал ей:

– Маша, ты видишь, как старший брат с интересом передаёт знания младшему. Хорошо, что у нас есть два сына.

Однако Маша не только не отреагировала на эти слова Ивана, но решила отвлечь его внимание от них, сказав:

– Ваня, на моей душе лежит камень, который теснит её и требует, чтобы я рассказала тебе тайну.

Заинтригованный Иван, спросил:

– И что же это за тайна, терзающая тебя?

Маша увела его в спальню и, наконец, рассказала ему в том, как скрыла от него письмо о гибели первой жены и мамы Серёжи.

Иван ответил на это так:

– Хорошо, что твоё желание быть со мной разрешилось нашим Ванечкой. Кто знает, как повернулась бы моя жизнь, если бы не этот твой поступок? Мы предполагаем, а высшая сила располагает нас к тем или иным действиям. Вот, скажи, счастлива ли ты сейчас, живя со мной?

Маша не ожидала такого вопроса, думая, что Иван будет укорять её, и запнулась в своём ответе. Если бы этот вопрос был ей задан в Златоусте, то она ни минуты бы не колебалась с ответом, но сейчас у неё не сложились хорошие отношения со свекровью. Нет, они никогда даже не поругались, но что-то отделяло их друг от друга. Она думала об этом много раз и поняла, что дело в Серёже, потому что не могла дать ему ту любовь, которую отдаёт своему Ванечке. Свекровь чувствовала это, поэтому свою любовь в большей степени посвятила старшему внуку.

И всё же, несмотря на это, Маша сказала:

– Иван, я тебя люблю, но ты мало бываешь дома, а мне трудно общаться с Надеждой Петровной.

На что Иван ответил:

– Я понимаю тебя. У меня есть предложение, в нашем отделе освободилась должность младшего научного сотрудника. Хочешь ли ты окунуться в дела института? Там же можем устроить ребёнка в детские ясли. Будем втроём утром уходить, а вечером возвращаться домой.

На это предложение она согласилась, и уже через несколько дней всё устроилось наилучшим образом.

Глава 35

Встреча в день победы

Наступила весна. Уже растаял снег, и солнце всё сильнее и сильнее грело на улицах Ленинграда.

Иван вспомнил о желании Фёдора Андреевича Старостина, с которым он работал на Танкодроме, посетить его дочь Светлану и её мужа Анатолия, решив первый раз отправиться к ним один.

И вот он уже идёт по Суворовскому проспекту, оглядывая с особым пристрастием старинные здания, где в глубине проспекта особенно изящно выглядывало высокое голубое здание собора Смольного монастыря.

Наконец, Иван нашёл дом номер пять, окрашенный в жёлто-белые тона, и, оглядев его лицевую сторону, вошёл в подъезд. Он почувствовал, как учащённо забилося его сердце, так у него всегда бывает перед встречей с незнакомыми людьми. Остановившись перед дверью квартиры и немного успокоившись, нажал на кнопку звонка.

Дверь отворилась, и Иван сразу узнал Светлану, так она была похожа на своего отца.

– Здравствуйте, вы к нам? – спросила она.

Иван сказал:

– Да, к вам. А вы Светлана, я полагаю? Здравствуйте.

– Светлана, – ответила та

– Я – Иван Шишков, хочу передать вам приветствие от ваших родителей из Челябинска.

– Здравствуйте, Иван, милости просим к нам, – сказала она и жестом руки пригласила его в прихожую.

– Анатолий, к нам гости. Это тот самый Иван, о котором писал нам папа. Принимай его, – крикнула она в полуоткрытую дверь.

Сразу же из двери вышел среднего возраста мужчина, протянувший ему руку.

– Очень хорошо, что заглянули к нам. Мы вас ждали. Фёдор Андреевич написал нам в письме, что вы работали с ним и очень тепло о вас отзывался. Снимайте пальто.

Иван помнил, что Фёдор Андреевич говорил об Анатолии, как о серьёзном человеке и почувствовал себя скованно.

Анатолий же сам начал разговор, сказав:

– Приятно встретиться с понимающим тебя человеком, ведь я тоже окончил Горный институт.

Анатолий пригласил его в комнату и попросил рассказать об Урале. Пришлось говорить и о Таганае, и о Танкодроме.

Хозяин квартиры его не перебивал, слушал внимательно до тех пор, пока не появилась Светлана, позвав обоих в другую комнату, где был накрыт с угощениями стол.

Когда все уселись, Анатолий сказал:

– Иван, Фёдор Андреевич проявлял к вам самые искренние чувства и мы надеемся, что подружимся с вами и будем встречаться.

Говорили всё больше о новостях, перекликавшихся с их работой: Иван – о своей экспедиции и танкодроме, Светлана – о газете, в которой работала, пригласив даже поучаствовать на её странице в обсуждении какой-нибудь волнующей мир темы.

Анатолий о своей работе в Смольном не говорил, всё больше поддерживая их мысли, но в конце встречи сказал:

– Иван, Фёдор Андреевич просил меня посодействовать установке в вашей квартире телефона. Не знаю, как это у меня получится, но я постараюсь.

Светлана и Анатолий ещё настояли на том, чтобы их следующая встреча произошла в день Победы и обязательно в присутствии всей семьи Ивана. На этом они и расстались.

А через несколько дней в квартире Ивана неожиданно для него самого установили телефонный аппарат красного цвета, на который с завистью засматривались дети, желая услышать идущий оттуда гудок. Иван некоторое время не понимал, зачем он ему нужен, ведь звонить было некому.

Телефонный аппарат без признаков жизни простоял три дня, и вот, наконец, он зазвенел, да так громко, что Надежда Петровна, находившись рядом с ним, вздрогнула и, подняв трубку, услышала женский голос:

– Здравствуйте, это квартира Ивана Шишкова? Меня зовут Светлана. Хочется узнать, кому установлен этот телефон?

Надежда Петровна стала говорить, что Иван находится на работе, и что она – его мама.

Светлана переспросила:

– Я правильно поняла, что телефон установлен на квартире Ивана Николаевича Шишкова?

– Да, вы правильно поняли.

– Тогда скажите Ивану, чтобы он перезвонил, – и назвала номер.

Вечером Иван пришёл с работы и набрал номер, а услышав долгий гудок, стал ждать ответа.

В трубке женский голос ответил:

– Алло, я вас слушаю.

Иван, звонивший по телефону первый раз в жизни, вдруг замолчал и не знал что сказать. На другом конце вновь произнесли женским голосом:

– Говорите, это же я, Светлана.

Тогда Иван, осмелев, произнёс:

– Это я, Иван, здравствуйте, Светлана.

– Иван? Как хорошо, что вы ответили, а то я уже хотела положить трубку.

– Да, я в первый раз звоню.

Мы выполнили просьбу Фёдора Андреевича, Анатолий постарался. Теперь мы должны общаться чаще, ждём вас с Машей к нам в гости.

– Спасибо, обязательно придём.

И вот наступил день девятого мая тысяча девятьсот сорок восьмого года.

Надежда Петровна всячески отказывалась идти в гости, но, узнав о том, что Анатолий пригласил на праздник и своих родителей, живших отдельно от них, согласилась пойти.

В этот день Иван работал, а мама с невесткой готовили салаты, пекли пироги, чистили и гладили одежды для себя и мальчиков.

Вечером празднично одетое семейство вышло из дома. Ванечку Иван нёс на руках, а остальные бодро шагали за ним. Вскоре они уже ехали в сине-зелёном троллейбусе, похожем со стороны на большую зелёную букашку, случайно заползшую между стройных петербургских строений.

Иван, держа Ванечку на руках, сел рядом с Серёжей. Из окошек видны были дома на Конногвардейском бульваре, широко открывалась Исаакиевская площадь, красовался Невский проспект.

Вышли у Московского вокзала.

Надежда Петровна придерживала Серёжу за руку, а Иван, прижимая Ванечку к себе, обратился к жене почти с восклицательной интонацией:

– Машенька, посмотри вокруг, ты понимаешь, что всё это принадлежит нашим детям. Теперь мы будем с ними много гулять и рассказывать об этой красоте города, чтобы они с детства прониклись ею и мужественным духом ленинградцев.

Надежда Петровна тут же поддержала его разговор, сказав:

– Маша, сегодня такой радостный для всех день, День Победы. Помню, как встретили мы эту победу в сорок пятом году, сколько радостных слёз пролилось тогда и на этой площади. Все ходили с ликующими лицами, обнимались с чужими людьми на глазах у всех. Нет, не с чужими, тогда все люди были свои, родные. Просто, мы были мало знакомы друг с другом.

Не удержалась от воспоминаний и Маша, рассказав, как они с Ваней встретили этот день в Челябинске.

– Тогда мы в первый раз смотрели фильм «В шесть часов вечера после войны», где победа и любовь оставили во мне неизгладимое впечатление, – подвела она итог своему рассказу.

Иван поддержал обеих женщин словами:

– Вы, мои милые женщины, посмотрите на лица прохожих, ведь почти все они и сейчас улыбаются, вторя тёплой погоде и радуясь нашей победе.

Вскоре они вышли на Суворовский проспект, где на углу им встретился блестящий на солнце автомат с газированной водой.

– Кто хочет попить водички? – спросил Иван, вспомнив, что такой же автомат когда-то стоял у них на Танкодроме.

– Я хочу, – сказал Серёжа.

– И я выпью стаканчик, – согласилась Маша.

Иван вложил монету в руку Серёжи, который с восторгом опустил её в прорезь автомата. Монета звякнула внутри его, а Иван, подставив стакан, нажал на кнопку. Сразу зажурчала газированная вода с сиропом.

Первый стакан и достался старшему сыну, который с удовольствием выпил сладкую брызжущую в нос и лицо воду и попросил ещё.

Иван остановил его желание, сказав:

– Серёженька, все хотят водички. Потерпи.

Опустить монетку разрешили и Ванечке, который с помощью маминой руки это и сделал. Дали попить и ему.

Все взрослые, тоже выпив по стакану холодной сладкой газированной воды, отправились в гости с хорошим настроением.

Но вот показался и дом, уже знакомый Ивану. Встретили их приветливо. Надежда Петровна, передав Светлане свои салаты и домашнюю выпечку, сказала:

– Дорогая Светочка, это наши с Машей старания. Будем знакомы. Твой голос по телефону нарисовал мне тебя именно такой, доброй и красивой.

Светлана тоже сказала хорошие слова в её адрес, а потом пригласила всех пройти в большую комнату, где был накрыт праздничный стол, за которым уже сидели люди.

Гостей было больше, чем предполагал Иван, потому что Анатолий пригласил не только своих родителей, папу Дмитрия Леонтьевича и маму Раису Васильевну, но и своих друзей, работавших вместе с ним.

Надежда Петровна с Машей сели на краю стола, чтобы следить за детьми, отправленными играть в детскую комнату.

Праздник начался с тоста за Победу над фашизмом, который произнёс Анатолий:

– Дорогие наши гости, сегодня самый хороший день в году. Мы собрались для того, чтобы вспомнить День нашей Победы. Каждый из нас, находясь на фронте, в тылу или в кольце блокады, прилагал невероятные усилия, чтобы этот день наступил. Поднимем же бокалы за то, чтобы никогда на земле больше не было войны, а дни жестокой блокады никогда не изгладились из нашей памяти.

Голос его звучал уверенно, и было видно, что выступать перед людьми он умел.

За первый тост выпили все сидевшие за столом гости. Потом поднимали рюмки в основном мужчины, которые по кругу говорили не просто короткие тосты, но высказывали друг другу свои воспоминания о войне. Иван получил представление о каждом из них.

Оказалось, что в годы войны Анатолий Дмитриевич служил в блокадном Ленинграде в органах НКВД, откуда и был приглашён для работы в Смольный.

Его отец Дмитрий Леонтьевич выпускал танки на Кировском заводе вместе с Фёдором Андреевичем, отцом Светланы. Он, не успев эвакуироваться, работал всю блокаду на заводе.

Мама Анатолия была медсестрой в больнице, выхаживая раненых бойцов.

Каждый из гостей рассказывал свои истории военной жизни, он же рассказал историю патриотического подвига Фёдора Андрее-

вича, оставившего Ленинград ради высокого долга снабжения вооружением Красной армии, воевавшей с фашистами.

Когда круг обязательных рассказов закончился, каждый гость нашёл себе собеседников для более вольных тем беседы.

Иван обратил внимание на смольнинских гостей Анатолия, громко беседовавших между собой, и решил подойти к ним.

Иван прислушался. Обсуждались последние политические новости. Говорили о поступках учёных-медиков, доктора медицинских наук Георгия Митерева и академика Василия Парина, арестованных по делу о шпионаже. Он слышал об этом из передач по радио, но Константин, так звали затронувшего эту тему собеседника, излагал некоторые новые обстоятельства их дела.

Больше всего Ивана удивила причина их ареста. Оказалось, что источником этого явился препарат для биотерапии злокачественных опухолей, созданный известными микробиологами супругами Ниной Ключевой и Григорием Роскиным.

Константин пояснял, что к ним с официальным предложением объединить усилия в проведении дальнейших исследований обратился американский посол. Это предложение обсуждалось на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), в результате чего в США был командирован академик-секретарь академии медицинских наук Василий Парин. По решению Минздрава он повез туда рукопись их книги «Биотерапия злокачественных опухолей», которая в СССР еще не была издана, а также 10 ампул препарата, названного по инициалам ученых «КР-1». Но, как оказалось, разрешение на вывоз препарата не было согласовано со Сталиным. Последствия стали трагичными: были арестованы академик Парин и народный комиссар по здравоохранению Митерев.

Ивану, прослушавшему этот рассказ до конца, всё же осталось непонятно, за что осудили учёных, и он задал Константину вопрос:

– Вот скажите мне, пожалуйста, разве учёные не имеют право использовать свои открытия по своему усмотрению? Почему их осудили, ведь накопленные ими знания и опыт несли благо всем людям на земле?

Константин перевёл свой взгляд на Ивана и замешкался с ответом, однако, через секунду резко ответил:

– Да, это верно, знания должны служить всем людям, но мы живём в сложном мире, поэтому открытия советских учёных в первую очередь должны нести благо своей стране.

Иван не стал задавать ему больше вопросов, потому что к нему подошла с Ванечкой на руках Маша. Она попросила помочь уложить малыша, который, утомившись игрой с более взрослыми детьми, уже спал на маминых руках.

Иван попросил Светлану найти ребёнку тихое местечко.

– Хорошо, – сказала она и повела Машу в дальнюю часть квартиры. Иван последовал за ними.

Вскоре, оставив Машу и Светлану с мальчиком, решил возвратиться к столу. По пути заглянул в детскую комнату, где беззаботно и весело, увлекая друг друга, играли Серёжа и Надя, дочь Светланы. Дети, разбросав по всей комнате десятки игрушек, сосредоточенно что-то искали, не замечая его. Он не стал их окликать и вернулся к гостям, беседовавших меж собой.

Вскоре к столу вернулась и Светлана, которая сразу отвлекла гостей от их серьёзного разговора, обратив внимание на напитки и на несъеденные угощения.

Тут же нашёлся и тост, произнесённый Дмитрием Леонтьевичем. Он встал, постучал вилкой по хрустальной рюмке, вызвав серебристый чистый звук и тишину за столом, и произнёс:

– От имени стариков, собравшихся в этом краю стола, хочу напоследок сказать следующие слова. Сегодня здесь собрались люди, свято чтящие память Великой Победы. Много жертв оставила нам война. Погибли и умерли миллионы людей. Вспомним о них. Особенно вспомним о наших родных, не вернувшихся в войны. Помянем их.

На такой грустной ноте и закончилась эта встреча.

С этого весеннего дня время побежало неумолимо быстро. Незаметно прошёл май, наступил июнь.

Глава 36

Белая ночь

В начале июня месяца из Златоуста пришло письмо, в котором Ростислав Викторович вместе с Ксенией Григорьевной изъявляли

желание посетить их. Иван решил тут же ответить им, с радостью ожидая их приезда. Надежда Петровна тоже очень хотела познакомиться с ними, но, понимая, что всем будет тесно жить в квартире, решила сразу после их прибытия отправиться с Серёжей в Почеп, где бабушка и дедушка желали увидеть подросшего Серёжу и познакомиться с Надеждой Петровной.

Наконец, наступил тот долгожданный день, когда Иван с Машей отправились на Московский вокзал встречать дорогих им людей.

Поезд пришёл во второй половине дня ровно по расписанию.

Маша, увидев своих родителей, с возгласом «Мамочка, папочка, как я рада вас видеть» бросилась обнимать их. На её лице были слёзы. Не удержалась заплакать и её мама Ксения Григорьевна.

Чтобы унести два больших чемодана, пришлось поднатужиться Ивану.

Дома их с нетерпением ожидала Надежда Петровна, поминутно выглядывая в окно. Увидев их на набережной, она с детьми вышла к подъезду встречать их.

Маша с Ксенией Григорьевной шли впереди, а где-то в десяти метрах за ними, тяжело дыша, медленно приближались Иван и Ростислав Викторович.

К Ивану подбежал Серёжа, сделав усилие, чтобы помочь папе поднять один из чемоданов, но папе от такой помощи стало не легче. Это заметила Надежда Петровна, сказав про себя:

– Что уж там такое тяжёлое они несут?

Наконец, все собрались вместе. Женщины и дети радостно обнимались и приветствовали друг друга.

Надежда Петровна, приветствуя Ростислава Викторовича, повторила свой вопрос, на что тот ответил:

– Это самое дорогое богатство Урала – самоцветы, принадлежащие Ивану. Он сам их собирал. Они хранились у нас дома, и Ваня просил привезти их в Ленинград. Его просьба выполнена.

Сделав паузу, он добавил:

– Но там есть и подарки всем вам.

Потом дома был праздничный стол, раздача подарков. Иван долго рассматривал свои самоцветы и благодарил Ростислава Викторовича за их доставку.

Был и застольный разговор. Иван, вспомнил свой первый довоенный день в Златоусте и прекрасный вечер на веранде, с которой любовался золотыми звёздами.

– Мне так понравилась история слетающей с небес звездочки, рассказанной тогда вами, Ростислав Викторович, – сказал он.

Ростислав Викторович, не дав Ивану договорить, произнёс:

– Эта история ушла в лету. Моей звездочкой всегда была Ксения Григорьевна. Очень хочется, чтобы и вы во всём с любовью относились друг к другу, но запомните, что в семейной жизни любовь без ума невозможна.

Надежда Петровна прервала продолжение этого диалога, предложив гостям отведать приготовленные ею кушанья.

– Моя мама – прекрасная хозяйка. Все её блюда очень вкусные, и я, надеюсь, вам они понравятся.

Надежда Петровна, услышав похвалу сына в свой адрес, улыbnулась.

За столом Иван, вспомнив о Владимире Петровиче и письме, отправленном Ростиславу Викторовичу, спросил его:

– А что же произошло с Владимиром Петровичем?

После значительного молчания, тот ответил:

– Ушёл в горы и не вернулся. Его искали, да разве в горах найдёшь.

Иван показал тестю последнее письмо Владимира Петровича.

Тот, прочитав его, задумался, и произнёс:

– Так вот почему он показался мне странным, – и рассказал о своей последней с ним встрече.

Оказалось, что после отъезда Ивана и Маши из Златоуста, Владимир Петрович несколько раз приезжал в райсовет и даже побывал дома у Ростислава Викторовича, где они беседовали на разные темы.

– Одна из тем тревожила его особенно сильно. Это были рассуждения о бренности и смысле земной жизни. Он не жаловался, не просил, не возмущался, не восторгался, и было такое ощущение, что ему было безразлично всё, что происходило вокруг него. Единственно о чём он беспокоился, так это о своей сестре, проживавшей в том же селе, – говорил он.

Немного помолчав, он продолжил:

– Владимир Петрович утверждал, что есть ещё более высокая, наполненная неземными чувствами и мыслями жизнь. Я не совсем понимал его, но обещал приехать к нему и оказать ему и его сестре любое содействие, если на это хватит моих возможностей. Через неделю после этого разговора я приехал к нему домой, надеясь

обсудить все его волнующие вопросы. Но хозяина в доме не нашёл. Тогда я решил посетить его сестру Катерину, жившую неподалёку в чистеньком и уютном домике. Она была приветлива и говорила, что Владимир Петрович в своём доме почти не жил, потому что в нём всё напоминало о потерянных детях и погибшей жене. Он настолько тяжело переживал их гибель, что для других людей казался странным: уходил в горы, а то часами просиживал и днём и ночью на улице.

Во время моего приезда к нему его сосед по дому сказал, что старый геолог ушёл в горы, как он выразился, встречаться с хозяйкой Уральских гор, чтобы остаться с ней навсегда. Что случилось с ним дальше, никто не знает. Думаю, что он погиб в горах и навсегда слился с уральской природой, – подвёл итог его жизни Ростислав Викторович.

После значительного молчания он продолжил:

– Да и у его сестры было тоже сложное душевное и материальное положение: за месяц до исчезновения Владимира Петровича скончался её муж, последняя опора жизни. А ранее от болезни скончалась дочь. Женщина тяжело переживала трагедию своей жизни. Оставшись одна, и она не знала, как дальше жить. Тогда я увёз её к себе домой в Златоуст с разрешения Ксении Григорьевны. Сейчас Катя проживает у нас, оставшись хозяйкой дома на период нашей поездки.

В этот вечер говорили долго, обо всём: плохом и хорошем.

Здесь же наметили план дальнейшего пребывания гостей в Ленинграде, ведь хотелось увидеть так многое.

Надежда Петровна предложила до её отъезда в Почеп побывать в Мариинском театре, Иван предложил посетить горный музей института, где они с Машей работали.

Конечно, самым важным среди всех мероприятий была поездка к месту захоронения их сына Ростислава Ростиславовича.

Когда план был намечен, Надежда Петровна предложила всем отдых, ведь они трое суток были в дороге.

На что гости, по всей видимости, уважая хозяев, говорили, что не устали и выспались в поезде, и тогда она сделала им неожиданное новое предложение:

– Дорогие мои родственники, посмотрите, как светло за окном. Вы приехали накануне особенной и самой длинной в Ленинграде белой ночи, когда над Невой в небесах через

несколько часов можно будет увидеть таинство встречи двух зорь, вечерней и утренней. Может, и случайно, но именно в этот день семь лет назад, чтобы нарушить эту красоту, фашисты вероломно объявили войну нашей родине. Предлагаю отменить сон и совершить прогулку по городу, чтобы увидеть это незабываемое зрелище.

Ксения Григорьевна произнесла:

– Как интересно. Я это хочу увидеть.

После короткого обсуждения все, кроме Маши, которая решила остаться дома с Ванечкой, чтобы не нарушать его ночной режим, согласились на прогулку.

Отправился гулять и Серёжа, обещавший стойко выдержать бессонную ночь.

Он, подпрыгнув от радости, сказал:

– Ура, ночью ещё никогда никто не брал меня с собой. Бабушка, а меня не унесут в небо каменные птицы?

Надежда Петровна подумала и ответила ему:

– Серёженька, нет, конечно, они сегодня тоже будут любоваться городом.

Когда все вышли на набережную, она обратилась к гостям со словами:

– Посмотрите, дорогие наши Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна, на эти каналы и мосты. Мы находимся в одном из самых красивых мест города, называемого Семимостью. Так в народе говорят. Здесь шесть мостов смотрят в одну точку на седьмой мост, создавая эту красоту, – сказала она и показала рукой на полукружие повисших над каналами мостов.

Свои мысли добавил и Иван:

– Белые ночи здесь истинно ленинградские, наполненные местными историями. От ночных прогулок и любований силуэтами зданий, мостов и решёток пробуждаются самые тёплые чувства и светлые стремления. Ростислав Викторович, вы мне когда-то рассказывали о тайнах вашего города Златоуста, теперь мне бы хотелось в эту особенную ночь рассказать вам о красоте нашего города.

Ростислав Викторович ответил:

– Да, красив Ленинград. Загадочны каналы и мосты! Мне ранее, правда, очень давно в молодые годы доводилось бывать в Ленинграде, но белые ночи прошли мимо меня. Теперь

я понимаю, что создавали и украшали эти места очень талантливые люди и сама природа.

Гости вслед за Иваном взошли на мост и остановились, чтобы ещё раз полюбоваться линиями каналов и силуэтами зданий.

С середины моста высокой голубой свечой открылась колокольня, о которой стала говорить Надежда Петровна, вспомнив, что её малиновый звон хорошо слышен в их доме. В эту минуту, как ей показалось, фигуры гостей вытянулись вперёд, а лица расслабленной полуулыбкой выразили почти молитвенное состояние.

Это заметил и Иван, продолжив начатый рассказ его мамы:

– Не знаю, поймёте ли вы меня, но я хочу обратить ваше внимание на её стройность и многосмысловую живописность, – сказал он и предложил гостям подойти поближе.

Иван, предложив тему, не сразу осмыслил её содержание. И тогда к нему пришла мысль представить эту колокольню одухотворённым знаком, как память прошлых лет всего Семимостья.

Расстояние до колокольни составляло не более ста метров, поэтому через несколько минут все уже оказались у её стен.

Обойдя колокольню с левой стороны и став между нею и собором так, чтобы она была хорошо видна, Иван сказал:

– Посмотрите на поставленные друг на друга башни, как они устремляются вверх, уменьшаясь в размерах, – и указал на самый верх, где был виден самый маленький ярус с часовым механизмом.

Затем помолчал и добавил:

– Циферблат этих часов, выведенный на четыре стороны света, напоминает мне о бренности нашего времени.

Иван неожиданно для его самого стал продолжать говорить так уверенно, что гости, закинув головы кверху и увлечённо рассматривая детали колокольни, подошли к нему почти вплотную.

– Как мягко, почти с нежностью, завершаются углы этой конструкции, держащие на себе огромную тяжесть, которая вовсе не ощущается, выявляя стройность каменного тела. Здесь не положен ни один лишний камешек.

Ксения Григорьевна не удержалась и сказала:

– Ваня, ты так красиво говоришь. Колокольня действительно необыкновенная.

Иван, получивший в свой адрес такую похвалу, вопросами захотел ещё больше оживить диалог между ними:

– Как вы думаете, зачем эту прекрасную колокольню подняли на такую высоту? Может, чтобы удивить этим петербуржцев? А может, чтобы слышнее был звон в домах окрестных жителей? А может, чтобы превратить её в маяк, обращая внимание моряков на эту проникающую в их души силу красоты? Пусть будет и то, и другое, и третье. От этого красота чуда не уменьшится.

Он отметил и колонны, над каждой из которой возвышались каменные факелы, негласно говорившие о неуспокоенных людских душах, воспламенявших память прошлого.

Далее они подошли к собору. Иван вдруг обнаружил то, чего никогда и сам не видел. Ему показалось, что все гости вместе с колокольней, собором и оградой слились в одно замкнутое одноцветное пространство. Сверху их накрывал чистый бирюзовый купол неба, а со всех четырёх сторон их окружали стены колокольни, собора и ограды, окрашенные в тот же небесный цвет.

Иван обратил внимание и ещё на одну деталь: сверху со всех сторон, со стен, карнизов, колонн, крыш на них смотрели десятки ангелов, словно слетевших с небес.

Оглянувшись на колокольню, он неожиданно в одном из них, так ему показалось, заметил вовсе не ангельское личико. На него смотрела его погибшая жена Машенька.

В этот момент к нему подбежал Серёжа, вложивший тёплую свою ладошку в его руку. Волнительное чувство защемило в груди, и он ощутил, как его большая правая рука обволокла маленькую ручку сына, а левая стала крепко прижимать всё его тело к себе. Неожиданно их затронул лёгкий порыв ветра, и было такое ощущение, словно Машенька, увидев их вместе, дотронулась до них.

Иван понял, что его прежняя любовь к ней не умерла, и, что теперь о ней каждый раз ему будет напоминать этот ангел с колокольни.

Надежда Петровна, увидев сына и внука, стоявшими вместе, подошла к ним и решила сама продолжить рассказ, сказав:

– Наше Семимостье неразрывно связано с морем. Эта голубизна колокольни и собора, эти запахи воды, эти каналы постоянно напоминают нам о событиях, происходивших здесь. Не случайно здесь построили и главный морской храм России во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, почитаемого в русском народе покровителем всех плавающих и путешествующих.

Она подвела Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну к храму и, указав на входные двери, продолжила:

– Все свои печали я разделяю с ним, с иконами, хранящиеся в храме, получая от них благотворные знаки утешения. Мне очень нравится внутреннее убранство верхнего храма: стоишь в нём и радуешься, будто над тобой божий сад расцветает, так красив в нём позолоченный растительный орнамент. Райский золотой сад, да и только. Жалко, что сейчас храм закрыт, но у вас ещё будет время побывать в нём.

Далее говорил Иван, заинтересовывавший всех домами, стоявшими вблизи собора, в которых жили композиторы, певцы, музыканты, художники.

Дома, дома, дома... Имена, имена, имена... Было ощущение, что почти из каждого такого дома звучала музыка или читались стихи, а из окон выглядывали знаменитые имена.

Их путь вскоре вывел к большой площади, открытой к Неве. Иван хотел продолжить рассказ, но Ксения Григорьевна, потянув за собой Ростислава Викторовича, сама пошла к реке. За ней молча потянулись и все остальные.

Мягкий свет белой ночи, приглушавший ровное течение воды, казался безмятежным. Люди, группами склонившиеся над гранитом беседок и спусков к воде, в тишине и покое, казались, живыми декорациями невских берегов.

Ксения Григорьевна подошла к одной из таких беседок и по ступенькам опустилась к воде. Вслед за ней поспешил и Ростислав Викторович.

Надежда Петровна, немного устав и держа внука за руку, села на ступеньку, а Иван, выйдя на набережную последним, внимательно наблюдал за действиями своих родственников.

Почему то вспомнилась неприветливая реакция первой встречи с Невой его жены. Правда, тогда была зима, дул сильный ветер. Сейчас же её мама, опуская руки в слабо плещущие воды Невы, радуется встрече с ней.

Видно было, что доволен и Ростислав Викторович, который позже поднявшись наверх, сказал:

– Это поразительно, возвести среди болотистых берегов такую красивую набережную, – и задал Ивану вопрос:

– И откуда же этот гранит везли? Неужели из наших краёв?

Иван ответил, что гранит карельский, местный, чему, как ему показалось, Ростислав Викторович не поверил.

Ксения Григорьевна тоже выразила своё отношение:

– А вода такая мягкая, шепчет и ласкает руки. Ох, эта белая ночь. Строгая и нежная Нева! Мне так нравится эта красота.

Они пошли вдоль по набережной Невы к Медному всаднику, а Иван по пути стал рассказывать свою историю первой послеблокадной прогулки по ней. Тогда ему казалось, что вместе с ним вышли из домов исторические персонажи, напоминавшие ему богатейшую историю этих мест.

Они дошли до Зимнего дворца и долго стояли, глядя на очертания Стрелки Васильевского острова, Петропавловской крепости. Неожиданно Ксения Григорьевна, тронув Ростислава Викторовича за плечо, воскликнула:

– Смотрите, смотрите, они встретились, даже ангел озарился, вспорхнув на золотом шпиле.

Правда, только Серёжа искренне поверил ей, долго уверявший на обратном пути к дому бабушку, что это было правдой, и встреча двух зорь произошла.

Уставшие, но наполненные тонкими и значимыми впечатлениями белой ночи, они возвращались к своему дому. Поднимались на второй этаж не спеша, сказывалась усталость от почти трёхчасовой прогулки.

Надежда Петровна уложила гостей в своей комнате, постелив себе и внуку в прихожей, прямо на полу. Серёжа уснул сразу, а она ещё приготовила завтрак, оставив его на кухне для тех, кто встанет раньше всех. Правда, сама она и встала раньше всех, потому что хотела выполнить обещание, данное Ксении Григорьевне, в этот же день побывать в театре. Это надо же иметь такую силу и доброту характера, чтобы почти без сна и усталости, продолжать поддерживать в гостях радостную энергию возбуждения.

Пока все спали, она оделась и отправилась в кассы театра. Её внимание привлекла афиша, на которой были изображены сцены из балета, на спектакль которого и было приобретено для взрослых четыре билета.

Когда она возвратилась домой, то все уже завтракали, и Надежда Петровна обрадовала их приобретёнными билетами. Тогда же было решено, что с мальчиками дома останется Иван.

После завтрака все были заинтригованы подготовкой к театру, поиском нарядов и разговорами о предстоящем спектакле. Надежда Петровна была вся в движении, оказывая помощь всем, кому она была необходима.

Иван наблюдал за всей этой суматохой и по-хорошему радовался тому, что родители Маши, наконец, окунутся в тонкий мир музыки, изящных балетных движений, фантастических сюжетных линий и цветных представлений. Ему казалось, что природа Урала и фантастика театра сделают их внутренний мир ещё богаче.

Глава 37

Письма из прошлого

Когда, наконец, родственники ушли в театр, Иван, оставшись с мальчиками, затеял с ними силовую игру. Прямо на кровати они напали на отца, пытаясь положить его на лопатки. Было весело смотреть на них, как их дружные старания, поддерживаемые радостными возгласами, увлекали и сближали их в желании достичь главной цели. Особенно старался Серёжа, а вслед за ним своими маленькими ручонками нажимал на него и Ванечка. Иван дал возможность победить себя и поднял руки вверх.

– Ура, мы победили папу, – воскликнул Серёжа.

– Папа пал, ула! – вторил ему своим тоненьким голоском Ванечка.

Потом, чтобы успокоить мальчиков от излишнего возбуждения, Иван стал рассказывать им сказочную историю о богатыре, спасшего от рабства уральский народ.

Вскоре Ванечка уснул, так как его режим дня потребовал этого, а Серёжа, не дослушав до конца эту историю, спросил:

– Папа, а ты не забыл мою маму, расскажи мне о ней? – и тем самым изменил ход их общения.

Иван, прижав сына к себе, несколько минут молчал, потом посмотрел на него, желая найти в его лице черты матери и, обнаружив в нём её открытый лоб, глубокие глаза и нежный округлый подбородок, разволновался. Очень сильно забило его сердце. Ему вспомнились лучшие дни их жизни в Почепе, как они тогда

с Машенькой, держа на руках маленького Серёжу, сидели на краю горы и с высоты ощущали себя самыми счастливыми людьми.

– Серёженька, а ты знаешь, почему тебя так назвала мама? – задал сыну вопрос отец.

Иван рассказал ему о том, как священник уже не существующей ныне церкви Покрова в Почепе дал ему имя в честь Сергия Радонежского, одного из самых почитаемых на Руси святых.

– Я хочу, чтобы в значимости данного тебе имени было твоё предназначение в жизни, – со всей серьёзностью сказал Иван.

Потом Иван, вспоминая дни, проведённые в Почепе, рассказывал о них Серёже.

– А ты знаешь, как мы тебя с мамой ещё называли? – задавал вопрос Иван и сам же на него отвечал:

– Не знаешь. Так вот. Я тебя величал высокочтимым наследником, мама – любимым сыночком, а бабушка Надя – кнопочком.

Серёжа рассмеялся, было видно, что ему по душе пришлась тема этого разговора, да и Иван словно таял от приятных воспоминаний.

– Хочешь, я расскажу, какая у тебя была мама? – взяв сына за руку, сказал он.

Серёжа весь превратился в слух, он ведь никогда не слышал рассказов о своей маме.

– Так вот, она была замечательная: весёлая, приветливая, ласковая, заботливая и очень красивая, – начал свой рассказ о ней отец. Я очень любил её. Когда мы разлучались, то она каждый день писала мне письма, в которых подробно извещала о тебе, тогда ещё совсем маленьком мальчике. Хочешь, я покажу её письма?

Серёжа не знал, что они хранились у бабушки в комод, поэтому удивился этому и с нетерпением просил читать их.

Иван достал из ящика шкафа шкатулку, вытащил оттуда стопку связанных шнурком писем. Потом медленно вынул одно из них, развернул его и уткнулся глазами в раскрытую страницу. К нему возвращалось золотое время первой любви, когда молодость и жажда жизни открывали в нём летящие через все преграды нежные чувства к той единственной, самой дорогой женщине с именем Мария.

Он начал читать письмо:

«Ванюша, мой родной, ты, словно из сказки, явился на моё счастье. От твоих слов засветилось всё вокруг и отразилось на улыбке нашего сыночка. Он уже смеётся и тянется к тебе своими маленькими ручонками. Твоё письмо звучит у меня в ушах, как музыка, не понимаю, читаю я его или пою. Я запомнила его наизусть».

Иван замолчал, переживая те минуты счастья, которые обрёл в те далёкие годы их жизни.

Серёжа с нетерпением сказал:

– Папа, читай, читай, не останавливайся.

И Иван продолжил чтение письма, из которого он, Серёжа, впервые узнавал о первых месяцах своей жизни, о соблюдении режимов сна, бодрствования, прогулок, о том, как он подрастал, отвечая на улыбку мамы, и, вообще, о чутком отношении к нему его родителей.

В письме извещалось о любимых местах мамы, куда она постоянно ходила гулять с маленьким Серёжей.

Прочитав письмо, Иван сам стал рассказывать Серёже о том, как они с Машенькой брали его с собой и уходили на пригорки наслаждаться первой травой и весенним солнцем.

Тогда так хотелось жить и радовать всех вокруг своим вниманием.

Серёжа слушал и представлял себе свою маму, такую красивую и добрую, нежную и любимую.

Неожиданно он произнёс:

– Нет... я знаю, что моя мама жива, – и заплакал.

Потом сквозь слёзы он добавил:

– Она ждёт меня в Почепе, я хочу скорей поехать к ней. Бабушка придёт, и мы поедem. Папа, я хочу видеть свою маму.

Иван подумал, что зря он разбередил сыновьи чувства к родной матери, которую уже никогда не вернёшь, и с теплотой и нежностью смотрел на сына.

Он понял и то, что образ родной мамы навсегда врезался в сердце Серёжи, который, глядя на фотографию, как-то нервозно вдруг снова заговорил:

– Вот моя мама, я буду носить её с собой. Она моя мама, я её люблю, она жива и ждёт меня, я знаю.

Иван не стал забирать от сына фотографию, но, видя взволнованное его состояние, постарался перевести постепенно разговор на другие темы.

Через полчаса Серёжа успокоился и вскоре уснул на той же кровати, что и Ванечка.

Иван, поджидая родственников из театра, прилёг на край этой кровати, где вскоре уснул и сам.

Когда театралы явились домой, то и обнаружили сладко спящими почти в обнимку трёх домашних богатырей: одного большого и двух маленьких.

Вскоре все разошлись по своим комнатам, а спящего Серёжу Иван перенёс к бабушке. Сам же он долго сидел на кухне, где обнаружил буклет-аннотацию к балету, в котором излагалось его содержание. Иван прочитал о том, как прекрасный венгерский рыцарь и грозный сарацинский шейх соперничали друг с другом в богатом средневековом замке за право владения рукой и сердцем красавицы Раймонды. Несметные богатства шейха и смелость рыцаря противостояли друг другу в надежде победить её холодную красоту.

Ивана заинтересовала выделенная жирным шрифтом основная мысль балета – преодоление природы красоты, отчего в его голове родилась новая мысль, произнесённая им про себя:

– В жизни мы постоянно преодолеваем нравственные тупики. Что может быть прекраснее детства? Но вот вопрос, почему не всем женщинам удаётся преодолеть в себе мачеху?

С этой мыслью он и ушёл спать.

На следующий день Надежда Петровна и Серёжа уехали в Почеп. На железнодорожном вокзале их провожал Иван. Он просил маму быть осторожной в пути и найти дорогу к сердцам почепских стариков.

А Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна после их отъезда побывали в Эрмитаже. Конечно, Маша и Иван сводили их и к себе на работу, показав свой институтский геологический музей, которым особенно был восхищён Ростислав Викторович.

Они ознакомились и с богатствами Горного института, для чего Иван звонил Анатолию, в надежде на то, что тот не просто договорится о посещении музея, что было и ему под силу, но проведёт их по аудиториям знаменитого института, о чём он договориться не смог бы.

Анатолий, узнав, что к Ивану приехали родители Маши, быстро решил не только этот вопрос, но также предложил побывать в Смольном. Однако, Ростислав Викторович просил вначале съездить к месту гибели его сына, а потом уже посетить Смольный, о котором он давно мечтал.

Иван, сообщив Анатолию, что посещение Смольного откладывается, попросил его помочь с машиной, чтобы съездить в Невскую Дубровку и на Невский пяточок, где героически погиб сын Ростислава Викторовича и Ксении Григорьевны.

Глава 38

Утоли мои печали

На следующий день, прямо с утра, раздался звонок. В трубке Иван узнал голос Анатолия. Он сказал, что договорился с директором института, в котором работал Иван, предоставить им автомобиль для поездки в Невскую Дубровку и, что также пошлёт воевавшего на Невском пяточке их коллегу, который не только расскажет об этих событиях, но и решит на месте все непредвиденные проблемы.

Когда был определён день поездки, Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна всю ночь не могли уснуть, вспоминая своего сына и переживая за предстоящую встречу с неизвестной им землёй, крепко обнявшей их ребёнка.

Рано утром все были уже на ногах, готовясь к предстоящей поездке.

Надежда Петровна перед отъездом в Почеп уверила Ксению Григорьевну сходить перед поездкой в собор и помолиться перед иконой «Утоли мои печали». Она считала, что та поможет утешить их страдания. Это она и сделала, взяв с собой и Ростислава Викторовича. Стоя перед иконой, они про себя произносили слова молитвы, записанные на табличке под иконой: «Преблагая, утоли печали, сокрушающие наши сердца. Ты одна всему роду человеческому в печалях скорая Утешительница. За твои милости до последнего моего издыхания буду славить тебя, помоги нам».

Когда они возвратились, у дома уже стояла автомашина, защитного цвета газик, вездеход.

В машине вместе с шофёром сидел и второй мужчина, как потом выяснилось, это и был тот самый человек, посланный Анатолием Дмитриевичем для решения непредвиденных путевых вопросов. Его звали Николай Гаврилович.

День выдался необычайно солнечным, что отметила Ксения Григорьевна.

– Да, если дождя не будет, то приедем быстро, – поддержал её Николай Гаврилович.

Стали рассаживаться по местам. Впереди расположились водитель и Николай Гаврилович, продумавший маршрут заранее и предварительно согласовавший его с водителем. Ксения Григорьевна уселась с левого края рядом с Ростиславом Викторович. С правого края сел Иван.

Предполагалось ехать левым берегом Невы вплоть до Невского пятачка, где их должен был встретить лодочник, чтобы перевезти через Неву в посёлок Невская Дубровка.

– Итак, поехали, – сказал Иван, и машина тронулась в путь.

Поначалу ехали по городу: мелькали дома Невского проспекта, а от Александро-Невской лавры дорога пошла вдоль берега.

Всё, что виделось за окнами машины, для Ксении Григорьевны и Ростислава Викторовича было отвлекающими картинками от их главной сверлящей мозг мысли о сыне, и перед глазами постоянно из прошлого являлся образ их мальчика.

Николай Гаврилович, понимая это, пытался своим рассказом о дороге отвлечь их от этих дум.

Проезжая вдоль Невы в пределах города он говорил о событиях, произошедших здесь в разные годы, а когда машина проезжала мимо Обуховского завода, стал рассказывать об истории завода.

Ростислав Викторович до этого пассивно смотревший в окошко машины, услышав название «обуховский», неожиданно спросил:

– Скажите, Николай Гаврилович, а Обухов Павел Матвеевич к этому заводу имел отношение?

На что тот ответил:

– Да, этот завод и был основан в середине прошлого века горным инженером полковником Обуховым.

Ростислав Викторович отметил, что и в Златоусте этот выдающийся инженер сыграл огромную роль в деле открытия производства булатной стали, и, обратившись к Ивану, вспомнил, что они ещё не побывали в Артиллерийском музее, где хранится пушка, отлитая на Урале.

Николай Гаврилович, почувствовав заинтересованность в теме и желая улучшить настроение у Ростислава Викторовича, стал перечислять образцы выпускавшейся здесь продукции, сказав, что Обухов, используя опыт златоустского завода, сумел построить здесь на берегах Невы технически совершенное производство. Однако, чем далее он рассказывал о достижениях завода, внимание гостей всё более и более рассеивалось

Тем более, что рассказ Николая Гавриловича перебивался шумом мотора автомобиля, и, казалось, что машина и человек, как-то тупо, но очень согласованно вкладывая мысли в подсознание своих слушателей, не достигали цели.

Ксения Григорьевна же в разговор и вовсе не вступала, видно было, что её устремления были направлены к месту гибели её сына.

Иван заметил, что чем дальше они удалялись от центра города, тем война всё более напоминала о себе разрушенными зданиями, уныло смотревшими в воды Невы.

Проехав с десятков километров, водитель остановил машину. Было предложено всем выйти и подышать речным воздухом, а Николай Гаврилович, выскочив первым из машины, сразу направился на высокий берег Невы, откуда открывался живописный вид на широкую водную панораму.

Он долго смотрел на воду, не обращая внимания на то, что остальные его собеседники давно уже ожидали от него каких-либо указаний.

Наконец, повернувшись к ним лицом, он жестом руки пригласил их подойти. Стоя над обрывом, Нева предстала перед ними в своей естественной красоте. В городе она, одетая в гранит, была строгой и размеренной в своём широком течении, а здесь левый берег, изгибаясь дугой и неожиданно отдаляясь от него почти на километр, разливался широким плёсом. У кромки берега, словно детские кораблики, вдалеке виднелись баржи, буксиры и большие лодки. С правой же стороны она была не столь широкой, но быстро текущей и издающей шум.

Николай Гаврилович сказал:

– Это Святки, место рождения Невы. Отсюда две тысячи лет тому назад воды Ладоги, образовав новое русло, потекли через болота к Балтийскому морю. Здесь же в сорок втором году состоялось и моё боевое крещение. Так трудно об этом вспоминать.

Он замолчал, и из его глаз вытекла слеза. Николай Гаврилович, резко смахнув её рукой, продолжил говорить.

– Понимаете, здесь наши войска остановили продвижение фашистов на Ленинград. Тогда в конце августа сорок первого года с правого противоположного берега под огнем противника на бронекатерах рвался сюда десант моряков, среди которых был и я.

Николай Гаврилович показал на грудь, потом как-то съёжился и, медленно, прерывая свой рассказ короткими фразами, сказал:

– Здесь я был ранен... По ночам болит плечо... Осколочек там, говорят, задержался..., маленький..., забыли вытащить, а может... не нашли, но я уже привык...

Постояв на берегу реки несколько минут, все вернулись к машине. Молча проехали ещё около часа.

– Вот она, ещё одна от боли ржавая земля, – сказал, наконец, Николай Гаврилович и попросил всех выйти из машины и пройти вслед за ним.

Ярко светило солнце. Ростислав Викторович, щуря глаза, долго смотрел в голубое пространство неба, где не было ни одного облачка. Ему показалось, что солнце своими горячими лучами обжигало то открытое поле, по которому впереди шёл Николай Гаврилович. Везде была бугристая земля с жалкими выгоревшими кустиками травы, росшими по холмикам и обвалившимся траншеям.

Он бессознательно пошёл по тропинке вслед за своей женой, а остановившись, слушал, как Николай Гаврилович рассказывал о воинах, смело сражавшихся по обеим сторонам Невы.

Какое-то туманное раздвоенное сознание пребывало в его голове, воспринимая этот рассказ как отдалённый фон чего-то главного, очень родного и личного, одухотворяющего эту землю события.

А Николай Гаврилович продолжал рассказывать о том, как войска фронта готовились к возможному форсированию Невы, для чего из Ленинграда доставили несколько сот маленьких лодок, на которых солдаты сумели переплыть шестисотметровую водную преграду. А потом, как они, выскочив из лодок, бросились в атаку, захватив вдоль левого берега реки у Московской Дубровки узкую

полоску земли. Солдаты и матросы, понтонёры и водолазы, минометчики и артиллеристы на лодках, плотках, понтонах под непрерывным артиллерийским обстрелом продолжали переправлять на левый берег пушки, снаряды и мины.

Ростислава Викторович жил подвигом своего сына, в котором нашлось место и этому рассказу Николая Гавриловича, где солдаты и матросы настойчиво вгрызались в землю, строя подземные ходы из сгоревших домов и надворных построек села. Всё более и более прислушиваясь к голосу рассказчика, перед ним раскрывались страшные картины войны. Он представил себе эти поля, изрытые траншеями, блиндажами, огневыми точками, где почти каждый вражеский снаряд вызывал у его защитников потери. Высовываться было опасно, поэтому, чтобы добраться до какой-нибудь огневой точки, до штаба части, принести воды из реки, приходилось постоянно ползать. Голодные, ослабленные защитники плацдарма, воодушевляемые комиссарами и политработниками, стояли насмерть, сражались с яростью обреченных.

Наконец, Николай Гаврилович, замолчал, дав своим слушателям осмыслить и уравновесить личные трагедии с трагедией этой земли.

Через несколько минут безо всяких слов, все разошлись по полю, чтобы почувствовать силу и боль этого места.

Дрожь прошла по телу Ростислава Викторовича, когда он стал вспоминать содержание письма, присланного из Невской Дубровки в Златоуст однополчанами его сына Ростислава. Он знал его наизусть.

– «В темноте, чтобы быть незамеченными, они на лодках быстро поплыли на противоположный берег Невы. Немцы периодически чертили небо осветительными ракетами, и новая осветительная ракета застала их уже тогда, когда они почти добрались у берега. Ярко осветив небо десятками ракет, они обрушили на них шквальный миномётный огонь. Чтобы спастись, все бойцы прыгнули в воду, оказавшись у берега в ледяной воде. Шинели намокли и стали тяжёлыми, но они взобрались на крутой берег и стали рыть спасительные для них траншеи, в которых залегли, чтобы переждать ожесточённую стрельбу со стороны фашистов».

Именно это место он много раз видел во сне, и ему сейчас захотелось пройти весь уже реальный земной и последний путь жизни сына.

Стоя на краю высокого берега, он представил себе, как его Ростик на лодке приближается к этому берегу, как рвутся вокруг него немецкие снаряды, как спрыгивает он прямо в ледяную ноябрьскую воду и достигает берега. Но на нём полная выкладка, тяжёлый автомат. Вот он с трудом поднимается на берег и начинает вместе с другими бойцами рыть себе укрытие.

Ростислав Викторович стал искать ту спасительную траншею, которая на короткое время спасла его сына от смерти и, как ему показалось, нашёл её. Правда, она оказалась засыпанной, хотя удлинённые выемки её вели куда-то вглубь пустынной земли. Он проследовал по ней.

И вновь в памяти представился текст письма:

– «Рано утром к окопу стали приближаться немцы, проверяя свои позиции. Но когда они подошли, неожиданно с криками «ура» и со штыками наперевес наши бойцы выскочили из окопа и пошли в штыковую атаку. Эта атака была настолько стремительная, что немцы побежали. Десятки их нашли здесь свою гибель. Ростислав, как и все бойцы, сражался отчаянно. Добежав до немецких траншей, бойцы, запрыгнули в них, заставив бежать оттуда других фашистов. Те же, кто попытался сопротивляться были уничтожены. Попытка немцев обратно выбить наших бойцов из занятых ими траншей оказалась безуспешной. Оборона этого рубежа длилась целый день».

Где искать эти траншеи сейчас? Перед ним лежала одна рыжая перелопаченная земля.

Он прошёл дальше и неожиданно увидел выглянувший из-под земли полуистлевший солдатский сапог. Вновь появились углубления, похожие на траншеи. Чьи они, русские или немецкие?

И вновь на помощь ему пришло письмо:

– «Ночью им было направлено подкрепление и приказано по возможности и далее выбивать немцев из траншей, удерживая за собой занятые участки. И хотя сил было маловато, но бойцы расконцентрировались по всей траншее и, перебежками, отстреливаясь, смогли удержать позицию».

Ростислав шёл дальше и видел кучи осколков, гильз, ржавого металла, множество патронов и пороха, высыпанного прямо на землю.

Чтобы определиться с направлением движения, вновь на помощь он призвал солдатское письмо:

– «Ростислав в этом бою проявил сообразительность и мужество. Он увидел, что в ста метрах от траншеи стоял подбитый немецкий танк и понял, что там может находиться удобная позиция с большим участком для обстрела. Несмотря на опасность быть убитым, он ползком стал пробираться к танку».

Где искать этот немецкий подбитый танк? Он подумал, что вряд ли он сохранился, но, посмотрев в разные стороны вдаль, вдруг увидел кучу ржавого металла, похожей на танк.

– Неужели это чудище стоит на месте? Мой дорогой сыночек, сколько же выпало на твою молодую и красивую голову несчастий, за один месяц на тебя обрушилась целая гора жестоких событий, – вслух произнёс отец.

Ноги сами повели его по следам гибели сына. Около ста метров медленно по краю траншеи дошёл он до танка, немецкого танка со свастикой, поразившей Ростислава Викторовича своим агрессивным изображением на боковой броне. Вот только гусеница подкачала, сбита на бок и жалко опустившаяся к ржавой земле Невского пяточка.

Он обошёл танк со всех сторон, осмотрел его, двумя ладонями с широко расставленными пятью пальцами опёрся на его широкий лоб и произнёс:

– Кто же тебя послал сюда убивать наших сыновей? Вот и самого подбили. Эх ты, немец, немец! Запомни, на сильного всегда найдётся более сильный и мудрый.

Затем махнул рукой, опустился в неглубокую траншею, вырытую кем-то, и склонил свою голову к земле. Из его глаз неожиданно и обильно закапали слёзы.

Пока он проделывал свой путь, Ксения Григорьевна и Иван, стоя на берегу реки, наблюдали за ним.

Иван хотел сразу последовать за ним, но Ксения Григорьевна сказала:

– Не надо, Ваня, идти за ним. Пусть он побудет один, это его любимый сын. Ростиславчик был так на него похож.

Сама же она, беззвучно плача, тоже отошла в сторону, а потом медленно побрела вдоль берега реки. Что было у неё в этот момент на душе, одному богу известно.

Иван наблюдал за ними, и на душе было беспокойно. Через него волнами проходило это смятение сердец дорогих ему людей, которым он сочувствовал и готов был оказывать им помощь.

Видя, что Ростислав Викторович, опустился в землю, Иван поспешил к нему, подумав, что ему стало физически плохо от нахлынувших переживаний. Подойдя к танку и найдя тестя заплаканным и уткнувшимся в край траншеи, он произнёс:

– Ростислав Викторович, я сочувствую вашим переживаниям, но вам надо подняться. Вас ждёт Ксения Григорьевна.

Мужчина вышел из траншеи, посмотрел на Ивана и сказал:

– Это святое место, здесь витает дух моего сына.

Вернувшись на берег реки, они подошли к Ксении Григорьевне, которая тоже была обеспокоена за здоровье своего мужа. Увидев, что с ним всё в порядке, она поторопила его словами:

– Нас ждёт Николай Гаврилович, уже пора плыть на другой берег.

Лодка, присланная за ними, оказалась довольно вместительная. Николай Гаврилович, придерживая её от качания, пропустил всех вперёд, а сам вместе с лодочником уселся сзади. Взяв в руки вёсла, лодочник оттолкнулся от берега и плавно стал грести, легко управляя судном. Однако, такая лёгкость была недолгой. На середине реки лодку относил вниз по течению и если бы не сила и умение лодочника, то её и вовсе могло унести далеко от деревни.

Ростислав подумал:

– Как же тогда в ноябре сорок первого, когда течение было ещё сильнее и студёнее, наши воины совершали свои бессмертные поступки? Да, теперь я понимаю, это были мальчишки, ставшие героями.

Вскоре лодка достигла противоположного берега. Лодочник высадил своих пассажиров на маленькой дощатой пристани и, привязав судно к берегу, отвёл всех к председателю сельсовета, сказав:

– Обратно поплывём через два часа. Жду всех у этой же пристани.

Кабинет председателя был скромен. Маленькая комнатка едваместила всех гостей. Один стол, да несколько стульев по сторонам – вот и весь кабинет.

Николай Гаврилович объяснил председателю цель приезда: найти в списках захороненных на местном воинском кладбище фамилию Самсонова Ростислава Ростиславовича.

Председатель оказался человеком любезным, предложивший им выпить по стакану чая. После чаепития, он полез в свой единственный шкафчик, достал тонкую тетрадь и предложил её гостям.

В ней действительно от руки были написаны фамилии и имена, но фамилии Самсонова не было.

Иван спросил:

– Кто заносил эти фамилии в книгу?

На что председатель ответил:

– Книга досталась сельсовету по наследству. Кто записывал фамилии? Да Бог его знает. Здесь недалеко находилась санитарная часть, вот оттуда и передали нам книгу.

Ростислав Викторович показал письмо от командира части, присланное ему от однополчан, где было написано, что его сын, рядовой восемьдесят шестого стрелкового полка, уроженец города Златоуста, умер в госпитале 30 ноября 1941 года и, что он с почестями был похоронен в братской могиле близ посёлка Невская Дубровка.

Председатель внимательно прочитал его и сказал:

– Мы обязательно увековечим его имя на памятнике, который хотим открыть в селе. Списки есть ещё в военкомате, мы проверим их. Я здесь работаю два года, поэтому командира полка полковника Добровольского, подписавшего письмо, не застал, но, если он живой, то мы обязательно разыщем его, – и предложил побывать на месте воинского кладбища, где хоронили умерших от ран воинов.

Идти надо было недалеко, за деревню, в которой стояло более или менее пригодных к жизни десятка два домов.

Увидев удивление на лицах гостей, председатель сказал:

– Знаете, какие здесь бомбёжки были? Как ещё эти дома уцелели, непонятно. Говорят, бомбили так, что из землянок не выходили люди по неделям. Многие там и остались лежать. Воинские части в лесу стояли, а здесь только огневые позиции были на берегу. Ничего, всё отремонтируем, посёлок ещё лучше будет, чем до войны.

Воинское захоронение в виде земляных возвышений занимало большую поляну, заросшую высокой травой. Это была печальная картина. Стоя здесь, Ростислав Викторович совсем не волновался. Почему не дрогнуло его сердце, он и сам объяснить не мог. Но что-то подсказывало ему: его сына здесь нет. И всё же он, подойдя к одной из гряд, взял из неё гость земли. Завернув её в сорванный лист лопуха, молча положил в сумку к Ксении Григорьевне.

Посещение Невской Дубровки не оставило у них особого впечатления, поэтому задерживаться не стали и вскоре все вновь были

в лодке. Ксения Григорьевна, не плакавшая до этого, дала волю своим слезам. Ей казалось, что что-то очень дорогое уплывало сейчас от неё.

Лодочник, умело маневрируя, вскоре привёл свою лодку к левому берегу. Пассажиры её, взобравшись на берег, долго провожали своими взглядами удалявшуюся от них посудину.

Ростислав Викторович захотел на прощание повторить путь, проделанный им ранее по следам своего сына. Он, сказав об этом Ксении Григорьевне, прошёл с полсотни метров вдоль реки и, словно замерший, остановился на самой крутизне её берегов. Было такое ощущение, будто у него было желание в этом пространстве взлететь и слиться навсегда. Потом он медленно, словно в поисках чего-то, побрёл по полю, останавливаясь, вдоль едва заметных траншейных ходов. Иван наблюдал за ним, и ему показалось, что он как-то странно схватился рукой за грудь и медленно стал опускаться на землю. Однако, через несколько минут, вновь поднялся и, дойдя до фашистского танка, прислонился к нему.

Иван, увидев это, направился к нему. За ним последовала и Ксения Григорьевна. Ростислав Викторович, держа руку на груди, хриплым голосом сказал:

– Больно мне очень... Нечем дышать... Сердце на части рвётся...

Вместе с Ксенией Григорьевной они медленно опустили его на траву. И пока жена давала ему лекарство, подъехала машина, на задние сидения которой мужчины аккуратно втиснули его тело. Пришлось Ксении Григорьевне ютиться рядом с ним на корточках, а Ивану вместе с Николаем Гавриловичем вдвоём ужаться на переднем сидении. По пути Ростислав Викторович терял сознание и вновь приходил в себя, пока не доехали до первой встретившейся им на пути больницы, где врачи констатировали у него обширный инфаркт.

Целый месяц пролежал он и, не долечившись, решил срочно уехать из Ленинграда в Златоуст. Как его не уговаривали остаться до полного выздоровления, он настоял на своём.

Маша решила, что поедет вместе с ними, боясь, что мама не сможет одна оказать в дороге необходимую помощь. Взяла она с собой и Ванюшу, обещав, вскоре вернуться.

Перед отходом поезда из Ленинграда, Ростислав Викторович сказал Ивану:

– Я уезжаю. Возможно, мы больше не увидимся. Что ж, такова судьба. Жаль, что я простился только с одним моим сыном, точно зная, что он так и остался лежать на том поле и в том месте, где его сильная энергетика повлияла на моё здоровье. Его останки найдут, но я этого уже не увижу. Пусть его душа блуждает в ленинградском небе. Мне же надо поскорее возвращаться домой, в Златоуст. Там моё постоянное место.

Плакали женщины, а Иван, переживая за Ростислава Викторовича, винил себя за случившуюся трагедию.

Шишков Сергей Иванович

ЭХО ЛЮБВИ

Роман

Издательство «Любавич».
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60.
Тел.: + 7 812 603 25 25.

Подписано в печать с оригинал-макета 12.08.2016.
Формат 130x200. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,28.
Тираж 50. Заказ № 62264.
Отпечатано в типографии «Любавич».
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».
Тел.: (812) 603 25 25.